Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје
РУСКИ ЦЕНТАР

РУСКИ ЈАЗИК, ЛИТЕРАТУРА И КУЛТУРА: МИНАТО, СЕГАШНОСТ, ИДНИНА 3

Зборник на трудови
од III меѓународна конференција
„Руски јазик, литература и култура:
минато, сегашност, иднина“

(26-28 септември 2021 г. во Скопје)

Скопје, 2021

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје
Руски центар

РУСКИ ЈАЗИК, ЛИТЕРАТУРА И КУЛТУРА: МИНАТО, СЕГАШНОСТ, ИДНИНА 3

Зборник на трудови од III меѓународна конференција
„Руски јазик, литература и култура: минато, сегашност, иднина“
(26-28 септември 2021 г. во Скопје)

Скопје, 2021

Издавач: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје

Уредник на издавачката дејност: проф. д-р Никола Јанкуловски, ректор на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје

Меѓународен уредувачки одбор:
Марија Ковшова, Руска Федерација
Биљана Марич, Република Србија
Биљана Мирчевска-Бошева, Република Северна Македонија
Емил Ниами, Република Северна Македонија
Наталия Желтова, Руска Федерација

Рецензенти:
Максим Каранфиловски
Ала Шешкен

Јазична редакција и лектура:
Андријана Павлова (за македонски јазик)
Наталија Милчовска (за руски јазик)
Елена Обухова (за руски јазик)
Емил Ниами (за англиски јазик)

Компјутерска подготовка и печат:
МАР-САЖ, Скопје

Тираж: 100 примероци

CIP - Каталогизација во публикација
Национална и универзитетска библиотека "Св. Климент Охридски", Скопје

811.161.1(062)
821.161.1(062)

МЕЃУНАРОДНА конференција "Руски јазик, литература и култура: минато, сегашност, иднина" (3 ; 2021 ; Скопје)
Руски јазик, литература и култура: минато, сегашност, иднина. 3 : зборник на трудови од III Меѓународна конференција "Руски јазик, литература и култура: минато, сегашност, иднина" (26 - 28 септември 2021 г. Скопје) / [уредник на издавачката дејност Никола Јанкуловски]. - Скопје : Универзитет "Св. Кирил и Методиј", 2021. - 326 стр. : илустр. ;
25 см

Библиографија кон трудовите. - Summary кон трудовите

ISBN 978-9989-43-471-6

а) Руски јазик -- Собири б) Руска книжевност -- Собири

COBISS.MK-ID 55938565

Поздравни обраќања

Никола Јанкуловски,
ректор на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје 7

Сергеј Баздникин,
амбасадор на Руската Федерација во Р. С.Македонија 9

Биљана Мирчевска-Бошева,
директор на Рускиот центар при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје 11

ЛИНГВИСТИКА

Валерий М. Мокиенко
Коронавирусистика как зеркало коронавирусной эпохи 14

Мария Ковшова
Словарь как способ обоснования теоретических положений современной лингвистики: На материале «Словаря собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» 23

Лилјана Макаријоска, Бисера Павлеска-Георгиевска
Руската фразеологија во светлината на споредбените истражувања 31

Драгана Марковић
Словообразование имен существительных в русском и сербском языках на материале повести Достоевского «Белые ночи» (Беле ноћи) 45

Биљана Мирчевска-Бошева, Катерина Велјановска
Зоонимни фраземи со компонента *куче/ӣес*
(врз материјал од македонскиот и од рускиот јазик) 53

Ольга Сергеевна Орлова
Дождь в загадках русской и англоязычной культур 61

Татьяна Стойкова
О некоторых тенденциях в лексике русского языка Латвии 1918 – 1940 гг. 71

Александар Талески
Емоционалното поведение на рускојазичниот говорител во виртуелната реалност (со посебен осврт на етикецијата) 81

ЛИТЕРАТУРА

Валерия Белова
Проблема национальной идентичности в цикле очерков А.И. Куприна «Югославия» 93

Луиза Кузьмина
Произведения Ф.М. Достоевского как прецедентные феномены современного коммуникативного пространства 99

Наталья Лапаева Ристеска
Альфред Бем о Достоевском: страница истории литературной критики русского зарубежья 105

Ирина Машенкова
Роман художника: экфрасис в романе И. М. Левина «Передел» 113

Ольга Мещерякова
Роль описания перцептивного восприятия мира в повести
Ф.М. Достоевского «Белые ночи» 119

Ирина Николаевна Новокрещенова
Творчество молодых писателей-эмигрантов в
харбинском журнале «Рубеж» 127

Полина Юрьевна Повалко
Творчество Ф.М. Достоевского в современной постмодернистской
литературе: метаморфозы и трансформации 133

Искра Тасевска Хаци-Бошкова
Дијалогот на идеологемите во романот „Браќа Карамазови“
од Ф.М. Достоевски 141

МЕТОДИКА НА НАСТАВАТА ПО РУСКИ ЈАЗИК

Юлия Атанасовска
Изучение русского языка через текст художественного произведения 151

Татьяна Ганенкова
Основные направления развития языковой политики
в странах бывшего СССР 159

Елена Владимировна Емельянова
Педагогический потенциал басен в процессе обучения
русскому языку как иностранному 169

Юлия Калинина, Елена Михеева
Инновационные возможности преподавания лингвострановедения
на занятиях по русскому языку как иностранному 175

Мила Матич
Русский язык и литература в филологических
гимназиях – обзор тридцатилетнего состояния 183

Лада Олеговна Овчинникова, Иоанна Мампе
Дидактический потенциал коммерческих текстов на занятиях по РКИ 191

Марина Поварницына
Проявление межъязыковой интерференции в ошибках
венгерских студентов: категория числа 197

Татьяна Николаевна Резникова, Иоанна Мампе
Имитационная фирма как интерактивная технология в обучении
русскому языку как иностранному студентов технического вуза 205

Николина Трајковски
Лингвистичко–комуникативен пристап на часовите
по руски јазик како странски 215

Светлана Юрманова
О некоторых подходах к организации работы по теме
«Глаголы движения» (начальный этап обучения РКИ) 221

ПРЕВОД

Ольга Михайловна Копырюлина
Компаративистский анализ отрывка из стихотворения
С.А. Есенина «Кобыльи корабли» в переводе Ф.Элленса с оригиналом 231

Биљана Марић
Передача чужого слова в современной
русской и сербской художественной речи
(на примере романа «Брисбен» Е. Водолазкина) 237

Наталья Владимировна Милчовска
Стратегии перевода речевого акта обещание с
русского языка на македонский 245

Екатерина Михайловна Недопекина, Елена Николаевна Ремчукова
Переводы русской классики: «Евгений Онегин» в Европе 251

Елена Обухова
Особенности перевода «Денискиных рассказов»
Виктора Драгунского на македонский язык 259

Олга Панкина
Преправки и преиначувања на песни урнеци од светската поетска
ризница (песната «Выхожу один я на дорогу» од
Михаил Лермонтов во препев на Гане Тодоровски) 267

КУЛТУРА

Ольга Губанова
Российское культурное наследие в пространстве города: текст и образ 279

Соња Здравкова-Џепароска
Балетското наследство – заштита, пренос и начин на користење 289

Викторија Коларовска-Гмирја
Литературните извори во творештвото на Сергеј Прокофјев 297

Ольга Колышева
Вторая мировая война в зеркале культурной памяти молодых
россиян: ассоциативный эксперимент 305

Евгения Павлова
Изменение традиционных семейных ценностей в русской и македонской
семье (на основе анализа лексикографического и обзорного материала) 313

Никола Јанкуловски,
ректор на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје

Почитуван Сергеј Александрович Баздникин, амбасадор на Русија во Република С. Македонија,

Почитувана Биљана Мирчевска-Бошева, директор на Рускиот центар при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“,

Почитувани колеги,

Ми претставува особено задоволство да ви се обратам по повод отворањето на III меѓународна научна конференција „Рускиот јазик, литература и култура: минато, сегашност и иднина“ во организација на Рускиот центар при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје, која годинава се одржува во рамките на манифестацијата „Денови на рускиот јазик и култура“.

Македонско-руските контакти во областа на науката и културата, како и во областа на јазикот и на литературата имаат своја долга историја. Универзитетите секогаш имале особено значајна улога во нивното одржување, негување и развој. Оваа научна конференција е уште една потврда за континуитетот во интересот и истражувањата на научните работници за оваа сфера. Исто така, оваа меѓународна конференција е совршена платформа за дијалог и размена на знаења и искуства за актуелни теми од областа на русистиката и за промовирање нови идеи не само за научниците од Русија и од Р С. Македонија, туку и од други земји. Овој пат во конференцијата ќе земат учество околу 60 учесници од 10 земји. Ќе бидат презентирани трудови и реферати што се однесуваат на рускиот јазик, руската литература, руската култура, како и теми посветени на преводот и на методиката на предавање руски јазик. Со посебна секција посветена на творештвото на големиот руски писател Фјодор Достоевски, Рускиот центар при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје се вклучува кон одбележувањето на 200 години од раѓањето на Достоевски, познат истражувач на човековата душа и еден од најважните психолози во историјата на светската литература.

Оваа меѓународна конференција претставува одличен пример за успешна и плодотворна соработка меѓу научната јавност во Русија и во Република С. Македонија. Тоа го докажува и промоцијата на зборниците на научни трудови од I и од II меѓународна научна конференција „Рускиот јазик, литература и култура: минато, сегашност, иднина“, со која започнува конференцијата.

Почитувани колеги,

Во мое име и во име на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје, ви посакувам успешна и плодотворна работа на конференцијата.

Ви благодарам.

Сергеј Баздникин, амбасадор на Руската Федерација во Р. С.Македонија

Уважаемый проф. Никола Янкуловский, *ректор УКиМ*,

Уважаемая проф. Биляна Мирчевская-Бошева, *директор Русского центра при УКиМ*,

Уважаемые дамы и господа, дорогие друзья,

Сердечно приветствую участников III Международной научной конференции «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее и будущее», организованной Русским центром при Университете им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье в рамках Дней русского языка и культуры. Последний раз Русский центр проводил подобную конференцию два года назад – отрадно, что эта практика возобновилась вопреки всем сложностям, связанным с продолжающейся пандемией коронавируса. Сегодня открывается научная часть мероприятия – после успешно проведенных на прошлой неделе концерта русской классической музыки, демонстрации российского художественного фильма «Красный призрак» и викторины «Как хорошо вы знаете Россию?».

Многогранность Дней русского языка и культуры отражена и в названии сегодняшней конференции – приятно видеть разнообразие тем докладов, с которыми в ближайшие два дня выступят участники конференции, представляющие университеты и научные центры десяти стран.

Одно из выступлений, которое мы сегодня послушаем на пленарной сессии, касается лингвистических аспектов произведений Ф.М.Достоевского. Завтра творчеству великого русского писателя посвящена отдельная секция, программа которой весьма насыщена. В нынешнем – юбилейном – году, когда мы отмечаем 200-летие со дня рождения Ф.М.Достоевского, это имеет особое значение. Высоко ценим внимание, которое наши македонские друзья уделяют богатому наследию Достоевского. Дань памяти, разумеется, и названная его именем улица в Скопье.

Символично, что на нынешний год приходится еще один важный юбилей – спустя месяц с небольшим – 19 декабря – будет отмечаться 100-летие рождения выдающейся личности в македонской лингвистике и литературе – академика Б.Конеского, роль которого в становлении и кодификации македонского литературного языка трудно переоценить.

Русский центр, пятилетие работы которого было отмечено в январе этого года – важнейшее звено в развитие культурно-гуманитарных связей между Россией и Северной Македонией. Искренне благодарю его директора – профессора Б.Мирчевскую-Бошеву, ее предшественника проф. др. В.Стойковского, секретаря – доктора Э.Ниами и всех сотрудников за демонстрируемый ими высокий профессионализм и большой вклад в популяризацию русского языка и российской культуры. Выра-

жаю глубокую признательность и ректору УКиМ профессору Н.Янкуловскому за неизменную поддержку деятельности Центра.

Всегда можете рассчитывать на поддержку Посольства в реализации инициатив, направленных на продвижение русского языка и культуры, а также на всестороннее укрепление связей между нашими странами и народами.

Особое внимание, разумеется, уделяем восстановлению позиций русского языка и расширению возможностей для его изучения всеми желающими. Рады, что в новом – 2021/2022 – учебном году пять студентов-первокурсников филологического факультета УКиМ, поступивших с наиболее высокими конкурсными баллами по итогам госэкзаменов в школах и выбравших русский язык, станут участниками программы поддержки, запущенной по инициативе Посольства при содействии компании «Лукойл Македония».

Убежден – взаимодействие между нашими государствами, в том числе в гуманитарной сфере, полностью отвечает коренным интересам двух братских славянских народов. Нас связывают узы дружбы, глубокая духовная и культурная близость. Со своей стороны нацелены на дальнейшее всестороннее развитие отношений в различных областях – в тех, в которых это востребовано нашими странами, и в той мере, в которой к этому готовы наши македонские партнеры. Разумеется, на основе равноправия и взаимного уважения, учета интересов друг друга.

Уверен и в том, что III конференция «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее и будущее» пройдет в конструктивном ключе и будет содействовать укреплению научного сотрудничества.

Желаю ее организаторам и участникам успешной и плодотворной работы.

Благодарю за внимание.

Биљана Мирчевска-Бошева, директор на Рускиот центар при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје

Почитуван проф. д-р Никола Јанкуловски, ректор на универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје,

Почитуван Сергеј Александрович Баздникин, амбасадор на Русија во Република С. Македонија,

Почитувани колеги,

Огромно е задоволството да ве поздравиме на отворањето на Меѓународната конференција „Рускиот јазик, литература и култура: минато, сегашност и иднина“, која по трет пат се одржува во Рускиот центар при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје, со што веќе станува традиционална.

Првата конференција е одржана во 2017 г., во годината на значајниот јубилеј – седум децении континуирана настава по руски јазик и литература на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“, имајќи предвид дека од учебната 1946/47 година на новооснованиот Филозофски факултет во Скопје започнува да работи лекторат по руски јазик, од кој подоцна се формира Катедрата за руски јазик и литература.

Но, проучувањето на словенската филологија во Македонија влече корени од 1920/21 година кога на Филозофскиот факултет во Скопје, основан од Владата и Министерството за просвета на Кралството СХС, Степан Михајлович Куљбакин ги одржал првите предавања од оваа област за студентите на историско-филолошкиот отсек.

Според тоа, оваа конференција се одржува во годината кога се заокружуваат 100 години од првите академски часови по руски јазик на ова тло.

Истовремено, оваа трета конференција се случува во годината кога Рускиот центар го одбележува својот скромен, прв јубилеј – 5 години постоење и успешна работа во доближувањето на рускиот јазик, литература и култура до македонските граѓани.

Она што посебно нè радува е фактот дека секоја нова конференција привлекува сè повеќе учесници од различни земји, што дава извонредна можност за проширување на кругот на соработка со други универзитети и колеги, како од земјата така и од странство, со кои досега не сме имале можност да соработуваме. Така, денес и утре, близу 60-ина научници од 10 земји ќе зборуваат за минатото, сегашноста и иднината на рускиот јазик, литература и култура.

И како што пандемијата со ковид-19 не нè спречи нас да ја организираме оваа конференција, така не спречи ниту дел од нашите учесници да допатуваат од Русија и во живо да присуствуваат на овој настан, за што сме им посебно благодарни. Би ги поздравила во оваа пригода нашите учесници што се со нас преку платформата Зум, а кои не можеа да допатуваат или кои поради други ограничувања беа спречени лично

да присуствуваат: поздрав до колегите од Русија, Словачка, Полска, Србија, Летонија, Казахстан, Киргистан, Босна и Херцеговина, Унгарија и Македонија.

На сите ви посакувам успешна работа и плодни дискусии.

ЛИНГВИСТИКА

Валерий М. Мокиенко
Филологический факультет Санкт-Петербургского
государственного университета
Санкт-Петербург, Россия

КОРОНАВИРУСИСТИКА КАК ЗЕРКАЛО КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ[1]

Аннотация: Коронавирусная пандемия многое изменила в жизни мирового сообщества и нашла отражение во многих языках. Русский язык оперативно отреагировал на эту катастрофу, отразив и охарактеризовав её практически на всех уровнях. Фундаментальная коллективная монография и словарь, инициированные Институтом лингвистических исследований РАН, дают богатый и надежный материал для многоаспектного анализа следов пандемии в современном языке. Особо заметный отпечаток она оставила в лексике и словообразовании русского языка. Количественно менее представленными оказываются фразеология и паремиология, но их эмоционально-экспрессивный потенциал стал неотъемлемой частью языкового «портрета» коронавирусной эпохи. Будучи соавтором названных коллективной монографии и словаря, докладчик предлагает анализ означенной актуальной проблемы.

Ключевые слова: русистика в коронавирусную эпоху, словарь коронавирусной эпохи, лексика, фразеология, паремиология коронавирусной эпохи.

Коронавирусная пандемия многое изменила в жизни мирового сообщества и нашла отражение во многих языках. И, конечно же, русский язык не остался от этого процесса в стороне. Слова и словосочетания *локдаун, дистанционное обучение, удалёнка* и мн. др. мгновенно стали самыми частотными. Русисты активно подключились к исследованию этого коронавирусного «наследия» и за небольшой срок накопили основательную базу данных по этой проблеме. Российская неография здесь, пожалуй, оказалась в авангарде диагностики языковых отражений последствий коронавирусного Апокалипсиса.

Фундаментальная коллективная монография и словарь, инициированные Институтом лингвистических исследований РАН (Русский язык коронавирусной эпохи 2021; Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021) дают богатый и надежный материал для многоаспектного анализа следов пандемии в современном языке. Только что вышел и новейший выпуск «*Новое в русской лексике. Словарные материалы-2020»,* где

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии».

коронавирусная тематика занимает львиную долю словника. Собранные в этих словарных кладовых материалы – надёжная основа для системного и детального анализа русского языка коронавирусной эпохи. Как один из нескольких соавторов академической монографии и словаря, попытаюсь ниже дать общую оценку некоторых лингвистических аспектов таких материалов в их отношении к экстралингвистической действительности.

Даже беглый просмотр этих фундаментальных обследований русской коронавирусной неографии позволяет определить доминанты пандемической неологии, так сказать, ее mainstream'ы. Они стали основными «мечеными атомами» процесса пандемизации (или коронавирусации) всех стран, включая и Россию.

Особо заметный отпечаток чума XXI века оставила в лексике и словообразовании русского языка, представляя самые разные тематические циклы, инициированные коронавирусным фактором. Они получили исчерпывающую характеристику в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи». Собственно, это и есть истинная языковая картина эпохи пандемии.

Вот лишь несколько таких циклов, представленных в этом словаре.

1. О периоде коронавирусной инфекции COVID-19:

ковидло-эпоха, ковид-эпопея, ковид-эпоха, ковид-эра, коронавирус-эпоха, коронавирье, корона-время, корона-эпоха, COVID-эпоха, COVID-эра.

2. О коронавирусной инфекции, о пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 как о глобальной катастрофе:

ковидапокалипсис, ковид-апокалипсис, ковидоапокалипсис, корона-апокалипсис, коронаапокалипсис, коронавирус-апокалипсис, корона-калипсис, COVID-апокалипсис, коронаармагеддон, коронавирусный армагеддон, коронагеддон, ковидоколлапс, ковид-коллапс, COVID-коллапс.

3. О коронавирусной инфекции, о пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 как о кризисе, хаосе, стихийном бедствии:

вирусокризис, ковид-кризис, ковидло-кризис, ковидокризис, корона-кризис, короновирус-кризис, короно-кризис, COVID-кризис, ковид-бардак, ковид-хаос, ковидло-хаос, коронахаос, коронавирус-хаос, COVID-хаос; коронавасия; ковидло-безумие, ковидомор, коронамор, ковид-шторм, коронашторм, корона-бедствие, коронаураган, коронатрясение, коро-начума, ковид-угроза, корона-угроза, ковид-кошмар, коронакошмар, ковид-ужас, корона-ужас, ковидошок, коронашок, корона-напасть, корона-война, корона-джихад, корона-удар, COVID-удар…

4. О покупательском ажиотаже на продукты первой необходимости в первые недели после объявления пандемии коронавирусной инфекции COVID:

барановирус, гречковирус, гречкодемия, гречкомания, гречкохайп, феномен туалетной бумаги, хамстерство…

5. Об экономике в период коронавирусной инфекции:

карантиномика, ковидономика, коронавирус-экономика, корона-экономика, корона-экономика, корономика.

Каждое из таких слов в словаре фиксируется в новейшем актуальном контексте, создавая соответствующую семантическую ауру, окрашенную, естественно, в самые апокалиптические тона. При этом довольно часто мы имеем дело с апелляцией к давно известным, трагическим событиям, некогда постигшим человечество. Таково, например, зловеще звучащее слово *Армагеддон.* Оно – евангельского происхождения, из «Откровения Иоанна Богослова» («Апокалипсиса»), где описывается конец света и демоны в образе лягушек, созванные дьявольским «Королём Земли», которые готовятся к борьбе с Богом на месте, по-древнееврейски называемом *Армагеддон* (Откр., 16: 16). *Армагеддон* – вершина Магеддо, назв. поля близ Ададримона, где был смертельно ранен Иосия, царь Иудейский (2 Пар. 35, 22-25). Этот символ конца света недавно внезапно актуализировался благодаря одноименному американскому фантастическому фильму 1998 г. режиссера Майкла Бэя. Но еще более мощная актуализация его ждала спустя 22 года – в результате пандемии, приравненной к концу света.

И русский язык тут же эхом повторил этот апокалиптический символ в нескольких вариантах наименования:

АРМАГЕДДО́Н, а, *м.* **Коронави́русный армагеддо́н**. О пандемии коронавирусной инфекции как о глобальной катастрофе.

КОРОНААРМАГЕДДО́Н, а, *м*. О пандемии коронавирусной инфекции как о глобальной катастрофе.

КОРОНАГЕДДО́Н, а, *м*. О пандемии коронавирусной инфекции как о глобальной катастрофе. — Англ. **Coronageddon**, **coronageddon**; контаминация.

В словарной кладовой коронавирусной эпохи нашлось, конечно, и место самому языку этой эпохи. Его «ковидно окрашенные» номинации также в какой-то степени стали зеркалом коронавирусной эпохи. Вот некоторые из них:

ко́ви́д-неологи́зм, короналéксика, короналексикон, коронаяз, ковидосла́вие, коронаре́чь, коронаслова́рик, коронасло́во, коронеологи́зм, коронасле́нг.

Соответствующее название с ковидной «горчинкой» получила и наша русистика, занимающаяся языковыми отражениями коронавируса:

КОРОНАВИРУСИ́СТИКА, и, *ж. Шутл.* Лингвистическая коронавирусистика. – Контаминация**: коронави́рус** (*см.*) + лингви́**стика**; **коронави́рус** (*см.*) + руси́**стика**

Некоторые слова, образованные на почве пандемии, порождены креативной энергией языка и поражают своей мощной экспрессивной заряженностью. Так, от просторечного полусинонима *маски – намордник* создаётся несколько иронических её обозначений и словообразовательных вариантов:

намо́рдник, а, *м. Разг.-сниж. неодобр.* О медицинской маске.

намо́рднический, ая, ое. *Разг. неодобр.* Масочный, относящийся к использованию медицинских масок как средствам индивидуальной защиты от коронавирусной инфекции.

намо́рдочник, а, *м*. Обычно *мн*. В речи ковид-диссидентов – о масочнике, о стороннике обязательного ношения медицинских масок в период пандемии коронавирусной инфекции:

намо́рдочный, ая, ое. Намо́рдочный режи́м. *Разг.-сниж.* То же, что ***масочный режим.***

Ср. и целый каскад таких неологизмов, которые ярко характеризуют коронавирусные явления:

уха́нька, уха́нькать, уха́нькаться, уха́нькнуть. уха́ньствовать

сидидо́мец, пу́галовирус, пандемиона́т, обеззу́меть, зу́мерничать, харонови́рус

ПУТИ́КУЛЫ, пути́кул, *мн.* Об оплачиваемых выходных днях, официально предоставленных работающим гражданам по распоряжению президента РФ В.В. Путина для соблюдения режима строгой самоизоляции в марте–апреле 2020 г. в начале пандемии коронавирусной инфекции. — Контаминация: **пу́ти**нский + кани́**кулы** (здесь: нерабочие дни).

Любопытны случаи создания подобных неологизмов на основе собственно русских реалий или мифологем – типа *Змей Горыныч* или *русалка: короныч (+Короныч, Змей Короныч), корыныч (Змей Корыныч); зум-руса́лка…*

Обращает на себя внимание и мощная продуктивность некоторых словообразовательных моделей – напр.:

локда́ун-банке́т, локда́ун-бу́м, локда́ун-ве́рсия, локда́ун-вы́нужденный, локда́ун-дра́ма, локда́ун-ка́рта, локда́ун-ла́йт, локда́ун-нокда́ун, локда́ун-сцена́рий.

Не избежал вовлечения в короналексическую парадигму и русский жаргон. Некоторые жаргонизмы становятся при этом генераторами новых ковидизмов:

фуфловакци́на, фуфлови́р, фуфлови́рус, фуфлови́русный, фуфлоде́мик, фуфлодеми́я, фуфло́-карантин, фуфлокови́д, фуфлопандеми́я, фуфлопиде́мия, фуфлоэпиде́мия…(от жарг. фуфло́ ‘о чем-л. негодном, плохом’).

коронокирды́к, лохопандеми́я.

Как видим, в стилистическом окрасе лексики, связанной с пандемией, заметна не только и даже не столько номинативная направленность, но – прежде всего **экспрессивная, эмотивная, оценочная**. Именно аксиологические доминанты воплощены в тех языковых единицах, которые как будто специально созданы для оценки, а не нейтральной номинации коронавирусных денотатов. Такие языковые единицы и привлекли оперативное внимание составителей и новейшего академического «Словаря лексики коронавирусной эпохи» и исследователей русской неологики.

Поскольку, по выражению А.С. Пушкина, «язык неистощим в соединеньях слов», то в коронавирусном лексиконе немало словосочетаний различного порядка. Особо много таких, которые, в

добавление к номинативной лексике, обозначают профессионально или полутерминологически, почти нейтрально ту или иную сторону коронавирусной реальности. На оси «нейтральность» – «экспрессивность» можно выделить следующие группы словосочетаний:

1) Профессиональные или полутерминологические характеристики коронавирусной реальности:

Нулево́й пацие́нт. *Проф.* Первый заразившийся в популяции, первый больной, с которого начинается распространение инфекции.

ПЛАТО́: ***Вы́йти на плато́, дости́гнуть плато́.*** Достичь стабильных показателей по статистике заболевших коронавирусной инфекцией. ***Вы́ход на плато́.*** Наличие стабильных показателей по статистике заболевших коронавирусной инфекцией в течение некоторого времени.

С компонентом **режим**: *безма́сочный режи́м, каранти́нно-ма́сочный режи́м, ма́сочно-перча́точный режи́м, ма́сочный режи́м, перча́точно-ма́сочный режи́м, перча́точный режи́м, режи́м самоизоля́ции, режи́м судоизоля́ции, самоизоляцио́нный режи́м.*

С компонентом ***синдром:*** *ковидный синдро́м, ма́сочно-перча́точный синдро́м, ма́сочный синдро́м, постковидный синдро́м, синдро́м постковидного ле́та, ма́сочный синдро́м, синдро́м сухо́го гла́за, посткоронави́русный синдро́м.*

С компонентами ***волна, зона***: *втора́я волна́, тре́тья волна́, зелёная зона, гря́зная зо́на, жёлтая зо́на, зелёная зо́на, кра́сная зо́на, ора́нжевая зо́на, се́рая зо́на, чи́стая зо́на.*

2) Коннотативно окрашенные сочетания. Ср. сочетания со словом ***каранти́н***, где наряду с терминологическими оборотами *адапти́вный каранти́н, всеми́рный каранти́н, гибри́дный каранти́н* зафиксировано и шутливое выражение ***пижа́мный каранти́н***.

Экспрессивны и обороты с компонентом ***чума***:

чума́ XXI ве́ка, кита́йская чума́, уха́ньская чума́.

Стилистически маркированы и такие сочетания, как *ковидный маскара́д; ви́русный нигили́ст, фено́ме́н туале́тной бума́ги* и под. Ср. также: *ма́сочное мракобе́сие, ма́сочные бата́лии (би́твы, во́йны)* и др.

3) Словосочетания, близкие к фразеологическим: *тележка апокалипсиса или набо́р паникёра:*

Фразеологические неологизмы и по известным структурно-семантическим моделям: *подхвати́ть коро́ну, подцепи́ть коро́ну, пойма́ть коро́ну, слови́ть коро́ну* ‘заболеть коронавирусной инфекцией’:

В орбиту ковидного фразеотворчества попадают и слова, образованные от традиционных русских идиом. Так, на основе фразеологизма *шапками закидать кого* давно уже путём контаминации образовано ироническое сложное слово *шапкозакидательство* ‘излишне самоуверенный, легкомысленный подход к решению трудного дела’. Оно органично превратилось в *маскозакида́тельство*, ставшее меткой характеристикой так называемых «ковиддиссидентов»:

«Ведь так называемые «ковидные диссиденты» занимаются *маскозакидательством:* всё хорошо, дескать, ай-да гулять – друг друга заражать, нет ничего страшного в этом ковиде, даже если он есть, быстрее переболеем все и конец коронавирусу» Балаковский репортер (balreport.ru 04.06.2020).

Количественно фразеология и паремиология в академическом «*Словаре коронавирусной эпохи*» оказываются гораздо менее представленными, чем лексика, но при этом их эмоционально-экспрессивный потенциал стал неотъемлемой частью языкового «портрета» коронавирусной эпохи. И потому они органично включены в словник словаря.

Будучи соавторами коллективной монографии и словаря, Х. Вальтер и автор этих строк предложили детализированный анализ одного из видов ковидной «смеховой культуры» – коронавирусных антипословиц, так называемых «карантинок» (Вальтер, Мокиенко 2021).

Собственно, это целая шеренга антипословиц, ядром которых стала тема коронавируса: *ковид, вирус, пандемия, маска, самоизоляция, вакцина, санитайзер…* Любой пользователь Интернета может получить коллекцию грубоватого юмора, оздоровляющего смехом грозную болезнь, поразившую в этом году человечество. Вот несколько примеров таких (сразу заметим: далеко не всегда смешных и удачных) антипословиц, антипоговорок и антифраз:

Вирус не воробей, вылетит – не поймаешь.
Незваный гость – хуже инфицированного.
Вирус в бороду – пневмония в ребро.
Обещанной вакцины три года ждут.
А ВОЗ и ныне там…
Любишь кататься – люби и масочки носить.
Мал санитайзер, да дорог.
Сдай, сверчок, свой мазок!
Бойся китайцев, дары приносящих!...

Сразу легко заметить, что все они укладываются в понятие антипословиц, исследованных и описанных нами лексикографически (Вальтер, Мокиенко 2005). И ряд «коронавирусных» пословиц и поговорок строится именно на подобных «обкатанных» традиционным употреблением паремиях.

В отличие от лексики, русские «ковидные» антипословицы гораздо интенсивнее отражают собственно национальную специфику, ибо их основа – собственный паремиологический фонд, отмеченный особыми лингвокультурологическими характеристиками. При этом их аксиологический портрет в целом универсален, ибо диктуется общечеловеческим негативным отношением к коронавирусной пандемии как таковой.

Как же выглядит русская языковая картина мира в зеркале ковидных антипословиц? Какие концепты на этой картине доминируют? Какие

когнитивные смыслы такая картина воплощает? Какие аксиологические потенции в себе аккумулирует?

Такая картина уже была представлена Х. Вальтером и автором этих строк в специальной статье (Вальтер, Мокиенко 2021). Её общие тематические контуры во многом универсальны. Они характеризуют происхождение вируса, пути распространения инфекции, меры предосторожности при карантине и т.д. Большинство таких паремий относятся к частотному фонду русской паремиологии (resp. к паремиологическому минимуму), что легко констатировать регистрацией их «нормативной» формы в специальных словарях пословиц и поговорок, отобранных по принципу употребительности. В своём словаре (Вальтер, Мокиенко 2021а) мы для каждой паремиологической «карантинки» предлагаем историко-этимологический комментарий, точно определяющий исходный прототип, ставший стимулом антипословичного обыгрывания. Таков, например, наш комментарий к национально маркированной «карантинке» *Сдай, сверчок, свой мазок*!:

> ✍ ➢ ***Всяк сверчок знай свой шесток.*** Знай своё место, не высовывайся, не превышай свои полномочия. Говорится тому (или о том), кто ведёт себя несоответственно своему положению, вмешивается не в своё дело.
>
> 🕮 *Шесток* — площадка перед устьем русской печи, где, по бытовым крестьянским представлениям, любят жить домашние сверчки. Ср. русскую загадку о сверчке: *На печи кочет поёт, спать Акуле не даёт.* По мифологическим представлениям сверчок олицетворял собой духа дома, домового.
>
> ◇ *Всяк (каждый) сверчок знай свой шесток, а баба — своё веретено; Знает сверчок свой шосток; Каждый сверчок должен знать свой шесток; Каждый сверчок знает свой шесток; Каждый сверчок знай свой шесток. Ср.: Живёт сверчок и скрипит в кулачок.*

Такие «ковидные» паремии, как легко увидеть, образованы по той же трансформационной модели, что и русские антипословицы вообще. Это доказывает, что «ковидные» антипословицы подпитываются такой же креативной языковой энергией, что и паремии этого жанра вообще.

Фронтальный анализ языковых «отложений» экстралингвистической реальности, связанной с пандемией, показывает, что языковая система характеризует её чутко, адекватно и многоаспектно. Тем самым, как всегда, язык становится объективным зеркалом апокалиптического явления, поразившего в 2020 году весь мир. Задача лингвистов – точно и детально воспроизвести языковую картину мира коронавирусной эпохи. Причём зафиксировать её раньше, чем эта эпидемия покинет человечество и останется лишь в языковых анналах народов мира.

Использованная литература

Вальтер, Х., Мокиенко, В.М. 2021. „Коронавирус и его оценка в зеркале современной паремиологии“, *Русский язык коронавирусной эпохи.* С. 550-563.

Русский язык коронавирусной эпохи. 2021. Коллективная монография. Т.Н. Буцева, Х. Вальтер, И.Т. Вепрева и др., М.Н. Приёмышева – отв. ред. / Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН. 610 с.

Источники

Антипословицы русского народа. 2005. Сост. Вальтер Х., Мокиенко В. М. СПб.: Издательский Дом «Нева». 578 с.

Новое в русской лексике. Словарные материалы-2020. 2021. Сост. Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская и др. / Ред. коллегия: А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая / Институт лингвистических исследований РАН / Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН. 486 с.

Словарь русских ковидных антипословиц-карантинок. 2021. Сост. Вальтер Х., Мокиенко В. М. // *Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021.* – С. 432-487.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021: Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников и др. М.Н. Приемышева – отв. ред., Ю.С. Ридецкая / Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021.– 550 с.

Valerij M. MOKIENKO

CORONAVIRUS AS A MIRROR OF THE CORONAVIRUS ERA

Summary: The coronavirus pandemic has changed a lot in the life of the world community and is reflected in many languages. The Russian language promptly responded to this disaster, reflecting and describing it at almost all levels. The fundamental collective monograph and dictionary, initiated by the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, provide rich and reliable material for a multifaceted analysis of the traces of a pandemic in modern language. It left a particularly noticeable imprint in the vocabulary and word formation of the Russian language. Phraseology and paremiology are quantitatively less represented, but their emotional and expressive potential has become an integral part of the linguistic “portrait” of the coronavirus era. As a co-author of the named collective monograph and dictionary, the author offers an analysis of the indicated topical problem.

Мария КОВШОВА
Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Российская Федерация

СЛОВАРЬ КАК СПОСОБ ОБОСНОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация: В статье на материале “Словаря собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах” (Ковшова 2019) обосновывается значимость лексикографического исследования как способа и принципа обоснования теоретических положений современной лингвистики. Описание русских паремий с компонентом-антропонимом в словаре выявляет знаковые особенности антропонимов, их формальные и содержательные признаки, их функции в составе загадок, пословиц и фразеологизмов. Особенное внимание уделяется определяющей роли прецедентных имен в паремиях и идиомах.

Ключевые слова: словарь, антропоним, загадки, пословицы, идиомы.

Введение. Идея создать словарь собственных имен в паремиях и идиомах возникла в связи с задачей систематизировать материал, который охватывает как малые паремические жанры – загадки, так и языковые единицы – фразеологизмы-идиомы, а также пословицы и поговорки – единицы текстовой протяженности, которые находятся между жанрами фольклора и верхним ярусом языка. В ходе работы, которая велась параллельно с научным исследованием антропонимов в паремиях и идиомах (Ковшова 2019а), словарь стал ориентиром для обоснования важнейших научных положений. “Значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всем его богатстве закрепляется прежде всего в словаре” (Апресян 2013: 471), поэтому наука о языке развивается с опорой на словари, на лексикографию. Словари разрабатываются в диалоге с научными парадигмами и выявляют органичность теоретических положений относительно языковых данных или обнаруживают сопротивление материала.

Создание “Словаря собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах” (Ковшова 2019) продолжает традицию изучения и лексикографии на русском материале собственных имен (Григорьев 2005; Суперанская 2017; Чернышева 2017). Антропонимы (от греч. ἄνθρωπος ‘человек’) составляют подкласс имен собственных, предназначенных для называния и идентификации конкретного человека. Собственные имена – несемантичные знаки языка, они “обозначают индивидуальные вещи, предметы без отношения к их признакам, в самой их индивидуальности” (Фортунатов 1956: 135-136). В лингвистике собственное имя понимается как “полный символ, знак, не выражающий никакого концепта” (Арутюнова 1998: 300); “основное значение имен собственных в том, что это имена” (Суперанская 1973: 255), при этом

“граница между именами собственными и нарицательными непостоянна и подвижна” (Русская грамматика 1980, т. I: 460). Антропонимы хранят в себе информацию о “культурном мире этноса” (Пеньковский 2004: 382). В.Н. Топоров отмечал: “В русской ономастической традиции есть два-три десятка имен, претендующих на особый статус. Эта выделенность таких имен мотивируется тем, что помимо осуществления своего прямого назначения – названия-именования, об этих именах или даже о людях, носящих имена этого ядерного списка, известно кое-что еще, что и определяет эмоциональный ореол каждого из этих имен и отношение к ним” (Топоров 2010: 44). Исследованию загадок, пословиц и поговорок посвящены труды фольклористов и лингвистов (Аникин 1966; Николаева 1994; и др.); основы лингвокультурологической теории фразеологии разработаны (Телия 1996); издан словарь прецедентных имен (Гудков 2019). Онимы в паремиях и идиомах исследуются в работах (Дядечко 2018; Левин 1984; Мещерякова 2018; др.), изучена апеллятивизация онимов (Мокиенко 2018). Знаменательным стал выход по итогам конференции в Скопье в 2017 г. сборника “Имињата и фразеологијата” (2018). Исследования, посвященные языковой и культурной семантике онимов, широко проводятся на славянском материале (Запольская 2007; Топоров 1994; Велјановска, Мирчевска-Бошева 2021; и др.).

Представляется, что Словарь позволяет проверить теоретические положения: об имени собственном как асемантичном знаке языка; о культурно-языковом назначении онимов; о жанровой и знаковой специфике загадок, пословиц и идиом; о тенденции онимов к апеллятивизации; о роли антропонимов и прецедентных имен в символизации и стереотипизации действительности; о культурно-языковой референции паремий и идиом.

Теория и словарь во взаимодействии. Как показал собранный материал, антропонимы активно употребляются в таких феноменах, как загадки, пословицы (поговорки) и фразеологизмы-идиомы; все примеры здесь и далее приводятся по Словарю (Ковшова 2019). Загадки – короткие игровые тексты, в которых описание загаданного предмета создается посредством описания другого предмета на основании существующего отдаленного сходства между ними; напр. *Нет такого мудреца, как Ивана хитреца: Сел на конь и поехал в огонь (горшок)*. Пословицы – целостные синтаксически и логически законченные сентенции, суждения, имеющие нравоучительный и назидательный смысл; напр. *Не надейся на Ивана, а бери из своего кармана.* Поговорки – иносказания, поучающие, но без приговора; напр. *Сунуло Иванушку к семи чертям.* Идиомы – несвободные образные устойчивые словосочетания, раздельные по форме и слитные по значению; идиомам свойственны эмоциональная оценочность и экспрессивность; напр. *Иван, не помнящий родства* – ‘1. бродяга, скиталец, потерявший связь с родными; 2. неблагодарный, не уважающий традиции, без чувства долга’. Антропонимы в загадках, по-

словицах и идиомах утрачивают свои языковые функции — называть и идентифицировать индивида, но принимают на себя культурно-языковое назначение типизировать предметы в классы предметов в загадках; в пословицах и идиомах – обобщать черты, характеры, поведенческие свойства лиц в социальные типы. Считается, что собственные имена представляют собой строительный материал в ритмически организованных малых формах фольклора и фразеологизмах. Однако Словарь показывает, что онимы в загадках, пословицах, идиомах используются в трех назначениях: 1) для обеспечения рифмы, ритма, размера; ср.: загадка *Зимой Фомой, а летом Филаретом (берёза; заяц)*; пословица *Зовут меня Фомой, а живу я собой и хлеб ем свой;* идиома *вроде Володи* – ‘о незначительном человеке, ничем себя не проявившем; о чем-л. неопределенном’; 2) обобщают, типизируют класс предметов, явлений (в загадках), социальные, поведенческие типы, характеры, явления (в пословицах и идиомах); ср.: загадка *Сидит Ерошка (Мирошка, Антошка) на ложке свесив ножки (лапша)*; пословица *Иван на дуде играет, а Марья с голоду помирает;* идиома *тётя Мотя* – ‘ограниченная самоуверенная женщина средних лет, нахальная, наглая’; 3) будучи “говорящими” или прецедентными, онимы семантизируют описание (реже в загадках, чаще в пословицах и идиомах); ср.: загадки *У нас в избе Фетиньино имя (светильня; Фотинья от др.-гр. Φώτιος< φῶς – ‘свет’)*; *Помер Адам – ни богу, ни нам, ни душа на небо, ни кости в землю (разбитый глиняный горшок);* пословицы *Не гордись, Гордей, ты не лучше людей. И ты Адам, и я Адам, все мы адамы;* идиомы *пойти к Сопикову и Храповицкому* – ‘лечь спать’; *Фома неверный <неверующий>* - ‘человек, которого трудно убедить в чем-либо очевидном, который требует доказательств’; *с Адама <и Евы> начинать* – ‘издалека’.

Словарь показывает, как жанровые и знаковые особенности загадок, пословиц и идиом обусловливают употребление и функции в их составе компонента-антропонима. Так, загадка обращена на мир вещей и природы, поэтому в загадках оним кодирует обобщенный денотат как представитель класса предметов, животных и природных явлений; ср.: *Бежит Машка в семидесяти рубашках (курица).* Пословицы и идиомы обращены на мир идей и мир людей, и антропоним в их составе обобщает и типизирует внешние и внутренние свойства лиц, поведенческие характеры, социальные типы, события и явления; ср.: пословица *Не у всякого жена Марья, кому бог даст;* идиома *как умная Маша поступать* - ‘рассудительно, но без должного результата, часто себе во вред’. Согласно знаковым особенностям, в пословицах и идиомах референция собственных имен, как правило, имеет родовой статус в пределах одного класса: человек – человек; ср. пословицы (поговорки) *Хороша Маша, да не наша. Бабушка Арина надвое говорила*; ср. идиомы *хитрый Митрий* – ‘очень хитрый, расчетливый человек’; *Вася Пупкин* – ‘человек, ничего из себя не представляющий, но с большим самомнением’.

Мифологические, религиозные, исторические, литературные имена также, как правило, ведут к описанию характеров, свойств лица (человека), каких-либо жизненных ситуаций; ср. пословицы (поговорки): *Хозяин в дому, как Адам в раю; При царе Косаре, когда грибы воевали*; ср. идиомы: *Кощей бессмертный – '1. о худом, 2. о злом человеке'; прекрасный Иосиф* – 'целомудренный неиспорченный юноша'; *Иван Сусанин* – 'человек, из-за которого можно заблудиться; 2. который берется показать путь'; *Ромео и Джульетта* – 'юные влюбленные'. В загадках же класса «человек» уподобляются разные классы из денотативной области "не-человек"; ср.: *Сидит Арина, рот разиня (печная труба). Старый Федот сидит у ворот, счёт ведёт, дюжину отсчитает и сызнова начинает (календарь).* Редкие в загадках религиозные или исторические онимы провоцируют культурную референцию, но лишь обманывают своими коннотациями. Ср. *Ходит Иуда с золотым блюдом, берёт ягоды зрелые и незрелые и кладёт их на блюдо (смерть); Что делал слон, когда пришёл Наполеон? (на поле он ел травку).*

Загадка как интеллектуально-развлекательный жанр свободна от оценочности. В загадках нет ни одобрения, ни осуждения, ни нравоучений, ни наставлений; напр. *Дёрну-подёрну Егора за горло (дверная ручка). Маленький Макарчик всем под ноги заглядчик (порог).* Пословицы (поговорки), будучи нравоучительными и назидательными сентенциями, назначены поучать, тем более что пословица выражает не мнение отдельного какого-либо лица, а массовую народную оценку действительности; ср.: *У ленивого Егорки на всё отговорки. Не верь Власу, а верь своему глазу.* С помощью идиом во всех случаях выражается отношение к происходящему, дается оценка качеств человека, его действий и поступков, ситуации в целом; оценочный компонент входит в семантику идиомы. Ср.: *Балда Ивановна* – 'глупая, несообразительная, забывчивая, рассеянная женщина'. *Разрубить Гордиев <гордиев> узел* - 'одним смелым решением справиться с запутанной ситуацией'.

В загадках антропонимы (в том числе искусственные онимы) иногда используются в вокативной функции для создания сюжетного действа (часто в сюжете про мышь и кошку; напр. *"О Тихарет! Где наш Косарет?"*). В пословицах вокативная позиция антропонима выражает "желание говорящего возбудить к себе, своей речи внимание" (Фортунатов 1956: 129); с помощью обращения пословица от имени народа учит или предостерегает массового адресата, "собранного" под тем или иным именем; ср.: *Пей, Еремей, да ума не пропей. Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома, точил бы свои веретёна. Василий, бери по силе. Вахромей, разумей, кого бьют, кого жалуют. Не твое дело, Федосья, собирать чужие колосья.* В идиомах вокативная функция стирается, на что указывают примеры употребления; это отражено при описании в вокабуле – запятая факультативна; ср. *гуляй <,> Вася* – 'отказ в просьбе, приказание уходить': "Пол-литра у костра и

четвертной в зубы – и гуляй Вася”; Борис Васильев “Не стреляйте в белых лебедей”, 1973; цит. по Словарю (Ковшова 2019: 235).

В загадках переход онимов в апеллятивы полностью отсутствует, поскольку процесс типизации людей в задачи загадки не входит, она сосредоточена на кодировании вещей, явлений природы и животного мира. В пословицах апеллятивы отвечают присущей им функции обобщения людей в социальный тип; ср. *Друг всем макарам (рыбакам), а ухи не видал.* При этом вопреки распространенному в науке мнению апеллятивизация в пословицах происходит не часто; она связана, как правило, с образованием притяжательных имен и созданием оценочных дериватов; ср.: *Нашего Егорья не объегоришь.* Чаще апеллятивизация происходит в идиомах, где также вызвана образованием притяжательной формы: *адамово яблоко, лукуллова победа* и др. Как правило, апеллятивный вариант используется наравне с онимическим; имеются случаи возвращения апеллятива в оним; ср.: *хватит кондрашка <Кондратий; Кондратий Иванович>* - ‘внезапная смертельная болезнь, паралич’.

В Словаре репрезентируется положение о том, что загадки и пословицы – монокультурные истинно народные знаки; антропонимы в загадках и пословицах по своим формам и структурам представляют собой народные формы личных имен, распространенных в крестьянской среде. Не так часто, как в пословицах, в традиционных загадках используются имена мифологических и религиозных персонажей; и в загадках, и в пословицах практически нет исторических онимов. Идиомы, напротив, поликультурные знаки, в словаре репрезентирован тот факт, что источниками, питающими фразеологию, является мифология, фольклор, религиозная сфера, русская и мировая культура и история; ср.: *нить Ариадны, как баба-Яга, начинать с Адама и Евы, секрет Полишинеля, как Мамай прошел, работать как папа Карло, как мать Тереза отзывчивая* и др.

Подача онимов в Словаре, который включает в себя три раздела согласно материалу, является своеобразной проверкой теоретических положений. Так, в загадках антропоним легко выделяется из текста, чтобы встать в заголовочный ряд в зоне вокабулы; показать, что оним в загадках кодирует денотат, обеспечивая при этом рифму, размер, ритм. Ср.: МАЛАНЬЯ – Маланья, Малашка. *Маланья толста, сухой Матвей привязался к ней — не отвяжется (ступа и пест). Сидит Маланья на белых горах, ждёт живых и мёртвых (курица на яйцах). Вышла Малашка в семидесяти рубашках; Ветер дунул — тельце знать (курица).* В пословицах онимы также легко вычленяются из текста пословицы в заголовочный ряд, но по другой причине: за каждым онимом стоит своя поведенческая или социальная “маска”; ср.: КУЗЬМА, КОЗЬМА, КУЗЯ, КУЗЕНЬКА, КУЗЬМА ПЕТРОВИЧ, КУЗЬКИНА, подкузьмить, прокузьмиться (КУЗЬМА, КОСМА). В этой части Словаря ввиду двойной референции онимов особенно видно переплетение в народной картине мира бытовых, религиозных, исторических сфер; ср.: *Всяк Еремей про*

себя разумей, когда сеять, когда жать, когда в скирды метать (1 мая по старому стилю на св. Иеремию, или Еремея, начинают посев); У всякого Павла своя правда (о московском храме св. Петра и Павла, где в застенке пытали людей). В идиомах антропонимы “сопротивляются” вычленению из знака, что подтверждает положение, согласно которому идиомы являются семантически целостными единицами. Поэтому в разделе идиом две зоны вокабулы – общая для онимов; ср.: МАТРЁНА, МОТЯ (Матрёна), и отдельная для каждой идиомы; ср.: ЕДРЁНА МАТРЁНА. ТЁТЯ МОТЯ. Легко вычленяются в зону вокабулы прецедентные имена, это подтверждает положение о том, что прецедентное имя является семантическим „знаком в знаке“ знаком. Ср.: МОНТЕККИ. *[Как] Монтекки и Капулетти* – ‘непримиримые враги’. При восприятии идиомы осуществляется культурная референция имени к предметной области культуры: образы *Монтекки и Капулетти* в идиоме символизируют вражду между людьми. Но и у прецедентных имен есть своя “ахиллесова пята” - фактор устарелости. Трудно вывести в заголовочную зону некогда легендарное имя в составе устарелой идиомы. Ср.: БЕ́КОВИЧ. *Как Бе́кович пропасть.* Книжн. Устар. – ‘бесследно исчезнуть’. В XVIII веке в России про человека, попавшего в беду, говорили: “Пропал, как Бекович!” Князь Бекович, кабардинский бек Девлет-Кизден-Мурза, перешел на службу к царю Петру I; пропал во время экспедиции в Хиву, о судьбе Бековича и его отряда не осталось ни малейших свидетельств. Онимы в идиомах могут выполнять функцию табуирования; ср.: АНЧУТКА. *Анчутка беспалый <беспятый>. Анчутка забери. Анчутка рогатая. До анчутков напиться. Анчутка* – иносказательное название черта, связано с суевериями, восходит к табу на прямое называние нечистой силы. Отметим также новшество, подсказанное материалом: зона вокабулы идиомы открывается апеллятивным вариантом, чтобы избежать свойственной словарям графической амфиболии; ср: *сизифов <Сизифов> труд.*

Выводы. Теоретические положения в отношении онимов, их роли как строительного материала, их участия в семантизации и т.д. находят отражение в Словаре, обосновываются, подтверждаются, уточняются или опровергаются в ходе лексикографии. Антропоним оказывается репрезентативным знаком для того, чтобы подчеркнуть общее и различное между загадками, пословицами и идиомами, выявить их формальные и содержательные признаки. На лексикографическом «языке» репрезентируется знаковая специфика антропонимов; выявляются отличия загадок, пословиц и идиом; обосновывается гипотеза о референции знаков языка к предметной области культуры; удостоверяется культурно-языковое назначение антропонимов. Словарь подтверждает роль антропонимов в категоризации и типизации мира, указывает на особенности данной роли у прецедентных имен. Теоретические положения прошли проверку лексикографией, и можно говорить о том, что

компоненты-антропонимы репрезентируют русскую паремиологическую и фразеологическую картину мира “в лицах”, являются показательной частью антропонимического кода культуры.

Использованная литература

Аникин, В.П. 1966. “Возникновение жанров в фольклоре (к определению понятия жанра и его признаков)”, *Русский фольклор. Специфика фольклорных жанров.* Т. IX. Москва-Ленинград: Наука. 29–42.

Апресян, Ю.Д. 2013. “Теоретические основы активной лексикографии”, *Славянская лексикография.* Москва: Азбуковник. 471–481.

Арутюнова, Н.Д. 1998. *Язык и мир человека.* Москва: Языки русской культуры.

Велјановска, К., Мирчевска-Бошева, Б. 2021. *Имињата во македонската фразеологија.* Скопје: Антолог.

Дядечко, Л.П. 2018. “Имена в пословицах и крылатых фразах (к проблеме разграничения народной и элитарной лингвокультур)”, *Имињата и фразеологијата. Имена и фразеология. Материалы конференции 21-23 апреля 2017 г. Универзитет “Св. Кирил и Методиј” во Скопје. Филолошки факултет “Блаже Конески”.* Скопје. 105–119.

Имињата и фразеологијата. Имена и фразеология. Материалы конференции 21-23 апреля 2017 г. 2018. Универзитет “Св. Кирил и Методиј” во Скопје. Филолошки факултет “Блаже Конески”. Скопје.

Запольская, Н.Н. 2007. “Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры”, *Имя: Семантическая аура.* Москва: Языки славянских культур. 133–150.

Ковшова, М.Л. 2019а. *Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры.* Москва: ЛЕНАНД.

Левин, Ю.И. 1984. “Провербиальное пространство”, *Паремиологические исследования: Сборник статей. Сост. и ред. Г.Л. Пермяков.* Москва: Главная редакция восточной литературы. 109-126.

Мещерякова, О.А. 2018. “Семантика русских пословиц с антропонимом”, *Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания.* Грайфсвальд-Санкт-Петербург: ЛЕМА. 229–233.

Мокиенко, В.М. 2018. “Фразеологизация как способ апеллятивизации имени собственного”, *Имињата и фразеологијата. Имена и фразеология. Материалы конференции 21-23 апреля 2017 г. Универзитет “Св. Кирил и Методиј” во Скопје. Филолошки факултет “Блаже Конески”.* Скопје. 195–207.

Николаева, Т.М. 1994. “Загадка и пословица: социальные функции и грамматика”, *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1.* Москва: Индрик. 143–177.

Пеньковский, А.Б. 2004. *Очерки по русской семантике.* Москва: Языки славянской культуры.

Суперанская, А.В. 1973. *Общая теория имени собственного.* Москва: Наука.

Телия, В.Н. 1996. *Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.* Москва: Языки русской культуры.

Топоров, В.Н. 1994. "Из наблюдений над загадкой", *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1.* Москва: Индрик. 10–117.

Топоров, В.Н. 2010. "О мифологическом образе Семёна и Семёновны в русской традиции", *Семантика имени (Имя-2).* Москва: Языки славянских культур. 44–69.

Фортунатов, Ф.Ф. 1956. *Избранные труды, т. I.* Москва: Учпедгиз.

Источники

Григорьев, В.П. (ред.) 2005. *Собственное имя в русской поэзии XX века. Словарь личных имен.* Москва: Азбуковник.

Гудков, Д. Б. 2020. *Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь.* Москва: ЛЕНАНД.

Ковшова, М. Л. 2019. *Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах.* Москва: ЛЕНАНД.

Суперанская, А. В. 2017. *Словарь народных форм русских имен.* Москва: Книжный дом ЛИБРОКОМ.

Чернышева, М.И. 2017. *Именования Богородицы в древнерусской письменности: Около 500 лексических единиц с объяснениями и комментариями.* Москва: ЛЕНАНД.

Шведова, Н. Ю. (ред.) 1980. *Русская грамматика.* Москва: Наука. Т. I-II.

Maria KOVSHOVA

DICTIONARY AS A WAY OF VALIDATING CONTEMPORARY LINGUISTIC THEORIES

Summary: Based on The Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, and Idioms published by the author (2019), the paper stipulates the importance of lexicographical studies as a principle and means of validating contemporary linguistic theories. Description of Russian paremias with anthroponyms as constituents reveals key properties of anthroponyms, their formal and substantive features, their functions within riddles, proverbs, and idioms. Special attention is paid to the defining role of culturally laden names in paremias and idioms.

Лилјана МАКАРИЈОСКА
Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“,
Бисера ПАВЛЕСКА-ГЕОРГИЕВСКА
НБРСМ, Скопје, Македонија

РУСКАТА ФРАЗЕОЛОГИЈА ВО СВЕТЛИНАТА НА СПОРЕДБЕНИТЕ ИСТРАЖУВАЊА

Апстракт: Предмет на нашиот интерес е руската фразеологија, од аспект на споредбените истражувања, пред сè со јужнословенските јазици, преку кои, во современ контекст можат да се проследат пројавените сличности и одликувачки особености во врска со употребата на фраземите, нивната структура и застапеноста на одделни компоненти, семантичките промени, варијантноста, предизвиците на преведувањето од руски на еден од јужнословенските јазици (на пр. македонски, српски, хрватски) и сл.

Се разгледуваат руските фраземи споредбено во два или три јазика, од кои покрај рускиот едниот е јужнословенски, што несомнено е мошне значајно при преведувачката постапка. Анализата упатува на многу сличности, но со оглед на тоа што споредуваните јазици содржат фраземи кои се поврзуваат со националната култура и традиција се изделуваат и фраземи потврдени само во еден јазик.

Клучни зборови: фразеологија, фраземи, руски јазик, јужнословенски јазици

Фразеологијата е лингвистичка дисциплина, која го претставува и односот на јазикот и културата, го открива начинот на размислување и на перципирање на животната стварност на различни јазични заедници. Предмет на нашиот интерес е руската фразеологија, од аспект на споредбените истражувања, пред сè со јужнословенските јазици, преку кои, во современ контекст можат да се проследат пројавените сличности и одликувачки особености во врска со употребата на фраземите, нивната структура и застапеноста на одделни компоненти, семантичките промени, варијантноста, предизвиците на преведувањето од руски на еден од јужнословенските јазици (на пр. македонски, српски, хрватски) и сл.

За целите на ова истражување се разгледуваат руските фраземи споредбено во два или три јазици, од кои покрај рускиот едниот е јужнословенски, а честопати посебно внимание ѝ се посветува и на преведувачката постапка. Така бројни трудови им се посветени на карактеристиките на одредени групи македонски фраземи во споредба со руските, на пр. разгледувани се: зоонимските фраземи во рускиот и македонскиот јазик (Алчевска 2016: 73–85), фраземите со имиња на празниците (Велјановска, Мирчевска-Бошева 2018: 83–91), фраземите со значење време (Мирчевска-Бошева 2009: 393–499, 2010: 57–65), фраземите со компонента ‘боја’ (Терзијоска 2013, 2016: 303–308), семантиката на крвта во емотивната фразеологија во рускиот и во македонскиот (Делова-Силјанова 2014:

263–272), фразеосемантичкото поле чувства и емоции во рускиот и во македонскиот јазик (Мирчевска-Бошева 519–530), анализирани се и можностите за превод на пр. на фраземите со броеви (Мирчевска-Бошева 2006: 62–65) итн. Има повеќе трудови посветени и на хрватската фразеологија споредбено со руската, на пр. разгледувани се фраземите со некои називи за метали (Barčot 2012: 841–865, Fink-Arsovski 2009: 101–107), зоонимските фраземи (Žustra 2014, Crneković 2015), споредбените фраземи со називи за билки (Hrnjak 2003: 303–313), фраземите со кулинарски елементи (Hrnjak, Kovačević 2007: 197–216), со компонента 'број' (Hrnjak 2003: 303–313), фраземите поврзани со човекот во хрватскиот и во рускиот јазик (Šimić 2020), со парите (Fink-Arsovski 2013: 39–48), со спортската терминологија (Srnec 2019) и др., понатаму руско-српски паралели се правени во однос на фраземите со компонента 'небо' и 'земја' (Балек 2018: 45–51), фраземите со компонента 'облека' (Јовић 2019) и сл. Руските во однос на бугарските фраземи се разгледувани од аспект на „времето" во фраземите (Георгиева 2015), фраземите со компонента 'бог' (Димитрова 1996: 5–10), фраземите со називи за бои (Недкова 2008), соматските фраземи (Недкова 2010: 31–36), компаративните зоонимски фраземи (Шкодрова, Мекенян 2000: 217–220). Особено значајни се двојазичните или повеќејазичните фразеолошки речници, како на пр.: Краток руско-македонски фразеолошки речник (Ермакова, Марков 1981), Българско-руски фразеологичен речник (Кошелев, Леонидова 1974), Руско-български фразеологичен речник (Влахов и др. 1980), како и корпусите на еднојазични руски и др. речници: Фразеологический словарь русского литературного языка (Телия 2006)[1], Большой фразеологический словарь русского языка (Телия 2014) и др.

Анализата упатува на многу сличности, но со оглед на тоа што споредуваните јазици содржат фраземи што се поврзуваат со националната култура и традиција се изделуваат фраземите потврдени само во еден јазик. При анализата на преведувачката постапка, најчесто се доаѓа до сознание дека се можни синтаксички промени, односно промените на востановениот редослед на компонентите со цел фраземата да се прилагоди во комуникативната ситуација со нагласување на вршителот на дејството и сл., лексички модификации, замена или испуштање или додавање на компонентите и сл. Иако се менува главната компонента, значењето на фраземите останува единствено, се менува сликовитоста и се постигнува поголем стилски ефект. Замената на една од компонентите, само дополнително го привлекува вниманието, а се врши врз основа на сличностите на двете компоненти, т.е. врз основа на нивните метафорички или метонимиски врски, па се чува основното значење на изразот.

Структурната и семантичката анализа овозможува да се утврди фразеолошкото значење, затврденоста, односно променливоста на

[1] http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm

структурата на одделни фраземи, застапеноста на некои компоненти во повеќе различни фраземи во различните јазици итн. Најчесто разработуваните групи фраземи споредбено меѓу рускиот и еден или повеќе јужнословенски јазици се: фраземите со компонента ‘боја’, фраземите со компонента ‘број’, зоонимските фраземи, како и начините на нивно пренесување од едниот во другиот / другите јазици и сл.

Фраземи со компонента ‘боја’. Споредбената анализа на фраземите може да отвори многу лингвистички и екстралингвистички прашања, за кои во секојдневието во изучувањето на два јазика, во преведувањето итн., е потребно да се даде соодветен одговор (Терзијоска 2013: 8). На пр. македонскиот, српскиот, хрватскиот и бугарскиот јазик, иако се генетски сродни и ѝ припаѓаат на јужнословенската група јазици, сепак развиле различни восприманија и сфаќања за боите, особено кога станува збор за фраземите. Според Мирчевска-Бошева (2018) во однос на застапеноста на бојата на емоциите во македонската и во руската фразеологија кај фраземите што означуваат страв застапена е белата боја во двата јазика и зелената во македонскиот јазик, кај фраземите со значење срам – црвената и белата кога станува збор за симнување на срамот, додека гневот е обоен во црвено и зелено. Значи, во разгледуваните три емоции доминираат овие три бои, но не се поврзани со општоприфатените симболики наведени претходно, со исклучок на значењето на белата боја кај фраземите што означуваат симнување на срамот, кое се поврзува со симболиката на чистота и невиност. Кај поголемиот дел од фраземите значењето е мотивирано од визуелната перцепција и е засновано на физиолошките особини на организмот при доживувањето на конкретната емоција.

Терзијоска (2016: 306–307), во зависност од степенот на совпаѓање во значењето, издвојува лексичко-семантички особености кај овие фраземи во рускиот и во македонскиот јазик. Фраземите со компонента <u>црно</u> во двата јазика претежно имаат негативни значења и конотации и најмногу сличности и совпаѓања. Врз основа на собраниот материјал се изделуваат заедничките семантички полиња: несреќа, лоша среќа, тешкотии: *черная полоса*/<u>црно време</u>, *черная точка*/<u>црна точка</u>, *черный вторник*, *на(про) черный день*/<u>за црни дни</u> (денови), *черная пятница*/<u>црн петок</u>, <u>црн касмет</u>, <u>црно му било пишано</u>; ѓавол, нечиста сила: *черное слово, черный понедельник, черная кошка пробежала,* <u>црн принц на темнината</u>, <u>црниот ѓавол да го земе</u>, <u>црн ангел</u>; смрт, тага, жалење: *черная вдова*/<u>црна вдовица</u>, *черная смерть*, <u>во црно се завие</u>, <u>црно носи</u>; нелегален, криминален, перење пари: *черный рынок*/<u>црн пазар</u>, *черные деньги*/<u>црни пари</u>, *черный список*/<u>црн список</u>, *черная касса*/<u>черный нал</u>, *черная зарплата, черная бухгалтерия*; зло, злонамерен: *черная магия*/ црна магија, *черный глаз, черный рыцарь, черная книга*, <u>црна рака</u>; тажен, мрачен, песимистичен: *в самом черном виде (цвете)*, <u>во црно светло</u>, <u>црни мисли</u>/*черные мысли, черная тоска/меланхолия/хандра*, <u>светот</u>

му се гледа црн, црн мрак, гледа низ црни очила; неистражен, непознат, мистериозен: *черный ящик*, црна дупка; срамен, компромитирачки: *черное пятно*/црна дамка, черная доска; црна земја да ме голтне; во голема мера, премногу: *пить по-черному, держать в черном теле*, за црна срамота/за црни резили; нечист, валкан: *черная работа*/црна работа, *черная изба, топить по-черному, черный ход*. Последниот пример добил дополнително значење 'со протекција'.

Без оглед на наведените многубројни совпаѓања, сепак, се издвојуваат значења нетипични за другиот јазик. Во македонскиот јазик се евидентирани фраземи со компонентата *црно,* коишто се јавуваат со следните значења: кутар, напатен, обесправен, сиромав, клет: на пример, црн народ, црна јас, црна кукавица; идеал за убавината: за црни очи, црното грозје е послатко; необичност, непожелност: црна овца. Во рускиот јазик се изделуваат следните семи: неблагородничко потекло: *чёрный народ, чёрные люди, чёрная кость;* зачаден: *чёрная изба/баня, топить по-чёрному*. Се доаѓа до заклучок дека фраземите што во својот состав го имаат колоративот *црно* заземаат значајно место во фразеолошкиот систем на двата јазика. Како една од првичните бои, црната боја во наведените фраземи со текот на времето развила богата палета значења, семантички нијанси и конотации. Користењето на когнитивниот приод при толкувањето на собраните фраземи во двата јазика доведува до сознание дека постојат голем број совпаѓања и сличности по семантичкиот опсег, што се должи на општословенската генетска сродност, како и на сличниот модел на светот. Од друга страна, се забележуваат и некои разлики поради одредена културолошка специфика, која се одразува во јазичната свест на секој етникум.

Според Недкова (2008) во бугарските и во руските фраземи со компонента боја, на планот на содржината се издвојуваат еквивалентни и аналогни форми; на пр. еквиваленти се: *черна душа : черная душа; бяла врана : белая ворона; синя кръв : голубая (синяя) кровь; гледам като бик на червено : смотреть как бык на красную тряпку; съшит с бели конци : шито белыми нитками* и други. Поретко се јавуваат аналогни фраземи, за кои е карактеристична полна или делумна замена на сликата што ја определува семантиката на фраземата, на пр.: бугарската фразема *зелена глава* 'млад, неопитен' соодветствува на руската фразема *зеленый конец.*

Се заклучува дека според богатството примери се истакнува бугарскиот јазик во однос на рускиот, со повеќе различни фраземи со компонента 'боја'. Разликите во однос на формата и содржината, како појава на меѓујазична асиметрија, се однесуваат на различни значења на една иста фразема во различните јазици (многузначност) и опис на една иста ситуација преку изрази различни по состав (синонимија): *черно на бяло* 'писмен документ за нешто' : *чёрным по белому* '1. совр-

шено јасно, категорично; 2. писмено зачувување на нешто'; *гледам през черни очила : видеть всё в чёрном цвете* и др.

Фраземи со компонента 'број'. Со својата изразност и варијантност се одликуваат и фраземите со компонента 'број', кои биле предмет на интерес и од аспект на нивната застапеност во јужнословенските јазици, од аспект на значењето и од аспект на преводните еквиваленти во други јазици. Броевите се чести компоненти во фраземите бидејќи, покрај со своето количествено значење, во градењето на фразеолошкото значење може да влезат и со својата симболика. Според Мирчевска (2006: 62) врз основа на анализираните изрази може да се заклучи дека најпродуктивни во образувањето фраземи и во рускиот и во македонскиот јазик се броевите од еден до десет, со исклучок на броевите шест и осум, кои многу ретко влегуваат во состав на фраземите. Најголемиот дел од фраземите и во двата јазика се образувани со броевите еден и два и соодветно со редните броеви прв и втор, нешто помалку продуктивни се броевите три и сто, а меѓу останатите особено се издвојува бројот седум.

Мимица (Mimica 2016) спроведува анализа на фраземи со нумеричка компонента во рускиот и во хрватскиот јазик, којашто се заснова на истражување и споредба на собран корпус од 116 фраземи. Притоа со анализата е дојдено до заклучок дека голем број од руските фраземи имаат свој еквивалент или израз, којшто има слично значење во хрватскиот јазик, и тоа токму поради фактот што двата јазика ѝ припаѓаат на јужнословенската група јазици. И овде се заклучува дека најмногу фраземи се со бројот еден, а потоа со два и седум, како во рускиот, така и во хрватскиот, додека фраземи со бројот осум нема. Познавањето на фразеолошките еквиваленти е од голема помош при преведувањето затоа што тоа е најсоодветниот начин на пренесување на фразеолошкото значење од еден јазик во друг.

Зоонимски фраземи. Според Црнековиќ (Crneković 2015) фраземите од корпусот зоонимски фраземи во хрватскиот и во рускиот јазик може да се поделат на две големи групи, оние што се однесуваат на човекот и оние што се однесуваат на нешто неживо, а во нивни рамки може да се групираат според значенските подгрупи, односно според одреден семантички критериум. Најмногу фраземи ѝ припаѓаат на подгрупата што се однесува на човечкото однесување, во која спаѓаат и фраземите поврзани со меѓучовечките односи, бидејќи тие во суштина, исто така, се поврзани со однесувањето на една личност во однос на друга или повеќе.

Сп. Макаријоска, Павлеска-Георгиевска (2021:296) фраземите со компоненти зооними во јужнословенските јазици се мотивирани од животинските особини, нивниот надворешен, физички изглед, однесувањето, но и од односот кон човекот, како и од односот на човекот кон животните, а истото важи и за руските зоонимски фраземи.

Во јужнословенските јазици, исто како и во рускиот, најбројни се фраземите со куче и мачка и бележиме бројни совпаѓања, формални и семантички, но и разлики:

– во мак.: *како куче, го чува како куче, живее како куче, како куче на синџир е, кучето и мачето, живеат како кучето и мачето / се гледаат како куче и маче / се сакаат како кучето и мачето, како претепано/рането куче, мил му е како на кучето каменот* (ирон.), *му фрла како на куче, се влече како претепано куче, се јадат како кучиња преку плет (плот);*

– во срп.: *мокар, уморан, веран, вредан, безобразан, бесан, ружан као рас, живети, цркнути, лагати као пас*, *мрзети као пса, ходати као пребијен пас, изгрдити на пасја уста*, *слагати се (волети се, живети, гледати се) као пас и мачка*;

– во хрв.: *gladan kao pas, imati koga kao kusih (kusatih) pasa, istući (pretući, prebiti i sl.) kao psa koga, kao pas na lancu, lagati kao pas, ljubomoran kao pas, ljut kao pas, mršav kao pas, naraditi se (namučiti se) kao pas, nervozan kao pas, slagati se kao pas i mačka, ubiti kao psa koga, umoran kao pas, umrijeti kao pas <uz tarabu>, vjeran kao pas, žao je kao psu komu; ljubomoran kao pašče, ljut kao pašče*;

– во буг: *пари като у куче чърве, живея като кърлеж в куче ухо, верен като куче, сърцето ми трепери като на мъртво куче опашката, бягам като куче от щръкло, мисля като куче на великден, зъл като куче, зъбя се като куче, свирей като бясно куче, ядат се като кучета* и др.;

– во рус.: *преданный как верная собака, лаять как собака, злой как собака, дрожать как собака, бегать как собака, гнать кого-л. откуда-л. как собаку, как собака на цепи, как нерезаных собак* и др.

Фраземи со компонента ‘пари’. Во јужнословенските јазици, па и во рускиот јазик најчести се фраземите со компонента пари што се поврзуваат со имотната состојба, па има фраземи со значење ‘има многу пари, богат е’, пр. во мак.: *има полн џеб пари* и *полн е со пари, спие / лежи на пари, плива во пари*; срп.: *лежати на парама, бити пун пара;* хрв. *pun para, pun para ko šipak zrna, (imat) para ko blata/ govana/ škalje/ šušnja, ležat (srat) na parama;* буг.: *играе си с пари,* или со значење ‘има малку пари или воопшто нема’, во мак. *нема ни скршена пара;* срп. *немати (ни) кршене/ пребијене/ пребите/ шурље паре*; хрв.: *bez pare i dinara; pun je para ko govno vitamina; imat (bit pun) para ko žaba dlaka; nemat pare ni dinara.* Во рускиот со истите две значења: *денег у кого как грязи; денег у кого как щепок; деньги – не навоз: сегодня нет, а завтра – воз; как у дурака махорки; денег как у дурака фантиков; денег как мусора; денег как дров; денег как у латыша; денег как кот наплакал* и др.

Според Zinovieva (2016: 89–92) за опишување состојба на поседување многу пари и малку пари во рускиот се користат повеќе фраземи, коишто наоѓаат свои еквиваленти во словенските јазици, меѓу кои подетално е анализиран српскиот, но покажуваат и национална специфичност, особено оние што содржат имиња, на пр.: во рус. *денег как как*

у Абрамовича / Рокфеллера / дядюшки Сэма / Скруджа / Филиппа Киркорова : срп.: *има пара као Рокфелер* / *Оназис* / *Мишковић* / *браћа Карић и др.*

Фраземи со етноними. Поголеми разлики покажува групата фраземи со етноними, коишто ни откриваат национално специфични фраземи, кои се должат на посебните историски околности на рускиот народ, којшто во одреден период од своето постоење доаѓал во контакт со различни народи, со кои пак, споредуваните јазици немале можност да бидат во близок допир.

Во хрватскиот на пр. се јавуваат фраземи со етнонимите Bosanac, Vlah, Crnogorac, Čeh, Slovenka и Srbin: *bosanski grb, bosanski lonac, da se Vlasi ne dosjete, lijen kao Crnogorac, ima koga kako Čehi, tako mlada pa već Slovenka, lagati kao Srbin*. Овие ги нема во рускиот, но затоа, пак, специфични само за рускиот споредбено со хрватскиот се: татарин, швед и чукчи: *нам, татарам, все равно, татарская подстилка, татарин беспоясный, шведский бутерброд, погибнуть (пропасть, сгинуть) как швед под Полтавой, наивная чукотская девочка, наивный чукотский мальчик* (Marlais 2018: 48).

При анализата на разликите во стереотипизацијата на етнонимите преку фраземите во хрватскиот и рускиот јазик што содржат етноним како составна компонента се утврдува дека постојат очекувано малку сличности меѓу етнонимските фраземи на двата јазика, коишто настанале како последица на различните искуства и меѓусебни контакти на хрватскиот и рускиот народ со припадниците на другите народи. Потврдени се само неколку еквивалентни фраземи (пр. *vječni Žid,* односно *вечный жид*) и неколку делумни еквиваленти (пр. *ciganska posla* и *цыганская работа)* (Marlais 2018: 51).

Сепак, постои група етноними со кои се врзуваат исти стереотипи кај повеќето словенски народи и во нивните јазици се среќаваат еквивалентни или делумно еквивалентни етнонимски фраземи со истите етноними, а такви се на пр. етнонимите: Ром (Циган), Турчин, Русин, Кинез, Евреин, Германец и др.

За етнонимите во составот на фраземите се заклучува дека тие се претежно негативно конотирани како во рускиот, така и во јужнословенските јазици, што не изненадува бидејќи за фразеологијата е карактеристична негативната конотација. Иако склоноста кон лексикализација на негативниот стереотип е голема, потврдени се и неколку фраземи мотивирани од позитивен стереотип, на пр. руската фразема *китайский доброволец* е мотивирана од позитивниот стереотип за кинеската грижливост, хрватската етнонимска фразема *biti pravi Kinez* е мотивирана од кинеската мудрост (Marlais 2018: 49), македонскиот етнонимски фраземски состав *точен е (работи) како Швајцарец (швајцарски саат)* е, исто така, мотивиран од позитивен стереотип и означува ‘многу точен, прецизен’ итн.

Етнонимската фразеологија се смета за речиси потполно „маскулинизирана“ затоа што етнонимските фраземи се однесуваат претежно на машкиот пол. Исклучок на пр. во хрв. и рус. се неколку фраземи: *наивная чукотская девочка*, *tako mlada pa već Slovenka*, како и фраземите со етноним што се однесува на припадник на ромската заедница во двата јазика (*Ciganka* т.е. *цыганка*). Во однос, на структурата, најчесто станува збор за фраземи со споредбена структура во хрватските етнонимски фраземи, додека кај руските етнонимски фраземи подеднакво е застапена структурата на зборовна група од зависен тип и реченичната структура (Marlais 2018: 51).

Постојат и истражувања во кои споредбено се анализираат **фраземите со компоненти ‘небо’ и ‘земја’**, на пр. во однос на аксиолошкиот потенцијал на овој тип фраземи, конкретно во рускиот и во српскиот јазик. При анализата направена во рамките на два домена: квалификација на човечките особини и ситуација, е дојдено до заклучок дека вредносната оцена во овие сфери може да биде позитивна и негативна, но и амбивалентна, иако поретко. Како посебно продуктивни (негативнооценети) семантички обрасци се издвојуваат оние што ја денотираат смртта, како и ситуациите што ѝ претходат, каде што позастапени се изразите со лексемата *земја* во двата јазика. Ова произлегува од верувањата за земјата како граница на двата света и сл. Во однос на лингвокултуролошките карактеристики на лексемите небо и земја се тврди дека, сепак, не се во потполна согласност со аксиолошката вредност на фраземите во чиј состав се јавуваат (Балек 2018: 51).

Споредбено во хрватската и во руската фразеологија се анализирани и **фраземите поврзани со човекот**, коишто структурно се претежно споредбени фраземи, а семантички се поделени на две групи од кои едната е поврзана со добрина и чесност, а другата со злоба и нечесност, а се издвојуваат и фраземи што се однесуваат на умствените особини на човекот, како и на останатите позитивни и негативни и др. човечки карактеристики. Посебна група прават фраземите што го опишуваат односот на луѓето кон работата, нивниот имотен статус, како и односот кон храната и другите луѓе. При анализата е утврдено дека повеќето хрватски фраземи имаат еквиваленти во рускиот јазик, некои имаат синоними, поточно фраземи, коишто имаат исто или слично значење, но поинаква структура. Од фраземите што немаат свој преводен еквивалент во рускиот е наведена на пр. фраземата *visok kao toranj* со која се опишува висок човек, но во рускиот сепак постои синоним *коломенская верста;* понатаму се споменува фраземата *мафусаилов век жить (прожить)* во чиј состав влегува компонентата Метузалем којашто е присутна и во хрватскиот јазик, но во друг состав – *star kao Metuzalem*, а значењето не одговара на многу стара личност, туку означува долг животен век. Одовде произлегува заклучокот дека значењето на одредени фраземи од оваа група што имаат еднакви лексички компоненти не се совпаѓа секогаш во двата јазика (Šimić 2020: 37).

Тасевска (2016: 295–302) се осврнува на некои фразеолошки паралели во рускиот и во македонскиот јазик, но и во српскиот, значајни во процесот на преведувањето, поконкретно при преводот на **пословиците и поговорките**. Се образложува преведувачката постапка во случаите кога кај *фразеолошките изрази* има *делумно совпаѓање* во преводот, коишто ги смета за условни и релативни еквиваленти и во тие случаи буквалниот превод или калкирањето како метод не може да се употреби, бидејќи некои делови од фраземите во оваа група не се совпаѓаат во јазиците на преводот. Преводот се реализира делумно со замена на потребните компоненти. Од руските пословици, кои делумно се совпаѓаат со македонски, српски и др. се наведени, пр.: *В семье не без урода*. / *Во секое житo има граор. / У сваком житу има кукоља.; Убить двух зайцев одним выстрелом. / Со еден удар две муви* итн. Авторката забележува дека пословиците можат да бидат и повеќезначни, што ги прави посебно тешки за превод и за споредба.

Се наведуваат примерите на пословици и поговорки во рускиот јазик, коишто според начинот на превод на македонски и на српски може да се определат како целосни еквиваленти. На пр.: *Рыба с головы гниет.* / *Рибата од глава смрди. / Риба од главе смрди; Волк меняет шкуру, но не натуру. / Волкот длаката ја менува, ама табиетот не. / Вук длаку мења, али нарав не.; За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. / Јој трча по два зајака, ни еден не фаќа. / Ко два зеца вије, не улови ниједног.; Не все золото, что блестит. / Не злато сè што сјае. / Није злато све што сија.; Друг познается в беде. / Пријатељ се у неволји познаје.; Волк в овечьей шкуре. / Волк во јагнешка кожа. / Вук у јагњећој кожи.; Каждый кузнец своего счастья. / Секој е ковач на својата среќа. / Свако је ковач своје среће.; У лжи короткие ноги. / Лагата има кратки нозе. / У лажи су кратке ноге.; Кто другому яму роет, тот сам в нее попадет. / Јој на друг му копа јама, самиот во неа паѓа. / Ко другом јаму копа сам у њу упада.; Лучше поздно, чем никогда. / Подобро подоцна отколку никогаш. / Боље икад него никад.; Кот из дому-мыши в пляс. / Кога мачката не е дома, глувците оро водат. / Где није мачке, ту миши коло воде* и др.

Заклучни белешки. Различните јазични традиции може да се обединат преку проучувањето на фразеологијата, којашто претставува плодно поле за компаративни лингвокултуролошки истражувања. За фраземите се вели дека се крвта на организмот наречен јазик, настануваат спонтано, на почетокот носат буквално значење, а подоцна се ослободуваат од прангите на зборот и стануваат метафорични и метонимични, стануваат универзални и заеднички на припадниците на еден јазик (Crneković 2015:77 сп. Vilelu).

Сите досегашни споредбени анализи на руската фразеологија со фразеологијата на некој од посочените јужнословенски јазици (македонскиот, српскиот, хрватскиот) потврдуваат дека се големи сличностите, односно најголемиот број се структурно и семантички полни

или делумни фраземски еквиваленти. Како основна причина за ваквата сличност се посочува нивната генетска сродност, односно припадноста кон групата словенски јазици. Разликите, пак, главно се должат на територијалната оддалеченост на рускиот јазик од јужнословенските јазици и, секако, спецификите на народната култура и традиција на секоја од нациите.

Трудовите што разгледуваат споредбено повеќе од два јазика, односно во кои рускиот се споредува, на пр. со еден јазик од словенско подрачје и еден несловенски јазик, бележат поголеми разлики помеѓу рускиот и несловенскиот јазик, отколку помеѓу рускиот и словенскиот јазик.

Истражувањата покажуваат дека има огромна блискост на корпусите фраземи од различни семантички полиња во рускиот и во посочените јужнословенски јазици. Сепак, зачувана е и националната посебност на фразеолошките фондови, што е поврзано како со социјалните, културните и природните специфики на овие земји, така и со карактерот на мислењето на посебните народи. Така, во хрватскиот на пр. се јавуваат фраземи со етнонимите Bosanac, Vlah, Crnogorac, Čeh, Slovenka и Srbin: *bosanski grb, bosanski lonac, da se Vlasi ne dosjete, lijen kao Crnogorac, ima koga kako Čehi, tako mlada pa već Slovenka, lagati kao Srbin*. Овие ги нема во рускиот, но затоа, пак, специфични само за рускиот споредбено со хрватскиот се: татарин, швед и чукчи: *нам, татарам, все равно, татарская подстилка, татарин беспоясный, шведский бутерброд, погибнуть (пропасть, сгинуть) как швед под Полтавой, наивная чукотская девочка, наивный чукотский мальчик* (Marlais 2018: 48). Наспроти овие, во сите јужнословенски јазици, а и во рускиот јазик се користат фраземи со етнонимите: Ром (Циган), Турчин, Русин, Кинез, Евреин, Германец и др.

Огромниот корпус фраземи во секој од посочените јазици налага создавање двојазични фразеолошки речници онаму каде што ги нема, но и нови онаму каде што ги има поради огромниот број новосоздадени фраземи, што е особено актуелно за меѓујазичната комуникација, за превод на нова литература, за современо адекватно општење меѓу народите.

Користена литература

Алчевска, И. 2016. „Фраземы с зоокомпонентом в русском и македонском языках“, *Зборот збор отвора, Зборник на трудови од меѓународната научна конференција (Скопје, 29 и 30 октомври 2016)*, Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, 73–85.

Балек, Т. 2018. „Аксиолошки потенцијал фразема с компонентом небо и земља у руском и српском језику – квалификација људских особина и ситуација“, *Филко, Трета меѓународна научна конференција*, Штип, 45–51.

Велјановска, К., Мирчевска-Бошева, Б. 2018. „Имињата на празниците во македонските и руските фраземи“, *Имињата и фразеологија/*

Имена и фразеология, Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“, 83–91.

Влахов и др. 1980: Влахов, С., К. Андрейчина, Ст. Димитрова, Кл. Запрянова. Под ред. на С. Влахов. *Руско-български фразеологичен речник*. София – Москва: Наука и изкуство.

Влахов и др. 1994: Влахов, С., А. Георгиева, Г. Гочев, С. Гочева, Е. Превиш-Квинто, Т. Томева, И. Христова, Д. Шкодрова. Под ред. на С. Влахов. *Руско-български тематичен речник на фразеологизмите*. В. Търново: ВТУ.

Георгиева, И. 2015. „Времето в руските фразеологизми и техните български съответствия“, http://ebox.nbu.bg/novabalgaristika15/view_lesson.php?id=16

Делова-Силјанова, Ј. 2014. „Семантиката на крвта во емотивната фразеологија (врз примери од македонскиот, од рускиот и од чешкиот јазик)“, *Петта македонско-руска научна конференција*. Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, 263–272.

Димитрова, С. П. 1996. „Фразеологизмы с опорным словом „Бог“ в русском и болгарском языках“, *Съпоставително езикознание XXII*, № 1.

Ермакова, Л., Марков Б. 1981. *Кратак руско-македонски фразеолошки речник*, Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“.

Јовић, Ј. 2019. „Лексичко-семантичко поље са компонентом „одећа“ у савременом руском језику у поређењу са српским“, http://remaster.ff.uns.ac.rs/materijal/punirad/Master_rad_20190222_rus_350016_2017.pdf

Кошелев А., Леонидова М. 1974. *Българско-руски фразеологичен речник*. София-Москва, Наука и изкуство – Руски език.

Мирчевска-Бошева, Б. 2006. „Фразеолошки изрази со броеви во рускиот и можностите за нивно преведување на македонски јазик“, *Литературен збор,* год. 53, бр. 1–3, Скопје, 62–65.

Мирчевска-Бошева, Б. 2009. „Фраземите со значење време во македонскиот и во рускиот јазик (експозе на магистерскиот труд)“. *Годишен зборник на Филолошкиот факултет „Блаже Конески“*, 35, Скопје, 393–499.

Мирчевска-Бошева, Б. 2010. „За фразеолошкото поле *секогаш* во македонскиот и во рускиот јазик“. *Литературен збор*, год. LVII, 1–3, Скопје, 57–65.

Мирчевска-Бошева, Б. 2012. „Фразеосемантичко поле чувства и емоции во рускиот и во македонскиот јазик“ (експозе на докторска дисертација), *Годишен зборник на Филолошкиот факултет „Блаже Конески“*, 38, Скопје, 519–530.

Мирчевска-Бошева, Б. 2018. „Бојата на емоциите (врз материјал од македонската и руската фразеологија)“, *Меѓународна научна конференција „Македонистиката меѓу традицијата и современите предизвици“*. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“.

Молотков, А. И. 1967. *Фразеологический словарь русского языка*, Москва.

Недкова, Е. 2008. „Фразеологизми с компоненти названия на цветове в български и руски език“, *Вестник Волг. госуд. университета*, 2008, серия 2, № 1.

Недкова, Е. 2010. „Фразеологизми с компоненти соматизми в български и руски език“, *Научни трудове на Русенския университет*, том 49, серия 10, 31–36.

Тасевска, Р. 2016. „Некои фразеолошки паралели“, *Зборот збор отвора, Зборник на трудови од меѓународната научна конференција (Скопје, 29 и 30 октомври 2016)*, Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, 295–302.

Терзијоска, Е. 2013. *Фраземите со компоненти бело, црно и црвено во рускиот и во македонскиот јазик*, Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, (магистерска дисертација)

Терзијоска, Е. 2016. „Црното грозје е послатко“, *Зборот збор отвора, Зборник на трудови од меѓународната научна конференција (Скопје, 29 и 30 октомври 2016)*, Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, 303–308.

Фразеологический словарь русского языка, Составитель: Е. Н. Телия, 2006: http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm

Шкодрова, Д., Мекенян, С. 2000. „За компаративните фразеологизми със зоокомпонент в български, руски и френски език“, *Науч. тр. ПУ „Паисий Хилендарски”*, XXXVIII, 2000, № 1, 217–220.

Barčot, B. 2012. „Frazemi s pojedinim metalima kao komponentom u hrvatskom, ruskom i njemačkom jeziku“. *Jezikoslovlje*, 13, 3, Osijek, 841–865.

Crneković, M. 2015. *Frazemi sa sastavnicama mačka, mačak; кошка, кот; gata, gato i njihovim i zvedenicama u hrvatskom, ruskom i portugalskom jeziku*. Diplomski rad. Zagreb.

Fink-Arsovski, Ž. 2009. „Zoloto v horvatskoj i russkoj frazeologii (Gold in Croatian and Russian Phraseology)“, *Русское слово – Сборник научних трудов, Vyp. 2* / Aleščenko, E.I. (ur.). Volgograd: BGAPK RO, 101–107.

Fink-Arsovski, Ž. 2013. „Tko to tamo troši novac? Hrvatski i ruski frazemi sa značenjem ‘trošiti novac’“, *Frazeološka simfonija: Sodobni pogledi na frazeologijo*, Ljubljana: Založba ZRC, 39–48.

Hrnjak, A. 2003. „Usporedba covjeka s biljkom u hrvatskoj i ruskoj frazeologiji“, *Psiholingvistika i kognitivna znanost u hrvatskoj primijenjenoj lingvistici*, Stolac, Diana ; Ivanetić, Nada; Pritchard, Boris (ur.). Zagreb; Rijeka: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku; Graftrade, 303–313.

Hrnjak, A., Kovačević, B. 2007. „Kulinarski elementi u hrvatskoj i ruskoj frazeologiji“, *Riječki filološki dani, Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 33, Zagreb, 197–216.

Marlais, D. 2018. *Etnonimski frazemi u hrvatskome i ruskome jeziku*. Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet, Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti, Zagreb (diplomski rad).

Mimica, Z. 2016. *Frazemi s numeričkom sastavnicom u ruskom i hrvatskom jeziku*, Sveučilište u Zadru, Odjel za kroatistiku i slavistiku, Odsjek za ruski jezik i književnost, Zadar (diplomski rad).

Pavić, I. 2014. *Frazemi sa sastavnicom vrag/đavao u hrvatskom i ruskom jeziku*. Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet, Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti, Zagreb (diplomski rad) http://darhiv.ffzg.unizg.hr/id/eprint/4494/1/Ivana%20Pavi%C4%87_Diplomski%20rad.pdf

Srnec, M. 2019. *Sportska frazeologija u ruskom i hrvatskom jeziku*. Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet, Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti, Zagreb (diplomski rad).

Šimić, A. 2020. *Frazemi vezani uz čovjeka u hrvatskom i ruskom jeziku*, Sveučilište u Zadru, Zadar. https://repozitorij.unizd.hr/islandora/object/unizd%3A4259/datastream/PDF/view

Zinovieva, E. I. 2016. „Quantative Set Comparisons with Component Money in Modern Russian Language Contrasted with slavic languages“, *Russian Linguistic Bulletin* 2 (6) 2016. Yekaterinburg, 89–92.

Žustra, M. 2014. „Semantička analiza animalističkih poredbenih frazema sa značenjem mršavosti, vitkosti i debljine u ruskom i hrvatskom jeziku“, *Životinje u frazeološkom ruhu*, ur. Ivana Vidović Bolt, Zagreb: FF-press, http://www.animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Zustra%20za%20WEB.pdf

Vasung, A. 2011. „Frazemi sa značenjem 'nikada' u bugarskom, hrvatskom, makedonskom i srpskom jeziku“. *Filološke studije*, vol. 9, 1, Zagreb. 167–178.

Liljana MAKARIJOSKA
Bisera PAVLESKA-GEORGIEVSKA

RUSSIAN PHRASEOLOGY IN THE LIGHT OF COMPARATIVE RESEARCH

Summary: The subject of our interest is the Russian phraseology, from the aspect of comparative research, primarily with the South Slavic languages, through which, in a contemporary context, the similarities and distinctive features regarding the use of phrasemes, their structure and the frequency of certain components can be traced, as well as their semantic changes, variability, and the problems of translation from Russian into one of the South Slavic languages (e.g. Macedonian, Serbian, Croatian), etc.

Russian phrasemes are compared in two or three languages, one of which, besides Russian, is South Slavic, and this is considered especially important for the process of translation. The analysis shows many similarities, but since the compared languages contain phrasemes that are nationally specific, phrasemes confirmed in only one language are distinguished.

Драгана МАРКОВИЋ
Филолошки факултет Бања Лука, Босна и Херцеговина

ТВОРБА ИМЕНИЦА У РУСКОМ И СРПСКОМ ЈЕЗИКУ НА МАТЕРИЈАЛУ ПРИПОВИЈЕТКЕ ДОСТОЈЕВСКОГ *БЕЛЫЕ НОЧИ (БЕЛЕ НОЋИ)*

Апстракт: У раду се говори о творби именица у руском и српском језику, које су ексцерпиране из приповијетке Достојевског *Белые ночи* и превода овог дјела на српски језик. За циљ рада смо поставили анализу продуктивних творбених средстава и најчешћи творбени тип код образовања именица - суфиксацију. У центру пажње се налазе суфикси *-ка, -ица, -ние, -ение, -ње, -ење, -ост(ь), -тель/-тељ, -ник, -ик.* У раду се обраћа пажња и на лексичко-семантичке категорије појединих именица.

Кључне ријечи: именице, суфикс, српски језик, руски језик, *Белые ночи (Беле ноћи).*

УВОД

Именичке изведенице су најбројније у језику (Матијашевић 2019: 79). Док је суфиксација најчешћи и најуобичајнији начин грађења ове врсте ријечи (Матијашевић 2019: 80). Према ријечима Јелене Лепојевић, највећи број суфикса свакако учествује у образовању именица (у руском око 400 суфикса), затим у образовању придјева, нешто мање у творби глагола, а најмање суфикса, свега њих пар учествује у творби бројева (Лепојевић 2013: 77). Из овог разлога смо се одлучили за творбену анализу именица у руском и српском језику, које су образоване уз помоћ неког од продуктивних суфикса.

Као корпус за ово истраживање користићемо приповијетку Достојевског *Белые ночи* и превод овог дјела на српски језик.

Белые ночи (Беле ноћи) Достојевски је написао 1848. године. Дјело носи поднаслов *Сентиментални роман из успомена једног занесењака*, а говори о државном чиновнику, занесењаку, који воли да шета ноћу. У једној од шетњи, јунак спасава дјевојку Настју од пијаног пролазника. Јунак са Настјом води дуге разговоре и она је та која га враћа у реалан живот.

Кориштен је превод на српски језик пјесника, приповједача и преводиоца Исе Великановића, који је осим дјела Достојевског између осталог преводио дјела Гогоља, Пушкина, Толстоја, Сервантеса, Гетеа, Балзака итд. (Константиновић 2017: 63).

У овом раду анализираћемо продуктивна деривациона средства именица. У центру пажње ће се наћи само продуктивни суфикси - *ка, -ица, -ние, -ение, -ње, - ење, -тель/-тељ, -ник, -ик.* У раду ће бити ријечи о деривационим категоријама, којима дате именице припадају. Непродуктивна и малопродуктивна средства се неће наћи у средишту пажње нашег рада. Такође, у раду се обраћа пажња само на именице обра-

зоване путем суфиксалног начина творбе. Именице настале слагањем, префиксалним или префиксално-суфиксалним начином творбе нисмо уврстили у материјал, с обзиром на то да овакве именице нису бројне.

ИМЕНИЦЕ ОБРАЗОВАНЕ ПРОДУКТИВНИМ ТВОРБЕНИМ СРЕДСТВИМА

Суфикс -*ка*

Суфикс -*ка* један је од продуктивних и важних суфикса у творби именица, како у руском језику, тако и у српском. Овај суфикс води поријекло од старог суфикса -*ька*, -*ъка* (Матијашевић 2019: 25).

Проучавајући моционе суфиксе Божо Ћорић закључује да „суфиксом -*ка* граде се женска nomina agentis, nomina attributiva, nomina nationalia et reginalia, животињске врсте и друга ређа образовања“ (Ћорић 1982 према Тешановић 2019: 503).

Именице са суфиксом -*ка* ексцерпиране из нашег корпуса припадају творбеним категоријама:

- nomina deminutiva: рус. *головка, птичка, ручка, книжка, скамейка, бумажка, трубка, дорожка, комнатка, речка, сторонка, тучка, строчка*
- nomina resultativa: рус. *улыбка*
- nomina attributiva: рус. *брюнетка, незнакомка, бедняжка, плутовка; срп. црнка, незнанка*
- nomina mota: рус. *аристократка, дворянка*
- nomina feminina: рус. *старушка, внучка, хозяйка*
- nomina agentis feminina: рус. *кухарка; срп. сањарка*
- nomina actionis: рус. *записка, ошибка*; срп. *одлука, порука, варка*

Као што можемо видјети у руском језику главна функција суфикса -*ка* јесте деминутивна. У српском језику суфикс „-*ка* има знатно ужу употребу него у источним и западним словенским језицима. Главна разлика је у нестанку деминутивне функције“ (Бошковић 1936 према Клајн 2003: 131).

Пишући о суфиксу -*ка*, Татјана Вендина констатује да у јужнословенским језицима овај суфикс има знатно слабије предметно значење, за разлику од источнословенских језика. У јужнословенским језицима суфикс -*ка* користи се већином за називе образовања лица женског пола (Вендина 1990: 32).

С обзиром на то да у нашем корпусу није ексцерпирано много именица, па су тако подједнако заступљене именице које имају феминитивно значење, као и именице које означавају поименичену глаголску радњу или су предмет / резултат радње (*одлука, порука, варка*).

Ексерпиране су по једна именица творбене категорије nomina agentis feminina (у српском *сањарка*, а у руском *кухарка*).

Ријеч *кухарка* у савременом руском језику не постоји. Ова ријеч се користила у 19. вијеку. Консултујући рјечнике налазимо сљедећа објашњења за именицу кухарка: - это прислуга на кухне, которая готовит еду (Ожегов С. И и рјечник Шведове И. Ју), - домработница, которая стряпает кушанья (Ушаков Д. Н), –работница, которая готовит еду, повариха (Мали академски рјечник) (Интернет).

У приповијетки „Беле ноћи“ именица *кухарка* има значење слуге, која брине о господаревом добру.

Удавалось ли мне встеретить длинную процессию ломовых извозчиков, лениво шедших с возжами в руках подле возов, нагруженных целыми горами всякой мебели, столов, стульев, диванов турецких и нетурецких и прочим домашним скрабом, сверх всего этого, зачастую восседала, на самой вершине воза, тщедушная кухарка, берегущая барское добро как зеницу ока.

Кад би ми се догодило да сретнем дугу поворку возача, који с водјицама у рукама лено корачају покрај кола, натоварених целим брдима свакаква покућства, столова, столица, дивана турских и нетурских и другом кућном старадујом, на којој поврх свега тога често седи на врху кола слабашна куварица и чува господарско добро као зеницу ока свога (6).

Осим суфикса суфикса -*ка* ескерпирани су и његови дериватки -*очка* и -*инка* у руском језику (*записочка, жемчужинка*).

Суфикс -ица

Суфикс -*ица* у српском језику често има статус који има суфикс -*ка* у руском језику.

„Две главне, мада свакако не и једине функције суфикса -*ица* јесу деминутивна и моциона ” (Клајн 2003: 115). Управо са овим значењем ексцерпирано је највише именица у српском језику.

Именице са суфиксом -*ица* ексцерпиране из нашег корпуса припадају творбеним категоријама:

- nomina deminutiva: срп. *кућица, уличица, страница, клупица, собица, главица, сузица, мрвица, ручица, њушкица*
- nomina attributiva: рус. *умница*, срп. *јадница*
- nomina feminina: рус. *жилица*, срп. *пријатељица, старица, другарица, газдарица, кључарица*
- nomina agentis feminina: рус. *работница*

За именицу у руском језику *девица*, а у српском *девојчица* можемо рећи да има деминутивно-хипокористички облик.

Неке од именица са суфиксом -*ица*, попут именица *клупица*, *ручица* имају преводни еквивалент са суфикском -*ка* у руском језику (*скамейка*, *ручка*).

Я был там, сидел на нашей скамейке.

Био сам онде, седео на нашој клупици (47)

Био сам онде, седео сам на нашој клупици (43).

Да, если рука моя держит, то это оттого, что никога еще ее не обхватывала такая ручка, как ваша.

Да, ако ми дрхти рука, дрхти зато што је још никада није држала овако лепушкаста, мајушна ручица, као што је ваша (10).

Преводни еквивалент руске именице *работ҃ница* у српском језику је именица *слушкиња*, с обзиром на то да је ова именица раније означавала особу која је у ропству или служи некоме. Тек од 17. вијека глагол *работ҃ать* почео је означавати радну дјелатност (Черных 1990: 92).

Фекла – наша работница, она глуха.

Фјокла је наша слушкиња, она је глува (30).

Суфикси *-ние* / *-ение* / *-ње* / *-ење*

Један од продуктивних суфикса у руском језику јесте суфикс *-ние*, са својим дериватом -е*ние.* Постоји хипотеза да су у руском језику именице са овим суфиксом, као и са суфиксима *-тель, -ость, -ство, -ствие,* појавиле под утицајем текстова црквено-књижевног карактера, али постоји сумња у тачност ове хипотезе, с обзиром на то да су суфикси *-ние, -ение, -ње* су продуктивни не само у књижевном језику, већ и у савременим руским говорима (Попова 2006: 46). Т. Попова пише да суфикс *-ние* у књижевном језику спаја се са инфинитивним основама , у којима се *-а-* или *-е-* налази или у корјену или као спојни вокал (Попова 2006: 47) .

С овим се можемо сагласити, с обзиром на то да је већина именица са суфиксом *-ние*, придружена глалолским основама са *-а-* , које се налази у корјену или као спојни вокал.

желание (<желать), знание (<знать), восстание (восстать), замирание (<замирать), состояние (<состоять), отчаяние (<отчаять), оправдание (<оправдать), молчание (<молчать), внимание (<внимать), рыдание (<рыдать), существование (<существовать), сознание (<сознавать), наказание (<наказать), мечтание (<мечтать), жалование (<жаловать)

Од именица, којима је суфикс *-ние* придружен глалоголским основама са *-е-* , које се налази у корјену или као спојни вокал, у нашем корпусу проналазимо само двије именице: *видение (<видеть) и хотение (<хотеть).*

Из наведених примјера, може се закључити да се већина именица са суфиксом *-ние* гради од глагола свршеног вида.

Суфикс *-ение* се спаја са с глаголским основама, које припадају IV класи глагола, или I класи глагола, чија се основа завршава на сугласник, у старословенском и староруском језику (Попова 2006: 47).

Именице са суфиксом *-ение,* грађене од глагола које припадају IV класи именица, у нашем корпусу су:

расположение (<расположить), определение (<определить), преступление (<преступить), ощущение (<ощутить), впечатление (<впечатлить), соображение (сообразить), убеждение (<убедить), чтение (< читать), отношение (< относиться), уединение (< уединиться), мучение (< мучить), наступление (< наступить), извинение (< извиниться), уменьшение (< уменьшить).

Именице са суфиксом -*ение,* грађене од глагола, који припадају осталим глаголским класама, у нашем корпусу су:

воображение (< вообразить), движение (< двигать), напряжение (< напрягать), волнение (< волновать), недоумение (< недоумевать), сожаление (< сожалеть), увлечение (< увлечься).

Еквивалент руских суфикса -*ние* и -*ение* најчешће је, у српском језику, суфикс -*ње*.

О поријеклу суфикса -*ње* тешко је говорити. Старији граматичари су сматрали да је суфикс -*је* додат на основу трпног придјева и да смо на тај начин добили суфикс -*ње*. Међутим, немају све именице са суфиксом -*ње* пасивно значење (Клајн 2003: 167).

Уз помоћ овог суфикса се граде глаголске именице. Ове именице „значе вршење радњи које означавају глаголи од којих су изведене или са којима имају исти корен" (Mrazović 2009 према Штасни 2012: 301). „То значи да се глаголским именицама чува концептуална вредност мотивног глагола само у другачијој именичкој форми" (Штасни 2012: 301).

Пишући о суфиксу -*ње*, Иван Клајн је констатовао да се разликују именице са овим суфиксом које су настале од глагола на -*ати* и глагола на -*ети*, а на остале глаголске класе додаје се суфикс -*ење* (Клајн 2003: 168). Ову констатацију можемо поткријепити примјерима из нашег корпуса.

Именице грађене уз помоћ суфикса -*ње* : *питање (<питати), владање (<владати), летовање (<летовати), откривање (<откривати), оправдање (<оправдати), осећање (< осећати), отрежњавање (<отрежњавати се).*

Именице грађене уз помоћ суфикса -*ење: учење (<учити), мишљење (< мислити), узбуђење (< узбудити се).*

Наведени примјери показују да у градњи именица са суфиксима -*ње/-ење* учествују глаголи несвршеног вида. „Неоспорно је, дакле, да огромна већина несвршених глагола има глаголску именицу" (Клајн 2003: 171).

Наведене именице у највећем броју случајева припадају творбеној категорији nomina actionis.

Суфикс -*ость / ост*

„Именице настале коришћењем овог суфикса знатно увећавају IV граматичку врсту и женског рода" (Стојановић 2012: 158) у српском језику и руске именице треће деклинације.

Именице са овим суфиксом пронађене у нашем корпусу: рус. *наружность, покорность, благодарность, логичность, нежность, солидность, сущность, вечность, слабость, пошлость, обязанность, усталость, вероятность, глупость, гордость, радость, срп. покорност, случајност, нежност, глупост, радост, разборитост, бојажљивост, садашњост, озбиљност, старост, светлост, спољашњост, себичност.*

Именице образоване суфиксом -*ость/-ост* најчешће припадају творбеној категорији nomina essendi.

Суфикс -*тель / теь*

Иако је суфикс -*тель* продуктиван у руском језику, у нашем корпусу нисмо нашли много суфикса образованих уз помоћ овог суфикса. Именице грађене уз помоћ суфикса -*тель* мотивисане су инфинитивом глагола.

Именице образоване од глаголске основе на -*и*- из нашег корпуса: *читатель (<читать), посетитель (< посетить), учитель (< учить).*

Именице образоване од глаголске основе на -*а*- су: *обитатель (< обитать), мечтатель (< мечтать).*

Кроз историјски развој српског језика и кроз деривациона истраживања овог суфикса током деценија, постоје несугласице по питању продуктивности овог суфикса у српском језику. Иван Клајн наводи да је Александар Белић у својим радовима тврдио „да је суфикс -*тељ* непродуктиван, а да нове речи јављају се под утицајем руског“ (Клајн 2003 : 190), док је Иван Клајн сматрао да је овај суфикс умјерено продуктиван (Исто).

Именице са суфиксом - *тељ*, које смо пронашли у нашем корпусу, образоване су од глаголске основе на -*и*- : *учитељ (< учити), градитељ (< градити).*

Именице *читатељ* (<*читати*) и *пријатељ* (< словенског глагола *пријати*) образоване су од глаголске основе на -*а*-.

Све наведене именице грађене уз помоћ овог суфикса припадају творбеној категорији nomina agentis.

Суфикси -*ник/-ик*

Ексцерпиране именице из нашег корпуса показале су да су суфикси -*ник/-и* продуктивнији у српском, него у руском језику. Ове суфиксе је тешко разграничити у именица, стога у раду нећемо правити строгу диференцијацију између ових суфикса. Осим недоумица код разграничења ових суфикса, постоје потешкоће и код одређивања мотивне ријечи. „У данашње време више нема разлога да сумњамо да изведенице од именичких основа, као и оне од глаголских (остављајући по страни трпни придев) имају суфикс -*ник*. Одређивање мотивне речи међутим у многим случајевима може да буде неизвесно, јер се догађа да од исте основе постоје именица и глагол, именица и придев или све то троје (Клајн 2003: 156).

Именице са суфиксима -*ник/-ик* ексцерпиране из нашег корпуса припадају творбеним категоријама:

- nomina agentis: рус. *разбойник*, срп. *пролазник*
- nomina proffessionalia: рус. *советник, циркульник, срп. саветник, песник, уметник*
- nomina attributiva: срп. *јадник, бедник*
- nomina loci: срп. *ходник*
- nomina deminutiva: *домик*, *старик, ротик*

Као што смо рекли, за неке именице је тешко одредити мотивну ријеч, па тако за именицу *умет̄ник*, Иван Клајн пише сљедеће: „*ум(ј) ет̄ник* бисмо могли извести од *ум(ј)ет̄ност̄*, будући да се по значењу не може извести од глагола *ум(ј)ет̄и* нити од придева *ум(ј)ет̄ан* (који у данашњем српском вероватно и не постоји)" (Клајн 2003: 158).

Већина именица из наведеног корпуса означава жива бића. „Именица с неживим значењем има знатно мање" (Клајн 2003: 160). Једина именица из нашег корпуса, која не означава жива бића, има мјесно значење, а ријеч је о именици *ходник*.

ЗАКЉУЧАК

На крају овог рада можемо констатовати да су продуктивни суфикси за образовање именица: -ка*, -ица, -ние, -ение, -ње, -ење, ость/-ост, -тель/-теј, -ник, -ик*.

Суфикси -*ка* и -*ица* се сматрају централним суфиксима за градњу именица. Суфикс -*ка* је продуктиван у руском језику. Наш корпус је показао да се овим суфиксом у највећем броју случајева граде именице са деминутивним значењем у руском језику. Иако у српском језику нисмо пронашли много именица са овим суфиксом, можемо закључити да су најбројније именице грађене суфиксом -*ка* које означавају поименичену глаголску радњу или су премет / резултат радње.

Еквивалент суфикса -*ка* у српском језику јесте суфикс -*ица.* То можемо видјети на сљедећим примјерима: рус. *скамейка* / срп. *клупица*, рус. *ручка* / срп. *ручица*, рус. *комнатка* / срп. *собица*

Најбројније именице са овим суфиксом у српском језику имају деминутивно и феминитивно значење.

Суфикси -*ние* и -*ение* веома су продуктивни у руском језику. Еквиваленти ових суфикса у српском језику, у највећем броју случајева, јесу суфикси -*ње* и -*ење*. Овим суфиксима се граде глаголске именице. Именице образоване уз помоћ суфикса -*ње*, граде се у највећем броју случајева од глагола несвршеног вида.

Кориштена литература

Вендина, Т.И. 1990. *Дифференциация славянских языков по данным словообразования.* Москва: Академия наук СССР, Институт русского языка

Историко-этимологический словарь русского языка. Черных, П. Я. 1999. Москва: Издательство «Русский язык».

Клајн, И. 2003. *Творба речи у савременом срп̄ском језику (друг̄и део суфиксација и конверзија).* Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, Институт за српски језик САНУ, Нови Сад: Матица српска

Лепојевић, Ј. 2013. „Суфиксација сложеница и других компонентних речи (на материјалу руског и српског језика)", *Филолог̄* VII/2013, 77-89.

Матијашевић, Ј. 2019. *Дериват̄олошко-лексиколошка ист̄раживања руског̄ и срп̄ског̄ језика,* Нови Сад: Филозофски факултет

Попова, Т. Н. 2006. „К вопросу о суффиксальном словообразовании в русских говорах (имена на *-ние, -ение*)”, Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 46-51.

Стојановић, Б. 2012. „Имена особина (nomina essendi)” *Годишњак за српски језик*, XXV/12, 149-170.

Тешановић, Д. Лазић, Д. 2019. „Суфикси *-ица* и *-ка* у језику Петра Кочића”, *Наш језик,* L/2, 495-506.

Штасни, Г. 2012. „Нерегистроване глаголске именице у српском језику”, *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*, књига XXXVII, 301-321.

Интернет чланак, https://fb-ru.turbopages.org./turbo/fb.ru/s/article/367082/kuharka---eto-znachenie-poishojdenie-slova-istoricheskie-zablujdeniya-svyazannyie-s-nim.

Извори

Достоевский, Ф. М. *Белые ночи*. https://azbyka.ru/fiction/belye-nochi-doestoevskij/. Датум приступа 1. 9. 2021.

Достојевски, Ф. М. 2017. *Беле ноћи*. Београд: Блиц библиотека.

Dragana MARKOVIC

WORD FORMATION IN RUSSIAN AND SERBIAN IN DOSTOEVSKY`S STORY WHITE NIGHT

Summary: The article analyses word formation of nouns in the Russian and Serbian languages, which occur in Dostoevsky`s story “White Night”. The aim of the research work was to analyze the word-formation of nouns. The meaning of some nouns is also discussed.

Биљана Мирчевска-Бошева,
Катерина Велјановска
Филолошки факултет „Блаже Конески“ при Универзитетот
„Св. Кирил и Методиј“ во Скопје, Македонија

ЗООНИМНИ ФРАЗЕМИ СО КОМПОНЕНТА *КУЧЕ/ПЕС* (ВРЗ МАТЕРИЈАЛ ОД РУСКИОТ И ОД МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК)

Апстракт: Предмет на интерес во оваа статија се фраземите со компонента *куче/пес* во рускиот и во македонскиот јазик. Нивното разгледување е направено врз основа на семантичка класификација, која дава можност да се воочи широкиот спектар значења што далеку ги надминува лексикографските толкувања на лексемата *куче/пес*.

Клучни зборови: фразеологија, зооними, куче/пес, руски јазик, македонски јазик

Зоонимните фраземи со компонента *куче/пес* претставуваат една од најмногубројните и семантички најразнообразните групи фраземи. Тие го привлекуваат вниманието на многу истражувачи и со фактот дека најчесто се негативно конотирани и покрај позитивната слика за кучето во современиот живот. Поттикнати од ова, решивме да ги разгледаме овие фраземи во рускиот и во македонскиот јазик. За таа цел од фразеолошките речници (Телия 2006, Федоров 2008, Димитровски и Ширилов 2003–2009, Велковска 2008), како и од статиите и прилозите на оваа тема беа ексцерпирани фраземи што содржат назив за куче или што содржат придавски форми изведени од називот, како и лексеми што означуваат дел од телото на кучето.

Анализата на ексцерпираниот материјал е правена врз основа на класификацијата на Видовиќ Болт (Vidović Bolt 2011) според која фраземите се распределени во следните групи: надворешен изглед, карактерни особини, физичка состојба, животен статус, психички состојби и емоции, интелектуални способности, фраземи што упатуваат на место и време.

1. Во нашиот ексцерпиран материјал фраземите со кои се опишува надворешниот изглед на човекот, пред сè, се однесуваат на опис на слаб човек со тоа што во рускиот јазик за оваа цел се користи *худой (тощий) как бездомная собака, худой как уличная собака*, иако често атрибутот пред именката *собака* се испушта, т.е. слабиот човек се споредува со „обично“ куче и секаде се употребува со негативна емоционална обоеност (Мокиенко 2008: 633). Во речникот на Fink Arsovski (2006) се среќава фраземата *слаб како куче,* иако во македонскиот јазик физичкиот опис на слаб човек најчесто се дава посредно и во самата фразема и во објаснувањето, на пример: *нема каде куче да го гризне* и *небаре кучиња го дрпале (јале, кинеле)*. Овде треба да се спомене и фраземата *тонкая как собака* која потекнува од Томскиот крај и е единствената родово обележана

фразема. Таа се употребува за опишување на слаба жена со потенцирање на причината за таа состојба, т.е. жена која многу ослабела од тага, од тешки моменти што ги преживеала (Мокиенко 2008: 633).

Во групата фраземи што се однесуваат на изгледот на човекот може да ја додадеме и *как побитая собака,* која во рускиот јазик се користи за опис на човек што е угнетен, покорен, со виновен изглед.

2. Во фраземите со кои се опишуваат карактерните особини на човекот зоонимот *куче* внесува значење верност: *собачья верность* во рускиот јазик и *верно куче* и *верен како ѿес* во македонскиот. Имајќи предвид дека кучето е симбол за верно животно, таа негова карактеристика се наоѓа во позадинската слика на овие асоцијативно мотивирани фраземи (Bunk, Opašić 2010: 240). Верноста понекогаш се граничи со покорноста, како во фраземата *оди како ѿес на јаже* со значење 'слепо следи некого'.

Претпазливоста и внимателноста се во фокусот на значењето на фраземите *како куче околу месарница, ѿоѿарено куче и од дожд се ѿлаши, се врѿи како куче околу врела каша,* кои се користат за опис на човек што претходно имал лошо искуство, па поради тоа е повеќе претпазлив и повеќе размислува, не само во врска со таа работа, туку генерално. Сликата на вртење во круг ја истакнува примамливоста на објектот на желба (каша) и недостапноста поради високата температура (Vidović Bolt 2011: 93).

Овде може да ја надоврземе и фраземата што означува лице кое грижливо чува и заштитува од опасност: некого *ѓо чува како куче,* која е негативно конотирана затоа што имплицира посесивна заштита.

Фраземи со значење грижливост и претпазливост што во својот состав имаат компонента *куче/ѿес* во рускиот јазик при нашето истражување не најдовме. Но, во рускиот јазик присутна е фраземата *собачий нюх,* која се користи за опис на човек со изразена способност да забележи, да сфати нешто што е скришно, тајно. Кучињата традиционално се користат заради нивното изострено сетило за мирис, а во конкретниот пример таа нивна особина се припишува на човек што има добра интуиција или претчувство. Со изостреното сетило за мирис поврзана е и фраземата *с собаками не сыщешь,* која се користи за означување на предмет или човек што долго време е отсутен и се наоѓа на непознато место.

За разлика од фраземите што имаат позитивна конотација, далеку побројни се фраземите што даваат негативна карактеристика почнувајќи од себичност во фраземата *лошоѿо куче ни само ја јаде коскаѿа ни на друѓо ја дава*. Нејзиниот рускиот аналог е *собака на сене/ Как собака, на сене лежит: и сама не ест, и другим не дает,* која значи дека има на располагање, но ниту го користи ниту им дава на другите да го користат. Изразот има потекло од басната на Езоп во која кучето го чува сеното и не им дозволува на коњите да се приближат иако сеното не му е потребно. Овој израз се користи за карактеризирање на скржав, алчен, користољубив и недобронамерен човек.

Фраземата *кучињата [нека] лаат, карваноѿ си врви* упатува на лице на кое не може да влијаат туѓите зборови и опоменувања, рамнодушен човек на кој случувањата и туѓите постапки не влијаат. Оваа фразема има свој еквивалент и во рускиот јазик *собака лает, ветер носит [караван идёт]* за чија мотивација има две објаснувања: лаењето на кучињата по караванот што поминува, но тој сепак си го продолжува патот (Томоска 2015: 27) и фактот дека во минатото караваните биле заштитувани од кучиња кои со лаењето предупредувале и ги одвраќале потенцијалните напаѓачи. Со тек на време овој израз го изгубил своето основно значење, а лаењето на кучињата се сфаќа како нешто што нема реална тежина.

Лошиот, агресивен, суров човек може да се опише со фраземите *[как] цепная собака/пёс, злой/сердитый как собака на цепи/привязи* во рускиот и *како куче на синџир е* во македонскиот јазик мотивирана од однесувањето на кучето врзано со синџир, кое нема слобода и поради тоа е здивено, излошено. Фокусот во овие фраземи е ставен на последицата од неслободата. Во македонскиот јазик во оваа група може да ја додадеме и фраземата *од ѿри кучиња ѿолош е* конкретно мотивирана од однесувањето на кучето кое често без никаков повод знае да нападне (Томоска 2015: 45).

Со фраземата *си кладе од куче очи* во низата карактеристики на кучето се додава и особината бесрамност, неморалност.

Една од главните одлики на кучето, неговата опашка, послужила како семантички талог во фраземите во кои се опишува човек што површно си ја врши работата: *како кучка со оѿашка, како кучеѿо/ѿесоѿ со оѿашкаѿа*. Првата фразема обично се однесува на лице од женски пол кое несовесно ја завршува работата (Томоска 2015: 88). Со слично значење ‘работа што завршува со незадоволителен исход поради брзање или површност’ се користи и: *брзаѿа кучка слеѿи кучиња раѓа*.

Лакомост, настрвеност, ненаситност и алчност се среќаваат во толкувањата на значењата на македонската фразема: *се насѿрвиле/ се собираат како ѿци на мрша,* додека фраземите *ѿес од касаѿница ѿешко се одучува, да не се насѿрви ѿес на касаѿница* се користат за ситуации кога треба да се внимава човек да не се навикне на нешто, затоа што после тешко ќе се одвикне.

Фраземата *мрзлив како куче* во чија основа лежи фактот дека кучињата често лежат се користи за карактеризрање на мрзлив човек, *собак гонять* во рускиот и *скиѿа како ѓлува кучка* во македонскиот се користат со значење безделничи, се занимава со бесцелни работи, и припаѓаат на полето неработливост, *(х)рани куче да ѿе лае* се користи за означување неблагодарност и слабост, *ѿцошка (кучешка) вера* за бескарактерност, за лице на кое човек не може да се потпре. Во таа насока може да се употреби и фраземата *на куче и на Турчин (Арнаѿин) вера немај* со толкување дека колку и да си добар со некого, сепак не можеш

да му веруваш. Во рускиот јазик за клеветење се користи изразот *всех собак вешать (на кого)*, а за здодевен човек, кој бесконечно повторува исти зборови, постапки се користи: *у попа была собака.*

Во македонскиот јазик постои и фразема во чиј состав влегува лексемата кучка, *расѿашана кучка* за означување ‘неморална жена’.

3. Фраземи со кои се опишуваат физички состојби може да упатуваат на исцрпен или болен човек: *како ѿреѿепан ѿес*, *се влече како [ѿреѿепано] куче* и *уморен како ѿес*. Тие се мотивирани од изгледот на кучето кое поради тоа што е претепано едвај се движи. Во рускиот јазик имаме еквивалентен израз *усталый/измученный/измотанный как собака* со емоционално-експресивна неодобрувачка нијанса и се користи за крајно изморен и исцрпен човек (Мокиенко 2008: 633).

Гладот доловен преку сликата за кучињата што глодаат коски и јадат остатоци од храната на луѓето лежи во основата на следниве изрази: *ѿладен како куче/ѿес, како ѿладен ѿес [во зима],* а во рускиот *как собака голоден.* Во состојбата на постојан глад човек не може да пребира храна што е искористено во фраземата *ѿладниоѿ `рѿ и кочани јаде* (Томоска 2015: 97). Тука треба да ја додадеме и фраземата *ни кучињаѿа не ѿо јадаѿ* за нешто што е многу лошо зготвено, невкусно.

Здравјето е во фокусот на фраземата *како на куче му ѿомина, ќе му ѿомине како на куче/куѿре* со која се опишува болест или рана што брзо поминува (Vasung 2009: 4). Во рускиот јазик ова значење се доловува со *заживет как на собаке* со истото значење.

Смртта е опфатена со фраземата *умира/иркна како куче/ѿес*, со значење дека некој умрел недостојно за човек или како што му бил животот тежок и сиромашен, таков му бил и крајот, а може да се однесува и на човек што умрел осамено без никој близок. Мотивацијата е веројатно во сликата на кучињата скитници (Томоска 2015: 83). Во рускиот јазик регистрираме фразема *собаке собачья смерть* или *жил собакой – околел псом,* која означува лош човек, кој умрел без да се покае имајќи предвид дека изразот *собачья смерть* се користи за смрт без исповед, без покајување.

4. Фраземите со кои се опишуваат животна улога и статус се јавуваат со значење на тежок живот недостоен за човекот, на сиромаштија: *живее како куче, кучешки/ѿесји живоѿ* во македонскиот и *собачья жизнь* во рускиот јазик. Споредба со кучињата скитници имаме и во *ѿциѿе ѿо сокаци ѿодобро живеаѿ.* Во основа на фраземата *нема ни куче ни маче* лежи положбата на човек што нема животни од кои може да се прехрани, ниту животни што би се хранеле со остатоците од храната во домаќинствата (Томоска 2015: 98).

Во оваа група може да ги издвоиме и фраземите што означуваат излишен, непотребен човек. Нереалната слика на петтата нога кај кучето во фраземата *как собаке ѿяѿая ноѓа* упатува кон целосна непотребност. Оваа фразема означува нешто апсолутно непотребно и тоа е поврзано со апсолутното отсуство на потреба од дополнителен дел на телото на куче-

то. Слична е состојбата и со македонската фразема *како пес на панаѓур,* која се однесува на лице што е непосакувано во некоја средина, а се темели на сликата на песот што е непожелен на панаѓурот (Томоска 2015: 92).

5. Во фраземите со кои се опишуваат психички состојби и емоции може да ја наведеме *нема ни куче ни мече*, која ја споменавме погоре со значење на многу сиромашен човек. Оваа фразема има значење на осаменост, и апсолутно отсуство на некој жив (Томоска 2015: 98).

Љубоморниот човек се споредува со куче во фраземите *`ржи како куче*, *љубоморен како куче*, а мотивот е поврзан со реакцијата на љубомора што се јавува кај кучињата кога нивниот сопственик не им обрнува доволно внимание или доколку посвети внимание на друг миленик (Томоска 2015: 70).

За лице кое по подолго време се ослободува од ограничувањето на слободата поради што неговото однесување е без никаква самоконтрола, може да се каже дека е *како куче пуштено/одврзано од синџир,* што како позадинска слика го има неконтролираното трчање на кучето ослободено од синџир (Томоска 2015: 47). Во рускиот јазик со исто значење се користи фраземата *как с цепи сорваться* во која иако не се содржи лексемата *куче*, сепак посредно се асоцира со помош на лексемата *синџир*.

Чувството љубов, т.е. во конкретниот случај недостаток на љубов/симпатија е присутно во *любить как собака палку* со значење дека во голема мера не сака нешто. Стапчето што му го фрлаат на кучето и кое тоа го враќа на сопственикот, на кучето му е апсолутно непотребно. Во македонскиот јазик за оваа ситуација се користи изразот *мил му е како на кучето каменот*.

Гневната страна на кучињата лежи во основата на *спускать собаку* кој означува дека незаслужено, неправедно некого прекорува, а со состојбата афект се поврзува фраземата *го уби/отепа како пес* со значење ‘безмилосно го уби’.

6. Кај фраземите што ги опишуваат интелектуалните способности на човекот, посебно ќе се задржиме на фраземата *собаку съел* (*на чём* и *в чём*), која означува дека некој се стекнал со големо искуство, знаење, вештина. За појавата на оваа фразема има повеќе теории од кои едната е дека настанала со скратување на поговорката *собаку съел, а хвостом подавился,* што во буквален превод би значело дека го изел кучето, а се задавил со опашката. Втората варијанта се поврзува со тешката физичка работа на село кога изгладнетите селани и куче би изеле. Имајќи предвид дека кучето не е вклучено во исхраната на човекот, оваа фразема и покрај позитивното значење се перципира со доза на одбивност. Во оваа група фраземи би ги додале македонските: *старо куче стадо варди,* која означува дека возраста најчесто оди со искуството и *стар пес сус не се учит* со значење дека стар човек не се учи допрва на ред.

7. Фраземи што ги опишуваат односите и контактите меѓу луѓето се: *се јадат како кучиња/пци [преку плет/плот], живеат како мачка и*

куче, како куче и маче се собрале, *се гледаат како куче и маче, се сакаат/се слагаат како кучето и мачето,* кои се користат за опис на влошени меѓучовечки односи, а семантиката ја носат зоонимите претставени во двојки што ги карактеризира меѓусебно несогласување (Томоска 2015: 104). И во рускиот јазик среќаваме фраземи со ист компонентски состав и значење: *жить как кошка с собакой, как собака с кошкой.* Всушност, станува збор за интернационална фразема која постои скоро во сите европски јазици. Најчесто се употребува во иронична смисла и се однесува на постојана, непрекината кавга, заемна нетрпеливост на двајца што се во постојан контакт (сопружници, соработници, роднини, конкуренти и сл.) (Мокиенко 2008: 630).

Во многу фраземи кучето е прикажано како прогонувано, навредувано, понижувано, безначајно суштество. Нехуманиот и нечовечен однос е мотивација за настанување на фраземите: *постапува како со пес*, *постапува со некого полошо отколку со пес,* со значење 'некој постапува нехумано, нечовечно кон друго лице со обид да го понижи', *му фрла како на куче* во македонскиот и *бросать как собаке* во рускиот со значење дека дава малку храна на груб начин. За ситуации во кои некој покажува сила пред безопасен и беспомошен човек се користи изразот: *на мртво/умрено/пцовисано куче нож вади.*

Пониженост, чувство на срам или несреќност наоѓаме во изразот *со опашка меѓу нозете*. Може да се претпостави дека на опашката на кучето се мисли овде, бидејќи е познато дека кучето ја држи опашката меѓу нозе во состојба на послушност или страв, што е сосема во согласност со значењето на оваа фразема. Во рускиот јазик со лексемата опашка ја регистрираме фраземата *псу под хвост,* која значи дека нешто се прави попусто.

Потценувачкиот однос кон кучињата се насетува и во изразот *собачья радость* со кој се означуваат месни преработки со низок квалитет, невкусно јадење.

8. Во однос на фраземите што означуваат бројност на луѓе може да ги наведеме *нема ни куче, ни маче ни бесен пес* со значење 'апсолутно отсуство на живо суштество' и во руската *ни одна собака* со исто значење.

Спротивно на ова со значење 'многу луѓе или сè живо' се користат изразите *до куче, до маче*, *куче-маче, до куче и петел* во македонскиот и *как собак нерезаных* (кого где) во рускиот јазик. Во основата на оваа фразема лежи претставата за групирањето на дивите кучиња во глутници.

9. Во фраземи што означуваат место спаѓа изразот: *село без кучиња* со значење 'незаштитено место'.

10. Фраземите што означуваат време сочинуваат посебна група. Овде се издвојува значењето на многу студено и неповолно време, кое е застапено во *собачий холод* во рускиот и *кучешко време*, *вечер/ноќеска кучето и мачето заедно ќе спијат*, *да ти е жал куче да врзеш надвор*, *куче не стои врзано на ова време* во македонскиот јазик.

Во фраземата *ѿоминал/ ѿрѓа рааѿ како ѿциѿе на Василица* мотивацијата доаѓа од обичајот за Василица да се тепаат кучиња, а ако се земе предвид дека празникот е во зимскиот период кога кучињата скитници, покрај гладот и студот се и тепани, додатно се интензивира значењето на фраземата. Претстава за кучиња кои треперат од студ или на кучињата-скитници, кои во време на многу ниски теператури немаат засолниште (Bolt 2011: 120) лежи во основата на фраземата *замерз как собака* со која се опишува премрзнат човек.

Значењето *никоѓаш* се доловува со македонската фразема *коѓа беше волкоѿ куче/ѿес* каде алогичност се постигнува со невозможна трансформација од едно животно во друго, а *как на охоту ехать, так и собак кормить* означува дека нешто се прави неблаговремено, во погрешно или задоцнето време.

Врз основа на сето погоре кажано може да се заклучи дека голем број од анализираните фраземи имаат целосни или делумни еквиваленти во другиот јазик (*жить как собака с кошкой – живеаѿ како мачка и куче*), што се објаснува со совпаѓање на менталната слика на реалноста кај носителите на различни јазици и со заедничките елементи на културата – т.н. „културни универзалии“ (Телия, 1986, 91). Но, како резултат на различни културни фактори, етнички особености, различни јазични слики на светот и различни литературни извори, многу зооними содржат елементи на значењето, кои се разбирливи само за носителите на дадената лингвокултура (*собаку съел*) или истото значење се доловува со различна зоонимна компонента (*вот где собака зарыта - каде лежи зајакоѿ*).

Во македонскиот јазик се забележува поголема посредност во однос на рускиот како во самите фраземи така и во толкувањето на значењето (*нема каде куче да ѓо ѓризне*), а исто така и поголема бројност и претставеност на карактерните особини (неблагодарност, грижливост, површност, мрзливост и др.) и психичките состојби и емоции (љубомора).

Според анализираните фраземи може да се заклучи дека и во двата јазика доминира негативниот однос кон кучињата, иако нив ги нарекуваат најдобриот пријател на човекот. И покрај добро познатата верност и љубов на кучињата кон своите сопственици, во фразеологијата тие се прикажуваат со потценувачки тон и со негативно значење.

Користена литература

Велковска, С. 2008. *Македонска фразеолоѓија со мал фразеолошки речник*. Скопје: авторско издание.

Димитровски, Т., Ширилов, Т. 2003-2009. *Фразеолошки речник на македонскиоѿ јазик*. Скопје: Огледало.

Мелерович, А. М. 1979. *Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка.* Ярославль: Ярославский педагогический институт.

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. 2008. *Большой словарь русских народных сравнений*. Москва: Олма Медиа Групп.

Телия, В.Н. 2006. *Большой фразеологический словарь русского языка*. Москва: АСТ-Пресс.

Томоска, М. 2015. *Фразеолошките изрази со компонента зооним во македонскиот јазик.* [Необјавен магистерски труд]. Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“.

Фёдоров, А.И. 2008. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: Астрель, АСТ.

Bunk, A. Opašić, M. 2010. “Prilog kontrastivnoj analizi frazema sa zoonimskom sastavnicom”, *Raspr. Inst. hrvat. jez. jezikosl*., 36/2, 237–250.

Mokienko, V. Walter, H. Volodzina, T. 2004. „Animalistische Phraseologismen mit der Komponente *Hund“*, *Dzieje wsi pomorskiej, III. międzynarodowa konferencja*. Dygowo / Szczecin, 191-210.

Vasung, A. 2009. „Frazemi sa sastavnicama pas i mačka u hrvatskom i bugarskom jeziku (semantička analiza)“, *Филолошки студии* 7/2.

Vidović Bolt, I. 2011. *Životinjski svijet u hrvatskoj i poljskoj frazeologiji*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.

Vidović Bolt, I. 2014. “Životinja kao (ne)inteligentni čovjekov prijatelj”. *Zbornik radova s međunarodnog znanstvenog skupa Animalistički frazemi u slavenskim jezicima Životinje u frazeološkom ruhu*. Zagreb: Filozofski fakultet sveučilišta u Zagrebu, 1–12.

Fink-Arsovski, Ž. 2006. *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb: Knjigara.

Katerina VELJANOVSKA,
Biljana MIRCHEVSKA-BOSHEVA

ZONYME PHRASEMES WITH COMPONENT “DOG”

(ON RUSSIAN AND MACEDONIAN LANGUAGE MATERIAL)

Summary: The subject of interest in this article are the phrasemes with the component “dog” in the Russian and Macedonian languages. The analysis is made on the basis of a semantic classification that provides an opportunity to see the wide range of meanings that far exceeds the lexicographical interpretations of the lexeme dog.

Ольга Сергеевна ОРЛОВА
Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Российская Федерация

НЕПРЯМЫЕ НОМИНАЦИИ ДОЖДЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДКАХ

Аннотация: Статья посвящена описанию непрямых номинаций дождя в загадках русской традиционной культуры. Основное содержание исследования составляет анализ загадок русского народа с отгадкой «дождь» в когнитивно-культурологическом ключе. В ходе анализа выявляются базовые когнитивные метафоры, которые лежат в основе рассматриваемых загадок. Показывается, что образы, использующиеся для непрямого обозначения дождя в русских народных загадках, передают культурно-значимую информацию и прочитываются с опорой на знания традиционной культуры.

Ключевые слова: загадка, когнитивная метафора, образ, дождь.

Введение. Цель исследования состоит в описании непрямых номинаций дождя в загадках русской традиционной культуры. Материалом послужили загадки с отгадкой «дождь», представленные в сборниках русских народных загадок В.В. Митрофановой (Митрофанова 1968), М. А. Рыбниковой (Рыбникова 1932), Д. Н. Садовникова (Садовников 1876). Всего в указанных сборниках зафиксировано 48 загадок с отгадкой «дождь». Загадка рассматривается нами как комплексный словесный знак, который с игровой целью намеренно разделён на две части – на денотат и его образное описание (Ковшова, Орлова 2020). Семантику загадки составляет денотативный компонент (исходный денотат) и мотивационный компонент (преобразованный денотат, образ); два этих компонента формируют семантику загадки и её состав как комплексного словесного образного игрового знака (Ковшова, Орлова 2020: 72). Загадки представляют собой культурно-языковые феномены, в основу создания которых положен принцип непрямой номинации, состоящий в преднамеренно иносказательном обозначении объекта, сознательном употреблении такого именования, которое указывает на объект номинации не прямо, а опосредованно, описывает его завуалированно (см. тж.: (Орлова 2020)). Ср.: «*Нет ни рук, ни ног, нет ни колес, а идёт (дождь)*» (Митрофанова 1978: 26); «*Шёл долговяз / В сыру землю увяз (дождь)*» (Садовников 1876 №1921) и др. Эксплицировать принцип непрямой номинации, лежащий в основе формирования загадок, позволяет когнитивно-культурологический подход (см. тж. (Ковшова, Орлова 2018, 2020; Орлова 2020)).

Когнитивно-культурологический анализ русских народных загадок с отгадкой «дождь». Когнитивно-культурологическое описание загадок осуществляется в два этапа: когнитивный (фреймовый) анализ и культурологический комментарий. Когнитивный (фреймовый) анализ базируется на классической когнитивной структуре фрейма (см. труды Ч. Филлмора) и

теории метафоры Дж. Лакоффа, М. Джонсона. Фрейм понимается как «особая организация знания, которая является обязательным условием нашей способности понимать значение ассоциированных с ним слов» (Fillmore 1985: 224). Формализация фрейма в виде таблицы позволяет раскрыть когнитивное “устройство” данного знака. Когнитивная (концептуальная) метафора как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» (Lakoff, Johnson 1980: 5) представляет собой наиболее обобщённый образ, которому уподоблена ситуация (событие, явление). Такое понимание когнитивной метафоры связано с прототипом как «точкой отсчёта в языковой репрезентации» (Болдырев 2009: 36). Когнитивная (концептуальная) метафора моделируется как взаимодействие двух областей – области источника и области-цели. Отметим, что под областью-источником в данной статье понимается мыслимое и ищущее обозначение явление / процесс, а под областью-целью – искомое и найденное в языке средство выражения. Под культурологическим комментарием понимается, вслед за (Ковшова, Гудков 2017), модель культурной интерпретации языковых знаков, которая позволяет репрезентировать их культурную значимость.

Рассмотрим на примерах, как когнитивно-культурологическое описание русских народных загадок о дожде выявляет формирующие анализируемые загадки когнитивные метафоры, составляющие основу для непрямой номинации дождя в загадочном тексте, а образы, «наслаивающиеся» на эти метафоры, передают культурно-значимую информацию и «прочитываются» в контексте русской традиционной культуры.

Проанализируем русскую народную загадку «*Посмотрю я в окошко: / Идёт длинный Антошка (дождь)*» (Садовников 1876 №1917). Для наглядного описания представим когнитивный (фреймовый) анализ в таблице.

Таблица 1
Фреймовый анализ загадки «*Посмотрю я в окошко: / Идёт длинный Антошка*»

	Дождь		***Посмотрю я в окошко: / Идёт длинный Антошка***
	Область-источник	**Конституирующие признаки загадки**	**Область-цель**
	Природная (водная), пространственная, акциональная	**Пространственный, акциональный**	Антропная, пространственная, акциональная
Типовые сценарии	Идёт дождь	**Перемещение элемента в пространстве**	Идёт человек
Фрейм / признаки типовых ситуаций	Человек видит, как капли дождя падают с неба на землю.	**Элемент 1 наблюдает перемещение в пространстве элемента 2**	Человек смотрит в окно и видит длинного Антошку.

Элементы ситуации	Человек-наблюдатель	**Элемент 1 (наблюдатель)**	Человек-наблюдатель
	Облако	**Пространство 1**	Пространство, не видимое за окном
	Поверхность Земли	**Пространство 2**	Пространство, видимое за окном
	Дождевые капли, падающие на землю	**Элемент 2 (перемещающийся в пространстве)**	Длинный Антошка, идущий по земле
	Падают на землю	**Движение, перемещение**	Идёт по земле

Описанная в загадке ситуация построена на сценарии перемещения элемента в пространстве: дождь, подобно животному или человеку, идёт. В рамках представленного в загадке сценария реализуется когнитивная метафора «вода – живое существо», которая восходит к прототипу «вода – это жизнь», и лежит в основе различных знаков языка и культуры, включая загадки. Ср.: *река бежит, вода идёт из-под крана;* «*День и ночь кричит, а голос не устанет (водопад)*» (Митрофанова 1978: 29); «*Между гор, между дол бежит белый конь (ручей)*» (Митрофанова 1978: 29); «*Кто сильнее всех на свете? (вода)*» (Митрофанова 1978: 28); «*Кабы ты не родился, и я бы не помер (вода и лёд)*» (Митрофанова 1978: 30) и др.

Один из признаков области-источника (дождь), которая характеризуется как природная (водная), в рассматриваемой загадке подменяется антропным признаком. Так когнитивная метафора «вода – живое существо» конкретизируется в образе человека – Антошки. Имя Антошка в загадке о дожде является «семантически пустым компонентом» (Ковшова 2019: 159). Выбор «Антошки» для непрямой номинации дождя в загадке «детерминирован лишь формальными требованиями» (там же), как и во многих случаях с паремиями и идиомами (там же), и объясняется необходимостью подбора рифмы к слову «окошко». Значимым в данной загадке представляется уподобление воды человеку, имя которого подбирается для соблюдения рифмы, ритма, размера текста и т.п. Ср. тж: «*Сидела барыня* ***у окошка****, / мимо нея прошёл длинный* ***Антошка*** *(дождь)*» (Садовников 1876 №1917б); «*Долгий* ***Антошк****а, / Стоит* ***у окошка****, / Он и долгō, и высок, / Уродился без кишок (дождь)*» (Садовников 1876 №1918), но: «***Аким*** *на сотни вёрст воду* ***пролил*** *(дождь)*» (Рыбникова 1932: 418) и др.

Дополним когнитивное описание загадки кратким культурологическим комментарием. В традиционной культуре дождь символизирует оплодотворяющую силу и ассоциируется с мотивом иерогамии неба и земли (Толстая 1999: 106). Власть над дождём, как и другими атмосферными явлениями, приписывается обитателям «того света» – умершим предкам (там же). Дождь воспринимается как слезы умерших праведников, которые оплакивают греховное поведение своих живых родственников (Усачева 1999: 112). В роли распорядителей облаками и подателей

дождя часто выступают и христианские персонажи. Ср.: Божьи слуги «раздвигают небо», и идет дождь (рус. Владимир.); Богоматерь «сеет» воду с неба через решето (кашуб.); но чаще всего эта функция отдается святому Илье, у южных славян – также святому Герману (Толстая 1999: 107), что объясняет соотнесение дождя в загадках с мужским образом.

Когнитивная метафора «вода – живое существо» формирует большую часть рассмотренных русских народных загадок о дожде. При этом указанная метафора конкретизируется в различных культурно детерминированных образах. В качестве примера рассмотрим когнитивно-культурологическое описание загадки русского народа «*Голенастый с голенастым / На кулачки бьётся (дождь и река)*» (Садовников 1876 №1929).

Таблица 2

Фреймовый анализ загадки «*Голенастый с голенастым / На кулачки бьётся*»

	Дождь и река		***Голенастый с голенастым / На кулачки бьётся***
	Область-источник	**Конституирующие признаки загадки**	**Область-цель**
	Природная (водная), акциональная, пространственная, тактильная	**Акциональный, пространственный, тактильный**	**Антропная, акциональная, пространственная, тактильная**
Типовые сценарии	Над рекой идёт дождь	**Перемещение в пространстве, в результате которого происходит соприкосновение двух элементов**	Два человека бьются на кулаках
Фрейм / признаки типовых ситуаций	Капли дождя падают в реку	**Элемент 1, перемещаясь в пространстве, соприкасается с элементом 2**	Во время боя один человек ударяет другого
Элементы ситуации	Дождь	**Элемент 1**	Боец 1
	Река	**Элемент 2**	Боец 2
	Падение дождевых капель в реку	**Перемещение в пространстве, соприкосновение**	Удары бойцов

Описанная в загадке ситуация построена на сценарии перемещения в пространстве и соприкосновения двух похожих друг на друга элементов: капли дождя касаются поверхности реки, подобно тому, как один боец

касается другого в драке. В рамках представленного в загадке сценария, как и в предыдущем примере, реализуется когнитивная метафора «вода – живое существо», однако конкретизируется она не в образе длинного Антошки, а в образах бьющихся на кулаках мужчин. Объяснить причину использования в загадке данных образов позволяет культурологический комментарий. Кулачные бои – традиционная русская забава. В древние времена кулачные бои проводились на праздниках, свадьбах, похоронах и во время других важных мероприятий. Причиной популярности кулачных боёв служит так называемый «бытовой антагонизм – взаимная враждебность между группами молодежи, живущими поблизости друг от друга» (Агапкина, Плотникова 1999: 132), который находит своё выражение «в ритуальных, игровых и фольклорных формах, прежде всего в играх соревновательного типа, где участники игры делились на команды “по месту жительства”» (Там же), как в случае с кулачным боем. В славянской мифологии также распространены былички, в которых рассказывается о «поединках между мифологическими персонажами, ведающими атмосферными явлениями (тучами, градом, ветрами), например, между планетниками, наводящими градовые тучи на посевы» (Там же). Покровителем кулачных боёв считался языческий бог Перун, в славянской мифологии – «бог грома и молний» (Гаврилов, Наговицын 2002), а также хранитель «воинов и княжеской дружины» (Там же), который, как считалось, управляет дождём.

Заключение. Непрямые номинации дождя в русских народных загадках с отгадкой «дождь» формируются посредством когнитивных метафор, на которые «наслаиваются» культурно значимые и культурно обусловленные образы. Когнитивно-культурологическое исследование загадок русской традиционной культуры о дожде позволило определить базовые когнитивные метафоры, лежащие в их основе:

1. «Вода – живое существо» (83%). Ср.: «*Велик, голенаст, / Грамоте горазд (дождь)*» (Садовников 1876 №1922); «*Меня частенько просят, ждут, / а только покажусь, / как прятаться начнут (дождь)*» (Рыбникова 1932: 74).

2. «Дождь – напиток» (8,5%). Ср.: «*Раскину я рогожку, / Насыплю горошку, / Поставлю квасу кадушку, / Положу хлеба краюшку (небо, звёзды, дождь и месяц)*» (Садовников 1876 №1900); «*Крупно, дробно зачастило, / всю землю напоило (дождь)*» (Рыбникова 1932: 240) и др.

3. «Дождь – твёрдое тело» (8,5%). Ср.: «*На землю падает, / От земли не отлетает (дождь)*» (Садовников 1876 №1923).

Когнитивная метафора «вода – живое существо» в 52% рассмотренных загадок реализуется в образе человека, а в 3% загадок – в образах животных. Ср.: «*Гляну я в окошко: / Идёт тоненький Антошка / Гляну я в другое: / Идёт толстый Микита (дождь и метель)*» (Садовников 1876 №1930) «*Ржёт жеребец, / На крутой горе, / Услышала кобыла / Во сырой земле (гром и дождь)*» (Садовников 1876 №1956). В 28 % рассмотрен-

ных загадок когнитивная метафора «вода – живое существо» не конкретизируется в определённых образах. Ср.: «*Шёл да шёл, да и в землю ушёл (дождь)*» (Митрофанова 1978: 26); «*И тонок, и долог, / а сядет в траву – / не видать (дождь)*» (Рыбникова 1932: 240) и др.

Выводы. Эксплицировать принцип непрямой номинации, лежащий в основе формирования загадок о дожде, позволяет когнитивно-культурологический подход. С помощью когнитивного (фреймового) анализа эксплицируется действие принципа непрямой номинации в загадках русского народа о дожде; выявляются конституирующие признаки загаданных объектов, показывается, как на основании данных признаков осуществляется кодирование загаданных объектов. Применение культурологического комментирования позволяет обосновать культурную мотивированность образов в загадках о дожде, основные тактики иносказательного описания дождя. Непрямые номинации дождя в русских народных загадках построены на когнитивных метафорах «вода – живое существо», «дождь – напиток» и «дождь – твёрдое тело», которые конкретизируются в различных культурно-обусловленных образах.

Русские народные загадки о дожде.

Дождь

1. «*Посмотрю я в окошко: / Идёт длинный Антошка (дождь)*» (Садовников 1876 №1917)
2. «*Выгляну в окошко: / Стоит долгий Антошка (дождь)*» (Садовников 1876 №1917а)
3. «*Сидела барыня у окошка, / мимо нея прошёл длинный Антошка (дождь)*» (Садовников 1876 №1917б)
4. «*Долгий Антошка, / Стоит у окошка, / Он и долог, и высок, / Уродился без кишок (дождь)*» (Садовников 1876 №1918)
5. «*Тонок, / Долог, / Голенаст, / А в траве не видать (дождь)*» (Садовников 1876 №1919)
6. «*И тонок, / И долог, / А сядет – в траве не видать (дождь)*» (Садовников 1876 №1919а)
7. «*Высок, / Голенаст, / А панить – в траве не видать (дождь)*» (Садовников 1876 №1919б)
8. «*Высок и тонок, / В траве не видать (дождь)*» (Садовников 1876 №1919в)
9. «*До неба достанет, / А от земли не видать (дождь)*» (Садовников 1876 №1919г)
10. «*Тонкий, высокий / Упал в осоку, / Сам не вышел, / А детей вывел (дождь)*» (Садовников 1876 №1920)
11. «*Шёл долговяз / В сыру землю увяз (дождь)*» (Садовников 1876 №1921)
12. «*Шёл долговяз / В землю увязся (дождь)*» (Садовников 1876 №1921а)
13. «*Долгий долговяз / На суше увяз (дождь)*» (Садовников 1876 №1921б)

14.«*Велик, голенаст, / Грамоте горазд (дождь)*» (Садовников 1876 №1922)

15.«*На землю падает, / От земли не отлетает (дождь)*» (Садовников 1876 №1923)

16.«*Крупно, дробно зачастило, / Всеё землю напоило (дождь)*» (Садовников 1876 №1924)

17.«*Крупно, дробно зачастило, / всю землю напоило (дождь)*» (Рыбникова 1932: 240)

18.«*Сусляно, / Масляно, / До лесу протянуто (дождь)*» (Садовников 1876 №1925)

19.«*Стоит на берегу, / А с...ъ за реку (дождь)*» (Садовников 1876 №1926)

20.«*Меня частенько просят, ждут, / а только покажусь, / как прятаться начнут (дождь)*» (Рыбникова 1932: 74)

21.«*Меня частенько просят, ждут, / а покажусь, / так все прячутся (дождь)*» (Рыбникова 1932: 108)

22.«*Летит "пурхан", / без пол кафтан, / без пуговиц (дождь)*» (Рыбникова 1932: 156)

23.«*Посмотри в окошко: / идёт тонкий Антошка (дождь)*» (Рыбникова 1932: 240)

24.«*И тонок, и долог, / а сядет в траву – / не видать (дождь)*» (Рыбникова 1932: 240)

25.«*И тонок, и долог, / а ляжет в траву – / не заметишь (дождь)*» (Рыбникова 1932: 240)

26.«*Меня просят, / меня молят, / как приду – все попрячутся (дождь)*» (Рыбникова 1932: 240)

27.«*Выше леса, / тоньше колоса (дождь)*» (Рыбникова 1932: 240)

28.«*Аким на сотни вёрст / воду пролил (дождь)*» (Рыбникова 1932: 418)

29.«*Нет ни рук, ни ног, нет ни колес, а идёт (дождь)*» (Митрофанова 1978: 26)

30.«*На мху, на болоте гриб-волнуху заколотит (дождь)*» (Митрофанова 1978: 26)

31.«*С неба пришел, в землю ушел (дождь)*» (Митрофанова 1978: 26)

32.«*На землю падает, от земли не отлетает (дождь)*» (Митрофанова 1978: 26)

33.«*Тоненький, высоконький горазд молотить (дождь)*» (Митрофанова 1978: 26)

34.«*Рассыпался горох на семьдесят дорог, Никому не собрать: ни попам, ни дьякам, ни серебреникам (дождь)*» (Митрофанова 1978: 26)

35.«*Шёл да шёл, да и в землю ушёл (дождь)*» (Митрофанова 1978: 26)

Мелкий дождь

36.«*Летел пан, / На воду пал, / Сам не убился / И воды не взмутил (мелкий дождь)*» (Садовников 1876 №1927)

Гром и дождь

37.«*Один баит, / Другой лает (гром и дождь)*» (Садовников 1876 №1955)

38.«*Ржёт жеребец, / На крутой горе, / Услышала кобыла / Во сырой земле (гром и дождь)*» (Садовников 1876 №1956)

Молния, гром, дождь

39.«*Сперва блеск, за блеском треск, / за треском плеск (молния, гром и дождь)*» (Митрофанова 1978: 25)

Дождь и метель

40.«*Гляну я в окошко: / Идёт тоненький Антошка / Гляну я в другое: / Идёт толстый Микита (дождь и метель)*» (Садовников 1876 №1930)

Дождь и река

41.«*Голенастый с голенастым / На кулачки бьётся (дождь и река)*» (Садовников 1876 №1929)

Дождь с землёю

42.«*Голенастый с голенастым на кулачки бьются (дождь с землёю)*» (Митрофанова 1978: 25)

Небо, звёзды, дождь и месяц

43.«*Раскину я рогожку, / Насыплю горошку, / Поставлю квасу кадушку, / Положу хлеба краюшку (небо, звёзды, дождь и месяц)*» (Садовников 1876 №1900)

Дождь, земля, трава

44.«*Один льёт, / другой пьёт, / третий растёт (дождь, земля, трава)*» (Митрофанова 1978: 25)

Дождь, земля, рожь

45.«*Один льёт, / другой пьёт, / а третий растёт (дождь, земля, рожь)*» (Рыбникова 1932: 108)

Дождь, земля, хлеб

46.«*Один льёт, / другой пьёт, / третий растёт (дождь, земля, рожь)*» (Рыбникова 1932: 240)

47.«*Один льёт, / другой пьёт, / третий зеленеет, да растёт (дождь, земля, хлеб)*» (Рыбникова 1932: 240)

Дождевая туча

48.«*Я у бога сирота, / Отворяла ворота, / Людей не упустила / Коней напоила (дождевая туча)*» (Садовников 1876 №1928)

Использованная литература

Агапкина, Т. А., Плотникова, А. А. „Драка“, *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* В пяти томах. Т.2. Москва: Международные отношения, 130 - 133.

Болдырев, Н. Н. 2009. „Прототипы в языковой репрезентации знаний“, *Когнитивные исследования языка.* II, 36 – 44.

Гаврилов, Д. А., Наговицын, А.Е. 2002. *Боги славян. Язычество. Традиция.* Москва: Рефл-Бук. Электронный ресурс. URL: http://www.kul-lib.narod.ru/bibl.files/yazychestvo/j.pdf (дата обращения: 14.11.2021).

Ковшова, М. Л. 2019. *Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок.* Москва: ЛЕНАНД.

Ковшова, М. Л., Гудков, Д. Б. 2017. *Словарь лингвокультурологических терминов*. Москва: Гнозис.

Ковшова, М. Л., Орлова, О. С. „Загадки о рождении: опыт когнитивно-лингвокультурологического исследования“, *Когнитивные исследования языка*. XXXV, 44-51.

Ковшова, М. Л., Орлова, О. С. 2020. „К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования“, *Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание.* 4, 70 -79.

Орлова, О. С. 2020. *Принцип непрямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти*: автореф… дис. кан. филол. наук. Москва.

Толстая, С. М. 1999. „Дождь“, *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. В пяти томах. Т.2. Москва: Международные отношения, 106 – 111.

Усачева В. В. 1999. „Грибной дождь“, *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. В пяти томах. Т.2. Москва: Международные отношения, 111 – 113.

Fillmore, Ch. J. 1985. „Frames and the semantics of understanding“, *Quaderni di semantica*. VI / 2, 222-254.

Lakoff, G., Johnson, M. 2008. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press.

Источники

Митрофанова, В. В. 1968. *Загадки*. Ленинград: Наука.

Рыбникова, М. А. 1932. *Загадки*. Москва - Ленинград: Academia.

Садовников, Д. Н. 1876. *Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач.* Санкт-Петербург: Типография Н.А. Лебедева.

Olga ORLOVA

INDIRECT NOMINATIONS OF RAIN IN RUSSIAN FOLK RIDDLES

Summary: The article deals with the description of indirect nominations of rain in the riddles of Russian traditional culture. The focus is on the cognitive-cultural analysis of Russian traditional riddles about rain. The analysis reveals the main cognitive metaphors which provide the basis for the riddles under consideration. The research conducted shows that the images used to represent rain in Russian folk riddles transfer culture-significant information and can be decoded in the framework of the knowledge of Russian traditional culture.

Татьяна СТОЙКОВА
Вентспилсская высшая школа, Вентспилс, Латвия

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ЛАТВИИ 1918 – 1940 ГГ.

Аннотация: В статье на материале русскоязычной публицистики рассматриваются значимые тенденции в лексике русского языка Латвии 1918 – 1940 гг. – консервация лексики и ее идеологизация, обусловленные политическим и культурным обособлением русского языка Латвии от языка метрополии после образования национального государства Латвийская Республика в 1918 году.

Ключевые слова: русский язык, лексика, региональные варианты языка, Латвия.

До образования Латвийской Республики в 1918 г. территория Латвии с XVIII в. входила в состав Российской империи и русский язык здесь был государственным языком. С момента создания национального государства в 1918 г. *русский язык Латвии* (в дальнейшем РЯЛ) обособился от языка метрополии, потерял статус государственного, и начался процесс формирования языка русскоязычного меньшинства Латвии (или регионального варианта русского языка), вырабатывающего собственные черты, существенно отличающие его от языка метрополии на всех языковых уровнях (Стойкова 2007, Стойкова 2019, Кошкин 2009).

Источниками исследования регионального русского языка послужили материалы русскоязычных публицистических изданий периода первой Латвийской Республики – журнала «Для Вас: Еженедельный иллюстрированный журнал» (1933 – 1940) и газеты «Сегодня» (1919 – 1940). Основным источником, безусловно, стала газета «Сегодня». В отличие от русскоязычных изданий, выходивших в этот исторический период в других странах, «Сегодня» не является эмигрантской газетой, что очень важно при оценке наблюдаемых языковых явлений: они не были привнесены извне и отразили внутренние тенденции формирующегося варианта русского языка. «Газета не была ни «эмигрантской», ни «антибольшевистской», ни «еврейской», она считала себя «латвийской», поскольку обслуживала полиэтнический состав республики, выросший в атмосфере русской культуры» (Абызов 1997: 4). Для исследователя-лингвиста «Сегодня» имеет особое значение: она «возникла одновременно с созданием независимого Латвийского государства и прекратилась вместе с ним» (Абызов 1997: 3), ее издание не прерывалось ни на день, поэтому материалы газеты позволяют проследить активные процессы, происходившие в РЯЛ и отражающие его специфику относительно языка метрополии.

Основным лексикографическим источником является первый академический толковый словарь постреволюционной эпохи под редакцией Д.Н.Ушакова (в дальнейшем ТСУ). Крушение общественно-политиче-

ского строя, государственной идеологии, слом социально-классовой парадигмы – все коренные изменения в политической, экономической, социально-общественной сферах жизни отразились в языке метрополии, прежде всего в лексике. ТСУ закрепил становление нового языкового сознания и результаты лексических процессов, вызванных экстралингвистическими факторами.

Цель статьи – по материалам русскоязычной публицистики выявить значимые тенденции, которые наблюдаются в лексике русского литературного языка первой Латвийской Республики. Анализ материала свидетельствует о наличии двух ярко выраженных тенденций автономного развития лексики русского языка Латвии относительно языка метрополии: 1). тенденции консервации лексики и 2). тенденции ее идеологизации.

1. Исследователи региональных вариантов русского языка констатируют типичность процессов консервации на всех уровнях языка, оказавшегося в иноязычном окружении (Кюльмоя 2009: 14). Процесс консервации РЯЛ на уровне лексики проявляется в том, что в 20-30-е гг. XX в. в нем сохранялись как элементы активного словаря целые лексико-тематические группы слов, устаревшие или устаревающие в этот период в языке метрополии. Стремительное устаревание лексических пластов в языке метрополии обусловлено указанными выше экстралигвистическими факторами – сменой общественно-политического уклада, государственной идеологии, изменениями в социально-классовой структуре. Это прежде всего терминологическая лексика (слова и словосочетания), называющая: должностных и выборных лиц, представляющих органы государственной власти и суда (*гласный, уездные старшины, волостные делопроизводители, городской голова, присяжный заседатель* и др.); единицы административно-территориального членения (*губерния, волость, уезд*) и производные от них (*губернатура, губернаторство, генерал-губернатор, губернский, волостной, уездный*); государственные, профессионально-сословные и общественные организации и учреждения (*уездная управа, уездное земство, волостное правление, податная инспекция, суд присяжных, гильдия, камера, трактир, питейное заведение, мануфактурная фирма, богадельня* и др.); лиц по профессиональной деятельности и сословно-классовой принадлежности (*мануфактурщик, мануфактурист, трактирщик, биржевик, ресторатор, коммивояжер, присяжный заседатель, присяжный поверенный, бонна, лакей, служанка, прислуга* и др.) – и нек. другие тематические группы слов. В качестве иллюстрации приведем несколько контекстов:

Двинскіе ***рестораторы*** *и* ***трактирщики*** *предъявили двинскому городскому самоуправленію грозный ультиматумъ <...> Двинская* ***городская дума*** *въ своемъ послѣднемъ засѣданіи приняла вызовъ владѣльцевъ* ***питейныхъ заведеній*** («Сегодня», 8.04.1933); *Вчера около 2 часовъ дня въ Мурьянахъ* ***Сейской волости, Рижскаго уѣзда****, возникъ большой по-*

жаръ, в теченіе нѣсколькихъ часовъ уничтожившій домъ ***волостного правленія,*** *скотный дворъ и перекинувшійся* ***на богадѣльню*** («Сегодня», 15.04.1933); *Во время поѣздки министра-президента сопровождали начальникъ Рижскаго уѣзда Легздинъ и* ***предсѣдатель уѣздной управы*** *Звайгзне. <...> Отъ имени городского самоуправленія главу правительства привѣтствовалъ* ***городской голова*** *Штейнбергъ* («Сегодня», 18.06.1934); *Согласно проекту, въ латвійскихъ судебных учрежденіяхъ могутъ выступать* ***присяжные поверенные****, помощники* ***прис. поверенныхъ и частные поверенные*** («Сегодня», 10.01.1935); *Центръ труда заинтересованъ въ томъ, чтобы направить въ деревню больш. количество молодыхъ* ***прислугъ****. Работодатель, получившій отказъ, можетъ вторично подать анкету о выдачѣ разрѣшенія держать другую* ***прислугу****, причем рекомендуется во второй разъ нанимать болѣе пожилую.* («Сегодня», 15.03.1940).

Выделенные нами номинации государственных, профессионально-сословных и общественных организаций и учреждений, представителей разных сословий и социально-профессиональных групп в словаре эпохи отмечены как устаревшие или дореволюционные, однако в РЯЛ они обозначали актуальные реалии жизни буржуазной Латвии, отражая процессы консервации в лексике языка.

2. После образования советского государства политическое и, следовательно, лингвокультурное пространство Европы и России поляризуется по архетипической оппозиции «свой» – «чужой». Процессы поляризации отразились в языке, особенно очевидным образом проявились в идеологизации лексики, в массированном порождении идеологем, и закрепились в ТСУ, который Н.А.Купина назвала «словарем идеологем», «зафиксировавшим константы новейшей идеологии» (Купина 2015: 9-10). В современной лингвистической науке существуют два подхода в понимании идеологемы: 1) языковая единица, имеющая в своем значении идеологический компонент, включающий оценку (Купина Н.А., Чудинов А.П. и др.); 2) когнитивная единица, концепт, обладающий неким идеологическим содержанием (Клушина Н.И., Малышева Е.Г. и др.) (Малышева 2009). Вслед за Н.А.Купиной, А.Чудиновым и рядом других исследователей в этой статье будем придерживаться первого направления в понимании идеологемы.

Эластичность семантики идеологем, их способность впитывать антагонистические идеи и развивать контрастные оценки прослеживается при сопоставлении функционирования одних и тех же идеологем в языке метрополии и РЯЛ. Советская Россия и буржуазная Латвия оказались на разных полюсах, поэтому закономерно, что в семантике одних и тех же знаковых идеологем эпохи, обслуживающих полярные идеологические модели, в языке метрополии и РЯЛ развились противоположные оценки. Идеологемы формируются как на основе имен собственных, так и имен нарицательных. Говоря об апеллятивах, от-

метим, что знаковыми идеологемами эпохи 20-30-х гг. XX в. стали и слова, давно известные языку (например, *безбожие, безбожник, церковник*) (подробнее см.: Стойкова 2019), и слова, недавно заимствованные языком (например, *фашизм, фашист, фашистский*), и новые слова, образованные на исконной почве по существующим в языке словообразовательным типам (*большев**изм**, большев**ик**, большев**истск**ий / большев**ицк**ий*).

Рассмотрим на последнем примере, как меняется оценка идеологемы в зависимости от ориентированности на политическую модель. Надо сказать, что в словарях Латвийской Республики 1918 – 1940 гг. лексемы *большевизм, большевик* не фиксируются. В ТСУ лексема *большевизм* с пометой *полит.* имеет следующее толкование: «То же, что ленинизм, т.е. марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» (ТСУ 1: 171). Первое значение лексемы *большевик,* также имеющей помету *полит.*, проливает свет на время появления данных слов в языке метрополии (начало 20 века): «1. *Первонач.* Член революционного большинства Российской социал-демократической рабочей партии, образовавшегося под руководством Ленина на 2-м съезде партии в 1903 г. 2. Член ВКП(б), иногда – член коммунистической партии всякой страны. 3. Стойкий, последовательный, не знающий колебаний революционный марксист-ленинец» (ТСУ 1: 171). Таким образом, в языке метрополии идеологема, образованная лексемами *большевизм, большевик, большевистский,* соотносится с другими идеологемами, формирующими полюс «свой» – *марксизм, марксист, ленинизм, ленинец, коммунист, пролетариат*, и имеет положительную оценку.

В латвийском варианте русского языка базовая оппозиция переворачивается – идеологема *большевизм / большевик* примыкает к полюсу «чужой»: ***Реакція** темная и безпросвѣтная поднимается за спиной **воинствующаго большевизма.** <...> соглашеніе **съ большевиками** равносильно подготовленію мировой **реакціи*** («Сегодня», 21.02.1920); *<...> для насъ, которые не симпатизируютъ **реакціоннымъ** начинаніямъ большевиковъ, они какъ и раньше являются **палачами** культуры, **прогресса**, **демократіи** и **свободы*** («Сегодня», 9.04.1920); *Палеологъ не считаетъ возможной эволюцію **большевизма** и не вѣрит в возможность перехода **большевиковъ** к свободному **демократическому строю** <...> **большевики** будутъ немедленно свергнуты, какъ только **терроръ** будетъ ослабленъ* («Сегодня», 24.02.1922).

Ключевыми для понимания денотативной и оценочной семантики идеологемы в РЯЛ являются слова *реакция* и *демократия,* их производные и семантически сближенные с ними слова. В ТСУ оба слова имеют помету *полит.: реакция* «Политика, государственный политический режим, осуществляющий возврат и защиту старых порядков

путем борьбы с революционными движениями и проявлениями *всякого прогресса*» (ТСУ 3, 1303); *демократия* «1. Форма правления, при к-рой *власть осуществляется самим народом,* массами, непосредственно или через представительные учреждения (ТСУ 1, 685). Семантически сближаясь в контексте со словами *реакция, реакционный, насилие, террор* и противопоставляясь синонимическому ряду *демократия, прогресс, свобода*, идеологема *большевизм/ большевик* развивает признаки ‘антидемократический’, ‘антинародный’, ‘реакционный’, ‘насильственный’ и на их основе, сопрягаясь с экспрессивной лексикой *палачи, воинствующий,* развивает пейоративную эмоциональную оценку. Синонимическая соотносимость слов *большевизм, демократия* в языке метрополии оборачиваются антонимией *большевизм – демократия* в РЯЛ. Устойчивость оппозиции подтверждается контекстами не только 20-х, но и 30-х гг. Кроме того, очевидно, что идеологема *большевизм* на основе данной оппозиціи и указанных выше признаков семантически сближается, фактически отождествляясь, с идеологемами *национал-социализм / фашизм*; ср.: *Касаясь исторіи развитія* ***фашизма в Италіи*** *и сущности его, газета указываетъ, что борьба в Италіи еще не кончена. <...>* ***Демократизмъ*** *должен быть противопоставленъ* ***фашизму****, который примѣняет* ***большевистскіе методы*** *борьбы* («Сегодня», 15.11.1922); ***Фашизмъ*** *и* ***большевизмъ –*** *это какіе-то враждующіе между собой* ***близнецы*** («Сегодня», 28.11.1928); *Балтійскія страны стремятся къ тому, чтобы обойтись и безъ благъ* ***фашизма****, и безъ еще болѣе опасныхъ и отвратительныхъ особенностей* ***большевизма****.* («Сегодня», 10.11.1929); ***Анти-демократическія настроенія,*** *начавшіяся до войны, продолжались и послѣ нея, найдя выходъ* ***въ идеяхъ большевизма, фашизма и націоналъ-соціализма,*** *ставящихъ на задній планъ идею свободной человѣческой личности и замѣняющихъ ее классомъ, государствомъ или расой.* («Сегодня», 15.04.1933); *Что* ***націоналъ-соціализмъ*** *уже теперь имѣетъ чрезвычайно много общаго по пріемамъ* ***съ большевизмомъ*** *это начинаютъ понимать и группы, которыя содѣйствовали успѣху гитлеровскаго курса. Вѣроятно, скоро и въ ихъ глазахъ* ***націоналъ-соціализмъ*** *будетъ имѣть репутацію* ***націоналъ-большевизма*** *<...> поскольку онъ проявляется въ презрѣніи къ праву и безраздѣльной вѣрѣ въ принужденіе* («Сегодня», 27.04.1933).

Идеологема *фашизм* (*фашист, фашистский)*, вошедшая в русский язык в начале 20-х гг. XX в. (Крысин 2004: 93), фиксируется и в РЯЛ (Поне 1928: 190). В ТСУ слово *фашизм* сопровождается пометами *нов.* и *полит.* и толкуется как «Одна из форм открытой буржуазной диктатуры в некоторых капиталистических странах, возникшая в Италии после первой империалистической войны в обстановке общего кризиса капитализма» (ТСУ 4: 1064). Контекстуальная синонимия слов *фашизм, национал-социализм, большевизм* определяет и наполнение идеологемы *большевизм / большевик* в РЯЛ иными понятийными и оценочными признаками, противоположными ее содержанию в языке метрополии.

Надо сказать, что не все идеологемы меняют оценочные семы. Словообразовательный тип с суффиксом *-щина /-(ов)щина /-чина*, порождает идеологически заряженные слова с пейоративной оценкой, которые закрепляется за определенным политическим контекстом. Суффикс *-щина /-(ов)щина /-чина,* носитель оценки, наделяет пейоративной окраской слово, негативно характеризующее общественно-политическое явление: такие идеологемы образуются «очень часто от имен лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность» (Виноградов 1986: 122). С середины XIX в. в разные периоды отмечается активность образований с *-щина /-(ов)щина /-чина* (Там же; Селищев 1928: 177). Продуктивность этого словообразовательного типа в языке метрополии заметно возрастает и в первые советские годы. А.Селищев приводит примеры новообразований (как от имен собственных, так и нарицательных названий лиц, социальных явлений, учреждений), которыми пестрят передовые издания Советской России 20-х гг.: *разумовщина* (от *Разумов*), *цинковщина* (от *Цинков*), *эмигрантщина* (от *эмигрант*), *свистуновщина* (от жаргонного *свистун* 'лодырь, бездельник, уклоняющийся от работы' *цеховщина* (от *цех*), *собесовщина* (от аббревиатуры *собес,* т.е. *социальное обеспечение*) и др. (Селищев 1928: 177-179).

Что касается формирующихся региональных вариантов русского языка рассматриваемого периода, то, по наблюдениям А.Зеленина, «в эмигрантской публицистике словообразовательная модель на *-щина/-чина* не является столь активной, как в русском советском языке» (Зеленин 2007: 148). Исследователь называет только два слова, найденные им в эмигрантском дискурсе, – *стахановщина* (образованное от имени собственного *Стаханов*) и *советчина* (от имени *Советы*), оба негативно характеризуют реалии советской действительности (Там же). Обе эти идеологемы встречаются и в РЯЛ; ср.: *Самые ярые враги были «червонные». Такъ назывались чины Червонной дивизіи, состоявшей сплошь изъ коммунистовъ и чекистовъ. Червонные ходили по тыламъ, обманывая мѣстное населеніе. Чтобы обнаружить противниковъ* ***совѣтчины****, они одѣвали золотые погоны.* («Для Вас: Еженед. ил. журнал», 18.04.1937); *Среди стахановцевъ наблюдаются двѣ категоріи. Это стахановцы — матеріалисты, т.е. стремящіеся только къ матеріальному благу, и стахановцы — карьеристы, дѣлающіе карьеру по партійной линіи. Но* ***стахановщина*** *— палка о двухъ концахъ. Нѣкоторые* ***на стахановщинѣ*** *могутъ сдѣлать карьеру, заработать тысячи рублей, добиться премированія «патефономъ», или радіоаппаратомъ, а нѣкоторые, не сумѣвшіе «потрафить», за «перегибы» отправляются и въ ссылку.* («Сегодня», 24.03.1937).

В РЯЛ зафиксированы и другие идеологемы, образованные на основе данного словообразовательного типа. Это лексемы – пейоративно окрашенные дериваты от имен собственных политических лидеров в истории XX века – *ленинщина* (синонимически сближена с отрицательно маркированными идеологемами *ленинизм / большевизм*) и *гитлеров-*

щина (синонимически сближена с – *национал-социализм / фашизм*). Идеологема *ленинщина* фиксируется, по-видимому, около 1920 г.: <...> *при существованіи народной власти въ Россіи, не похожей* ***на*** *распутовщину и* ***ленинщину****, русскій народъ и народы самоопредѣлившихся государствъ сумѣютъ разрѣшить спорные вопросы въ пріемлемой для всѣхъ формѣ.* («Сегодня», 27.02.1920). *Гитлеровщина* появилась позднее, в начале 30-х гг., когда национал-социалистическая партия Германии набирала силу, росло ее влияние и она постепенно становилась серьезной угрозой для политической власти страны. В 1932 г. угроза обернулась реальностью: партия пришла к власти демократическим путем, а Гитлер стал канцлером Германии. Ср.: *Тотъ грандіозный успѣхъ* ***гитлеровщины****, который возникъ подъ вліяніемъ цѣлаго ряда отчасти длительныхъ, а больше случайныхъ факторовъ (перебои парламентскаго аппарата, кризисъ, безработица, ущемленное національное самолюбіе), былъ сочтенъ не временнымъ историческимъ эпизодомъ, а моментомъ перелома, моментомъ перестановки всѣхъ соціальныхъ силъ Германіи.* («Сегодня», 24.07.1932); *Въ германскомъ студенческомъ движеніи, какъ это показала недавняя конференція въ Кенигсбергѣ,* ***идеи гитлеровщины*** *пользуются репутаціей* ***догмы*** *настоящаго* ***націонализма****... Но и въ другихъ странахъ студенчество тоже испытываетъ вліяніе служенія „идоламъ вмѣсто идеаловъ".* («Сегодня», 7.08.1932); *У нѣмцевъ <...> страусовый желудокъ, способный все переварить, даже то, отъ чего любой другой народъ стошнило бы. Они переварятъ и* ***гитлеровщину****. Болѣе того: они будутъ похваляться, что это необыкновенно тонкій деликатесъ* («Сегодня», 13.07.1933).

Однако в узусе РЯЛ встречаются и идеологемы меньшего масштаба – новообразования от имен собственных на местной почве, например, *бермондтовщина*. Слово связано с первыми страницами истории государственности Латвии, образовалось осенью 1919 г. после военного похода на столицу Латвии, который возглавил полковник П.Р.Бермондт-Авалов. *Бермондтовщина* указывает на разрушительные для Риги последствия военных действий армии Бермондта-Авалова: ***Борьба*** *немногочисленной, но стойкой латвійской арміи под командой сперва Колпака, а потомъ Балодиса* ***противъ большевиковъ*** *была въ высокой степени затруднена неожиданнымъ путчем Нѣдры, а потомъ послѣ побѣды правительства Ульманиса и освобожденія Риги,* ***ужасной бермондтовщиной*** («Сегодня», 18.11.1923); *Рига съ ея достиженіями за послѣдніе годы* ***послѣ ужасовъ великой войны, большевизма, бермондтовщины,*** *съ ея благоустроенностью, культурностью, съ ея благосостояніемъ населенія, ведь – это былъ бы неслыханно цвѣтущій оазис* ***среди той мерзости запустѣнія, которую создали большевики*** *в Россіи.* («Сегодня», 30.03.1924). Идеологема *бермондтовщина* семантически сближается с идеологемой *большевизм* на основе пейоративной эмоциональной оценки в контексте метафор (*после ужасов бермондтовщины; среди мерзости*

запустения, которую создали большевики), что подчеркивается и соположением слов в ряду контекстуальных синонимов (*великая война, большевизм, бермондтовщина*).

Таким образом, автономное развитие русского языка Латвии 1918 – 1940 гг., обусловленное, в силу экстралингвистических факторов, территориальной, политической, культурной обособленностью от языка метрополии, а также ориентированностью Латвии на коммуникативное пространство Европы, проявилось в формировании двух значимых тенденций в области лексики – консервации и идеологизации. Процессы консервации лексики – своеобразное проявление центробежных сил инерции – указывают на преемственность по отношению к русскому языку метрополии того периода, когда территория Латвии входила в состав Российской империи, тогда как процессы идеологизации лексики активизируют центростремительные силы, все более «отдаляющие» русский язык Латвии от языка метрополии – языка новой России.

Использованная литература

Абызов, Ю.И. 1997. „20 лет русской печати в независимой Латвии", *Русские в Латвии. История и современность*, Выпуск 2. Рига: РГСО, 3 – 33.

Виноградов, В.В. 1986. *Русский язык. Грамматическое учение о слове.* Москва: «Высшая школа», 640 стр.

Зеленин, А. 2007. *Язык русской эмигрантской прессы (1919 -1939)*. Tampere: University of Tampere, 662 стр.

Кошкин, И.С. 2009. „Контакты русского языка в Латвии в первой половине XX в.", *Humaniora Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Tartu: Tartu Universitate, 82–102.

Крысин, Л.П. 2004. *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике.* Москва: Языки славянской культуры, 888 стр.

Купина, Н.А. 2015. *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 186 с.

Кюльмоя, И.П. 2009. „Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития", *Humaniora Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Tartu: Tartu Universitate, 11 – 28.

Малышева, Е.Г. 2009. „Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация", https://psibook.com/linguistics/ideologema-kak-lingvokognitivnyy-fenomen-opredelenie-i-klassifikatsiya.html (Дата обращения: 20.10.2021).

Понэ, А. 1928. *Русско-латышский словарь.* Рига: Склад у Акц. Общ. «Вальтерс и Рапа».

Селищев, А. 1928. *Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917 – 1926*. Москва: Работник просвещения, 248 с.

Стойкова, Т.А. 2007. „Формирование языка русскоязычного меньшинства: русский язык Латвийской республики 1918-1940 гг. и язык метрополии", *Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17–23 сентября 2007 г.* Том 3. *Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов. Функциональные разновидности русского языка.* София: Heron Press, 211- 218.

Стойкова, Т.А. 2019. „Некоторые особенности языка русской публицистики Латвии (1918 – 1940)", *Филология в XXI веке. Спецвыпуск/2019*. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 282-287.

ТСУ – *Толковый словарь русского языка.* Ред. Д.Н. Ушаков, I–IV. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

Источники

Для Вас: Еженедельный иллюстрированный журнал. Рига, 1933 – 1940.

Газета «Сегодня». Рига, 1919-1940.

Tatjana STOIKOVA

SOME TRENDS IN THE VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF LATVIA 1918-1940

Summary: The article examines significant trends in the vocabulary of the Russian language of Latvia 1918-1940 based on the material of Russian language journalism. These trends are: the processes of preservation of the vocabulary and its ideologization due to the political and cultural separation of the Russian language of Latvia from the language of the metropolis after the formation of the national state of the Republic of Latvia in 1918.

Александар ТАЛЕСКИ
Пермски државен национален истражувачки универзитет
Перм, Русија

ЕМОЦИОНАЛНОТО ПОВЕДЕНИЕ НА РУСКОЈАЗИЧНИОТ ГОВОРИТЕЛ ВО ВИРТУЕЛНАТА РЕАЛНОСТ (СО ПОСЕБЕН ОСВРТ НА ЕТИКЕЦИЈАТА)

Апстракт: Предмет на истражувањето е емоционалното поведение на рускојазичниот говорител во сферата на виртуелната реалност (VR). VR е средина моделирана со употреба на компјутерски технологии и технички средства. Во моментов, VR се смета за експериментална средина или за метод на истражување.

Материјалот за ова истражување е добиен преку експеримент во VR. Во експериментот учествуваат 24 испитаници и се добиени 725 реплики на руски јазик. Врз основа на анализата на добиените реплики се определува емоционалното поведение на говорителот во VR и неговата специфика.

Емоционалното поведение на рускојазичниот говорител во VR може да биде фиксирано со маркерите на однесување, на коишто им се припишува помошна функција во комуникацијата. Маркерите на однесување обично им помагаат на учесниците во комуникацијата во успешното создавање, имплементација и перцепција на самиот дискурс.

Клучни зборови: емоционален деиксис, бонтон, гестови, виртуелна реалност, руски јазик.

Вовед

Предмет на истражување во овој труд е емоционалното поведение на говорителот во виртуелната реалност (VR).

VR претставува реалност моделирана со употреба на одредени технологии и технички средства, коишто овозможуваат целосно или делумно вникнување на корисникот во тој вештачки свет и создаваат илузија на реалноста. Во моментов, VR се смета за метод на истражување или за експериментална средина, којашто се наоѓа помеѓу објективната и субјективната реалност. Во таа средина разни реални процеси и дејствија кооперираат со човековата свест (Каганов 2003).

Со прогресот на новите информатички технологии, сферата на употреба на јазикот постојано се раширува, што е предуслов за да се осврнеме на прашањето за тоа како функционира и како се развива јазикот во областа на VR. Во ова истражување се прави обид да се опише спецификата на емоционалното поведение на родените говорители на рускиот јазик. Спецификата на емоционалното поведение во VR се разгледува од аспект на реализацијата на категоријата емоционален деиксис.

Категоријата емоционален деиксис е еден од новите типови на деиксис, коишто претставуваат компоненти што го надополнуваат традиционалното трио (персонален, просторен и временски). Емоционалниот деиксис е заснован на емоциите на говорителот. Т. Киселева укажува на важноста на емоциите, подвлекувајќи ја нивната улога во диференцијацијата помеѓу човечката култура и социјалните инстинкти на жи-

вотните. Според Т. Киселева причината за процесот на дивергенција е формирање на емоционален почеток како една од формите на општиот развој на мозокот и психата (Киселева 2003: 162).

В. Шаховски нагласува дека емоциите постоеле кај една личност дури и во предлингвистичката фаза и биле изразени со гестови. Ова зборува за неразделноста на човекот и емоциите: „Емоциите се јадрото на 'јазичната личност', исто како што рефлексијата е суштината на нејзината свест" (Шаховский 2008: 48). З. Исхакова, врз основа на оваа теорија на В. Шаховски, тврди дека концептот на „јазична личност", пред сè, ја подразбира емоционалната суштина на една личност, односно емоционалниот интелект (Исхакова 2010: 645).

За Н. Сребрјанска емоционалниот деиксис е „начинот на кој се одредуваат емоционалните карактеристики на субјектот" (Сребрянская 2005: 21). З. Исхакова додава дека емоционалниот деиксис е комбинација од две нивоа на изразување: директно, преку говорот на телото, изразите на лицето и гестовите, и посредувано, преку јазикот. Така, една од функциите на емоционалниот деиксис е укажувањето на дополнителните параметри на говорната ситуација (Исхакова 2010). Покрај тоа, З. Исхакова ја нагласува важноста на социокултурните карактеристики на емоционалниот деиксис, поточно, родовата специфичност на говорното однесување (Исхакова 2010: 648).

Корелацијата на емоционалната состојба на говорникот со одредени начини на изразување на емоции во изговорот за време на комуникацијата создава емоционален деиксис (Жура 2000). Според Н. Арутјунова, емоционалниот деиксис е поврзан со висок или низок степен на вклученост на говорителот во комуникацијата (Арутюнова 1999: 677).

Од тој аспект се појавува потреба да се истражи емоционалното поведение на говорителот во сферата на VR како една нова комуникативна средина и средина на функционирање на човекот.

Експеримент

Материјалот за ова истражување е добиен преку експеримент во VR. Основната цел на експериментот е да се прикажат моделите на деиктичкото и комуникативното поведение на говорителот во сферата на VR. Во рамките на комуникативното поведение е опфатено и емоционалното поведение.

Експерименталната VR-средина, во којашто се спроведува ова истражување претставува еден вид на структура. Таа структура вклучува VR-стенд, којшто опфаќа различни VR-платформи – различни генерирани реалности (види слика 1). Секоја VR-платформа се состои од сцени, кои можат да бидат статични или динамични. VR овозможува креирање на голем број на типични сцени. Во овие сцени испитаниците извршуваат едни исти задачи, но нивното комуникативно поведение варира, создавајќи можност за последователна анализа. Предноста на таков експеримент е целосната репродуктивност на условите за сите испитаници.

Во експериментот се користат пет сцени (C1-C5). Шемите за создавање на сцените во експериментот во VR се преземени од трудот на А.А. Ростовцев-Попељ (2009). Секоја сцена во експериментот претставува единствена комбинација од три главни параметри: взаемната положба на говорителот (S) и адресатот (A) во комуникативната ситуација, локацијата на објектот од аспект на просторот на комуникација (во внатрешниот или во надворешниот простор на комуникација), местоположбата на објектот од аспект на видното поле на учесниците (во видното поле на учесниците во комуникацијата или надвор од него) – и нивните одредени варијации.

Слика 1

C1 е лично ориентирана сцена: комуникацијата е лице в лице; објектот се наоѓа во внатрешниот простор на комуникација, во видното поле на учесниците во комуникацијата (слика 1).

C2 претставува лично ориентирана сцена: објектот се наоѓа во надворешниот простор на комуникација и се наоѓа во видното поле на адресатот, но зад грбот на говорителот; во процесот на комуникација, говорителот се врти да го погледне предметот, кој автоматски се појавува лево / десно од него или пред него.

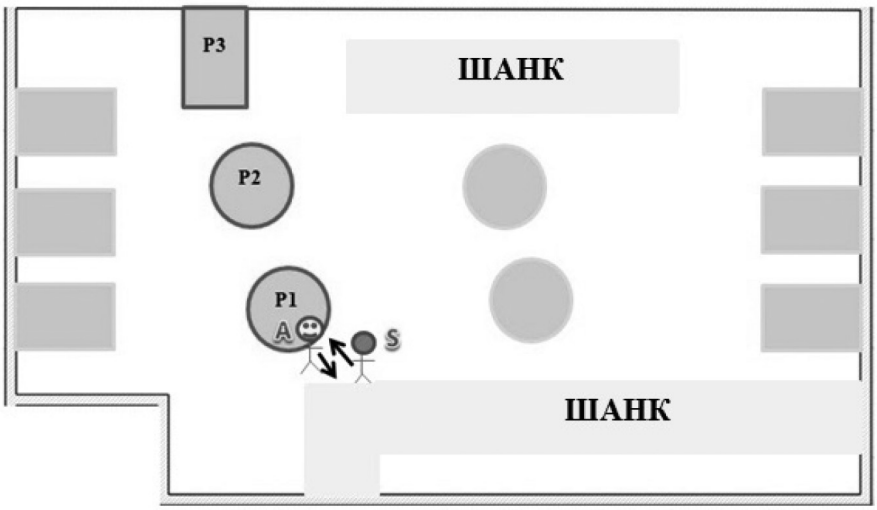
C3 е лично ориентирана сцена: предметот се наоѓа во надворешниот простор на комуникација, во видното поле на говорителот, зад грбот на адресатот (слика 2).

C4 претставува просторно ориентирана сцена, којашто има две варијанти - 1) говорителот е до адресатот; 2) земајќи го предвид движењето на говорителот низ VR просторот, истиот често се наоѓа зад грбот на

адресатот. Во двете варијанти, предметот е во надворешниот простор на комуникација, во видното поле на двајцата учесници во комуникацијата.

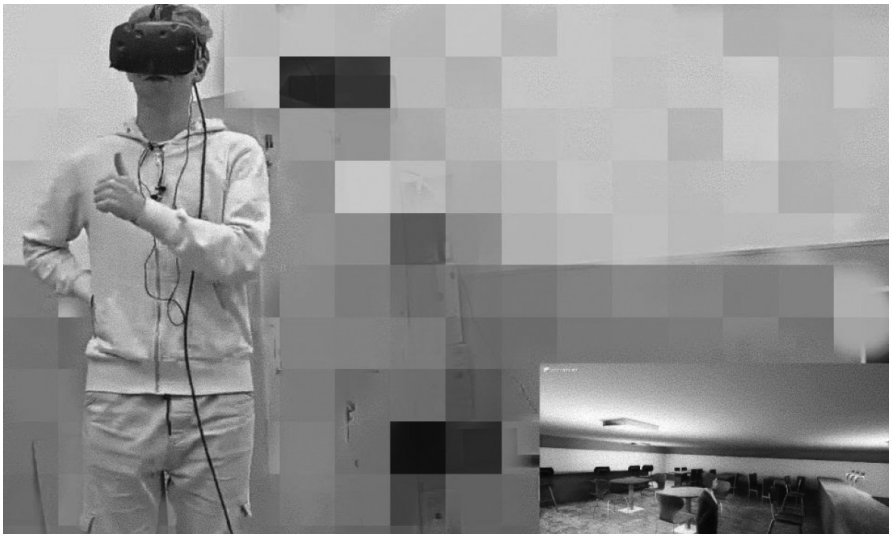
С5 е просторно ориентирана сцена: говорителот е десно од адресатот; објектот се наоѓа во надворешниот простор на комуникација, во видното поле на говорителот и надвор од видното поле на адресатот, зад неговиот грб.

Во експериментот учествуваат 24 учесници (12 мажи и 12 жени) – родени говорители на рускиот јазик. Основната задача на говорителот е да побара од адресатот да го земе објектот, којшто говорителот го гледа на масата. По исполнувањето на задачата, експериментаторот ја менува сцената. Со секое менување на сцената се менува местоположбата на елементите (адресатот, објектот). Секогаш кога се менува местоположбата на адресатот или на објектот во VR просторот говорителот треба да го најде објектот расположен на една од масите во виртуелната просторија и да побара од адресатот да го земе. Ова дејство се повторува во сите пет VR сцени со две анимирани VR личности (жена и маж), кои редоследно се заменуваат една со друга. Секој испитаник минува низ 10 сцени. Во секоја сцена, објектот се појавува во три позиции – на различни маси (на слика 2, бројките го означуваат редоследот на неговото појавување – P1, P2, P3). Комуникацијата се снима на видео.



Слика 2

Видеоснимките се прават со употреба на два уреда: внатрешна камера што ја снима сцената, којашто испитаникот ја гледа во VR-шлемот и надворешна камера, со чија помош се снимени гестовите на испитаникот. Снимките на надворешните и на внатрешните камери се синхронизирани и се споени (види слика 3). Вкупното времетраење на видеоснимките е 2 часа и 35 минути.



Слика 3

Материјалот за студијата е транскрипт од снимките од процесот на комуникација. Синхронизацијата на двете видеосеквенци овозможи да се поврзе вербалното поведение на говорителот во VR со дејствата на неговото тело (гестови, движења, изрази на лицето, итн.) во реалноста. Овој сооднос во фазата на обработка на материјалот е претставен во форма на реплика: «*Обернитесь на 180 градусов [движение пальцем правой руки вокруг] и пройдите чуть-чуть вперед [горизонтальное указание правой рукой] и возьмите бутылку*»[1]. Вкупно беа проанализирани 725 реплики.

Во првата фаза, беа идентификувани фрагменти (синтагми) со деиктичка семантика, вклучително и опис на невербалните средства што го придружуваа говорот. Во втората фаза, беше утврдена деиктичката или комуникативната семантика на секоја синтагма; во зависност од семантиката, секоја синтагма се припишува кон еден или друг деиктички и комуникативен клас. Една синтагма (сама или во комбинација со други вербални и / или невербални средства) може да се вклучи во неколку класи, врз основа на нејзините својства и функции.

Обработката на репликите беше извршена во информатичкиот систем „Семограф“ (https://semograph.org) (Belousov 2017), кој овозможува класифицирање содржини по која било основа, автоматски пресметки и др.

Резултат

Во репликите на испитаниците моделите на емоционалното поведение се изразени, пред сè, во нормите на однесување (бонтон):

[1] Во квадратните загради се опишани невербалните средства: движења, гестови, мимика и др.

Пр.1. С1+Р1 *[стоит выпрямившись, руки на талии. Оглядывается вокруг]* ***Добрый вечер,*** *девушка [снимает руки с талии, поправляет одежду]. Смотрите [кивает вправо], у меня на столе есть такая бутылка вина.* ***Не хотели бы*** *вы подсесть и попробовать. Я вас приглашаю на бокальчик.*

Пр.2. С2+Р3 *[оглядывается в поисках бутылки]* ***Будьте любезны****, дайте мне, пожалуйста, бутылку вина вон с того столика [оборачивается по направлению к столику] [держит левую руку за спиной] [правая рука прижата к ноге].*

Поздравот е прва демонстрација на учтивост (пр.1). Испитаниците користат различни поздрави за остварување на првичен контакт, на пример, *Добрый вечер*, *Добрый день*, *Здравствуйте*, *Хэллоу*. Тоа ни овозможува да ги диверзифицираме изразите на поздравите од аспект на емоционалната семантика. Прво на што укажуваат овие јазични елементи е добрата волја кај говорителот. Поздравите *Добрый вечер*, *Добрый день*, *Здравствуйте* укажуваат на желбата на говорителот да воспостави пријателски, поблизок однос со адресатот, додека пак изразот *Хэллоу* веќе го подвлекува пријателскиот однос на говорителот кон адресатот.

Разновидноста на поздравите во репликите на испитаниците укажува на нееднаквиот однос кон VR-адресатот и ја одредува емоционалната состојба на говорителот во тој момент. Покрај тоа, со поздравите може да се определат моделите на социјално однесување на говорителот од аспект на полот на виртуелниот адресат. Така, се гледа нарушување на нормите на однесување во однос на VR-адресатот од машки пол. Во комуникацијата помеѓу испитаниците и VR-адресатот од машки пол се забележуваат шест синтагми со семантика на поздрав, а со VR-адресатот од женски пол среќаваме девет случаи на употреба на поздрави.

Изразување на почит на говорителот кон VR-адресатот се забележува и при употребата на зборови со семантика на благодарност и извинување, коишто во репликите на нашите испитаници се помалку застапени, а исто така и при употребата на зборовите со семантика на молба да се заврши одредена задача (пр.2). Така, говорителот користи изрази *Будьте добры, Будьте любезны, Я надеюсь Вам не составит труда, Прошу Вас, Можно, Пожалуйста* итн., во коишто се забележани и емоционални и социјални нијанси.

Од друга страна, во некои реплики на испитаниците има и нарушување на бонтонот:

Пр.3. С5 + Р1 ... ***Погоди*** *[поворачивается налево, берется левой рукой за очки], что там на первом столике?* ***Можешь*** *принести бутылку посмотреть. Вроде у нас вообще такого вина нет в баре. Наверное, кто-то со своим пришел. В общем,* ***дай*** *посмотрю. [поворачивается направо, делает одобрительный жест левой рукой].*

Нарушувањето на бонтонот, пред сè, се забележува кога говорителот во комуникацијата со адресатот користи заменки и глаголски фор-

ми за 2 л. едн., како и форми на императив кај глаголите. Покрај тоа, нарушувањето на бонтонот се среќава и при употребата на некои јазични конструкции и синтагми, на пример, *Какая молодец, Он не очень-то и молодой, Какой ужасный сервис* итн.

Од примерите се забележува дека нарушувањето на бонтонот може да е предизвикано како од негативни емоции така и од пријателски чувства на говорителот во однос на адресатот. Тука спаѓаат пофалби – *Какая молодец,* исмевања – *Он не очень то и молодой, У вас что полтергейст завелся* и критика – *Какой ужасный сервис.* Употребата на граматички и лексички средства, со коишто се нарушува бонтонот најчесто се среќаваат во последните две ситуации, т.е. пред самиот крај на експериментот. Како причина за таквиот феномен може да се смета тоа што говорителот и VR-адресатот веќе развиле некаков однос, којшто му дозволува на првиот да излезе од рамката на правилата на однесување. Нарушувањето на бонтонот може да биде условено и од факторот пол на виртуелниот адресат.

Определени модели на емоционално поведение на говорителот се среќаваат и при обраќање на испитаниците кон виртуелниот лик:

Пр.4. С1+Р1 ***Уважаемая леди*** *[держит руки, повернутыми ладонями вверх. пригласительный жест], подойдите, пожалуйста, ко мне [манит к себе кистью правой руки и указательным пальцем] и возьмите бутылку, которая стоит ровно передо мной [горизонтальное указание на референт левой рукой (ладонь вверх)].*

При обраќање кон адресатот говорителот користи богат сет на вербални средства, на пример, *Официант, Мужчина, Уважаемая леди, Джентльмен, Товарищ, Девушка, Эй, Молодой человек, Андрей* итн. Некои од овие обраќања се неутрални – *Девушка, Молодой человек, Товарищ, но во изразите како Уважаемая леди, Джентльмен, Эй, Андрей* емоционалните нијанси се поизразени. Еден дел од овие обраќања можат да се класифицираат како обраќања со семантика на почит, *Уважаемая леди, Джентльмен и др.* обраќања со семантика на грубост и во одредена мера на вулгарност *Эй,* обраќање со семантика *Официант, Официантка.* Обраќањето кон адресатот со *Андрей* може да се толкува различно. Од една страна може да изразува неутралност, со оглед на честото отстапување на испитаниците од задачата што се бараше од нив. Од друга страна таквото обраќање може да содржи семантика на прекар, псевдоним, блискост, поврзаност и пријателство. Овие модели, исто така, може да се класифицираат како социјални.

Емоционалното поведение на рускојазичниот говорител во VR може да биде изразено и при употреба на невербални средства.

Пр.5. С1 + Р1 *Ой. [стоит подбоченясь] Так. Здравствуйте, девушка,* ***[машет правой рукой в знак приветствия],*** *ааа, возьмите, пожалуйста, бутылку [указывает левой рукой (ладонь повернута вверх)] на столе, который находится через два круглых [поворачивается по направлению к столам] стола от вас.*

Во реакциите на испитаниците при комуникација во VR, често се забележуваат невербални средства со емоционална семантика, и покрај фактот што испитаниците не ги гледаат своите екстремитети внатре во VR. Треба да се напомене дека невербалните средства се користат не само како помошни средства туку и како полноправни средства. Во улога на помошни средства изразуваат дополнителни емоционални и семантички нијанси, на пример, бонтон-гестовите во реакциите на испитаниците обично се придружени со вербални изрази на бонтон, како што се поздравот *Хэллоу* ***[машет кистью левой руки]***, молба *Обернитесь, пожалуйста [**кивок**],* обраќање *Джентльмен* ***[наклон головы]*** итн. Невербалните средства како полноправни се среќаваат во примерите *[Видит мужчину.* ***Всплеск руками], [делает одобрительный жест левой рукой]*** и др.

Други невербални средства што можат да се окарактеризираат како емоционални, покрај класичните гестови се воздишка, смеа, кои изразуваат задоволство, радост, забава или други чувства, како и одредена мимика – стегнати усни, насмевка и сл.

Заклучок

Емоционалното поведение на рускојазичниот говорител во VR може да биде изразено со помош на нормите на однесување (бонтон). Од тој аспект може да се констатира дека во репликите на испитаниците постои широк спектар на модели на емоционалното поведение на говорителот во сферата на VR. Овие модели се изразени преку вербални конструкции или синтагми со семантика на поздрави, благодарност, извинувања, молби, обраќања, повреда на бонтонот итн.

Варијабилноста во изборот на вербалните конструкции за бонтон и неговото нарушување во комуникацијата помеѓу испитаниците и VR-адресатот често се условени од полот на виртуелниот адресат. Иако, адресатот е анимиран и не е интерактивен во комуникацијата, сепак испитаниците во поголема мера користат бонтон во однос на адресатот од женски пол. Тоа се забележува кај поздравите, кај нарушувањето на бонтонот итн.

Влијанието на факторот *пол* кај виртуелниот адресат врз изборот на вербалните конструкции укажува на вкрстувањето на емоционалниот со социјалниот деиксис. Совпаѓање на емоционалниот и на социјалниот деиксис се забележува и во обраќањата на говорителот кон VR-адресатот.

Освен со вербални средства, емоционалното поведение на говорителот во VR е изразено и преку невербални средства, коишто можат да имаат како главна така и помошна функција во комуникацијата. Треба да се забележи дека и покрај тоа што испитаниците не ги гледаат своите екстремитети внатре во VR, сепак тие активно ги користат екстремитетите во комуникацијата со VR-адресатот. Тој факт и фактот што емоционалното поведение на говорителот во VR е изразено преку богат сет на вербални и на невербални средства сведочи за високиот степен на вклученост на говорителот во комуникацијата.

Користена литература

Арутюнова, Н. Д. 1999. *Язык и мир человека.* М.: Языки русской культуры.

Жура, В. В. 2000. *Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности (на материале англоязычной художественной литературы)*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград.

Исхакова, З. З. 2010. „Homo sentiens и репрезентативная функция языка“, *Вестн. Башкирского ун-та.* Т. 15, № 3. С. 644–649.

Большой психологический словарь, 2003. Под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. 672 с.

Киселева, Т. Г. 2003. „Социальный образ женщины в культурах мира“, *Общественные науки и современность.* №3. С. 162–172.

Ростовцев-Попель, А. А. 2009. „Типология демонстративов: средние дейктики“, *Вопросы языкознания.* №2. С. 22–34.

Сребрянская, Н. А. 2005. „Статус дейктических проекций в художественном тексте“, *Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*, Воронеж, № 1. С. 24–27.

Шаховский, В. И. 2008. *Лингвистическая теория эмоций: монография.* М. 415 с.

Belousov, K., Erofeeva, E., Leshchenko, Y., Baranov, D. 2017. „’Semograph’ Information System as a Framework for Network-Based Science and Education“, *Smart Innovation, Systems and Technologies*. Vol. 75. Pp. 263-272.

Aleksandar TALESKI

THE EMOTIONAL BEHAVIOR OF THE RUSSIAN LANGUAGE SPEAKER IN VIRTUAL REALITY (WITH SPECIAL REVIEW OF ETHICS)

Summary: The article aims to show some models of the emotional behavior of the speaker in the field of virtual reality. The work consists of an introduction, two chapters and a conclusion. The introduction provides a theoretical basis on which the research is based. The first chapter shows the methodology and outlines the experiment in the field of virtual reality. The next chapter presents the obtained result of 725 replies of the respondents. The result of the research is a rich set of verbal and non-verbal constructions and syntagms with emotional semantics, on the basis of which models of the emotional behavior of the speaker are created. The obtained results are summarized in the conclusion.

ЛИТЕРАТУРА

Валерия БЕЛОВА
Тамбовский государственный университет имени
Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ А.И. КУПРИНА «ЮГОСЛАВИЯ»

Аннотация: В работе рассмотрены проблемы национальной идентичности, национальной выразительности, национального характера в цикле очерков А.И. Куприна «Югославия». Особое внимание уделяется авторским способам этноидентификации и анализу художественных приемов, которые использовал Куприн для отражения феномена национального.

В работе рассмотрены способы создания образов, раскрывающих проблемы национальной идентификации. Рассматривается жанровая специфика очерковых произведений А.И. Куприна. Акцентируется внимание на том, что Куприн рассматривает культурное наследие как главное звено в процессе этноидентификации народа Югославии.

Делается вывод о том, что Куприн показывает особое отношение народа к истории, традициям и культуре с целью изображения народного единства жителей страны.

Ключевые слова: А.И. Куприн, цикл очерков «Югославия», национальная идентичность, способы этноидентификации

Период эмиграции в жизни А.И. Куприна начинается с ноября 1919 года, когда писатель покинул Гатчину вместе с армией Н.Н. Юденича, по конец мая 1937 года. В 1928 году Куприн побывал в Югославии в составе делегации русских писателей-эмигрантов и принял участие в Съезде русских писателей и журналистов в Белграде, которое продолжалось с 30 сентября по 5 октября. В сербской газете «Политика» была опубликована статья «Куприн среди сербов», в которой был приведен разговор Куприна с королем Александром, где отражена заинтересованность писателя бытом, нравами и фольклором южных славян.

Художественным откликом на пребывание в Белграде стал цикл очерков «Югославия», состоящий из четырех очерков: «Белград, «Народная память», «Старые песни», «Герцеговинец». Данный цикл имеет большое значение для понимания купринского отношения к национальной культуре.

В данном цикле поднимается проблема национальной идентичности, которая характерна для многих произведений автора. Куприн большое значение придает этнической самоидентификации человека, осознанию своего культурного тождества с нацией, то есть пониманию своего места и роли в этнической общности, чувству ответственности и сопричастности, знанию истории своего народа, принятию идеологии, что и отражается в цикле «Югославия».

Данный цикл можно отнести к путевым и этнографическим очеркам. Обращение к циклу объясняется спецификой художественного со-

знания, так как цикл допускает большую степень свободы в процессе работы и организации произведения.

Проблема национальной идентичности характерна для многих произведений Куприна. Исследователи заметили, что она охватывает сразу несколько уровней: автора, героя и читателя. Главным из данных уровней можно считать национальную идентичность автора, под которой понимается самоотнесение человека к определенной этнической группе. В творчестве Куприна четко прослеживаются национальные приоритеты и национальная выраженность.

Знакомство с жизнью и искусством югославских народов привлекало писателя гораздо больше участия в заседаниях и банкетах. Куприн проводил много времени, гуляя по городу и присматриваясь к тому, как протекает жизнь на улицах города. Острая наблюдательность писателя позволила ему запечатлеть в своей памяти, а позже и передать читателю быт и нравы незнакомой для себя страны и отметить много понятного, близкого и родного.

В первом очерке, который посвящен Белграду – столице Югославии, Куприн восхищается внешним обликом города, показывает его рост и развитие. Для писателя важна естественность развития города. Для Куприна Белград – исторический центр, где сходится множество дорог, поэтому автор подчеркивает историческую потребность в расширении города и приданию ему ключевого значения в связи с важным местом в коммуникации между разными территориальными объектами: «Белград по своему географическому положению издавна должен был занять место узла, перекрестка множества дорог, соединяющих ближний и дальний запад с ближним и дальним востоком» (Куприн URL).

При изучении уличной жизни Югославии от зоркого глаза писателя не могут скрыться быт, обычаи и нравы, которые пронесли в своей исторической памяти жители данной страны. Куприн называет такие явления культуры «зарубками»: «Ведь были же те далекие, наивные, детские времена человечества, когда оно, чуждое письменной мудрости, запечатлевало необычайные события рисунками на камне или на оленьей лопатке, а подросши немного – в былинах, сказаниях, песнях. Но даже и в более зрелом возрасте, выйдя уже, так сказать, из приготовительного класса, народы не утеряли благородной привычки отмечать важные события своими собственными средствами, своими зарубками» (Куприн URL).

Обращая внимание на такие «зарубки», Куприн стремится отыскать корни и причины патриотических традиций славянских народов. Следовательно, главной темой очерков о Югославии можно назвать прославление прошлого и выявление значимости исторических фактов в национальной культуре южных славян.

Очерки «Герцеговинец», «Народная память» и «Старые песни» посвящены фольклору, обычаям и народным песням. Так в очерке «Народная память» автор повествует об истории одной хорватской фамилии, носители которой были теснимы турками. Возвращаясь в родные

земли, один из носителей считал, что его фамилия давно позабыта. Но его приняли как старого и горячо желанного друга. Также автор рассказывает о древнем и торжественном обряде «славы», который является честью, гордостью и щитом фамилии. Он восхищается тем, что народное сознание смогло пронести такие величественные и торжественные обряды. Вывод очерка демонстрирует значимость и силу исторического прошлого, которое до сих пор хранится в сознании народа. Автор открыто выражает свою симпатию южным славянам, которые «смогли и сумели пронести невредимыми сквозь века тяжкого и кровавого турецкого владычества свои величавые обряды, вроде “Славы” или торжественной встречи друга».

Особое внимание Куприн уделяет искусству, преимущественно музыке, как носителю истории, обычаев и отличительных черт народа. Он восхищается голосами сербов, серьезностью и важностью их лиц, с которыми они тянут свои старые песни, передаваемые от отца к сыну и сохраняемые в своей основе важные моменты из истории страны. Автор отмечает, что голоса сербов кажутся выкованными из стали. Сравнение, выбранное автором, является авторским толчком для возникновения в сознании читателя ряда ассоциативных образов, раскрывающих жёсткость, мужественность, стойкость, воинственность, способность защитить национальную культуру и исторические корни. Также, по мнению автора, искусство несёт в себе огромную силу, способную преобразить человека. Так ярким примером является третий очерк из цикла «Старые песни». Куприн показывает, что искусство, сила таланта, данного природой, и историческая память способны преображать внешний и внутренний облик людей.

Писатель передаёт данную мысль через облик на редкость некрасивой цыганки-певицы, который приковал к себе окружающих. Куприн показывает, как в мгновение ока смогла преобразиться плохо одетая, непривлекательная женщина в певицу с пленительным голосом и притягательным лицом при исполнении старой народной песни. В данном эпизоде писатель использует прием антитезы. Сначала описывается небрежность в образе цыганки и грубость ее лица, но после созерцания ее таланта, образ певицы воспринимается иначе: «Сила таланта пленила, очаровала нас всех. Да и самой прежней некрасивой женщины нельзя было узнать. Она точно еще выросла. Ее черные глаза ожили, вышли из орбит, стали огромными и загорелись черным пламенем. Белки порозовели. Ноздри раздулись, как у нервной лошади. Сквозь желтизну щек проступил смуглый румянец. Нельзя сказать, что она похорошела. Она вдруг сделалась прекрасной» (Куприн URL). Данный прием используется Куприным с целью показать, что талант дан человеку свыше и при соприкосновении других людей с ним происходит преображение, способное возвысить человеческую душу.

Но это не единственная роль, которую отводит Куприн искусству и музыке. Музыка является способом выразительности национальной

идентичности как самого автора, так и его героев. В первую очередь, это, как уже было упомянуто выше, национальные песни. При изображении Югославии Куприн использует музыку как национальный стержень, при помощи которого жители страны могли фиксировать и сохранять в памяти важные исторические события, обычаи и обряды.

При изображении народа Югославии Куприн часто делает акцент на естественность характера южных славян, его безыскусность и искренность. Поэтому автор использует обращение к народной песне как эстетический и мировоззренческий отклик писателя, определяющий авторскую позицию, проявляющуюся в идеализации и романтизации национальной истории.

Куприн большое внимание уделяет народным приметам, былинам, присловьям этнографическим заметкам, опираясь на культурный пласт жителей страны, он обращается к обычаям и обрядам, которыми народ отмечает важные события в своём историческом развитии. Такие элементы являются для писателя способом проявления национальной идентичности.

Особое место в цикле очерков «Югославия» занимает глава под названием «Герцеговинец». Это заключительный очерк цикла, который резюмирует авторскую концепцию. В поисках естественных начал Куприн обращается к исторической памяти. Но обращение к памяти происходит не только на духовном уровне, но и на вещественном. Старинная вещь, подобно улике, помогает писателю показать сам факт сохранения культуры южными славянами. Такой «уликой» служит музыкальный инструмент, который называется «гусли». В главе «Герцеговинец» автор подробно фиксирует внешний вид хорошо сохранившегося необычного для писателя инструмента: «Бережно несет он с собой диковинный громоздкий музыкальный инструмент, описать который трудновато. Это – как будто бы подобие виолончели, но с прямым, как палка, грифом и всего об одной толстой кишковой струне. В деке – круглый гитарный вырез, а сама дека похожа на четырех- или пятигранный ящик красного дерева. Всего неописуемее смычок. Деревянная дуга его горбата или, если хотите, серповидна, а концы ее соединены тугой белой лентой из конского волоса» (Куприн URL).

Слушая песню, исполняемую на данном музыкальном инструменте, Куприн описывает её, используя такие слова как «скудный» и «простейший» напев. Данные слова могут нести в себе отрицательную окраску, но не в этом случае. Писатель использует их с целью показать первозданную чистоту исполняемой мелодии, ведь дальше автор говорит о том, что такой напев «чрезвычайно трудно запоминается». Именно это и является теми корнями и естественным началом, которые пытается найти Куприн. Но эта песня «молодая», по словам герцеговинца, ей всего пятьдесят-шестьдесят лет. Это ещё одно доказательство тому, что жители Югославии смогли пронести сквозь время и воплотить в культурных явлениях свои «первобытные», естественные начала, которые можно проследить даже в «молодой» песне.

В данном случае гусли не просто выступают в роли музыкального инструмента или исторического артефакта, а обладают особой семантической значимостью. Игра на этом музыкальном инструменте неразрывно связана с исполнением фольклорных песен-преданий, которые несут в себе память народа, его культуру и историю, чем дорожат южные славяне и оберегают как несметное богатство. Куприн создаёт особый образ гусляров. Это не просто люди, умеющие играть на музыкальном инструменте, а хранители памяти, защитники истории и культурных ценностей: «Гусляры у нас всегда, с древнейших времен, во все годы турецкого ига, были хранителями памяти доблестных борцов, возбудителями новых славных восстаний, живой бродячей пропагандой сербской свободы и независимости» (Куприн URL).

Завершает цикл очерков Куприн старинной былиной о сербском славном воеводе и его двух молодых сыновьях, верной и храброй дружине, тайном набеге на турецкий лагерь, передавая её своими словами. Включая в текст фольклорную форму, Куприн передаёт былину с помощью эпической формы, что создаёт у читателя ощущение восприятия произведения напрямую, без посредника. Это воссоздаёт эффект присутствия и погружения в музыку.

Отдельное место в очерке «Герцеговинец» занимает образ герцеговинского депутата, его жены и быта. Через образ герцеговинского депутата автор показывает осознание принадлежности каждого человека к народу и своей стране вне зависимости от социального статуса. Каждый чтит традиции, соблюдает обычаи и осознает себя частью своего народа. В этом автор видит ядро Югославии, что и изображает в своем произведении.

Представитель власти, несмотря на свое положение в обществе, знает тяжесть работы, пробуждение до зари и «нетерпеливый голод» человека, который «привык ценить и уважать заработанный в поте лица собственный хлеб» (Куприн URL). Обедает как обычный рабочий, ни капли, не стесняясь этого, а наоборот, гордясь своим народом и принадлежностью к нему.

Куприн отмечает важную деталь в словах герцеговинца, которая в полной мере способна описать уклад сербского народа и его любовь к своей родине:

«– Камни холодные, а люди теплые? – вставил я вопросительно. Хозяин быстро повел на меня мгновенно заблестевшим черным глазом.

– А люди горячие, – поправил он гордо. – Нигде люди не любят так страстно своей родины, как в горной, суровой и скудной Герцеговине. У нас все за одного, один за всех. Если я по какому-нибудь поводу (исключая, конечно, корысть) убью человека и если об этом знает вся Герцеговина, то ни один человек не только не донесет, но и во сне не проболтается и не выдаст ни под пыткой, ни под угрозой смерти» (Куприн URL).

Но не только патриотизм подчеркивается писателем. Людям Югославии свойственна простодушная доброта и гостеприимство. Им не

свойственна искусственная манерность, излишняя вычурность общения и показное гостеприимство. В народном характере сохраняются только искренние, настоящие чувства и эмоции.

Естественность, как уже отмечалось ранее, важная черта в создании образа Югославии. Это касается не только поступков, но и внешнего облика южных славян. Куприн сравнивает жителей больших городов России и народа Югославии. Русские почти не видят индивидуальной красоты и сами стремятся к одинаковости, в отличие от южных славян. Автор отмечает, что он «с отрадой и с отдохновением взирал на милое лицо хозяйки, такое свое собственное, так свеже дышавшее добротой, здоровьем и скромной веселостью» (Куприн URL). Такая естественная и индивидуальная красота не редкость в Югославии, поэтому Куприн видит в этом настоящую культуру.

Таким образом, в ходе рассуждений были рассмотрены способы этноидентификации в цикле очерков Куприна «Югославия», проанализированы художественные приемы, использованные автором, выяснено место истории и культуры в сознании южных славян.

Использованная литература

Куприн А.И. *Биография*, Частная литературная библиотека. URL: http://kuprin-lit.ru/

Куприн А.И. *Юго̄славия*, URL: http://kuprin-lit.ru/kuprin/proza/yugoslaviya.htm

Купринская энциклопедия. 2016. Авт. проекта и гл. ред. Т.А. Кайманова. – Пенза: ИП Соколов А.Ю. 705-709, 743 с.

Valeria Aleksandrovna BELOVA

THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY IN THE CYCLE OF FEATURE STORIES BY A.I.KUPRIN “YUGOSLAVIA”

Summary: This article examines problems of national identity, national distinction and national character in the cycle of feature stories by A.I.Kuprin “Yugoslavia”. A special attention is paid to the writer’s ways of ethnic identification, as well as to the analyses of literary techniques which Kuprin used for featuring the phenomenon of the national.

The articles examines the means of creating characters revealing the problems of national identification. The genre specifics of I.A.Kuprin’s feature stories is also examined. Attention is paid to Kuprin considering cultural heritage as the key link in the process of ethnic identification of Yugoslavia’s nation.

The conclusion is that Kuprin shows special feeling of the nation for history, traditions and culture in order to demonstrate the national unity of the people of the country.

Луиза КУЗЬМИНА
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СОВРЕМЕННОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: Прецедентные феномены из произведений Ф.М. Достоевского широко распространены в современном коммуникативном пространстве. Наряду с использованием прецедентных текстов Достоевского как знаков высокой культуры в современном коммуникативном пространстве активно проявляются интертекстуальность, ирония, разного рода трансформации, что свидетельствует об их игровой актуализации. Особое внимание уделяется, во-первых, различным способам актуализации прецедентных феноменов; во-вторых, их использованию в разных видах искусства (кинематограф, театр, музыка, современная художественная литература) и сферах (городская номинация, брендинг).

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, прецедентные феномены, коммуникативное пространство, знаки культуры, современные медиа

Объектом данного исследования являются прецедентные феномены – знаки высокой культуры с источником «Ф.М. Достоевский». Под прецедентными феноменами мы понимаем культурные знаки, общие для ментальной базы представителей определённой культуры, источниками которых могут быть разные сферы: литература, живопись, кинематограф, театр и т.д. Кроме того, возможен и другой подход: одна сфера-источник («произведения какого-либо русского писателя») рассматриваются в разных видах искусства (литература, театр, кино, живопись).

Прецедентные культурные знаки с отсылкой к Ф.М. Достоевскому широко представлены в сфере медиа: традиционные печатные медиатексты, тексты теле- и радиопередач, рекламные тексты, социальные сети, видеохостинги, блоги часто содержат названия произведений писателя, а также имена и высказывания их персонажей. Однако пространство медиа является не единственной сферой функционирования подобных культурных знаков. Для объединения всех сфер с общим источником мы используем понятие **коммуникативного пространства,** в которое входят и другие виды искусства (кинематограф, театр, музыка, современная художественная литература). В коммуникативное пространство мы включаем также городскую номинацию.

Современное коммуникативное пространство интертекстуально, и творчество и факты биографии Ф.М. Достоевского находят отражение в произведениях современных авторов – как профессиональных, так и непрофессиональных, что особенно часто появляется в социальных медиа в качестве шутки, анекдота. Например, опубликованное на портале «Стихи.ру» стихотворение Валерия Шума «Аэропорт Достоевского» (https://stihi.ru/2019/01/11/8229, 2019):

В любом из мужиков живёт Игрок, Подросток, Идиот; Порой к финалу пьесы Вселяются и Бесы.

Кроме того, использование культурных знаков с источником «Достоевский» встречается в рецензиях. В газете «Коммерсантъ» (№152 от 26.08.2021) опубликована рецензия на новую книгу Виктора Пелевина «Transhumanism Inc»: *«От начала и до конца все персонажи «Transhumanism Inc.» бесповоротно делятся на* ***тварей дрожащих и тех, кто имеет такое право****, какое Наполеону с Магометом и в горячечном сне не могло присниться».* Или отзыв о романе «Пророк» Павла Мейлахса: *«А дальше – спор героя с покойным братом, спор еврея-христианина и еврея-иудея. О том, какое место должен занимать человек по отношению к Б-гу и к другим людям.* ***Каждый из нас – тварь дрожащая.*** *Это с одной стороны.* ***Но для самого себя-то все равно тварь дражайшая.*** *Нет для человека ничего важнее собственных страстей и пороков»* (https://lechaim.ru/ARHIV/183/n12.htm).

В музыкальной сфере также частотны случаи использования прецедентных знаков с источником «Достоевский»: отметим не только тексты песен, но и названия музыкальных групп, исполнителей – рэпер «Соня Мармеладова», украинская рок-группа «Братья Карамазовы», оркестр экстремальной рок музыки «ДОСТОЕВСКІЙ ИДИОТЪ».

Связь сферы театра и кино с медиасферой демонстрируют заголовки статей о театральных постановках и об экранизациях произведений Ф.М. Достоевского: «**Идіотъ** в вашем доме» (https://www.gazeta.ru/2003/05/13/idiotjvvasem.shtml – о показе сериала «Идиот» на телеканале «Россия»), «*Вилле Хаапасало мечтает* ***зарубить старуху-процентщицу»*** (https://sobesednik.ru/post/haapsalo-staruha – о желании актёра сыграть роль Раскольникова в новой экранизации романа); *«Не* ***топором*** *единым: в псковском театре дали по голове* ***Фоме Опискину****»* (https://informpskov.ru/news/333247.html, 05.09.2020 – о новом спектакле Псковского драматического театра).

Прецедентные культурные знаки могут быть результатом как канонического прямого цитирования, так и трансформаций разного рода – замена компонентов, усечение или расширение состава прецедентного феномена, трансформации на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях и другие.

Заголовок *«Тварь я дрожащая или метро имею»* (https://www.kommersant.ru/doc/1391398 – статья об открытии станции «Достоевская» московского метрополитена, для дизайна которой оформители выбрали из произведений писателя несколько особенно мрачных эпизодов) является примером, который показывает, что прецедентный культурный знак располагается сначала в коммуникативном пространстве, в частности пространстве города (Москвы), и только потом попадает в сферу медиа. Заголовок статьи отсылает не к тексту произведения писателя, а к объекту городской инфраструктуры. Трансформация (как

и текст самой статьи) «указывает на критическое отношение автора статьи к выбору средств художественного оформления станции метро» (Kuzmina, Remchukova 2020: 177): *«С насилием, правда, все в порядке,* ***особенно повезло*** *пилону с “Преступлением и наказанием” – с одного края Раскольников,* ***прикончив валяющуюся тут же процентщицу,*** *замахивается топором на её сестру, а сразу за углом как-то* ***торжественно стреляется*** *Свидригайлов».*

Прецедентные знаки философского, абстрактного характера или названия произведений (в том числе трансформированные) могут употребляться в самых разных контекстах, в частности, в контексте оценки самых острых политических ситуаций: *«Украинская* ***смердяковщина****: от революции к массовому бандитизму / На Украине пробил час* ***смердяковщины****, поэтому теперь там* ***“всё дозволено”****»* («Альтернатива», 10.01.2016).

Подобные контексты широко представлены не только в традиционном медийном пространстве, но и в блогосфере с возможностью обсуждения пользователями той или иной темы. В социальной сети «Макспарк» опубликован пост под названием *«****Смердяков*** *как герой нашего времени»* (https://maxpark.com/community/politic/content/6646019, 10 февраля 2019). Автор публикации рассуждает о русофобских настроениях в обществе, особенно – в политической среде, прямо называет отдельных политиков современными Смердяковыми, аргументируя свою позицию в том числе с помощью фраз персонажей из романа: *«Именно поэтому Кунгуров – это* ***Смердяков*** *нашего времени, который презирает и ненавидит русских людей,* ***ненавидит всю Россию*** (грамматическая трансформация фразы Смердякова «Я всю Россию ненавижу» – *прим. наше*). *<…> Достаточно развернуть газеты, включить телевизор, и на читателя/зрителя обрушивается систематизированный поток* ***новейшей смердяковщины.*** *<…> Воскресли и пошли гулять по России многие герои Достоевского.* ***Смердяковы зовут:*** *“Приходите, «володейте нами!”. Пусть приходят культурные и, поставив нас – смердяковых надсмотрщиками, владеют нашими землями, заводами, ресурсами и дешевой рабсилой.* ***Иван Карамазов,*** *внутренне содрогаясь от ужаса, произносит: “****Всё позволено****...”».*

Прецедентные культурные знаки с источником «Достоевский» распространены и в речи российских политиков. Встречаются как прямые цитаты (1), так и трансформированные (2) и (3):

(1) «Итак, Олимпиада. Какую задачу мы решим, участвуя в ней, как безродная скотина? Без символов России, ***униженные и оскорблённые?*** *Никакой <…>»* (издание Russia Today, 16 декабря 2019 – генерал-майор ФСБ Александр Михайлов об участии в Олимпийских играх сборной России под нейтральным флагом без государственного гимна).

(2) «Нельзя назвать святыми эти годы без жалости к миллионам и миллионам людей. И нельзя говорить в начале процесса, что ***слеза ребенка бесценна****, а в конце наплевать на горе и ужас миллионов и миллионов»* (телепередача «Вечер с Владимиром Соловьевым», 7 июня 2017 – Сергей Кургинян о тезисе про «святые девяностые»).

(3) «Как же так, мать-Россия, как же допустила ты, что эти ироды управляли тобой, морили тебя голодом, разоряли и насиловали? ***Фёдор Михайлович! Разве ж в твоё время*** *были* ***“бесы”? То были бесенята. Бесы вот они, в этом вагоне».*** (В.В. Жириновский, «Последний вагон на север, 2016 год).

В последнем примере трансформация с образованием деривата, вступающего в отношения противопоставления с исходной лексемой, является одним из способов выражения авторской оценки описываемых событий и лиц: называя лиц диминутивом «*бесенята»*, передающим субъективно-оценочное значение ‘малая степень проявления какого-либо признака’, автор текста считает их более безобидными, менее опасными по сравнению с нынешними «*бесами».* Ср. значение лексем в толковом словаре: «бесёнок, мн. бесенята – 1. Маленький бес; сын беса; чертёнок. 2. Разг. О бойком, озорном ребёнке, шалуне или шалунье»; «бес – 1. По религиозным представлениям: злой дух, искушающий человека; нечистая сила, чёрт, дьявол. 2. Разг. О быстром, ловком или хитром, коварном, своенравном человеке» (БТС 2008: 72).

Данные Национального корпуса русского языка и контексты, полученные методом ручной выборки, показывают, что прецедентные знаки из романов «Бесы», «Братья Карамазовы», «Униженные и оскорблённые» обладают достаточно высокой степенью цитируемости, хотя по частотности уступают, например, образам и высказываниям из романа «Преступление и наказание».

Как показывает наш анализ, распространёнными являются контексты о «влиянии» творчества Ф.М. Достоевского на совершение преступлений:

«Начитавшись Достоевского, студентка зарубила двух старушек. */ «Я хотела понять:* ***тварь я дрожащая, или право имею****», – сказала юная жительница Новосибирска на допросе».* https://www.nsk.kp.ru/daily/24327/520407/, 2 апреля 2018). В данном случае мы видим взаимодействие реальной ситуации убийства и произнесённой на допросе фразы и отражение этого факта в медиазаголовке.

В попытках оправдать преступление Олега Соколова (доцент СПбГУ, историк, убивший и расчленивший свою аспирантку – *прим. наше*) его адвокат в качестве «смягчающих обстоятельств» приводил фазы луны *(«обострение психических заболеваний связано с активностью Луны, – это медицинский факт»),* действия нечистой силы *(«в это время в мир выходит нечистая сила»), а также непосредственной близостью места убийства, описанного в романе «Преступление и наказание» («Не стоит забывать, что и* ***место преступления находится недалеко от того дома, где персонаж Раскольников убил старуху-процентщицу в романе Достоевского»*** – https://www.gazeta.ru/social/news/2019/11/19/n_13715444.shtml).

«Наш двадцать первый век кишит Раскольниковыми и Свидригайловыми. А чего стоит один из последних примеров – ученый-историк Со-

колов, мнящий себя Наполеоном и расчленивший свою молодую жертву. Тут уже не Достоевский, а скорее ***достоевщина****».* («Московский комсомолец», 21.01.2020 Испытание Достоевским: как в России бесы становятся мракобесами / Почему наш XXI век кишит Раскольниковыми и Свидригайловыми).

В последние годы отсылка к творчеству Ф.М. Достоевского стала очень популярной в сфере городской номинации, и такая своеобразная «мода» часто приводит к нарушению этики. В Старой Руссе открыли бистро *«Родион Раскольников»*. На двери, как и на других элементах интерьера, изображён топор как неизменный атрибут персонажа романа. На двери туалета размещена табличка: у мальчика в руках топор, у девочки – вырезанный угол в голове. Совершенно очевидна отсылка к прецедентной ситуации из романа «Преступление и наказание», однако вызывает сомнение этичность подобного невербального знака.

Аналогичная ситуация прослеживается с открытием в Красноярске бургерной «МЯСOROOB», ручки двери которой сделаны в виде топора. В меню присутствует бургер «Родион Раскольников», который подают на стилизованном топоре. В медиапространстве факт открытия заведения нашёл отражение в виде различных заголовков, например, *«Съесть "Родиона Раскольникова": в меню сурового сибирского ресторана 12 видов брутальных бургеров»* [https://news.myseldon.com/ru/news/index/199254264, 23.11.2018], а в социальных сетях обсуждение приводит к появлению подобных комментариев пользователей: *«Мясо, надеюсь, не из старухи-процентщицы?) для столь аутентичного заведения все может быть. Приятного аппетита))))».*

Меню кафе и ресторанов представлено блюдами и напитками, названия которых содержат апелляцию к произведениям Ф.М. Достоевского: десерт *«Мечта Идиота»*, алкогольный напиток *«Преступление и наказание»* (ресторан «Идиот» в Санкт-Петербурге), уха *«по-смердяковски», «Наливка по-версиловски»*, или «*Версиловка»*, десерт *«Гостинцы от Фёдора Михайловича»* (в рамках проекта «Обед с Достоевским», разработанном городским центром туризма, Новгородским государственным объединённым музеем-заповедником и кафе «Башня»). Пивоварня «КрафтИздат» выпустила сорт пива под названием *«ДостоЭЛЬский»*, образованном с помощью приёма *капитализации,* которая сопровождает контаминацию фамилии писателя и название традиционного английского вида пива «эль», что «обеспечивает реализацию коммуникативной и информативной функций» (Замалетдинова 2016: 136). Отметим, что такое образование не является единичным случаем: пивоварня выпускает и другие сорта пива, названия которых построены по аналогичной модели («Дориан ГрЭЛЬ», «ГрИПАедов», «ИПАвая Дама» и другие).

Как мы видим, прецедентные культурные знаки с отсылкой к творчеству Ф.М. Достоевского активно функционируют в современном

коммуникативном пространстве. Характер структурно-семантических трансформаций прецедентных феноменов часто обусловлен тенденцией к креативности как к способу реализации аттрактивной функции. Одним из главных вопросов, связанных с массовой эксплуатацией знаков высокой культуры в современном коммуникативном пространстве, особенно в низменных контекстах, является вопрос об этике употребления прецедентных знаков.

Использованная литература

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.

Замалетдинова, Л.Р. 2016. *Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности*: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. – М.. – 204 с.

Kuzmina, L., Remchukova, E. 2020. „Russian classical literature text as a precedent phenomenon of the modern media space“, *NORDSCI International conference*. Bulgaria. pp. 173 – 181.

Luiza KUZMINA

THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY AS PRECEDENT PHENOMENA OF MODERN COMMUNICATIVE SPACE

Summary: Precedent phenomena from the works by F.M. Dostoevsky are widespread in the modern communicative space. Along with the use of Dostoevsky's precedent texts as signs of high culture, the modern communicative space also actively manifests intertextuality, irony, various kinds of transformation, which indicates their game foregrounding. Special attention is paid, firstly, to various ways of precedent phenomena foregrounding; secondly, to their use in various types of art (cinema, theater, music, modern literature) and spheres (urban naming, branding).

Наталья ЛАПАЕВА РИСТЕСКА
Филологический факультет им. Блаже Конеского,
Университет Свв. Кирилла и Мефодия
Скопье, Северная Македония

АЛЬФРЕД БЕМ О ДОСТОЕВСКОМ: СТРАНИЦА ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация: Альфред Бем (1886-1945?), представитель «пражской ветви» литературы русской эмиграции 1920-1940-х гг., известен как глубокий интерпретатор творчества Достоевского. Большую значимость имеют такие его работы о творчестве писателя, как «У истоков творчества Достоевского», «Достоевский – гениальный читатель», «Достоевский. Психоаналитические этюды». В своих подходах к творчеству Достоевского Бем использует рецептивный метод, актуализируя проблему восприятия писателем русской литературы XVIII, XIX вв., а также обращается к потенциалу метода психоанализа, доказывая, что без него не может быть понята структура душевного мира героев произведений Достоевского.

Ключевые слова: литературная критика русского зарубежья, Достоевский в восприятии Альфреда Бема, рецептивный метод, метод психоанализа в литературоведении

Литературная критика первой волны русской эмиграции XX в., представленная целым рядом значительнейших фигур, среди которых особенно выделяются Юлий Айхенвальд, Пётр Пильский, Вячеслав Иванов, Константин Мочульский, Марк Слоним, Пётр Бицилли, Владимир Вейдле, Николай Оцуп, Юрий Терапиано, Фёдор Степун, Юрий Иваск и др., сформировалась в результате осмысления катастрофы крушения Российского государства, вызванной Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. и поражением белых в Гражданской войне.

В условиях эмиграции для представителей литературной критики актуализировалась проблема обнаружения причин социально-исторических катаклизмов, а также нахождения «опор» в ситуации кризиса западного самосознания. В поисках духовных ориентиров они обращались прежде всего к ценностному миру русской классики. «Магнитом» для них становится творчество Достоевского. Яркими примерами рецепции Достоевского литературно-критическим сознанием русской эмиграции первой волны являются труды Георгия Флоровского («Достоевский и Европа» [София, 1922]), Бориса Вышеславцева («Русская стихия у Достоевского» [Берлин, 1923]), Николая Бердяева («Миросозерцание Достоевского» [Прага, 1923]), Ивана Лапшина («Эстетика Достоевского» [Берлин, 1923]), Аарона Штейнберга («Система свободы Достоевского» [Берлин, 1923]), Елизаветы Скобцовой («Достоевский и современность» [Париж, 1929]), Константина Мочульского («Достоевский. Жизнь и творчество» [Париж, 1947]) и др.

Достоевский стал делом жизни в эмиграции и для Альфреда Людвиговича Бема.

Думается, в рамках данной статьи уместным будет обратиться к краткому очерку жизни и творчества Бема. Представим его на основании материалов С. Г. Бочарова и И. З. Сурат (Бочаров, Сурат 2001: 7-31).

Бем родился в 1886 г. в Киеве в семье немецкого подданного. Высшее образование он получил в Санкт-Петербургском университете на историко-литературном факультете. Бем был оставлен при кафедре русской литературы по представлению самого Семёна Афанасьевича Венгерова.

В 1908 г. Венгеров объявил свой знаменитый семинарий «Пушкин: история его жизни, творчества и текста». Бем был его участником, и именно тогда определилась преимущественная область его интересов в литературоведении – межнациональные литературные связи (Пушкин и Гёте, Пушкин и Мюссе, Тургенев и Гюго) и генетические связи внутри русской литературы. После университета Бем работал в Рукописном отделении Российской Академии Наук.

1917 год изменил судьбу Бема: не приняв Октябрьской революции, он в конце 1919 г. покинул Россию. С января 1922 г. Бем – в Праге. Приглашённый чехословацким правительством во главе с президентом Томашем Масариком, он получает место преподавателя русского языка в Карловом университете. Бем активно включается в жизнь русской эмиграции в Праге: состоит в Союзе русских писателей и журналистов; становится секретарем Русского педагогического бюро; участвует в заседаниях знаменитого Пражского лингвистического кружка (принят в него в 1933 г.); руководит литературным кружком русских поэтов «Скит».

Эта насыщенная жизнь была нарушена гитлеровским захватом Чехословакии. Карлов университет был закрыт в октябре 1939 г., Бем перебивался преподаванием русского языка в гимназии и частными уроками. Однако гибель Бему приносит не немецкая оккупация, а советское освобождение. Уже 11 мая 1945 года, когда в Прагу входит Красная Армия, начинает работать СМЕРШ, что приводит к арестам в кругах русской эмиграции. Бем был одним из первых в этом ряду – его арестовали 16 мая 1945 г. Дальнейшее не известно: по одним источникам, он покончил с собой; по другим – был расстрелян.

Достоевский стал главным филологическим делом Бема в эмиграции. В 1925 г. при Русском народном университете в Праге он учредил «Семинарий по изучению Достоевского» (в дальнейшем он был преобразован в Общество Достоевского под руководством Масарика, позднее – в Собрание по изучению жизни и творчества Достоевского при Славянском университете). В процессе работы Семинария / Общества / Собрания Бемом было прочитано не менее 20 докладов. С 1929 по 1936 гг. было подготовлено три выпуска трудов («О Достоевском»), куда вошли работы самого Бема, а также Сергея Гессена, Василия Зеньковского, Ростислава Плетнёва, Дмитрия Чижевского.

Бем считал, что в конце 1920-х-начале 1930-х гг. начинается новый этап освоения Достоевского: на смену религиозно-философской критике приходят конкретные наблюдения над тестами писателя. Свой метод исследования Бем назвал «методом мелких наблюдений» – он уходил от «крупногабаритного» мышления философской критики к конкретике текстов, изучая Достоевского способами поэтики.

В достоевсковедении Бема можно отметить два его свойства. Первое связано с интересом Бема к «истокам» Достоевского. Художественный мир Достоевского Бем рассматривал через призму проблемы рецепции: об этом свидетельствуют такие его работы, как «Достоевский – гениальный читатель» (1931), «"Фауст" в творчестве Достоевского» (1937-1939), «Сумерки героя (Этюд к работе: Отражение "Пиковой дамы" в творчестве Достоевского)» (1920) и др. Второе направление в изучении Бемом Достоевского – это опыты применения фрейдистского психоанализа при интерпретации его произведений. Этот подход демонстрируется в таком литературно-критическом опусе Бема, как «Достоевский. Психоаналитические этюды» (1938). Рассмотрим более основательно каждое из свойств бемовского подхода к творчеству Достоевского.

Интерес к «истокам» Достоевского выразился у Бема не только во внимании к раннему творчеству писателя. «Истоки» Бем понимал глубже – как отложившуюся в Достоевском генетическую литературную память. Бем говорил об особенной творческой «возбудимости» Достоевского, называя его «гениальным читателем». Он уверял, что понять Достоевского вне русской литературной традиции невозможно. Бем видит истоки творчества Достоевского в русском XVIII века, в Грибоедове, в Пушкине, в Гоголе.

Говоря о восприятии Достоевским Грибоедова, Бем уверял что писателя однажды поразила «фантастичность» образа Чацкого (отсутствие в герое чутья к реальности, любовь к сочинённой женщине), что потом «стрельнуло» в князе Мышкине («Идиот»), в Версилове («Подросток»).

Называет Бем Достоевского и «читателем Пушкина». Он считает, что «родоначальником "фантастических" героев Достоевского надо считать пушкинского Германа» (Бем 2001: 95). Вместе с тем, Бем утверждает, что Достоевский не повторяет Пушкина, но «преодолевает» его романтического героя. Так, например, находя глубинную связь между пушкинской «Пиковой дамой» и достоевским «Игроком», Бем видит, что Достоевский «переосмысливает трагедию Германа, вкладывая в нее тот "моральный стержень", которого ей недоставало», чем «отчасти лишает пушкинского Германа того романтического ореола, которым он окружён» (Бем 2001: 97).

Устанавливает Бем и черты сходства между Германом из «Пиковой дамы» и Ставрогиным из романа Достоевского «Бесы». Здесь он вновь считает, что персонаж Достоевского уже существенно отличается от пушкинского Германа: «слишком уж далеко по пути душевного раз-

ложения и рафинированного морального падения продвинулся вперёд этот отдалённый наследник пушкинского преступного героя» (Бем 2001: 97). Однако, как и у Германа, у Ставрогина в прошлом можно припомнить «много тёмного» (Бем 2001: 97), и «не будет преувеличением сказать, что в момент создания Ставрогина <…> перед Достоевским, где-то на заднем плане его сознания, маячил образ фантастического героя из “Пиковой дамы”» (Бем 2001: 98).

Бем высоко ценит «Маленькие трагедии» Пушкина и глубоко ощущает, что они также повлияли на Достоевского. Бем увидел, как «Скупой рыцарь» Пушкина своеобразно, но очевидно отзывается в «Братьях Карамазовых» мотивом «идейного отцеубийства». «Достоевский первый осмыслил в “Скупом Рыцаре” всю глубину коллизии между отцом и сыном» (Бем 2001: 48), – утверждает Бем. Он усмотрел в образе Альбера, поставленного в ложное положение скупостью отца, втайне мечтающего о его наследстве и являющегося идейным соучастником преступного замысла Соломона, то, что найдёт свое художественное отражение в образах Мити и Ивана в «Братьях Карамазовых», участвующих в преступлении против своего отца. Только образ Альбера у Достоевского раздваивается: «роль непосредственного протеста, бунт против отца падает на Дмитрия Карамазова. Мотив “идейного отцеубийства” переходит к Ивану» (Бем 2001: 49).

Бем также считал, что когда-то Достоевского очень «задел» Гоголь. «Идейный след» Гоголя Бем видит даже в «Легенде о Великом инквизиторе». Бем считает, что Достоевский развил проблему, намеченную, но не замеченную самим Гоголем в повести «Страшная месть» – «загадочную проблему порабощения воли» (Бем 2001: 56). Достоевского волновала проблема особого психологического состояния, когда человек «готов отдать добровольно свою волю другому только за то, что он берёт на себя всю ответственность за него» (Бем 2001: 55).

Бем спорит с теми, кто считает, что Достоевский слишком многое взял у предшественников. Он не сомневается, что на «личную долю» Достоевского остаётся очень много. Опора на прошлое у Достоевского, впитавшего в себя творчество своих предшественников, по убеждению Бема, говорит «об укоренённости его в почве родного народа» (Бем 2001: 57).

В основе второго направления – психоанализа, – которое использует Бем в своих подходах к Достоевскому, лежат несколько его концептуальных идей: первая связана с тем, что обращение к методу психоанализа в литературоведении «правомочно»; вторая – что достижения психоанализа Фрейда позволяют более глубоко проникать в душевный мир человека, который всегда интересовал литературу. С точки зрения Бема, есть несколько смыслообразующих понятий, характерных для психоанализа, к которым невозможно не прибегать при изучении явлений, связанных с душевной жизнью героев произведений. Среди таких он называет следу-

ющие: «”вытеснение” в подсознательное элементов душевной жизни, неудобных почему-либо в общежитии (“культуре”)»; «”менеценности”, или <…> “ущемлённости”»; «”эдипов комплекс”, т. е. характерные состояния, связанные с отношением ребёнка к отцу и матери» (Бем 2001: 245-246).

Блестящим примером применения психоанализа, с помощью которого Бем «отворяет» Достоевского, становится его разбор повести «Хозяйка» в статье «Драматизация бреда (“Хозяйка” Достоевского)» (1938).

По наблюдениям Бема, повесть развивается в двух плоскостях – фантастико-романтической и реалистически-бытовой. Главного героя повести Ордынова Бем относит к разряду «мечтателей». Специфика изображения его Достоевским состоит в показе его как галлюцинирующего героя, у которого «внутренний мир переживаний проектируется вовне как действительный мир событий» (Бем 2001: 267). Особенного внимания, по мысли Бема, заслуживает прием «своеобразной драматизации бреда, т. е развёртывания явлений галлюцинаций и бреда вовне как реального события, но окрашенного в тона, выдающие его происхождение» (Бем 2001: 270). Главная героиня Катерина, над которой властвует старый муж / отец Мурин, душевно больна, тянется к Ордынову, видя в нём «милого дружка», по которому она тоскует.

Принципиально важным является тезис Бема о том, что, «Достоевский в своём творчестве пользовался материалами своих душевных переживаний <…>, переносил в свои произведения самый механизм своих душевных видений <…>. Он как бы эксплуатировал свою душевную болезнь в целях художественного творчества» (Бем 2001: 287). Бем настаивает на том, что понять смысл повести «Хозяйка» можно, лишь установив ее «связи с личностью автора» (Бем 2001: 286). Он уверяет, что содержание бреда Ордынова, главного героя «Хозяйки», – это, безусловно, «материал, творчески переработанный и художественно оформленный», но он «был не задан, а дан уже в душе художника» (Бем 2001: 287).

Бем углубляется в причины того, почему Достоевский имел такое – «воспалённое», «болезненное» – душевное состояние на момент написания повести: он видит их, в частности, в том, что Достоевским была болезненно воспринята неудача в любви к Панаевой; кроме того, болезнь Достоевского могла быть связана «с каким-то тяжёлым эпизодом его ранней юности» (Бем 2001: 301) (Бем имеет в виду отношение Достоевского к смерти отца, убитого своим же крепостными из-за жестокого к ним отношения, а также факт того, что он был «свидетелем вспышек жестокого гнева отца», горячо любил «обиженную и безропотно всё переносящую мать» (Бем 2001: 302)). «Хозяйка», таким образом, явилась отражением двойного ряда психических переживаний Достоевского: «верхний слой отобразил его ущемлённую любовь к Панаевой, а более глубокий, может быть и самим им не осознанный, его любовь к матери и нерасположение к отцу» (Бем 2001: 304).

Однако в последующих своих рассуждениях о «Хозяйке» Бем уходит от «чистого» психоанализа, включая другие методы, при помощи которых интерпретирует смысловую структуру текста. Один из них – это компаративистика, другой – обнаружение идеологем в произведении. Применяя сравнительно-сопоставительный подход к повести «Хозяйка» (Бем называет это «литературными припоминаниями»), он видит в ней «наличие литературных отражений, в частности Гоголя и Гофмана» (Бем 2001: 305).

Идеологическое наполнение повести «Хозяйка» исследуется Бемом в главке «Идейное обоснование». Бем пишет, что «существует безусловная связь между идейным замыслом “Хозяйки” и религиозно-философскими воззрениями Достоевского того времени, даже больше – в “Хозяйке” можно видеть символически завуалированный протест Достоевского против церкви как таковой» (Бем 2001: 322). У протагониста повести Ордынова «складывается формула “слабого сердца” для объяснения загадочного поведения Катерины» (Бем 2001: 322). Концепт «слабого сердца» чрезвычайно важен в философской доктрине Достоевского. «Слабое сердце», по Достоевскому, – это тип человека с «порывистым, смятенным сердцем», которому «мало-помалу резали крылья у вольной свободной души, не способной, наконец, ни к восстанию, ни к свободному порыву в настоящую жизнь» (Бем 2001: 325). Бем считает, что в зачаточном виде в «Хозяйке» содержится идея Великого инквизитора. В старике Мурине, обрезающем крылья «у вольной свободной души», у Катерины, мы имеем, по логике Бема, прообраз Великого инквизитора. И тогда получается, что уже в 40-х гг. (а повесть создавалась в 1846-47 гг.) «Достоевский создал свою теорию пленения церковью подлинного христианства» (Бем 2001: 326). «Только – в отличие от позднейшего его истолкования в духе славянофильского противопоставления православия католичеству, – пишет Бем, – здесь мы имеем более общую концепцию – противопоставление свободного христианства церковности вообще» (Бем 2001: 326).

Итак, безусловно, Бем – как и многие его коллеги по цеху – относился к Достоевскому как к гениальному мыслителю и глубокому писателю. Вместе с тем, Бем не стремился поддерживать «миф о Достоевском», осознавая разрушительное воздействие этого «мифа» на дальнейшее развитие русской культуры в условиях эмиграции. Бем проявлял живое отношение к классику. Образ Достоевского как центральной фигуры русской литературы подвергается со стороны Бема смелым интерпретациям, трансформируется им в соответствии с необходимостью выработки новых паттернов идентичности. Именно поэтому Бем применяет – очень корректно и в хорошем смысле благоразумно – новые подходы к изучению творчества Достоевского, а именно: рецептивный метод, элементы герменевтики, психоанализ. С помощью этих «методических инструментов» Бем успешно «проникает» в мир произведений Досто-

евского, пытаясь разобраться в поэтике психологизма в них, в художественной антропологии писателя. «Голос» Достоевского был услышан Бемом и соотнесен в эмиграции с трагическими отзвуками эпохи. В восприятии Бема, творчество Достоевского, обладающее онтологической наполненностью, проникнутое идеями гуманизма, пронизанное экзистенциальными интуициями, помогает составить представление о «русской духовности».

Использованная литература

Бем, А. 2001. *Исследования. Письма о литературе.* Москва: Языки славянской культуры, 448 стр.

Бочаров, С. Г., Сурат, И. З. 2001. «Альфред Людвигович Бем» // Бем, А. 2001. *Исследования. Письма о литературе*. Москва: Языки славянской культуры. Стр. 7-31

Natalya LAPAEVA RISTESKA

ALFRED BEM ABOUT DOSTOEVSKY: THE PAGE OF THE HISTORY OF THE LITERARY CRITICISM OF THE RUSSIAN ABROAD

Summary: Alfred Bem (1886-1945?), the representative of the "Prague branch" of the literature of the Russian emigration 1920-1940, is known as the profound interpreter of Dostoevsky's work. His most famous studies on Dostoevsky are "At the origins of Dostoevsky's work," "Dostoevsky is a brilliant reader," "Dostoevsky: Psychoanalytic studies," etc. In his approach to Dostoevsky's work, Bem uses the receptive method, actualizing the problem of the writer's perception of Russian literature of the 18th and 19th centuries. Also, Bem addresses the potential of using the method of psychoanalysis, proving that, without it, the structure of the mental world of the heroes of Dostoevsky's works cannot be understood.

Ирина МАШЕНКОВА
Тамбовский государственный университет имени
Г. Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

РОМАН ХУДОЖНИКА: ЭКФРАСИС В РОМАНЕ И.М. ЛЕВИНА «ПЕРЕДЕЛ»

Аннотация: В статье исследуется экфрасис в романе «Передел» русского художника и писателя, эмигранта послереволюционной волны Иосифа Михайловича Левина (1894-1979). Отмечается своеобразие книги, её синтетизм, основанный на взаимодействии текста и иллюстраций, дополненных экфрасисом. В результате анализа ряда наиболее выразительных экфрастических элементов выделяется мотив разрушения, разъединения, который образует лейтмотив всего произведения.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, экфрасис, С. А. Есенин, И. М. Левин, роман И.М. Левина «Передел».

Художник И.М. Левин, покинувший Россию в 1926 году, в эмиграции проявил не только живописный, но и литературный талант. С 1945 по 1971 год были опубликованы его произведения: поэма «Сказание о Вороне», сборник стихотворений «Улов», романы «Передел», «Земная орбита», «Адамово зачатье», пьеса «Моисей». На литературное творчество Иосифа Левина оказали влияние его старший брат, писатель, поэт и журналист Вениамин Левин и Сергей Александрович Есенин, с которым братья Левины были лично знакомы.

Иосиф Левин родился в Петербурге в 1894 году, то есть был на один год старше Есенина. С поэтом его познакомил старший брат Вениамин, которого с Есениным связывали отношения как деловые – поскольку он, будучи редактором левоэсеровской газеты, публиковал в ней произведения Есенина, – так и дружеские, можно сказать, семейные, так как жена Вениамина Левина Зинаида Гейман была подругой жены Есенина Зинаиды Райх.

В поэме «Человек в цилиндре», посвящённой Есенину, Иосиф Левин так описывает свои встречи с поэтом:

Раз бродили с ним по Москве,
Снег навален с боков террасами.
На какой-то кривой версте
Завернули в «Стойло Пегаса»…
И в дыму, под стук кастаньет
Он читает «Москву кабацкую»,
Сам во фрак и цилиндр одет
Под манеру одну залихватскую… (Левин 1966: 19)

Примечательно, что уже в этом отрывке Левин ведёт себя как художник, обозначая перспективу на полотне, направление движения: «Снег навален с боков террасами», – подобно тому, как В. И. Суриков в кар-

тине «Боярыня Морозова» с тою же целью изобразил на снегу колеи от розвальней. Однако наиболее заметно проявилось влияние Левина-художника на Левина-писателя в романе «Передел» (1967). Об этом можно судить прежде всего по иллюстрациям к роману: это не рисунки, выполненные художником как сопровождение к тексту, а его картины, среди которых – петербургские, московские, китайские, парижские пейзажи.

Юрий Константинович Терапиано отозвался на роман рецензией в парижской газете «Русская мысль». По его оценке, иллюстрации Левина сами по себе представляют большую ценность (Терапиано). Роман носит автобиографический характер; более того, в главном герое соединяются судьбы автора и его старшего брата. В роман включён реальный эпизод встречи с Есениным, опубликованный также в воспоминаниях Иосифа Левина.

Новизна «Передела» в первую очередь заключается в соединении слова и изображения, где картины играют не меньшую, а подчас и доминирующую роль, подкреплённые экфрасисом. Новаторский стиль «Передела» также был отмечен современниками. Критик Горелов усмотрел в романе попытку создания новой повествовательной формы, своим динамизмом родственной кинематографу: «Иосиф Левин подошёл к вопросу о вмещении в повествовательный жанр той краткости и быстроты, которые пока находят выражение лишь в кинофильме» (Горелов). Сравнение с кинематографом оправдано также и синтетическим характером, который Левин придал роману, соединив литературу с изобразительным искусством. Динамизм, который достигается в фильме сменой планов, в романе достигается чередованием повествовательных фрагментов, стихотворных вставок, иллюстраций и экфрасиса. Таким образом, формируется метатекст, где автор-писатель передаёт главному герою – художнику Кашину свои поиски новой формы отображения событий, настолько масштабных, что их невозможно вместить в человеческую жизнь и человеческое сознание.

Кашин размышляет о способах изображения грандиозных исторических событий, свидетелем которых он был.

Так, при создании картины «Октябрьская революция» он считает необходимым передать не только собственную рефлексию, но отразить различные взгляды на это событие в мировом масштабе: «Революция социальная, не только русская, но и мировая. Но как принимают народы это событие? Англичанин смотрит на неё как на интересное зрелище, как на источник новых и любопытных наблюдений, американец напуган, а француз сам готов драться на баррикадах. Русские же разрушают всё, чтобы строить новое» (Левин 1967: 77). Кашин понимает, что академический реализм, которому он прилежно и успешно учился, не поможет ему решить эту задачу: «Чем глубже уходил в разработку эскизов, тем очевидней становилось, что реалистически эту психологическую тему не преодолеть. <...> Трудно было оторваться от реализма, давила выучка Академии» (Левин 1967: 78).

Кашин так же, как и автор в поисках художественного синтеза, действует по наитию: «Он стал как-то резать свои рисунки и наклеивать их на холст в хаотическом беспорядке, надеясь, что из хаоса выйдет то, что он искал. Ночью, закурив, он вдруг при спичечном огне увидел, как что-то задвигалось на большом картоне с наклеенными рисунками. Он встал, включил свет и, взяв кусок угля, резко очертил контуры фигур, какими они показались ему в полутьме, и вдруг увидел то, что искал так долго». (Левин 1967: 78).

Художник и теоретик книжной иллюстрации Владимир Фаворский представлял задачу иллюстратора как дополнение и развитие литературного произведения: «Иллюстрация и всё пространственное оформление в книге должно и может в своём материале, своим методом подавать то, на что слово только намекает» (Фаворский: 120). Таким образом, он рассматривал книгу как «изображение словесного произведения», синтез искусств, созданный писателем и художником. Иосиф Левин, действуя в обеих ролях, к тому же неоднократно применял экфрасис. Книга «Передел», следовательно, – совокупность изображения словесного произведения и словесного выражения изображения.

Однако функции экфрасиса в романе не ограничиваются созданием произведения на стыке литературы и изобразительного искусства. Из экфраз складывается самостоятельный мотив, который становится мотивом всего произведения, – это мотив разрушения, разъединения. В этом отношении следует отметить экфрасис, связанный со скульптурной группой «Диоскуры» работы скульптора Эберхарда Энке. Скульптура, изображавшая двух обнажённых атлетов, ведущих под уздцы лошадей, была установлена на крыше германского посольства в Санкт-Петербурге. Левин пишет об уничтожении «Диоскуров» в первые дни первой мировой войны: «…Разразилась мировая война. В Петербурге толпа патриотов сбрасывает огромную бронзовую статую с крыши германского посольства на Морской». Это соответствует воспоминаниям очевидцев о разгроме германского посольства 4 августа 1914 года. Была предпринята попытка сбить с крыши посольства скульптурную группу. При этом «голых тевтонов» действительно удалось сбросить, скульптуры лошадей остались на крыше. Однако Левин описывает четыре сброшенные фигуры: «Железные кони и всадники, с зияющей чернотой пустых медных отверстий, разбитые лежат на мостовой… Из груды железного лома будто торчат руки, угрожая толпе, проходящей мимо… Точно мина угодила и исковеркала всю группу, разбросав их, как на поле брани» (Левин 1967: 18). Это описание соответствует не столько тому, что увидел И. М. Левин в 1914 году в Петербурге, сколько увиденной им, скорее всего, в 1937 году на Всемирной выставке в Париже картине Пикассо «Герника»: лошадиная голова, руки, разорванные фигуры, зияющие чёрные пустоты, пол, напоминающий военную карту – всё это узнаваемые детали картины. Как художник Левин чутко воспринял идею Пикассо и

транспонировал её на свои более ранние впечатления. В поверженной скульптуре, означавшей для современников ненависть к врагу и торжество скорой расправы, Левин увидел зловещее предзнаменование новой кровопролитной эпохи: «Масса металла походила на застывшую в гротеске новую вещь современного скульптора, она полностью выражала наступивший момент истории, начавшийся для всех потоком железа, огня, крови и человеческого горя» (Левин 1967: 19).

Мотив разрушения звучит и в другой экфразе, уже в ином, не драматическом, а трагикомическом ключе. В основе эпизода с сооружением памятника Радищеву на волне «монументальной пропаганды» лежат две реальные истории 1918 года: возведение в Саратове скульптором Павлом Дундуком бетонного памятника Радищеву, рассыпавшегося через три года, и неоконченная работа Веры Мухиной над памятником Новикову в Москве, когда в её мастерской зимой лопнули трубы отопления, и глиняная модель от мороза разрушилась. Свидетелем первой истории, несомненно, был Вениамин Левин, заведовавший в это время литературным отделом саратовского Пролеткульта, а о второй истории Иосиф Левин мог узнать от самой Мухиной, с которой у него был общий учитель – художник Илья Иванович Машков. В романе скульптор Самохвалов лепит на морозе памятник из глины, согревая его наскоро сложенной печкой. Левин описывает стадии разрушения памятника вскоре после его торжественного открытия: «Наступила оттепель и низко склонил голову Радищев, как бы крепко задумавшись. А потом он двинул ногой, вся фигура несколько запрокинулась вверх так, что писатель стал глядеть в небо, вроде как бы ожидая первой весенней ласточки. Но весны он так и не дождался, рассыпавшись в груду полумёрзлой глины» (Левин 1967: 105). Образ глиняного памятника, обречённого на разрушение, содержит целый ряд отсылок: это и Россия – «колосс на глиняных ногах», по выражению Дидро, и голем из еврейской мифологии, который должен обратиться в прах, сделав свою работу, и глиняный Будда из китайской пословицы «Когда глиняный Будда переходит через реку, ему самому трудно спастись». Эти аллюзии подкрепляются соответственно диалогами Кашина с попутчиком-французом Жанвилем, товарищем по академии Файнбергом и китайским профессором Ли, которые семантически объединяются этим образом.

Следует отметить, что в романе Левина присутствуют и другие, не менее интересные экфразы, относящиеся к его собственным картинам, историческим памятникам, святыням православных и буддийских храмов. Все они, как и приведённые примеры, убедительно демонстрируют, как рождается экфрасис в этом необычном произведении, где Левин балансирует между словом и изображением, между документальной точностью и художественным вымыслом. Выраженный экфразами мотив разрушения образует лейтмотив всего произведения и создаёт фон, на котором контрастно выявляется цельность главных героев. По выражению Терапиано, «все выбиты из колеи, запутаны, переутомлены

постоянной сменой обстановки, скитаниями в разных странах, – и до конца остаются русскими». Критик видит национальную идею в сохранении героями веры и нравственных идеалов: «В них, как во всех "русских мальчиках и девочках", осталась неразрушенной вера в какую-то высшую справедливость, способность возмущаться и противостоять злу» (Терапиано).

Использованная литература

Левин, И. М. 1966. *Улов.* Нью-Йорк – Париж: Гриф.

Левин И.М. 1967. *Передел.* Париж – Нью-Йорк: Гриф.

Фаворский, В. А. 1986. *Об искусстве, о книге, о гравюре.* Москва: Книга.

Источники

Терапиано, Ю. К. 1967. „Новые книги“, *Русская мысль* № 2642, 6 июля, 3.

Горелов, А. 1967. „О романе Иосифа Левина «Передел»“, *Новая заря,* 3 августа, 3-4.

Irina MASHENKOVA

NOVEL BY AN ARTIST: ECPHRASIS IN THE NOVEL «PEREDEL» [“THE CHANGE”] BY I.M. LEVIN

Summary: The article explores the ecphrasis in the novel «Peredel» by a Russian artist and writer, an emigrant of the post-revolutionary wave Joseph Levin (1894-1971) who was a friend of S. A. Yesenin. It is noted that the synthetic form of the book is based on the interaction of text and illustrations supplemented by an ecphrasis. As a result of the analysis of a number of the most expressive ecphrastic elements, a motive of destruction is distinguished. This motive forms the leitmotif of the whole work.

Ольга МЕЩЕРЯКОВА
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
Санкт-Петербург, Россия

РОЛЬ ОПИСАНИЯ ПЕРЦЕПТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕЛЫЕ НОЧИ»

Аннотация: Данная статья направлена на установление роли перцептивности как стилистического приема в ранней повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи». Анализ использованных лексем, называющих свет, цвет, форму, температурное ощущение, выявляет их многозначность в семантике художественного произведения и демонстрирует их способность участвовать в раскрытии темы мечтательства

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский «Белый ночи», перцептивность, тема мечтательства, типы мечтателей.

Ф.М. Достоевский принадлежит к числу тех писателей, чьи художественные открытия существенно обогатили как русскую, так и мировую литературу. Это утверждение, на наш взгляд, относится и к авторскому способу владения стилистическими средствами языка.

Характерной чертой употребления слова у Достоевского, по мнению А.Г. Цейтлина, выступает поэтическая многозначность (Цейтлин 1962), которая заключается в контекстном формировании дополнительного со-значения и расширении смысла, свойственного языковой единице в обыденном употреблении.

Среди стилистических средств можно выделить перцептивность – описание признаков внешнего мира, воспринимаемых благодаря «работе» органов чувств – зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса. Как художественный прием, употребление перцептивной лексики в текстах Достоевского не получило однозначной оценки. Одни исследователи отказывают писателю в использовании перцептивности. К примеру, В. Набоков считал, что у Достоевского отсутствует «всё, что относится к чувственному восприятию» (Набоков 2013: 174). Другие, обращая внимание на отдельный модус перцепции, выявляют не только его значимость, но и устанавливают связь индивидуально-авторского и национального мировосприятия (Петров, Шепелева 1996).

Чтобы изучить проблему, в рамках данной статьи мы задаемся вопросами, которые ее несколько сужают, а именно: может ли перцептивная лексика, используемая Достоевским, выйти в тексте за «границы» своего конкретного значения и (если ответ будет утвердительным) какую роль она играет в организации семантического пространства всего текста.

Обратимся к повести писателя «Белые ночи». Выражение, вынесенное в название, обозначает природное явление, характерное для северных широт России. Оно проявляет себя с конца мая по начало июля. В этот период нет привычной ночной темноты, но долго длятся сумерки,

потому что вечерняя заря постепенно сменяется зарей утренней. Белые ночи характерны для Архангельска, Мурманска, городов Крайнего Севера, но особенно это явление ассоциируется с Петербургом, поэтому для его обозначения возможно использование перифразы “город белых ночей”. Таким образом, употребляя словосочетание “белые ночи” в качестве заглавия своего произведения, писатель в первую очередь ориентировался на его конкретное содержание, формируя заголовочным сочетанием хронотоп, одновременно указывающий на место действия (Петербург) и его время (конец весны / начало лета). В то же время ночь в художественном произведении – это не просто время суток, “это особый мир, породивший особую культуру и особый тип героя-мечтателя” (Перзеке 2017: 84).

При развертывании содержания повести писатель генерализирует идею заглавия (Кухаренко 1988), обращается к перцептивным единицам для конкретизации художественного времени / художественного пространства, характеризации героев, выражения своей авторской позиции.

Заметим, что в исследованиях Петербургского текста, как правило, говорится о присутствии или даже о преобладании в нем черных цветовых оттенков, тьмы и темноты (Шурупова 2012).

В повести “Белые ночи” есть и темнота, но в ней и много света, цвета. Наличие / отсутствие тех или иных перцептивных описаний и их авторское “наполнение” в семантическом пространстве текста в первую очередь определяется сферой персонажа и характером его мечты.

Начало первой части “Ночь первая” начинается с перцептивного описания белых ночей. “*Была чудная ночь, такая* ***ночь****, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было* ***такое звездное, такое светлое небо*** <…>”. В нем на две лексемы “*ночь*”, реализующих представление о темноте, приходится две лексемы, обозначающих свет (“*звездное”, “светлое*”). Гармония света и темноты обусловлена не только физическим свойством светового феномена, но и художественной задачей пейзажа – быть прелюдией к истории знакомства мечтателя и Настеньки – истории, которая должна повлиять на судьбу каждого. В дальнейшем повествовании мотив света то исчезает, уступая место мотиву темноты, то появляется вновь.

Одним из примеров участия перцепции в описании времени действия и в реализации концептуальной информации служит заглавное словосочетание, используемое в третьей части в грамматически измененном виде: множественное число заменяется единственным. “*Вчера было наше третье свидание, наша третья* ***белая ночь****...*”. Трансформация устойчивого словосочетания по-прежнему служит для обозначения реального времени – весны – и пространства – города Петербурга, но при этом еще выполняет функцию субъективации, то есть «присвоения» героем и времени, и пространства: не случайно в контекст вводится местоимение “*наша*”. На этом фоне цветообозначение “*белая*”

приобретает дополнительное символическое значение – нового – духовного – света в жизни героя, который он обретает не в фантазиях, а в реальных встречах с Настенькой.

“*Белая ночь*” контрастирует с описанием времени и пространства, когда мечтатель в одиночестве предавался фантазиям. Это время в самые лучшие его минуты не имеет силы света: “<…> *заря блеснет розовым лучом в окна и рассвет осветит угрюмую комнату своим сомнительным фантастическим светом, как у нас, в Петербурге* <…>”. “*Розовый*” цвет как будто вышел из розовых мечтаний, бесплодность которых лишала реальный свет восходящего солнца его силы, его энергии. На это указывают эпитеты “*сомнительным фантастическим*” к слову “*свет*”, глагол “*блеснуть*”, имеющий значение ‘светить отраженным светом’, а также грамматические формы световых единиц: совершенный вид глаголов обозначает одномоментность светового излучения, единственное число лексемы “луч” подчеркивает его слабость.

Однако отрицательной оценки мечтательство героя не заслужило, так как оно духовно обогащает человека. Понять эту авторскую мысль помогает рассуждение рассказчика, насыщенное перцептивными единицами в прямом и переносном значении. *“Вот он об чем-то задумался… Вы думаете об обеде? о сегодняшнем вечере? На что он так смотрит? На этого ли господина солидной наружности, который так картинно поклонился даме, прокатившейся мимо него на резвоногих конях в блестящей карете? Нет, Настенька, что ему теперь до всей этой мелочи! Он теперь уже богат своею особенною жизнью; он как-то вдруг стал богатым, и прощальный луч потухающего солнца не напрасно так весело сверкнул перед ним и вызвал из согретого сердца целый рой впечатлений”.* Свет, присутствующий в описании мира материального (“*блестящая карета”*), противопоставлен свету, который дарит мир природы (*прощальный луч потухающего солнца, весело сверкнул)* – этот свет не открывается обывателю, но открывается мечтателю и способен “*согреть сердце*”. Модус осязания здесь дан метафорически, тем не менее он помогает понять, почему нельзя отвергнуть “*рой впечатлений*” мечтателя – ведь он рожден теплотой его души.

Все это говорит о том, что перцептивные единицы, включаясь в описание художественного времени и пространства, формируют еще и аксиологический аспект семантики текста, так как контекст их употребления ориентирует на положительную или отрицательную оценку ситуации.

Описание “*белой ночи*” достигает наивысшей точки тогда, когда вот-вот должна произойти встреча Настеньки и ее возлюбленного: *“Посмотрите на небо, Настенька, посмотрите! Завтра будет чудесный день; какое голубое небо, какая луна! Посмотрите: вот это желтое облако теперь застилает ее* <…>*”.* Эта “ночь четвертая” лишена ахроматического и насыщена хроматическим цветом – голубым, желтым, то есть спектром сияния света. Такое авторское перцептивное решение

несколько противоречит физической природе обычной ночи, но соответствует авторскому мироощущению “белой ночи”. Физическая реальность разлитости света в ночи предстает как символ воплощения мечты героини о возвращении ее любимого.

А что же Мечтатель? Его надеждам на любовь не суждено было осуществиться, и без взаимного чувства мир теряет для него свою яркость. Эволюция мечтателя представлена в “истории” цветового восприятия им соседнего дома. Когда-то “сосед” ему нравился за светло-розовый цвет. Такое отношение не случайно, ведь в русском национальном сознании это цвет мечты, и розовый цвет дома дорог и близок мечтателю. Кроме того, можно предположить, что для героя-рассказчика, который не имеет достаточного для обычного человека общения, этот пробел восполнял разговор с домом – он беседовал с ним, как с приятелем, поэтому розовый цвет – это как бы цвет кожи человека. Изменение цвета дома на желтый вызвало у мечтателя раздражение, потому что новый оттенок мечтатель воспринял как … китайский, то есть чужой ему, и он не позволил мечтателю вступать в привычную коммуникацию: “*У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и* ***я еще до сих пор не в силах был повидаться*** *с изуродованным моим бедняком, которого раскрасили под* ***цвет поднебесной империи”***. Отметим, что оба цвета строго соответствовали фактам исторической действительности, так как, согласно указу от 13 декабря 1817 года, дома Санкт-Петербурга дозволялось красить определенными цветами, среди которых был указан бледно-желтый и бледно-розовый (Грибер 2014: 149). Однако рассказчик воспринимает измененный цвет как яркий. Нам кажется, что тем самым писатель намеренно подчеркивает индивидуальное восприятие цвета в соответствии с концепцией характера героя-мечтателя. Когда же счастье разделенной любви не состоялось, в глазах мечтателя весь мир тускнеет, а дом приобретает черные и пегие оттенки: “ <…> *карнизы* ***почернели****, растрескались, и стены из темно-желтого яркого цвета стали* ***пегие****…*”.

Таким образом, перцептивный прием активно помогает представить авторскую трактовку мечтаний в целом и типов мечтателей, рассказчика и Настеньки. Мечта девушки о возвращении возлюбленного предстает не приземленной, но земной. Воображение Мечтателя создает оторванные от реальной жизни видения.

Примечательно, что мечты каждого из героев особым образом связаны с пространством, в котором они пребывают. Пространство мечтателя – угол, форма которого призвана отгородить человека с двух сторон от восприятия настоящей жизни. *“Вы хотите знать, Настенька, что такое делал* ***в своем углу*** *наш герой, или, лучше сказать, я <…>*” Форма определяет характер света, который достигает угла: ”*В эти места как будто не заглядывает то же солнце, которое светит для всех петербургских людей, а* ***заглядывает какое-то другое, новое, как будто нарочно заказанное для этих углов,*** *и светит на все иным, особенным*

светом". В отличие от угла героя пространство Настеньки открыто: "В сторонке, прислонившись к перилам ***канала****, стояла женщина; облокотившись на решетку, она, по-видимому, очень внимательно смотрела на мутную воду* ***канала***". Форма канала – это линия, которая символизирует путь, движение и не имеет конца. Примечательно, что в описании воды подчеркивается ее замутненность – она лишена и цвета, и света. Однако и то, и другое есть в самой героине, которая привносит цвет и свет в пространство Петербурга.

Это подчеркнуто Достоевским цветовой деталью портрета: "*Она была одета в премиленькой* ***желтой*** *шляпке и в кокетливой* ***черной*** *мантильке*". Как и в случае с цветом домов Петербурга, цветообозначения "*черный*" в описании мантильи и "*желтый*" в описании шляпы достаточно точно воссоздают реальные детали женской моды того времени (Рындин 1961). Кроме того, эти цвета имеют символический подтекст. С точки зрения проспекции их можно интерпретировать так: "Желтый цвет выступает в сочетании с черным цветом в описании первой встречи мечтателя и Настеньки, как предсказание мимолетности счастья и трагичности финала" (Конюхова, Лыткина 2021: 497). Однако если фокусировать внимание на проблеме мечтательности героини, то символика желтого и черного может быть представлена в ином ракурсе. Черный цвет – цвет земли, который будет подчеркнут цветом волос героини, а в этом фрагменте – цветом одежды. Желтый – цвет солнца, то есть света и огня. Подобная символическая интерпретация цветовой детали в портрете героини позволяет в ее мечте о возвращении любимого увидеть живую связь с жизнью, освещенную любовью. Кроме того, на мифологическом уровне героиня становится воплощением рождения света из темноты, и в своей световой семантике коррелирует с центральным образом повести – образом "белых ночей", когда из вечерней зари рождается утренняя.

Некоторые перцептивные детали в портретах рассказчика и девушки совпадают, что наводит на мысль о сходстве двух героев. Так, в описании и мечтателя, и Настеньки Достоевский прибегает к глаголу "*покраснеть*", который указывает на изменение цвета лица: " *Она тоже взглянула на меня украдкой, слегка* ***покраснела*** *и потупилась*"; *"Вы хотите знать, отчего я так вспорхнулся, так* ***покраснел*** <…>". Такое свойственно людям тонкой психической организации. Способность испытать состояние повышенной эмоциональности объединяет рассказчика и Настеньку. Вместе с тем в описании этих двух героев контекст употребления цветообозначения различается. У рассказчика изменение цвета лица связано только с некоторой досадой на тех, кто мешает ему предаваться мечтам, а само состояние сравнивается с чувствами вора, которого почти поймали с поличным: "*вспорхнешься, смутишься и* ***покраснеешь****, как школьник, только что запихавший в карман украденное из соседнего сада яблоко, когда какой-нибудь длинный, здоровый па-*

рень, весельчак и балагур, ваш незваный приятель, отворит вашу дверь и крикнет, как будто ничего не бывало< …>". В описании Настеньки указывается на разные чувства, ставшие причиной покраснения. Это и волнение, и возбуждение ожидания, и неловкость, и многое другое, что случается в жизни. Поэтому автор подчеркивает проявление сильных истинных чувств обозначением интенсивности красного цвета, в том числе через сравнение. Каждое из них указывает на высшую степень проявления возможности: *"запели мы оба, я, чуть не обнимая ее от восторга, она,* ***покраснев, как только могла покраснеть***". Особенно примечательны сравнения цветового оттенка лица Настеньки с предметами природного мира – с розой, вишней, которые призваны обозначить не только естественность девичьего покраснения, но и еще и указать на связь ее переживаний с живой жизнью: *«<…> я все еще* ***стою*** *на половине лестницы,* ***красная, как вишня****, потому что у меня вся кровь начала бросаться в голову, когда я с ним повстречаюсь<…>»; «Она сначала отвернула от меня свое личико,* ***покраснела, как роза*** *<…>*». Для рассказчика покраснение связано только с его мечтаниями, а не с ситуациями из реальной действительности. Не случайно в одном из контекстов употребления цветообозначения используется условное наклонение как маркер вымышленной действительности: "*<…> он наверно* ***бы*** *ничего* ***не припомнил****, ни того, где ходил, ни того, где стоял теперь, и,* ***покраснев с досады,*** *непременно солгал* ***бы*** *что-нибудь для спасения приличий <…>*".

Таким образом, в повести «Белые ночи» описание перцептивного восприятия мира выступает ключевыми фрагментами в развитии темы мечтательства, так как слова с обозначением света, цвета, формы, температурного ощущения, употребленные в прямом и переносном значении, обретают семантическую многоплановость. Это помогает перцептивности как стилистическому приему донести до читателей понимание Достоевским типов мечтателей, способствует реализации авторского замысла.

Использованная литература

Грибер, Ю.А. 2014. *Цветовые репрезентации социального пространства европейского города:* дис. док. культурологии. Москва. 376 с.

Конюхова, Е.С., Лыткина, О.И. 2021. "Цветовая палитра в романе "Бедные люди" и повести "Белые ночи" Ф.М. Достоевского", *Русский язык и культура в зеркале перевода.* 1. 491-499.

Кухаренко, В.А. 1988. *Интерпретация текста.* Москва.

Набоков, В.В. 2013. *Лекции по русской литературе* / пер. с англ. С. Антонова, Е. Голышевой, Г. Дашевского и др. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. 448 с.

Перзеке, А. Б. 2017. "Фольклорно-мифологические мотивы поэтики образа Евгения в поэме А. С. Пушкина "Медный всадник", *Евгений*

Александрович Маймин и его время. Материалы Международной научной конференции “VIII Майминские чтения”. 22–24 октября 2015 г. Псков: Псковский государственный университет. 82-86.

Петров, В.М., Шепелева, Н.С. 1996. “Спектральный мир Ф.М. Достоевского”, *Слово Достоевского.* Сб. статей под ред. Ю.Н. Караулова. Москва: Институт русского языка РАН, 137-159.

Рындин, П. 1961. *Из истории костюма. 1830-1850*. Выпуск 2. Москва: Московское театральное общество. 182 с.

Цейтлин, А.Г. 1962. *Труд писателя: вопросы психологии творчества, культуры и техники писательского труда.* Москва: «Советский писатель». 591 с.

Шурупова, О.С. 2012. “Цветовая гамма Петербургского и Московского текстов”, *Русский язык за рубежом.* 6, 80-86.

Источники

Достоевский, Ф. М. 1972. *Белые ночи*. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 2. Повести и рассказы, 1848-1859. Ленинград: Наука. С. 102 - 141. https://russian-literature.org/object/999233

Olga MESHCHERYAKOVA

THE ROLE OF DESCRIPTION OF THE WORLD IN THE STORY OF F.M. DOSTOEVSKY 'WHITE NIGHTS’

Summary: The article aims to establish the role of perception as a stylistic device in this early story. We analyze the use of lexemes for light, color, shape, and temperature sensation. In the semantics of the work of fiction, words have ambiguity and demonstrate their ability to participate in the disclosure of the theme of daydreaming.

Ирина НОВОКРЕЩЕНОВА
Тамбовский государственный университет им.
Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ В ХАРБИНСКОМ ЖУРНАЛЕ « РУБЕЖ»

Аннотация: В 1926 год в Харбине выходит первый выпуск журнала «Рубеж». В числе постоянных авторов А.Ачаир – руководитель литературного объединения «Молодая Чураевка», представители «младшего поколения» молодых писателей-эмигрантов – А.Несмелов, Л.Андерсен, Ю.Петерец и др.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, молодые писатели-эмигранты, литературное объединение «Молодая Чураевка», журнал «Рубеж».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90047.

Журнал «Рубеж» (1926-1945) является одним из наиболее известных литературных периодических изданий Русского зарубежья. Многие журналы изначально задумываются как общественно-политические, а через некоторое время меняют направление деятельности на литературное. Например, журнал «Современные записки» (1920-1940), «Воля России» (1920-1932), «Звено» (1923-1928). В отличие от недолго выпускавшихся литературных журналов «Новый дом» (1926-1927), «Новый корабль» (1927-1928), «Встречи» (1934), издатели журнала «Рубеж» М.С. Лембич и Г.Н. Щипков смогли реализовать пожелания русских эмигрантов в потребности публикации произведений и знакомства читателей с творчеством соотечественников.

Название журнала «Рубеж» довольно символично. Русские эмигранты в Китае оказываются между Западом и Востоком, недалеко от утраченной России, но все же без возможности вернуться на Родину. Многие уезжают в США, Европу, Австралию. Среди постоянных авторов «Рубежа» не только «восточные» эмигранты, но и «западные».

В каждом номере журнала публикуются стихотворения, рассказы, отрывки из романов, очерки, полезные советы, кроссворды и «Книжные новинки» (рецензии на книги русских писателей-эмигрантов). На Рождество, Пасху, 8 марта выходят тематические номера журнала. Ежегодно в июльских номерах публикуются статьи, посвященные памяти российской императорской семьи. Николай II и его семья в сознании русских эмигрантов являются мучениками и символизируют потерянную навсегда дореволюционную Россию.

Уникальность журнала «Рубеж» состоит в том, что он становится литературной площадкой не только для известных писателей (И.А. Бунина. А.М. Ремизова, Б.К. Зайцева, А. Аверченко и т.д.), но и для начинающих молодых авторов.

Постоянными авторами журнала «Рубеж» становится руководитель литературного объединения «Молодая Чураевка» А.Ачаир (1896-1960),

а также представители «младшего поколения» молодых писателей-эмигрантов – А.Несмелов (1889-1945), В.Перелешин (1913-1992) и др.

Образ Родины в творчестве Ачаира символизируется не в собирательном образе далекой России, а в облике родного Иркутска. В двадцать девятом номере журнала «Рубеж» (1928) опубликовано стихотворение Ачаира «Халло, Иркутск». В стихотворении прослеживается мотив любви к малой Родине: «Границы – что!? Условностей завеса! Но не для тех. кто не забыл Сибирь» (Ачаир 1928:3). Харбин и Иркутск связаны невидимыми нитями: «Ах, и во сне серебрянныя нити И ленты трав соединяют нас!» (Ачаир 1928:3). Эмигранты в любой точке мира связаны между собой воспоминаниями о Родине: «И у чужих порогов, сердцу вторя, Поет мечту о лучезарном дне, Для всех одно: Владивосток и море, И дед Урал, и мы – наедине!» (Ачаир 1928:3). Образ сибирского казака, оказавшегося вдали от родной станицы, талантливо воплощен Ачаиром в стихотворении «Казак»: «Но в памяти – в снегах Алтын-Эмель, хоть он совсем от этих мест неблизко. Да, не видать родной земли отсель, из Сингапура или Сан-Франциско» (Ачаир 1937: 1), «Но разве здесь не все-ль тебе равно? Ходили казаки до Калифорнии. Бывало время, да прошло давно...В родном краю все было жить просторней» (Ачаир 1937: 1). Кроме темы Родины в творчестве Ачаира подробно рассматривается судьба русского эмигранта. Например, в рассказе «Последняя любовь» Всеволод Иннокентьевич, бывший офицер императорской армии, вынужден работать швейцаром и дворником, для того чтобы выжить в эмиграции: «Ночью – швейцар, днем – дворник, во всякое время дня и ночи совсем не тот, кем был раньше строевой офицер гвардейского полка, – Всеволод Иннокентьевич урывал от своего малого досуга с полчаса в послеобеденное время, чтобы заняться чтением и, хоть в мыслях перенестись на четверть века назад. Старые, теряющие силы, но несдающиеся мечтания!» (Ачаир 1937: 1). Одинокие вечера скрашивают воспоминания о былых подвигах: «Тогда, почти двадцать пять лет тому назад, гвардии капитан Самаргин получил беленький эмалевый крестик... Он помнит это отчетливо, как и лицо Главнокомандующего, поздравлявшего его с драгоценной наградой. Сам Император знал о его подвиге. Крестика у Самаргина сейчас уже нет. Нет и Главнокомандующего, и самого Императора нет. Убили его» (Ачаир 1937: 1).

Молодое поколение плохо помнит Родину и знает про революцию и Гражданскую войну только по рассказам своих родителей, как и шестнадцатилетняя Татьяна Скворцова: «Она слышала от своего отца, давно еще, о Великой и гражданской войне. Знала, что гвардия грудью приняла первый удар врага и была почти целиком уничтожена. Видела она у отца и фотографии его товарищей, – кадет и юнкеров, с которыми он учился» (Ачаир 1937: 4). Острее чувствуется одиночество: «И люди чужие, – и были, и есть. Все чужое, все не свое» (Ачаир 1937: 6), «Ни семьи, ни гнезда, ни родины» (Ачаир 1937: 7). Все праздники и свободное время Самаргин, как многие соотечественники, проводит в эмигрантских объединениях: «Повседневная работа и заботы по дому

изредка сменялись «чашками чая» и собраниями в эмигрантских объединениях. Самаргин, впрочем, не часто посещал их» (Ачаир 1937: 8).

Каждый прожитый вдали от Родины год становится для эмигрантов тяжелым испытанием. В стихотворении Несмелова «В долгое плаванье» центры эмиграции выступают временной спокойной гаванью в бушующем море жизни: «Сильно ль будет встряхивать, влача В бури эмигрантскую посудину? И о тихой пристани мечтать Не напрасно ли опять все будем мы?» (Несмелов 1938: 1), «Море Зарубежья пересечь – Не поляну перейти цветочную» (Несмелов 1938: 1), «Стар наш парус, и скрипит штурвал, Двадцать лет уже не видно берега» (Несмелов 1938: 1).

В поэзии эмигрантов мотив любви к женщине ассоциируется с любовью к Родине и тоской по родному краю. В стихотворении «Как всегда» М.Спургот (1901-1993) признается в любви лирической героине и тоскует по ней. Как только любимая ушла навсегда героя охватила тоска: «И так жутко до крика, до боли. Теперь лишь тоска впереди (Спургот 1928: 15).

В рассказе Ю.Крузенштерн (Петерец) «Поцелуй во сне» (1903-1983) отражена тема Китая, различия русской и китайской культуры. Трагическая история китайского юноши Ли-Фуна схожа с судьбой русских эмигрантов: любовь ярким лучом освещает жизнь, дает надежду. Счастье кажется таким близким: «И вдруг случилось чудо. Крепко руки мисси обвили его за шею и горяча губы прильнули к его губам... Но только на один миг... Через секунду девушка открыла глаза, и по всему дому пронесся ея громкий, полный ужаса крик. Она ошиблась!» (Крузенштерн 1928: 2). Китайский юноша оказывается в неволе, далеко от своей любимой. Русские эмигранты испытывают похожие чувства.

У поэта В.Ветлугина (1897-1953), младшего брата Перелешина, Китай ассоциируется со страной восходящего солнца, но чужой для русского человека: «Уйду туда, где солнце ближе И ярче; где морская зыбь Не знает бурь» (Ветлугин 1934:6) , «Где говорят чужие люди На незнакомом языке» (Ветлугин 1934: 6). Как и в стихотворении В.Перелешина «В грозу», образ России воплощается в образе любимой женщины, с которой мысленно всегда рядом и хочется быстрее вернуться к ней: «О той земле, где великаны Дома, где срублены леса, Где сырость утренних туманов. И о глазах, – твоих глазах!» (Ветлугин 1934: 6).

И. Лесная (1913-1997) в стихотворении «Март» описывает китайский праздник «Когда дракон поднимает голову». Поэтессу восхищает обилие музыки и ярких красок, свойственных китайской культуре: «Пронесли по улицам драконов Забурлившей праздником страны» (Лесная 1934: 1), «В канонадах шумных, но не грозных, В ярких взлетах тысячей огней» (Лесная 1934: 1) , «Под веселый барабанный ритм Плыли маски, тонкие ходули, Веера, цветные фонари» (Лесная 1934: 1), «Пестрота, веселый гул процессий, Треск хлопушек, гам со всех сторон» (Лесная 1934: 1) .

Восточные образы притягивают русских эмигрантов и дают новые источники вдохновения для творчества. П. Булыгин (1896-1936) в стихотворении «Русский в Абиссинии» активно развивает «африканскую тему»

Гумилева. Только главный герой уже не искатель приключений, а несчастный эмигрант, не имеющий возможности вернуться домой: «Храню погоны и кокарду От службы Русскому Царю. Кормлю ручного леопарда И с ним по-русски говорю» (Булыгин 1935: 4) , «И вспоминаю Гумилева...Что ждет, скрываясь, впереди? Когда-нибудь вернусь я снова, – Теперь же, жизнь, меня не жди» (Булыгин 1935: 4). Через десять лет Булыгин переезжает в Парагвай, становится основателем деревни староверов. Но яркая жизнь, полная путешествий, хороша тогда, когда можно вернуться на Родину. Вдалеке от России Булыгин с сожалением вспоминает о родных местах: «Я десять лет беспечно засыпал Под звуки абиссинских песен» (Булыгин 1936: 1), «Все страны возвращаются, как сны, – Родная не вернется только...На берегах широкой Параны О Волге я тоскую горько» (Булыгин 1936: 1), «Я русскую деревню основал В лесах глухого Парагвая» (Булыгин 1936: 1).

Председателем харбинского литературного объединения «Молодая Чураевка» в 1930-х годах становится молодой писатель Н.Светлов (1908-1970). Светлов публикует стихотворения, прозу, переводы с китайского и японского языка, газетные очерки. Молодой писатель становится постоянным автором газеты «Чураевка», журналов «Парус» и «Рубеж». В сорок пятом выпуске Рубежа (1928) напечатано стихотворение Светлова «Снежная радость». В стихотворении прослеживается осмысление писателем революционных событий. Под влиянием стихии город пустеет и на проспекте становится грустно. Бой мороза-седого старца в белой рубахе можно сравнить с белой армией и дореволюционной Россией, а дым из красных труб с красной армией и новой советской властью. Преимущество мороза временное, побеждает новая власть, непрочная, как клубы дыма: «Лишь к утру угомонился… И в рубахе синей, город Вновь кадил клубами дыма Из щетины красных труб» (Светлов 1928: 1).

Постоянным автором журнала «Рубеж» становится Ларисса Андерсен – молодая поэтесса «Чураевки», душа русского Харбина. В стихотворении «Парус» Л. Андерсен героиня мечтает вернуться домой, в Россию: «Покажусь тебе радостной чайкой. На любимых родных берегах», «Поведу тебя за руку к дому, Что заждался весны и тепла» (Андерсен 1931: 10). Свет месяца в море и белый парус на заре показывает, что нужно стремиться к новой жизни и не возвращаться в прошлое: «На заре, в розоватом тумане Голубеющий парус мелькнул», «Новый месяц засмотрится в море И рассыплет вязанку ключей» (Андерсен 1931: 10).

Фольклорные образы, обычаи и обряды становятся отражением русской национальной культуры, показывая тесное соседство христианства и язычества, богатство русской истории в стихотворении Скопиченко «Снежное сватовство»: «Вечера на Руси морозны, – Замерзает сам домовой» (Скопиченко 1933: 10), «А вчера, у ели мохнатой, Там, где леший летом живет Прошептал мне Ваня, что сватов Скоро к матери он зашлет!» (Скопиченко 1933: 10), «Чтобы справить свадьбу на Святки Упрошу я отца и мать. Каждый вечер стану лампадки У икон в избе зажигать» (Скопиченко 1933: 10), «Домовому поставлю кринку, С молоком, у печных дверей, Чтоб не сделал какой заминки. Не разстроил свадьбы моей» (Скопиченко 1933: 10).

Великий пост – время для духовного ощущения православных людей. Резникова описывает свечи, торжественный колокольный звон, огонек лампады и старушек, усердно отбивающих поклоны: «Роняют свечи слезы – желтый воск, – И гнутся, тая , точно в покаянье» (Резникова 1936: 1), «Старушки крестятся и бьют поклоны. В душе звучит великопостный звон, И обступили ласково иконы» (Резникова 1936: 1), «Лампады теплят кроткие огни...Душа растет и жаждет покаяний» (Резникова 1936: 1).

Образ ребенка является центральным в творчестве писателей-эмигрантов. Писателям важно показать представления ребенка об окружающем мире, как происходит духовное становление национального русского характера. Особенный интерес вызывает формирование внутреннего мира ребенка после соприкосновения с духовными традициями, элементами православной культуры. Например, в стихотворении С.Сергина (1910-1934) «Первая заутреня» показаны искренние чувства ребенка в ожидании праздника, впечатления первого участия в церковной службе: «Я помню радостное пенье И залитый огнем собор» (Сергин 1934: 15), «И краснаго сукна дорожку, Идущую от алтаря» (Сергин 1934: 15), «А в душу западает слово О воскресении Христа» (Сергин 1934: 15) . Все тревоги на время уходят, на душе светло и радостно, и все мысли встают на свое место, как у героини рассказа Т.Баженовой «В четырнадцать лет»: «И сразу оживает город. Колокола гудят на обоих церквях, и редко испытываемый восторг ширится, растет в моей снова «поставленной на свое место душе» (Баженова 1934: 5), «Крестный ход вернулся. Священник радостно возглашает: «Христос Воскресе», – и снова только легкое, радостно-нервное волнение и мысли о настоящем » (Баженова 1934: 5).

Тема «праведничества» – одна из основных тем в русской литературе. В России к юродивым странникам относятся с почетом и уважением, всегда дают приют и кусок хлеба. В стихотворении Сергина «Странник» поэт отражает религиозность и гостеприимство жителей к путешественнику по святым местам: «Мой путь идет за ту черту, где небо Сошлось с землей, Дорога далека!» (Сергин 1934: 1), «Передохну я у часовни древней, Разрушенной, забытой, без креста» (Сергин 1934: 1), «Вздохнут старухи: – „Странничек убогий! Забыл как звать!.. Спаси его Христос..." (Сергин 1934: 1). В стихотворении Колосовой (1901-1964) «Было и прошло», посвященном Сергину, есть отсылка к стихотворению «Странник». Колосова считает, что образ России у Сергина слишком идеализирован: «Приснилась юноше Россия В тумане прошлых милых лет. Приснились страннички святые, Которых тоже больше нет» (Колосова 1934: 8), «Теперь, мой друг, там жизнь иная, Иные люди и пути!» (Колосова 1934: 8). Места в новой России для эмигрантов нет: «Осталось, правда, тоже небо, Шумит, как встарь, берез листва. Но нет в России корки хлеба Для нас, непомнящих родства!» (Колосова 1934: 8) .В стихотворении Колосовой «На богомолье» странствие по святым местам помогает очистить душу, возродиться духовно: «Как было хорошо бы Уйти на богомолье!» (Колосова 1935:

4), «От немощи бессильной На исцеленье к Богу» (Колосова 1935: 4) , «Березовым лесочком От войн, от зла, от крови» (Колосова 1935: 4), «Спокойными шагами Без горечи всегдашней» (Колосова 1935: 4).

Таким образом, журнал «Рубеж» играет большую роль в литературной жизни Русского Зарубежья. Журнал становится площадкой для творчества «старших» и «младших эмигрантов». В издании постоянно публикуется руководитель литературного объединения «Молодая Чураевка» Ачаир и его ученики Несмелов, Андерсен, Петерец, Агмадов и др. Большое внимание редакция журнала уделяет роли женщин в современном литературном процессе, публикует произведения молодых женщин-писателей.

Использованная литература

Андерсен, Л. 1931. «Парус». «Рубеж» 22, 10.
Ачаир, А. 1937.«Казак». «Рубеж» 8, 1.
Ачаир, А. 1937. «Последняя любовь». «Рубеж» 42, 1-10.
Ачаир, А.1928. «Халло, Иркутск». «Рубеж» 29, 3.
Баженова, Т. 1934. «В четырнадцать лет». «Рубеж» 21, 5.
Булыгин, П.1936. «Без родины». «Рубеж» 20, 1.
Булыгин, П.1935. «Русский в Абиссинии». «Рубеж» 32, 4.
Ветлугин, В.1934. «О чем жалеть? Не все равно ли». «Рубеж» 17, 6.
Колосова, М. 1934. «Было и прошло». «Рубеж» 17, 6.
Колосова, М. 1935. «На богомолье». «Рубеж» 20, 4.
Крузенштерн, Ю. 1928. «Поцелуй во сне». «Рубеж» 34, 1-2.
Лесная, И. 1934. «Март» «Рубеж» 12, 1.
Несмелов, А. 1938. «В новое плаванье». «Рубеж» 1, 1.
Резникова, Н.1936. «Великий пост» «Рубеж» 12, 1.
Светлов, Н. 1928. «Снежная радость». «Рубеж» 45, 1.
Сергин, С.1934. «Первая заутреня». «Рубеж» 15, 5.
Сергин, С. 1934. «Странник». «Рубеж» 27, 1.
Скопиченко, О. 1933. «Снежное сватовство». «Рубеж» 51, 10.
Спургот, М. 1928. «Как всегда». «Рубеж» 29, 15.

Irina NOVOKRESCHENOVA

CREATIVITY OF YOUNG EMIGRANT WRITERS IN HARBIN RUBEZH MAGAZINE

Summary: The first issue of the magazine “Rubezh” was published in Harbin in 1926. Regular authors: A. Achair, the head of the literary association “Molodaya Churaevka”; representatives of the “younger generation” of young emigrant writers — A.Nesmelov, L. Andersen, Y. Peterets, etc.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-312-90047.

Полина ПОВАЛКО
Кафедра общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, Москва, Россия

ТВОРЧЕСТВО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: МЕТАМОРФОЗЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу направлений и способов рецепции творчества Ф.М. Достоевского в современной русской постмодернистской прозе. На примере произведений В. Пелевина «Т» и В. Сорокина «Dostoevsky trip» разграничиваются два принципиальных вида рецепции текста-источника – метаморфозы и трансформации.

Ключевые слова: постмодернистская литература, Ф.М. Достоевский, рецепция, интертекстуальность.

Постмодернистская литература продолжает непрерывный диалог с литературой классической, которая представляется важнейшим источником для языкового художественного сознания современного человека. Практика постмодернизма, разрушающего «диктатуру» монологизма и утверждающего множественность истин, отразившего эпистемологическую неуверенность современного человека, его поиск и кризисное сознание, соотносимы с полифонической эстетикой Ф. М. Достоевского.

Говоря о современной постмодернистской прозе, мы имеем в виду произведения, созданные в конце XX – начале XXI века. При этом нужно принимать во внимание, что все или большая часть литературных произведений испытывает несомненное влияние постмодернистской эстетики, поскольку мы живём в эпоху доминирования постмодерна, в окружении соответствующих социокультурных тенденций. В силу этого можно говорить о постмодернистских тенденциях применительно к большинству художественных текстов, в том числе написанных на русском языке – вне зависимости от сознательных авторских установок и субъективных пристрастий. С художественной точки зрения для литературы эпохи постмодерна характерны принципы центонности/мозаичности, деконструкция, карнавализация, игровое начало и – важнейшая черта – интертекстуальность.

Рецепция романов Достоевского – частое явление в современной литературе, литературе постмодерна. Универсальность творчества Ф.М. Достоевского и его актуальность связаны, во-первых, с тем, что каждый русский – в некоторой степени часть Достоевского, его ученик. Достоевский – основа культурной «прошивки» русского писателя (и читателя) – на уровне философии, этики, образов. Во-вторых, духовный опыт Достоевского всечеловечен. Именно поэтому Достоевский как феномен, как миф, как некое рефлексивное поле сформировал тенденцию своих продолжателей. Интерес современных писателей к его

произведениям повлек за собой возникновение огромного количества римейков, мистификаций, пародий на великого классика и его романы.

Достоевский находится в позиции трансдискурсивности (по М.Фуко), то есть является одним из авторов, особенность которых «состоит в том, что они являются авторами не только своих произведений, своих книг. Они создали нечто большее: возможность и правило образования других текстов» (Фуко 1996: 31). При этом в рефлексивное поле современной литературы входят не только тексты писателя с идеями и образами, но и его личность – философские концепции и линии жизни.

Диалог с творческим наследием русского классика принимает разнообразные формы: от простой цитации до пастиша, от аллюзий до напластования контекстов.

Рассмотрим основные направления рецепции творчества Ф.М. Достоевского, встречающиеся в постдостоевских текстах современной литературы (деление на направления художественной рецепции условно, приводится здесь по принципу преобладания). В постмодернистской литературе авторской рефлексии подвергаются:

1. **личность и биография писателя:**

• В. Пелевин «Т» – деконструкция образа и биографии Достоевского, его отношения с современниками;

• Ю. Буйда «Жёлтый дом» – деконструктивистский анализ не только художественных произведений писателя-классика, но и его публицистика, заметки и письма и пр.;

2. **сюжет и части композиции произведений:**

• В. Пьецух «Новая московская философия» – трансформация сюжета, снижение эстетического воздействия романа «Преступление и наказание»;

• В. Пелевин «Числа» – интертекстуальные отсылки к известным литературным и культурным героям, гротескное перефразирование «Преступления и наказания», «Братьев Карамазовых» и др.;

3. **структура и содержание романов:**

• З. Зиник «Встреча с оригиналом» – интерпретация нескольких глав «Бесов»;

• В. Пелевин «Чапаев и пустота» – деконструкция структуры и содержания романа «Преступление и наказание»;

4. **образы героев произведений:**

• В. Ерофеев «Страшный суд» – игра с героями Достоевского: Раскольников, Иван Карамазов, Великий инквизитор;

• В. Сорокин «Dostoevsky-trip» – образы героев, текст романа «Идиот»;

5. **стиль писателя:**

• В. Сорокин «Голубое сало» – стиль Достоевского, переосмысление-игра с концептом «Достоевский»;

• А. Левкин «Достоевский как русская народная сказка» - мозаичное произведение, составленное из цитат Достоевского, внешне похожее на роман классика;

6. прецедентные фразы/ситуации:

• А. Королёв «Голова Гоголя» – центонность, игра с прецедентными языковыми феноменами, в частности «*Мир красотой спасется*»;

7. идеи/философские воззрения:

• Э. Лимонов «316, пункт “В”» – этические девиации идей Великого инквизитора;

• А. Королёв «Голова Гоголя» – интертекстуальная и гипертекстуальная (Фатеева 2012: 121) связь с философией Великого инквизитора.

Когда речь идёт о современном постмодернистском тексте, всегда находящемся в диалоге с предшественниками, мы сталкиваемся с художественным интертекстом – явлением многогранным, включающим в себя все варианты интертектуальных элементов и межтекстовых связей, наблюдаем трансформации и метаморфозы претекстов.

Представляется целесообразным разделить эти два понятия. На наш взгляд, ***трансформация*** претекста подразумевает изменение формы, при этом первоначальные содержание, смысл, идея прочитываются, хотя и шифруются. При ***метаморфозе*** привычная или изменённая форма наполняется принципиально иным содержанием, меняется суть. Метаморфозы – это коренные трансформации, крайняя их форма. В современных художественных текстах метаморфозам подвержены этико-философские воззрения, концепты, образы героев, сама фигура Ф.М. Достоевского. Трансформации затрагивают как язык, так и сюжеты, структуру, эстетику произведений писателя.

В качестве примеров специфической рецепции приведём анализ признанных постмодернистов современной русской литературы – Владимира Сорокина и Виктора Пелевина.

Случай метаморфоз предлагаем проследить на примере романа ***Виктора Пелевина «Т».***

По сюжету Ф.М. Достоевский – герой компьютерной игры-стрелялки, «шутера» (что неслучайно: известно, что писатель страдал от игровой зависимости, которая в сегодняшнем мире реализуется именно в компьютерных играх). Достоевский сидит в окопе, стреляет по мертвым душам, приходящим с запада, забирает водку, колбасу и медикаменты и высасывает их души. Хронотоп происходящего сопоставлен с «Петербургом Достоевского» (название игры). Ключевые символы петербургского текста в романе предстают в виде «овеществленных метафор», а реалии, наоборот, превращаются в знаки и символы. Так, пространство «выморочного» города маркировано темой «жёлтого цвета»: ***жёлтый*** *ореол окружал силуэты* (Пелевин 2020: 163)*; размытая* ***желтизна*** *дрожала* (Пелевин 2020: 223) и пр.

Далее Пелевин показывает «омертвление» Достоевского: увиденное через прибор отражение в зеркале овеяно жёлтым нимбом, многократные «застывания» героя (*он надолго* ***замирал в неподвижности*** (Пелевин 2020: 234); *Достоевский* ***застыл*** *на месте, уставившись в окно* ***как в вечность*** (Пелевин 2020: 243)***)*** логично приводят к превращению героя в собственный портрет – иначе говоря, в ярлык.

Метаморфоза заключается в том, что информация о личности, биографических коллизиях, воззрениях, роли в культуре и другие контексты – свернулась до ярлыка, превратилась в энграмму. Связь с претекстом реализуется на уровне имени героя и в виде нескольких прецедентных фраз: *Такой элегантный господин с двуручным топором. Кто же это может быть, как не знаменитый Достоевский?* (Пелевин 2020: 213). Образ оказался иронически и гротескно перекодирован.

Проведя предельное сворачивание информации о Достоевском, Пелевин рассчитывает на обратный процесс: читатель должен быть способен развернуть ярлык в полновесный образ так широко, как дано именно ему. Иначе говоря, такой ярлык обладает потенциалом голограммы: в малой части представлено целое.

Роман эпохи постмодерна отвергает метафизику присутствия, в соответствии с которой знак отсылает к некоторому материальному носителю, представляющему другую сущность, относящуюся к реальности. Реальность для постмодерна фиктивна, и знаки отсылают только к знакам. Так, образ Достоевского в романе – лишь симулякр, за которым не стоит «реальный» писатель, персонаж является скорее олицетворением идеи/концепта, нежели воплощением индивидуальности, уникальной личности человека, обладающего «каким-либо гражданским статусом и сложной социальной и психологической историей» (Brooke-Rose 1986: 192).

В романе ***Владимира Сорокина «Dostoevsky-trip»*** мы наблюдаем разные способы рецепции – и метаморфозы, и трансформации.

Однако начать анализ необходимо с определения жанровой специфики сорокинского текста, вынесенной в заглавие. Trip – по-английски «путешествие». В русском сленге слово «трип» имеет и другое значение – это специфическое переживание человека, принявшего наркотические средства, некий галлюциногенный опыт. Автор предлагает этот опыт читателю, приглашая совершить путешествие-галлюцинацию по пространству Достоевского.

Фабула произведение такова: вся литература (и русская, и зарубежная) признается наркотиком. Поэтому все художественные тексты обладают наркотическими свойствами, их «употребление» (чтение) вызывает такие же последствия, как если бы человек употреблял настоящие наркотические препараты – возможность получить своеобразное удовольствие, а в случае передозировки умереть. Есть наркотики мягкие типа «Флобера» или «Мопассана». Есть жесткие, например «Томас Манн» или «Кафка». «Набоков» «дико» дорог, «Горький» – удел безнадежных маргиналов, которые не в состоянии скопить денег на что-нибудь пристойное. Но появляется новый малоизвестный наркотик под названием «Достоевский». Продавец-распространитель даёт ему такую характеристику: «*Классная вещь. Одна из последних разработок. И выход легкий: через Гамсуна*» (Сорокин 1997: 12).

И здесь наглядный пример метаморфозы – превращение сложных, объёмных образов писателей, их творчества, биографии и идей в нар-

котики. Механизм действия схож с описанным выше сворачиванием в ярлык у В. Пелевина. Таким образом, фабула произведения и его образы представляют собой пример сложной интертекстуальности, когда интертекст проявляется в комбинации отсылок не к одному произведению, а к нескольким, в данном случае - даже нескольким авторам.

По сюжету семеро героев под воздействием наркотика *«проваливаются в пространство романа Достоевского «Идиот»* (Сорокин 1997: 13), в знаменитую сцену сжигания Настасьей Филипповной денег Рогожина. Они «мутируют» и превращаются в героев классического романа. Сорокин заимствует у классика не только имена героев, но и целые фрагменты текста, использует фразы романа, опуская слова автора и превращая текст в пьесу.

«Идиот»	**«Dostoevsky trip»**
– *Князь*, – резко и неожиданно обратилась к нему вдруг Настасья Филипповна, – *вот здесь старые мои друзья, генерал да Афанасий Иванович, меня всё замуж выдать хотят. Скажите мне, как вы думаете: выходить мне замуж или нет? Как скажете, так и сделаю.* Афанасий Иванович побледнел, генерал остолбенел; все уставили глаза и протянули головы. Ганя застыл на месте. – *За... за кого?* – спросил князь замирающим голосом. – *За Гаврилу Ардалионовича Иволгина*, – продолжала Настасья Филипповна по-прежнему резко, твердо и четко. Прошло несколько секунд молчания; князь как будто силился и не мог выговорить, точно ужасная тяжесть давила ему грудь. – *Н-нет... не выходите!* – прошептал он наконец и с усилием перевел дух. – *Так тому и быть! Гаврила Ардалионович!* – властно и как бы торжественно обратилась она к нему, – *вы слышали, как решил князь? Ну, так в том и мой ответ; и пусть это дело кончено раз навсегда!* – *Настасья Филипповна!* – дрожащим голосом проговорил Афанасий Иванович. – *Настасья Филипповна!* – убеждающим, но встревоженным голосом произнес генерал. Все зашевелились и затревожились. – *Что вы, господа?* – продолжала она, как бы с удивлением вглядываясь в гостей, – *что вы так всполохнулись? И какие у вас у всех лица!*	**Настасья Филипповна:** Князь, вот здесь старые мои друзья меня все замуж выдать хотят. Скажите мне, как вы думаете: выходить мне замуж иль нет? Как вы скажете, так и сделаю. **Князь Мышкин:** За... за кого? **Настасья Филипповна:** За Гаврилу Ардальоновича Иволгина. **Князь Мышкин:** Нет... не выходите! **Настасья Филипповна:** Так тому и быть! Гаврила Ардальонович! Вы слышали, как решил князь? Ну, так в том и мой ответ. И пусть это дело кончено раз и навсегда! **Ипполит:** Настасья Филипповна! **Лебедев:** Настасья Филипповна! **Настасья Филипповна:** Что вы, господа? Что вы так всполохнулись? И какие у вас у всех лица!

С определённого момента разворачивания действия разговор героев отходит от теста классика. Каждый герой остаётся в заданных коорди-

натах, которые воплощаются в новых репликах. Причем мы видим предельное развитие основной идеи каждого из героев, выраженное невероятно экспрессивно. Словно водя фонариком по фигурам, Сорокин высвечивает одну сторону каждой из них. Абсурдизируя сюжет, речь, автор трансформирует героев, превращает объёмных персонажей, создававших полифонический роман, в плоские фигуры, захваченными каждый своей идеей фикс. Для нового Гани – это жажда денег, для Вари – сестринская любовь, для Настасьи Филипповны – жажда разрушения, жажда огня и т.д.:

Рогожин: *Люблю тебя! Люблю тебя!* ***В тебе все женщины мира!*** *Я чувствую их! Я знаю их! Я хочу их!*

Варя: *Любовь сестры!* ***Чистая, святая сестринская любовь!*** *Она бескорыстна! Она дороже всего на свете! Она вечна и бесконечна!*

Князь: *Страдание и боль! Боль мира! Вот что спасет нас! Услышьте, услышьте боль сирот и нищих!* ***Боль униженных и оскорбленных!***

Лебедев: Ради медного гроша, *брошенного мне богачом,* ***я зароюсь в грязь!*** *Я буду извиваться, как червь, и хрюкать, как свинья!*

Ганя: У меня будет много денег! *У меня будут миллионы миллионов, миллиарды миллиардов!*

Настасья Филипповна: Я сожгу все деньги! *Все кассы и банки! Все монетные дворы мира!*

Принципиально значимым здесь является наблюдение, что черта эта, доведённая до предела, уже заложена в персонажах Достоевского. Сорокин же эскалирует её, доводит до невероятного напряжения, до абсурда.

Связь между героями рвётся, полилог распадается, каждый оказывается увлечён только своей идеей, ослеплён желанием, проживает собственной галлюциногенный сюжет. Подобная эскалация неминуемо ведёт к надрыву, к разрушению. Смерть всех персонажей и участников этого «путешествия» становится закономерным окончанием наркотического опыта: *«Достоевский в чистом виде действует смертельно»* (Сорокин 1997: 61).

В творчестве В. Сорокина воплощены идеи деконструкции Жака Дерриды как важнейшего принципа постмодерна. Деконструкция лежит в основе реализации эстетической функции и означает отказ от универсального художественного языка – смешение стилей, жанров, языков. Любой художественный элемент может быть вольно помещён в любой контекст – социальный, политический, культурный, нравственный, или вообще проявляется вне всякого контекста. Сорокин формирует определённые читательские установки: внезапные, непредсказуемые переходы от «нормального» сюжетостроения, вербализированного в сугубо традиционных языковых средствах к тотально ненормальному, абсурдистскому, неприемлемому с точки зрения классической эстетики событийному повороту.

Сохраняя внутренний смысл заложенных Достоевским элементов образов героев, Сорокин меняет их форму, деконструирует её, чтобы собрать в новом виде: подвергает таким образом претекст классика трансформации.

Резюмируя проведённый анализ направлений и способов рецепции творчества Ф.М. Достоевского в современной русской постмодернистской прозе, представляется важным сделать несколько обобщений.

Мы видим, что интертекстуальность становится структурной и содержательной основой современного постмодернистского романа, определяет его сложную форму. Автор ожидает от читателя не только соавторства, не только читательской рефлексии - читатель должен быть готовым разделить и авторскую рефлексию, отозваться на игру, раскодировать сложные авторские коды. При этом постмодернистский текст демонстрирует многоракурсность интерпретаций русской классической литературы, в том числе – Ф.М. Достоевского. Для русской культурной рефлексии творчество Достоевского является хрестоматийным: образы, идеи, жизненные линии писателя туго вплетены в ткань современной постмодернистской литературы. Художественное рецептивное освоение наследия именно Достоевского наиболее частотно в современных произведения по сравнению с другими классиками.

Использованная литература

Трунин, С.Е. 2010. „Рецепция достоевского в современной русской прозе: основные тенденции и типы“, *Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика*, No 1.

Фатеева, Н.А. 2012. *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. интертекст.* Москва: Книжный дом «Либроком».

Фуко, М. 1996. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности.* Москва: Касталь.

Brooke-Rose, Chr. 1986. „The dissolution of character in the novel“, *Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought.* Stanford, P. 184–196.

Источники

Достоевский, Ф.М. 1989. *Идиот.* Ленинград: Наука.

Пелевин, В.О. 2020. *Т: роман.* СПБ: Азбука, Азбука-Аттикус.

Сорокин, В. 1997. *Dostoevsky trip*. Москва: Obscuri viri.

Polina POVALKO

DOSTOEVSKY'S HERITAGE IN CONTEMPORARY POSTMODERN LITERATURE: METAMORPHOSES AND TRANSFORMATIONS

Summary: The article is devoted to the analysis of the directions and methods of perception of Dostoevsky's legacy in contemporary Russian postmodern prose. On the example of the works of V. Pelevin "T" and V. Sorokin "Dostoevsky trip," two fundamental types of reception of the source text are distinguished: metamorphosis and transformation.

Искра ТАСЕВСКА ХАЏИ-БОШКОВА
Филолошки факултет „Блаже Конески“ при Универзитетот
„Св. Кирил и Методиј“ во Скопје, Македонија

ДИЈАЛОГОТ НА ИДЕОЛОГЕМИТЕ ВО РОМАНОТ *БРАЌА КАРАМАЗОВИ* ОД ФЈОДОР М. ДОСТОЕВСКИ

Апстракт: Текстот се занимава со истражување на специфичностите на идеологемата како единица во рамките на уметничкиот свет и нејзиниот статус во романот *Браќа Карамазови* од Ф. М. Достоевски. Во анализите на Михаил Бахтин, Павел Медведев, Јулија Кристева, Фредрик Џејмсон и др., идеологемата се промислува како транспонирање на општествено-културниот контекст во светот на делото (или тоа е сфатено како еден вид идеолошки чин), осветлувајќи ги дискретните релации во дадената сфера, но и во творечкиот процес на создавањето на текстот. Анализата на романот на Достоевски се осврнува кон диференцирање на трите клучни идеологеми – преобразбата „од симбол во знак“, таткоубиството и теизмот/атеизмот, кои покажуваат како содејството на различните елементи овозможува делото да прерасне во врвно уметничко обликување.

Клучни зборови: идеологема, знак, Достоевски, роман, отворено дело.

Творештвото на Достоевски претставува импресивен показател на силата на зборот и вештото уметничко обликување, кое реактуализира мноштво контексти на еден посебен и иновативен начин. Уште од неговото прво поголемо дело – *Бедни луѓе*, па преку неговата активност во револуционерниот кружок на Петрашевски и затворањето во Сибир, враќањето на дворјанските права, патувањето на Запад и сè до објавувањето на неговиот обемен роман *Браќа Карамазови* во 1880 година, животот и дејноста на Достоевски се исполнети со многубројни, често и непремостливи противречности. Сепак, сето тоа се интегрира во неговата повеќеслојна личност, која ги отелотворува амбиваленциите без потреба да го изрече последниот збор, како во неговото извонредно писателско дело така и во неговиот живот полн со премрежија.

Михаил Бахтин во своите рани студии (од 20-тите години на 20 век) посветува огромно внимание на творештвото на Достоевски, особено во делото *Проблеми на поетиката на Достоевски,* објавена првпат во 1929 година, а подоцна и преработена, во изданието од 1963 година. Како што напоменува во воведот, Бахтин на одреден начин ја трансформира дотогашната насока во анализирањето на делата на Достоевски, која ги следи параметрите на психолошкото или на философското промислување, додавајќи го клучниот критериум според кој творештвото на Достоевски се разликува од она на неговите претходници – „полифониското мислење“ (од каде што подоцна израснува и тезата за полифонскиот роман). Во тој контекст, Батхин ги коригира дотогашните видувања, кои придонесуваат светот на Достоевски да се затвори

во доминантната проектирана визија, која се нарекува авторска, и на таков начин да се оневозможи согледувањето на неговиот вистински творечки потенцијал. „Мислата на неговите јунаци е навистина понекогаш дијалектична, а понекогаш и антиномична. Но сите логички врски остануваат во границите на издвоените свести и не управуваат со нивните меѓусебни дејствувачки корелации. (...) Мислата вовлечена во случувањето самата станува случување и го добива оној посебен карактер на 'идеја-чувство', 'идеја-сила', која ја создава неповторливата специфичност на 'идејата' во создавачкиот свет на Достоевски" (Bahtin 2000: 11).

За да се разбере природата на идејата и на идеолошкото кај Бахтин, треба да се земе предвид и неговото претходно дело, објавено под името на Павел Медведев (или во соработка со него) во 1928 година, *Формалниот метод во науката за книжевноста.* Во функција на она што се нарекува наука за идеологиите (овозможена од марксистичката филозофија), чиј интегрален дел е и науката за книжевноста, Медведев го дефинира поимот за идеолошката средина како место каде што се развива човековата свест. „Идеолошката средина е остварената, материјализираната, во надворешноста изразената општествена свест на една заедница. Одредена со економското постоење на заедницата, таа, од една страна, ја одредува свеста на секој член од заедницата. Индивидуалната свест, во вистинската смисла на зборот, може да стане свест само ако се остварува во формите што ѝ ги овозможува идеолошката средина: во јазикот, гестот конвенција, уметничкиот лик, митот итн." (Medvedev 1976: 21). Токму оваа теза за реализацијата на индивидуалното како теориска можност, која не може да биде извлечена од пошироката средина, е дефинирана понатаму и во контекстот на јазичните употреби и корелации, кои сведочат за иновативноста на размислувањата на Бахтин и на членовите од неговиот кружок. Медведев не заборава да потцрта дека во книжевното дело се одразува она што се нарекува „идеолошки хоризонт" (односно надворешните знаковни размени и процеси, со оглед на фактот дека идеолошката средина е определена од нив), но тој не смее да се разгледува на начин како што тоа го прави тогашната руска формалистичка критика, сведувајќи го уметничкиот свет на копија на реалниот живот, одземајќи му ја неговата преобликувачка сила и догматизирајќи ја неговата идеолошка страна. Во овој контекст се прави едно внимателно разграничување на улогата на уметничкото дело во општествениот живот, од една страна и потенцирањето на значењето на единицата на одреден идеолошки систем (односно идеологемата), од друга страна, во функција на поширокото уметничко единство.

За нужното разбирање на искажувањето (односно означувачкиот процес) како идеологема подоцна (во 1966 г., односно 1967 година) зборува и Јулија Кристева, определувајќи ја како „пресекување на одредена

текстуална уреденост (семиотичка практика) со исказите (секвенците) што таа или ги асимилира во сопствениот простор, или на кои упатува во просторот на надворешните текстови (семиотички практики)“ (Kristeva 1980: 36). Не криејќи ја мотивираноста да ја разгледува идеологемата под влијание на анализите на Бахтин, Кристева ја определува како „интертекстуална функција“, која е материјализирана во уметничкиот свет на делото. Притоа, таа го потцртува особено важниот момент кога еден надворешен елемент добива своја вредност во текстуалната стварност на делото, според принципите што ја обезбедуваат неговата внатрешна уреденост. Овој став потврдува дека природата и значењето на идеологемата можат да се согледаат само низ нејзините специфични функции, кои сведочат и за нејзината улога во еден простор на значенски релации. Идеологемата се дефинира и во поширокиот контекст на т.н. „политичко несвесно“ на Фредрик Џејмсон, кое ги редефинира поимањата на марксистички сфатените поими општествена база и надградба, овозможувајќи нивно алегориско реинтерпретирање во сферата на „големите наративи“, кои го уредуваат мислењето на човекот. Во таа смисла, тој не трага по начинот како се преобразува идеологијата во уметничкиот свет, туку по откривањето на начинот како уметничкото дело се трансформира во „идеолошки чин“, кој овозможува фактичко или симболичко разрешување на многубројните општествени конфликти. Со оглед на релациската природа на идеологијата во марксизмот, Џејмсон заклучува дека идеологемата, како нејзина минимална единица, е „дуална формација, чија суштинска структурна карактеристика може да се опише низ нејзината можност да се манифестира себеси или како псевдоидеја – концептуален систем или систем на убедувања, апстрактна вредност, мислење или предрасуда, или како протонаратив, еден вид врвна класна фантазија за ’колективните карактери‘, кои се всушност класите во нивната спротивставеност“ (Jameson 2009: 73). Она на што е ставен акцентот во рамките на сите овие истражувања е, пред сè, корелативноста на феномените во пошироката средина на дејствувањето на човекот, што од друга страна не ја негира претпоставката за „нетрпеливоста меѓу идеолошкиот и естетскиот знак“ (Никола Милошевиќ), особено во случаите кога појавата на идеолошкиот знак ја нарушува уметничката хармонија на делото (Андоновски 2007: 193).

Повеќеслојната мисла (идеја), која провејува во делата на Достоевски, ја забележува и Милан Ѓурчинов, кој смета дека таа се базира на „две големи идеи – идејата на атеизмот и идејата на религиозноста“ (Ѓурчинов 1981: 24-36). Во тој контекст може да се согледа отворената критика на Достоевски кон нихилизмот, многу јасно изразена во делото *Демони*, што се гледа и како суштински проблем на руското општество. Како што забележува Ѓурчинов, Достоевски во својот бележник нотира дека нихилзмот е нешто кое било секогаш „со нас, во нас и кај нас“, мислејќи првенствено на руската средина. Според Александар

Флакер (Flaker 1975: 323), Достоевски низ својата книжевна дејност ги отелотворува сите три фази од развојот на рускиот реализам, внесувајќи ја својата творечка иновативност во нив (раниот реализам со влијанијата од „натуралната школа“, развиениот реализам, отелотворен низ романот за „излишниот човек“ и свртен кон актуелните дилеми на современото живеење, како и високиот реализам, карактеристичен по развиените облици на романот, како претходници на модерните тенденции во книжевноста). За импресивната дијалогичност на романот *Браќа Карамазови*, кој е конципиран како непрестајна размена на ставови, сведочи Бахтиновото поимање на дијалогот како единствена и вистинска подлога каде што се манифестира постоењето на јазикот, кој е определен од општествената сфера, односно од „социјалното случување на говорната интеракција“ (Bahtin 1980: 106). Леонид Гросман истакнува дека Достоевски уште во 1868 година создал тема за огромниот роман што сакал да го посвети на атеизмот, односно на верникот кој, минувајќи низ различни школи, ќе се врати кон изворното – руската земја и православието. Гросман го доведува во врска овој мисловен развој на Достоевски со делото што тој го читал во кружокот на Белински – романот *Спиридон* од Жорж Санд (Гросман 1974: 417-418).

Идеологемите што се прекршуваат на нивото на текстот и специфично дијалогизираат се забележуваат на повеќе наврати во романот *Браќа Карамазови*. Во функција на претпоставката за бесконечниот дијалог, кој се рефлектира низ неговата структура, мора да се напомене фактот дека Достоевски успева да ја надмине сферата на опозициите во корист на едно умножување на вредносните ставови и позиции. Никола Милошевиќ тоа го дефинира како пробив на „оној трет ангел, за кој преданието вели дека е ангел на смртта“ (Milošević 1981: 45), поставен над морално-етичките сопоставености. Во таа смисла, жанрот има таква улога на трет чинител во врската меѓу предметот и замислата (интенцијата) на творецот, при што романот се издвојува со својата исклучителност и величина (Бахтин 1986: 430).

Во врска со развојот на идеологемата и нејзиното појавување во текстуалното ткиво на романот на Достоевски е индикативен почетокот, кој ни го означува оној премин што Кристева го нарекува транспозиција „од симбол во знак“. Со цел да се истакне невообичаената природа на романескното раскажување, кое ја надминува трансценденталната, објективна природа на раскажувањето, загатната во постулатите на реализмот и неговата веродостојност во отсликувањето, Достоевски го почнува романот со белешката „Од авторот“, која ги постулира суштествените нијанси на проникнувањето на надворешните елементи во ткивото на текстот. Тоа значи дека во овој роман на Достоевски, аналогно на искажувањето на Кристева за романот на Антоан де ла Сал, „писателот е истовремено и лик и автор; тоа значи дека тој го поима текстот на романот како практика (лик) и како производ (автор), како

процес (лик) и како ефект (автор), како игра (лик) и како вредност (автор).“ (Kristeva 1980: 44-45) Разбивајќи ја надредената нарација со своите коментари, авторот ја отвора можноста во дијалогот со читателот да се постави еден трет чинител, кој ја носи приказната, водејќи сметка за деталите и за фактите. Во тој контекст, би можело да се каже дека Достоевски успешно ја избегнува претпоставената инстанција на текстот, која најчесто се дефинира како „имплицитен автор“, поставувајќи го средиштето на текстовните релации во односот меѓу таканаречениот биограф и читателот. „Главен роман е вториот, – тоа е дејноста на мојот херој во нашево време, всушност, во нашиов денешен момент. А првиот роман се случи уште пред триесет години, и речиси дури и не е роман туку само еден момент од првата младост на мојот херој. Не можам да го одминам првиот роман, зашто многу нешта во вториот роман би биле неразбирливи“ (Достоевски 1971а: 6). Специфичниот процес, преку кој биографот ги открива фактите и овозможува тие да бидат достапни за читателот, го формулира прашањето за веродостојноста, односно доверливоста, која како своевидна идеологема се поставува при градењето на релацијата меѓу авторот и неговиот производ (романот/делото), раскажувачот (приближен кон видокругот на оној кој ги памети и најнезначајните настани во околијата – слугата Григориј) и, условно речено, главниот лик Аљоша. Во тој контекст, директното посочување на проблемот во романот – „трагичната и загадочна смрт“ на таканаречениот спахија Фјодор Павлович Карамазов служи како поттик за промислување на отворената структура на романот, која оневозможува да се каже последниот збор за кој било елемент поврзан со означувачкиот процес на текстот. Тоа е предвидено и во неможноста да се сочува „непристрасноста“ на „деликатните читатели“, кои во претпоставената дисхармонија и поливалентност на текстот веројатно ќе пронајдат причини за негово целосно отфрлање.

Клучна идеологема во текстот претставува таткоубиството, која се дополнува со елементите што го дообјаснуваат феноменот на карамазовштината – страсната и блудна природа на членовите на ова семејство. И покрај тоа што мотивацијата на Достоевски да врами ваков елемент во структурата на текстот се објаснува преку неговата автобиографија (веројатното убиство на неговиот татко од страна на селаните во Даровое, по што тој ќе го добие првиот епилептичен напад), текстовниот процес го поставува него како изделен феномен, кој е клучен за објаснувањето на историјата на ова семејство. Нужно е тоа да се разгледа од повеќе гледни точки за да се продре во суштината на оваа идеологема. Достоевски тоа повторно го прави преку ликовите, како есенција што се развива за сметка на описите и на функционалните дескрипции. За тоа помага и играта со читателот, кој е на почетокот заведен од значенските нијанси и од природата на дејствувањето на првиот син Дмитриј, чии постапки укажуваат дека тој е можниот злосторник.

Сепак, како што се градат односите меѓу ликовите, неизбежно се отвора дилемата за сторениот грев на Смердјаков, вонбрачниот син, под диктатот на туѓата виша свест, која е симулирана преку мисловниот хоризонт на вториот син, Иван. Дополнително, тука се варира клучната теза за преиспитувањето на несвесните пориви и желби, кои се манифестираат во текот на бладањето на Иван, обземен од белата треска. На таков начин, Достоевски непрестајно дијалогизира и ги поместува вредносните позиции, не заземајќи одредено и цврсто стојалиште. Поставувајќи ја оваа идеологема во фокусот, уште на почетокот од текстот, Достоевски во суштина ја определува како повеќеслојна, без желба да ја исцрпи преку дискретните и повеќенасочени нијанси на ликовите. Идеологемата за таткоубиството и карамазовската крв е всушност детално осветлена низ варијациите на останатите идеологеми во текстот, како транскрибирање на јавното мислење во текот на раскажувањето.

Идеологемата за теизмот, односно христијанството, е исто така еден од клучните текстовни феномени. Ако тргнеме од фактот дека таа тема живо го интересирала Достоевски во текот на целиот негов живот, тогаш станува јасно зошто таа добива централно место во повеќето негови дела. И во овој случај, нијансите низ кои таа се развива покажуваат дека Достоевски не се задржува на нивото на амбиваленциите, давајќи им предност на мноштвото различни вредносни позиции и акценти. На една страна, тука е исклучителниот хуманизам на старецот Зосима и на старештвото, како специфичен руски феномен. Зосима, кој има спахиско потекло и со својот статус среде старците и со испосничкиот изглед ги предизвикува присутните, го излага својот мисловен свет во мошне ефективната синтагма за „искуството на дејствената љубов“, која се објаснува како највисок дострел во односот кон ближниот, со што се потврдува вербата во Бога. Тој необичен исказ ја потврдува недогматичноста на неговата длабоко хуманистична религиозност, чии рамки се проширени и во сегментот што се однесува на неговото житие. Во тој контекст, полот на догматичноста е другата страна на медалот, кој е поставен во гледната точка на отецот Ферапонт, како и во поимањето на случувањата по смртта на старецот Зосима. Монаштвото што Ферапонт го практикува завлегува во спектарот на јуродивството, нешто што за руските луѓе е мошне блиско и автентично како и православието. Амбивалентноста на овој лик е потцртана со фактот дека тој и покрај испосништвото е здрав и цврст старец, што дополнително влева доверба во патот што тој го следи. Сепак, Достоевски не останува на нивото на спротивностите, иако претходно констатира дека Ферапонт е „противник на отец Зосима, и што е главно – на старештвото“ (Достоевски 1971б: 9), па преку ликот на Аљоша ја дополнува идеологемата на теизмот со православното сфаќање за чудото, преобразувајќи ја во функционален елемент за градење на ликот. Од една страна, Аљоша не може да ја избегне карамазовската крв, односно предодреденоста да ја носи страсната природа, која клони кон

субверзија, што се согледува и преку неговиот физички изглед. Од друга страна, тој не е религиозен фанатик, туку „реалист“ кој го овозможува раѓањето на чудото. „Кај реалистот верата не се раѓа од чудото, туку чудото од верата. Кога реалистот еднаш ќе поверува, тој, токму поради својот реализам, мора да го допушти и чудото“ (Достоевски 1971а: 34). Тука се забележува како притаениот конфликт на спротивностите, во јадрото на идеологемата за религиозната верба во Бога, ја поттикнува појавата на условно замолчениот Трет, кој ја обезбедува бесконечноста на дијалогот и на неговите импликации.

Атеизмот (нихилизмот) како идеологема само виртуелно функционира како сопоставување на претходната, а во суштина нивната релација е нужна за градење на уметничкиот свет на романот. Тоа се согледува на неколку рамништа, од кои е посебно специфична позицијата што се исцртува преку ликот на Иван. Идеологемата е овде повторно тројно варирана: од првичното поставување на тезата за трансформацијата на државата во црква, преку поимањето за страдањето на децата, па сè до обезличувањето на авторитетот на црквата и на религијата преку демаскирањето на лагата, која е поставена во нивните темели (видливо во поемата „Големиот инквизитор“). Во тој контекст се аргументира нихилистичката позиција дека „сè е дозволено“, која кулминира во мисловниот и дејствувачки светоглед на Смердјаков, непризнаениот син на Фјодор Павлович. Тој ја демонстрира до крајност силата на обоготворениот човек, чие право не може да го оспори ниедна повисока инстанција, бидејќи таквата хиерархија априори се отфрла. Како едно варирање на овие две радикални точки во градењето на атеизмот како идеологема, од кои онаа на Смердјаков преминува и во своевиден агностицизам, претставува сетилното доживување на животот и светот од страна на Дмитриј, кој во повеќе ситуации се прикажува како нескротена сила, која едноставно дејствува, без покорување на разумот. Во таа насока се интерпретира моментот кога при аудиенцијата во манастирот, старецот Зосима му се поклонува, вреднувајќи го неговото чисто дејствување, непоматено од определена идеја (Ѓурчинов 1981: 182). Митја ја отелотворува обичајната страна на религиозното поимање, кое сепак познава определени граници, дури и кога претставува само едноставен стил на живот. На таков начин, Достоевски ја прикажува неможноста од еднонасоченото вреднување и поимање на природата на атеизмот.

Повеќеслојната структура на романот на Достоевски потврдува дека се работи за автор што имал извонредна дарба да ги слушне гласовите на епохата и да ги транспонира во пишувана форма. Преку варијациите на гледните точки и на идеологемите, Достоевски укажува на фактот дека до вистинското разбирање на феномените се доаѓа преку свеста за нивната разнообразност, која ја поништува единственоста и самодоволноста на ограничениот поглед на светот, како во уметничкото дело така и во стварноста.

Користена литература

Андоновски, В. 2007. „Идеологема“, *Поимник на книжевната теорија*, прир. Катица Ќулавкова. Скопје: МАНУ, 191 – 193.

Бахтин, М. М. 1986. „Проблема речевых жанров“, *Литературно-критические статьи*, прир. С. Г. Бочаров и В. В. Кожинов. Москва: Художественная литература, 428 – 472.

Гросман, Л. П. 1974. *Достојевски*. Београд: СКЗ.

Достоевски, Ф. М. 1971а. *Браќата Карамазови (том прв)*. Скопје: Мисла.

Достоевски, Ф. М. 1971б. *Браќата Карамазови (том втор)*. Скопје: Мисла.

Ѓурчинов, М. 1981. *Достоевски (три огледи)*. Скопје: Култура.

Bahtin, M. (Vološinov, V. N.). 1980. *Marksizam i filozofija* jezika. Beograd: Nolit.

Bahtin, M. M. 2000. *Problemi poetike Dostojevskog*. Beograd: Nolit.

Flaker, A. 1975. „Ruski realizam“, *Povijest svjetske književnosti*, prir. Frano Čale (i dr.). Zagreb: Mladost, 302 – 323.

Jameson, F. 2009. *The Political Unconscious*. London and New York: Routledge.

Kristeva, J. 1980. “The Bounded Text”, *Desire in Language (A Semiotic Approach to Literature and Art)*, ed. by L.S. Roudiez. New York: Columbia University Press, 36-63.

Medvedev, P. 1976. *Formalni metod u nauci o književnosti*. Beograd: Nolit.

Milošević, N. 1981. *Dostojevski kao mislilac*. Beograd: Partizanska knjiga.

Iskra TASEVSKA HADJI BOSHKOVA

THE DIALOGUE OF IDEOLOGEMES IN THE NOVEL “BROTHERS KARAMAZOV” BY FYODOR M. DOSTOEVSKY

Summary: This paper is focused on the research of the specifics of ideologeme as a unit, and its status in the artistic world of the novel “Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky. In the analyses of Mikhail Bakhtin, Pavel Medvedev, Julia Kristeva, Fredric Jameson etc., ideologeme is being understood as a transposition of the social and cultural order in the realm of the literary work (or the work is seen as a proper ideological act), highlighting the relations in a given existential sphere, and the creation of the artistic world. The analysis of Dostoevsky’s novel is taking into account three key ideologemes – the transformation “from symbol to sign,” patricide, and theism/atheism, as they clearly represent the mutual interaction of different elements that enable this work to become an ultimate artistic creation.

МЕТОДИКА НА НАСТАВАТА ПО РУСКИ ЈАЗИК

Юлия АТАНАСОВСКА
Международный славянский университет им. Г.Р. Державина
Свети-Николе – Битола, Македония

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ТЕКСТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация: Язык художественного произведения погружает в лингвокультурное пространство нации через культурные концепты. Они раскрывают глубинные слои материальной и духовной культуры нации, помогая более осознанному изучению языка.

Ключами к пониманию литературного текста являются название произведения (ключ № 1), эпиграф (ключ № 2), имена персонажей (ключ № 3), основные фразы автора и персонажей (ключ № 4). Очень часто они являются культурными концептами нации, например, название рассказа М.Е Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь» стало символом обывательской позиции, выраженной автором: «*Надо так прожить, чтоб никто не заметил*». В российском ментальном пространстве человека, придерживающегося этой философии, так и называют – премудрый пескарь.

Эпиграф как ключ № 2 к пониманию глубинной структуры текста – это посыл читателю, с помощью которого автор выражает отношение к событиям произведения. Так, М.Ю. Лермонтов к поэме «Мцыри» выбрал библейское выражение: «*Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю*». Оно означает, что короток век человека, и не все радости жизни были познаны. Автор настраивает читателя на то, что речь пойдет о раннем уходе героя из этой жизни.

Ключ № 3 – имена персонажей – в русской литературной традиции часто выражен «говорящими» именами и фамилиями. Это означает, что о́ним настраивает читателя на знакомство с определенным типом характера, например, Молчалин – чаще всего молчит; Фамусов в переводе с латыни означает «раб, приспешник»; Печорин так же холоден, как и русская северная река Печора.

Ключ № 4 к лингвокультурному анализу текста – выражения персонажей, например, Молчалин выражает свою жизненную позицию так: «*В мои лета не должно сметь Свое суждение иметь*».

Таким образом, лингвокультурный анализ текста позволяет понять как характер персонажей, так и культурный код нации.

Ключевые слова: язык художественного произведения, культурные концепты.

Ономастика (греч. ὀνομαστική (τέχνη) – искусство давать имена) – раздел языкознания, изучающий собственные имена. Термином «ономастика» называют также совокупность собственных имён, которая обозначается и термином «онимия» (Лингвистический энциклопедический словарь: 1990 346).

Проблемы ономастики актуальны для любой языковой системы (Суперанская 1973; Стаматоски 1990; Видоески 1983; Мршевић-Радовић 2008; Велјановска, К. Мирчевска-Бошева 2019; Бондалетов 1983 и др.).

Язык художественного произведения погружает в лингвокультурное пространство нации через культурные концепты. Они раскрывают глубинные слои материальной и духовной культуры нации, помогая более осознанному изучению языка.

Ключами к пониманию литературного текста являются название произведения (ключ № 1), эпиграф (ключ № 2), имена персонажей (ключ № 3), основные фразы автора и персонажей (ключ № 4). Очень часто они являются культурными концептами нации, например, название рассказа М.Е Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь» стало символом обывательской позиции, выраженной автором: «*Надо так прожить, чтоб никто не заметил*». В российском ментальном пространстве человека, придерживающегося этой философии, так и называют – премудрый пескарь.

Имя литературного персонажа является текстом-сверткой (Костомаров 1999). Оно помогает читателю проникнуть в тайный замысел писателя, понять образы, создаваемые им.

В названии поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри» имя нарицательное переходит в оним, и это очень символично (Лермонтов 2018). *Мцыри* в переводе с грузинского означает «не служащий монах», человек, который собирается принять монашеский постриг. Отсутствие у него имени собственного в обычном понимании вызывает вопросы: «У кого есть имя?», «Для чего и кем оно даётся?», «Почему у главного персонажа нет имени?» При лингвокультурном анализе текста появляются и ответы: «У главного героя нет имени собственного потому, что у него нет близких людей, поэтому его никто не называет».

Символичным с точки зрения функционирования онимов является рассказ А.П. Чехова «Толстый и тонкий» (Чехов 1975). На первый взгляд фабула проста: на вокзале встречаются два бывших одноклассника. Автор даже не называет их имен, а дает лишь физические характеристики. Случайно ли? Нет! В русской лингвокультурной традиции рефреном звучит мысль: «*Толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие» (Н.В. Гоголь).* А.П. Чехов поддерживает российский культурный код, создавая образ Толстого как много достигшего в жизни человека, уверенного в себе. Тонкий – человек, не вызывающий уважения, юркий, пронырливый.

Казалось бы, на этом антитеза завершена, но нет! Для раскрытия образа автор вводит в повествование имена персонажей. О них мы узнаем из диалога – Михаил (толстый) и Порфирий (тонкий).

Имя Михаил в переводе с еврейского – «Подобный Богу», имя Порфирий в переводе с греческого – «багряный» (Фасмер 2004). Порфира – длинная пурпуровая мантия, символ власти монарха; парадное це-

ремониальное одеяние монарха. В русском языке существует прилагательное *багрянородный, или порфирородный.* Этимология слова уходит в Античный мир, где так называли детей византийского императора обоих полов, рождённых во время его правления (в отличие от детей, родившихся до вступления отца на императорский престол).

Онимами автор подчеркивает равный социальный статус, в котором находились персонажи в детстве.

Для раскрытия образов героев рассказа А.П. Чехов использует еще одну параллель онимов. Толстого в детстве дразнили Геростратом *«за то, что … казённую книжку папироской прожёг»* (БЭС 2002).

Герострат – житель древнегреческого города Эфес. Для того, чтобы увековечить свое имя, он сжег храм Артемиды Эфесской, в чем сознался во время пытки. Эфесцы приговорили его к казни и постановили никогда не упоминать его имя. Однако историк, рассказавший о преступлении Герострата, сохранил таким образом его имя для потомков, и оно стало нарицательным, синонимом честолюбца.

Непрямая аналогия указывает лишь на хулиганские действия гимназиста, а вот с Тонким картина иная. Его школьное прозвище – Эфиальт, которое он получил *«за то, что … ябедничать любил»* (БЭС 2002).

Здесь автор использует прямое сравнение с античным персонажем. История повествует о мужественных трехстах спартанцах, которые сражались с многотысячной персидской армией при Фермопилах. Эфиальт указал врагу, как зайти к спартанцам с тыла, чем определил гибель героев. Имя *Эфиальт* – стало синонимом слову «предатель». Эфиальтом греки назвали демона, который правит ночными кошмарами.

Если в первом случае (Герострат) прозвище отражает единственный хулиганский поступок, который личного вреда никому не нанес, то во втором случае (Эфиальт) говорится о систематическом аморальном поведении относительно своих одноклассников – ябедничестве (доносе).

Так в одном маленьком рассказе с помощью онимов А.П. Чехов раскрывает образы персонажей от их происхождения до современного рассказу времени. Толстый – Михаил – Герострат, как и в детстве, добродушный толстяк, а Тонкий – Порфирий – Эфиальт так же угодлив, как и в школьные годы. Автор показывает читателю, что успеха в жизни можно добиться только позитивным отношением к людям, а причина жизненных неудач – в угодничестве, чинопочитании, отсутствии собственного достоинства. Так онимы являются шифром авторской идеи, и А.П. Чехов продолжает традицию «говорящих» имен и фамилий, сложившуюся в русской литературе во второй половине XVIII века.

Литературный ономастикон – ментальный код эпохи. Имена собственные часто переходят в имена нарицательные, отражая типаж «героя нашего времени».

Интересен подход А.С. Пушкина к формированию ономастикона в романе «Евгений Онегин». Писатель продолжает традицию «говорящих»

имён и фамилий как репрезентанта концептуальной идеи автора. Имя «Евгений» было распространённым в европейской моралистической литературе XVIII века и русской литературе XIX века. В первом случае его носил благородный, но утративший это свойство человек. Во втором – это имя обычно получал молодой человек, дворянин, пользующийся привилегиями предков, но не имеющий их заслуг (Лотман 1983: 113).

В имени в большей степени, чем в фамилии, автор использует внутренний смысл, отражённый в первую очередь в его этимологии.

У автора появляется возможность выразить свой внутренний мир и свою философию жизни, то есть, выражаясь терминологически, раскрыть свою языковую картину мира.

В переводе с латинского языка *Евгений* – «благородный». Этот эпитет можно комментировать двояко:

1) происходящий из «благого рода», имеющий дворянское происхождение;

2) обладающий высокими нравственными качествами, безукоризненно честный, великодушный.

Первое значение слова «благородный» по отношению к главному персонажу можно использовать с определённой оговоркой. Евгений, действительно, дворянского происхождения, очевидно, что его семья – представительница высшего петербургского света. Однако можно ли назвать его семью благородной во втором значении этого слова – «обладающий высокими нравственными качествами»? Конечно же, нет, и автор первыми строками романа показывает это:

Служив отлично - благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.

Нельзя назвать благородным и отношение семьи Онегиных к гувернёрам:

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.

Именно «прогнали», то есть заставили уйти, удалиться (грубо или принудительно, силой).

В семье Онегиных вряд ли царили любовь и уважение. В этой атмосфере рос юный Евгений, впитывая её мораль. Даже к родному дяде, смертельно больному и облагодетельствовавшему «*наследника всех своих родных*», Евгений не мог проникнуться состраданием или хотя бы сочувствием в скорбный час:

Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,

Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чёрт возьмёт тебя?

Из этих слов ясно, что Евгений не получил в семье не только нравственного, но даже и христианского воспитания: традиционно православные в скорбный час пребывания человека на смертном ложе особенно усердно молятся о душе умирающего, а клясть его – величайшее кощунство и грех.

В начальных эпизодах романа нет ни намёка на то, что главный герой – Евгений – оправдывает значение своего имени. Неблагородное отношение Онегина распространяется и на дальний круг его знакомых, с которыми «*мог он лицемерить*», и «*язвительно злословил*». Его поведение вряд ли отвечает правилам высшего дворянского света:

…Онегин входит,
Идёт меж кресел по ногам,
Двойной лорнет, скосясь, наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он…

Имя *«Евгéний»* предполагает для его носителя обладание высокими нравственными качествами и великодушием. Но какой диссонанс представлен в нашем герое: имя полностью исключает заложенное в нём содержание. Зачем же автор это сделал? Возможно, для того, чтобы заострить внимание читателя на проблеме нравственности молодого поколения пушкинской эпохи. И в этом случае оним – это ментальный код эпохи.

Не оправдывает Евгений Онегин значения своего имени и в отношениях с Татьяной Лариной. В антиномию со смыслом вступают определения слова «благородный», представленные как синонимы: «*обладающий высокими нравственными качествами, безукоризненно честный, великодушный».* Вроде бы и нравственно, честно поступил главный герой с юной, влюблённой в него девушкой: *«обмануть он не хотел Доверчивость души невинной».* Онегин по достоинству оценил человеческие качества Татьяны: *«Надежд мой прежний идеал, Я б верно вас одну избрал В подруги дней моих печальных…».* Главный герой честно признаётся:

Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе недостоин я.

Честно, но великодушно ли поступает Онегин? Как жестока его отповедь:

…Супружество нам будет мукой,
Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнёте плакать: ваши слёзы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.

Татьяна впоследствии оценит это благородство: *«…в тот страшный час Вы поступили благородно»*. Но это минутное благородство Онегина направлено во зло – на разрушение. Благородство во зло – благородство ли?

Наверное, поэтому А.С.Пушкин приводит своего героя к полному краху – жизненному, нравственному, духовному:

…жестокая хандра
За ним гналася в шумном свете,
Поймала, за ворот взяла
И в тёмный угол заперла.

Исходя из анализа текста, можно сделать вывод: главный герой не оправдывает значение своего имени – «благородный», «великодушный». Лишь однажды он попытался быть честным, но его жестокость разрушила все надежды юной девушки на счастье.

А.С. Пушкин, наверное, осознанно даёт такое имя своему герою, тем самым обращает внимание читателя на его внутренние качества, делает проблему нравственности человека важнейшей составляющей романа. Онегин – «*страдающий эгоист*» (Белинский 1911), но его так называемые страдания не вызывают читательского сочувствия, так как жестокость его поступков вызывает обратную реакцию нравственных, поистине благородных людей.

Таким образом, имя литературного героя – это не только тайный замысел автора по кодированию характера, составлению шифра для читателя, это ментальный и культурный код эпохи, с помощью которого читатель погружается в жизнь социума определенного периода.

Использованная литература

Белинский, В.Г. 1911, репринт. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая. *„Евгений Онегин“*. Москва: Изд-во Ф.Ф. Павленкова.

Большой энциклопедический словарь (БЭС), 2002. Гл. ред. А.М. Прохоров. Москва: Изд-во Большая Российская энциклопедия.

Бондалетов, В.Д. 1983. *Русская ономастика:* учеб. пособие для студентов пед. институтов по спец. № 2101 *«Русский язык и литература»*. М.: Просвещение.

Велјановска, К. Мирчевска-Бошева, Б. 2019. „Антропонимите во македонската фразеологија“, *Славистички студии 19*, 2019, 149-160.

Костомаров, В.Г. 1999. *Языковой вкус эпохи.* Санкт-Петербург: Изд-во «Златоуст».

Лермонтов, М.Ю. 2018. *Мцыри*. Санкт-Петербург: Изд-во «Пальмира».

Лингвистический энциклопедический словарь. 1990. Гл. редактор В.Н. Ярцева. Москва: Институт языкознания АН СССР.

Лотман, Ю.М. 1983. *Роман А.С. Пушкина „Евгений Онегин“.* Ленинград: Изд-во «Просвещение».

Мршевић-Радовић, Д. 2008. *Фразеологија и национална култура.* Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.

Основен систем и терминологија на словенската ономастика. 1983. Уред. Божидар Видоески. Скопје: МАНУ.

Стаматоски, Т. 1990. *Македонска ономастика.* Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“.

Суперанская, А.В. 1973. *Общая теория имени собственного.* Москва: Наука.

Фасмер, М. 2004. *Этимологический словарь русского языка в 4 томах:* Т. 4. Москва: Изд-во «Астрель».

Чехов, А.П. 1975. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 2.

Julia ATANASOVSKA

LEARNING RUSSIAN LANGUAGE THROUGH LITERARY TEXT

Summary: The work of art language immerses into the linguacultural space of a nation through cultural concepts, including onyms. They reveal the deep layers of material and spiritual culture of the nation, helping to learn the language more consciously.

The keys to literary text comprehension are the title of a work, epigraph, names of the characters and main phrases of the author and characters.

The name of a literary character helps the reader to penetrate into the secret plan of the writer, to understand his/her images. Literary onomasticon is the mental code of an epoch. Proper names often turn into common names.

In the name, to a greater extent than in the surname, the author uses the inner meaning, reflected primarily in its etymology.

The author has the opportunity to express his/her inner world and philosophy of life, that is, to reveal his/her linguistic picture of the world.

Thus, the name of a literary hero is not only the secret plan of the author to encode the character, to generate a code name for the reader, it is a mental and cultural code of the era, with the help of which the reader is immersed in the life of a society of a definite period.

Татьяна ГАНЕНКОВА
Университет им. Адама Мицкевича
Познань, Польша

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР

Аннотация: В докладе анализируются основные направления развития языковой политики в странах бывшего СССР с углубленным вниманием к статусу региональных языков и языков меньшинств. В процессе выхода из состава данного многонационального образования значительную роль сыграли национальная риторика и национальное самосознание, важной частью которого является язык. В связи с этим каждое из новообразованных государств должно было выбрать определенную модель языковой политики. Во-первых, следовало определить статус и область функционирования русского языка, имевшего наивысший статус в СССР. Во-вторых, поскольку большинство из новообразованных государств являлись многонациональными и многоязычными, для многих из них острой проблемой стало определение статуса и области функционирования языков, на которых говорило/говорит население. Хотя у всех анализируемых стран есть своя специфика, сравнение официальных моделей языковой политики и неофициальных практик показывает, что их условно можно разделить на несколько типов, каждый из которых имеет несколько вариантов развития.

Ключевые слова: языковая политика, Россия, СССР.

Теме языковой политики в СССР и в странах, образовавшихся после его распада, посвящено множество монографий, сборников, диссертаций. Целью настоящей статьи не является детальное рассмотрение всех аспектов этой сложной темы. Автор ставит перед собой задачу проанализировать основные направления, в которых развивалась и развивается языковая политика в странах бывшего СССР, с углубленным вниманием к статусу региональных языков и языков меньшинств.

Известно, что термин «языковая политика» используется учеными в довольно разных значениях, а в научной литературе в качестве синонима употребляются и другие термины, самым популярным из которых, наверное, является термин «языковое планирование». В настоящей статье к «языковой политике» вслед за Бернардом Спольским (Spolsky 2004: 5) мы относим три элемента:

1. языковая практика – привычный образец выбора одного варианта из разновидностей, составляющих лингвистический репертуар определенного языкового сообщества;
2. языковая идеология – представления о языке и его использовании;
3. любые конкретные попытки изменить или повлиять на языковую практику с помощью любого рода языкового вмешательства, планирования или управления.

Все эти три элемента присутствуют в жизни каждого языкового сообщества, даже если не осознаются говорящими, однако в современ-

ном мире они обычно являются предметом дискуссий, а также государственного регулирования. Все, что делается государством, и то, что им не делается, законодательство и его применение на практике, – все это должно быть предметом пристального внимания ученых для того, чтобы получить объективную картину языковой политики в той или иной стране.

Во многих странах мира функционируют совершенно разные модели языковой политики, но существуют некоторые базовые элементы, конфигурация которых влияет на выбор языковой политики. Как отмечает В.А. Алпатов, известный специалист по языковой политике СССР и России, «при многоязычии всегда взаимодействуют две естественные для каждого человека, но противоположные потребности» – потребность идентичности и потребность взаимопонимания (Алпатов 2000: 11). С одной стороны, язык является средством общения, поэтому для успешной коммуникации носителей разных языков как правило как минимум один из них должен перейти на язык другого, частный случай – переход обоих собеседников на некий третий, неродной для них обоих.

С другой стороны, родной язык является неотъемлемым элементом идентичности человека и общества. Язык при этом, безусловно, является и важной частью этнической идентичности, но взаимоотношения между этими элементами могут быть очень сложными (см. примеры в (Коряков 2017: 82–83)). Предельным случаем удовлетворения идентичности является одноязычие, однако, как показывают исследования, в современном мире этот случай встречается не так уж часто. Если же мы говорим о билингвизме и многоязычии, здесь важно, что даже при одновременном усвоении нескольких языков один из них обычно является доминирующим (обычно обозначается как L1), при этом возможны ситуации, когда в течение жизни может происходить смена доминирующего языка.

Как мы видим, уже на уровне индивидуума могут возникать различные модели языкового поведения, когда же речь идет о языковых сообществах на уровне государства, количество моделей и связанных с ними проблем возрастает. Языковая политика зажата между двух полюсов. С одной стороны, в настоящее время вследствие расширения и защиты прав человека, включающих в себя и право на использование родного языка, возникает стремление государства (к сожалению, не всегда и не везде) обеспечить гражданам возможность использовать свои родные языки. С другой стороны, традиционно одной из самых сильных тенденций в различных государственных образованиях является стремление к объединению разных языковых сообществ в одно единое целое для укрепления суверенитета государства, его целостности. В этом смысле языковое разнообразие может представляться препятствием. Кроме того, не стоит забывать, что для обеспечения реального многоязычия в определенном государстве необходимы немалые

финансовые средства, и далеко не все государства готовы или имеют возможность их выделить.

Функционирование различных языков в обществе и связанную с этим языковую политику дополнительно осложняет четко выраженная символическая связь между языком и властью (Wright 2007). Среди лингвистов бытует выражение «языки равны перед Богом и лингвистом», при этом в реальности языки, конечно же, не равны. Одни из них более престижны, другие менее. Выбор языка при общении зависит от многих факторов. Выбор языка в официальных ситуациях зависит от законодательства и неофициальной практики, при этом складывающаяся иерархия использования языков отражает символическую иерархию носителей этих языков. Естественно, на этой почве нередко возникают языковые конфликты, когда каждое языковое сообщество стремится расширить область использования своего языка. И если на прагматическом уровне знание еще одного языка – это всегда плюс, то на символическом уровне регулярный переход на язык собеседника может (не обязательно, но может) рассматриваться как признание более высокого статуса чужого языка и чужого языкового сообщества.

Как кажется, в настоящее время модель, при которой государство уравнивает в правах различные языки (или сокращает разрыв между ними), используемых в данном государстве, в большинстве европейских стран считается образцом. В качестве реального воплощения такого образца обычно приводится Швейцария, хотя и там наблюдается нарушение равновесия в употреблении государственных языков (см. (Алпатов 2000, Kużelewska 2016). Одной из самых известных инициатив в этом направлении, как кажется, является Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств (Европейская хартия 1992). Подписание или отказ от подписания Хартии, а также дальнейшая ратификация/нератификация документа – важная характеристика языковой политики определенного государства, при этом иногда свою роль играют и иные факторы (ср. вопрос с ратификацией Хартии в России (Европейская языковая хартия и Россия 2010)).

Следует подчеркнуть, что если принимать во внимание весь опыт человечества по языковой политике (осознаваемой или неосознаваемой) в различных государственных образованиях, то оказывается, что далеко не всегда и далеко не везде указанная модель считалась и считается образцом. Как известно, Франция до сих пор не ратифицировала и в ближайшем будущем, очевидно, не ратифицирует Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, поскольку в этой стране языковая политика носит ярко выраженный унифицирующий характер, государство признает только несколько из существующих региональных языков и крайне ограничивает их функционирование.

Если мы рассмотрим СССР, то именно такая либеральная модель там была взята за образец. Был провозглашен принцип равенства народов и языков, однако со временем по понятным причинам наиболее престиж-

ным языком оказался русский. Формально, каждая республика имела право на установление своего государственного языка, однако на практике русский доминировал при делопроизводстве, часто воспринимался как язык культуры и науки, как городской язык. Безусловно, отношение к русскому языку отличалось в разных республиках. В прибалтийских республиках значительное увеличение числа русскоязычных жителей воспринималось как угроза существованию соответствующих языков и их носителей. Русский был обязательным языком для изучения, зачастую на нем велось и преподавание в школах, параллельно или вместо национальных языков. Русские как правило не учили другие языки, даже если проживали в регионах, где преобладало население с другим родным языком. В некоторых случаях это вызывало протест, как в прибалтийских республиках, где-то же воспринималось как должное, а где-то, как в Дагестане, решало проблему языка общения в многонациональной республике, в которой ни одна из наций не имеет численного перевеса. Следует понимать, что знание русского языка было необходимо для карьеры, поэтому многие родители предпочитали, чтобы их дети учились на русском, т.к. это давало больше шансов найти хорошую работу (подробнее см. (Алпатов 2000)).

К сожалению, большинство работ по языковой политике в СССР концентрируются на положении русского языка и языка титульных наций республик, при этом крайне редко освещается функционирование других языков, которые зачастую находились в гораздо худшем положении, например, в Саха-Якутии якутский постепенно вытеснял и по-прежнему вытесняет юкагирский, эвенский и эвенкийский языки (Алпатов 2014: 21).

После распада СССР в новообразовавшихся государствах государственным языком провозглашался язык титульной нации, при этом имелись различия в трактовке русского языка и языка других меньшинств. Выбор модели определялся позицией властей, а также размерами русскоговорящей диаспоры и других национальных меньшинств.

После распада СССР образовались следующие государства (в порядке провозглашения независимости): Эстония, Литва, Латвия, Азербайджан, Грузия, Россия, Узбекистан, Молдова, Украина, Беларусь, Туркменистан, Армения, Таджикистан, Казахстан, Киргизия. Провозгласившая в 1990 году независимость Приднестровская Молдавская Республика до сих пор является непризнанной, ситуация характеризуется как «замороженный конфликт». В 2008 в результате военного конфликта из Грузии выделились частично признанные республики Абхазия и Южная Осетия. В результате известных событий в 2014 г. провозгласили независимость непризнанные Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР).

В большинстве новообразованных республик идет процесс вытеснения русского языка языками титульных наций.

Наиболее жесткими обычно считаются модели, выбранные странами Прибалтики и Туркменистаном. В Эстонии эстонский язык являет-

ся государственным, языки национальных меньшинств не признаются, а сами представители национальных меньшинств подвергаются дискриминации, при этом русский язык широко используется в быту, торговле и СМИ (ECRI report on Estonia 2015).

В Туркменистане официально признается только туркменский язык. Образование ведется на туркменском языке, однако в ряде городских школ были сохранены русские классы для русскоязычного населения. Интересно, что по данным журналистов (Хроники Туркмени- стана 19.08.2019), лишь небольшое число обучающихся детей является русскоязычными, остальные поступают, поскольку родители видят в русском язык, необходимый для социального успеха.

В Латвии латышский является государственным языком, латгальский и ливский признаны языками меньшинств, все остальные имеют статус иностранных. Хотя в законодательстве гарантируются некоторые права для латгальского и ливского языков, однако по сути происходит ассимиляция этих национальных меньшинств латышами. Русский используется в неофициальном общении, при этом в Латгалии, где традиционно проживает большой процент русскоязычного населения (исторически, потомки старообрядцев, переселившихся сюда после реформ Никона), русский является языком межнационального общения и многие молодые латыши учат его для того, что увеличить свои шансы на рынке труда (мои полевые данные 2016-2017 гг.). В некоторых городах действуют польские школы.

В Литве государственным языком является литовский. По-видимому, относительно малое число носителей других языков (литовцы составляют 84,1% населения, согласно переписи 2011 г.) объясняет довольно спокойное отношение властей к другим языкам. Так, в местах компактного проживания меньшинств действует сеть школ и детских садов с преподаванием на русском, польском, а также белорусском языках. Есть несколько детских садов, где дошкольное образование ведется на идише (ECRI conclusions Lithuania 2019).

Грузия является примером страны, где в последние годы наблюдается смягчение жесткой языковой политики, сильно ограничивающей функционирование других языков (ECRI conclusions Georgia 2019). По данным переписи 2014 г. в Грузии проживали: грузины – 86,8%, азербайджанцы – 6,3%, армяне – 4,5%, русские – 0,7%, остальные – 1,9% (2014 General Population Census Results). Надо сказать, что к графе грузины относятся и мегрельцы, и сванцы, сохраняющие свои особые языки – мегрельский и сванский. Данные не учитывают население Абхазии и Южной Осетии, отделившиеся в 2008 году. Одной из причин конфликта была в том числе жесткая языковая политика – власти Грузии не признали осетинский официальным языком в Южной Осетии (более подробно см. (Сихарулидзе 2006; Wheatley 2009)). В настоящее время грузинский является государственным языком, но языки национальных меньшинств имеют ряд прав. Например, образование до-

ступно на армянском, азербайджанском и русском языках (Спутник 14.09.2016).

Более мягкая языковая политика проводится в Азербайджане, Армении, Таджикистане, Узбекистане, Киргизии. В этих странах права меньшинств на законодательном уровне оцениваются как удовлетворительные (доступно начальное образование на языках наиболее крупных меньшинств, а также СМИ), основная проблема состоит в отсутствии финансирования по сохранению миноритарных языков (Aminov et al. 2010; ECRI conclusions Armenia 2019; ECRI conclusions Azerbaijan 2019). Отметим, что среди этих стран только Армения подписала и ратифицировала Европейскую хартию региональных языков. В Таджикистане русский имеет статус языка межнационального общения. Согласно исследованиям, большинство населения билингвально (родной узбекский/таджикский + русский), а жители крупных городов зачастую трилингвальны (Aminov et al. 2010). В Узбекистане после распада СССР русский получил официальный статус межнационального языка общения. Сейчас он его не имеет, однако может быть использован для оформления документов нотариусом (Aminov et al. 2010).

К следующей группе, объединяющейся на основе довольно широкого применения русского языка (в том числе в делопроизводстве) и его зачастую официального статуса в качестве языка межнационального общения, можно отнести Киргизию, Молдову и Казахстан. В этих странах среднее образование доступно на языках наиболее крупных национальных меньшинств, при этом русский язык имеет высокий престиж и многие родители выбирают русские школы, поскольку хотят, чтобы их дети продолжали образование в РФ (Aminov et al. 2010). Отметим, что в Молдове одним из официальных языков Автономного территориального образования Гагаузия является гагаузский язык, но делопроизводство и образование ведется только на русском и молдавском. Гагаузский представлен в СМИ, но находится в позиции языка, сфера функционирования которого уменьшается под влиянием русского языка. В Казахстане, где в советское время титульная нация являлась меньшинством (напр. в 1962 г. казахи составляли 28,9% населения, представители славянских народов – 57%), идет процесс перевода делопроизводства на казахский язык, однако русский по-прежнему доминирует в повседневном общении, торговле, образовании.

Схожая ситуация наблюдается в частично признанных республиках Абхазии и Южной Осетии. В этих странах русский имеет высокий статус (официальный язык в Абхазии и государственный в Южной Осетии) и доминирует не только в образовании, бизнесе и бытовом общении, но и в делопроизводстве. Наблюдается переход осетин и абхазов на русский язык даже в семейном общении. В настоящий момент в Южной Осетии существует несколько инициатив, целью которых является убедить родителей, что осетинский язык может быть языком обучения, по крайней мере в детских садах и начальных классах (см. выступление

Т.Т. Камболова на 9-м заседании Дискуссионо-аналитического клуба по вопросам языковой политики Института языкознания РАН).

К странам бывшего СССР с доминированием языка нетитульной нации можно отнести Беларусь, где с 1994 г. государственная власть держит курс на преобладающую роль русского языка, являющегося родным для большинства населения; белорусский язык имеет в основном символическое значение (Алпатов 2000; Перепись населения Республики Беларусь 2009 г.).

Сложная языковая ситуация наблюдается на Украине. В настоящее время проводится политика украинизации, связанная с большой степенью влияния русского языка. Согласно исследованиям Киевского международного института социологии, в 2001 г. моноэтничные украинцы составляли 60-62%, биэтнические русско-украинцы – 23-25%, моноэтнические русские – 9-10% и остальные этнические группы – 5% (NEWSRU 14.09.2004). Отметим, что Украина подписала Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств, в качестве миноритарных языков были признаны белорусский, болграский, гагаузский, греческий, иврит, крымский татарский, молдавский, немецкий, польский, русский, румынский, словацкий и венгерский. Русинский не признан отдельным языком и трактуется как часть украинского языка. Отдельно следует упомянуть широкое распространение суржика – смешанной русско-украинской языковой разновидности. В образовании доминирует украинский язык. С 2017 г. образование на национальных языках доступно только до 5-го класса.

Языковая политика в России с самого начала стала отличаться от политики в других новых государствах в двух отношениях. Во-первых, если вне России власть ведет четкую и целенаправленную политику, направленную на развитие функций своего языка за счет русского, то в России единой продуманной политики, сравнимой с тем, что делалось в советское время, не было и по-прежнему нет (Алпатов 2014). В целом русский язык доминирует, хотя в некоторых республиках, например, в республике Татарстан язык титульной нации составляет здоровую конкуренцию. К сожалению, после введения обязательной сдачи ЕГЭ на русском языке на всей территории РФ и особенно после выступления В.В. Путина в 2017 г., где он высказался против практики принудительного обучения неродным языкам в национальных республиках России, ситуация с региональными языками и языками меньшинств резко ухудшилась. Родители отдают своих детей в русские школы. И если в Татарстане татарский язык широко используется в других сферах, в том числе в делопроизводстве, то, например, в Чувашии переходит в статус символа – несколько слов на чувашском произносятся на официальных мероприятиях. В целом везде используется русский, имеющий более высокий статус языка культуры, в то время как чувашский воспринимается как язык деревни. И это проблема многих миноритарных языков России, особенно т.н. языков Севера, многие из которых постепенно вымирают.

Дополнительной проблемой для стран, где есть школы с языком обучения иным, нежели государственный, является недостаточное число часов для изучения государственного/регионального языка и плохие учебники, сосредотачивающиеся на грамматике и сухих правилах, а не практике. Кроме того, в большинстве стран бывшего СССР отмечается переход малых народностей на русский и/или региональный язык, связанный с прагматичным подходом носителей разных малых языков. Как кажется, эта проблема характерна для практически всех стран мира.

Использованная литература

Алпатов, В.М., 2000. *150 языков и политика, 1917–1997: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*, Москва: ИВ.

Алпатов, В.М., 2014. "Языковая политика в России и мире"*, Языковая политика и языковые конфликты в современном мире,* Москва: Институт языкознания РАН, 11–24.

Выступление Т.Т. Камболова на 9-м заседании Дискуссионо-аналитического клуба по вопросам языковой политики Института языкознания РАН https://iling-ran.ru/web/ru/news/210623_daclp_video, доступ 01.10.2021.

Доклад МИД РФ «Русский язык в мире» 2003 https://www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/493778, доступ 01.10.2021.

Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств 1992 https://www.coe.int/ru/web/european-charter-regional-or-minority-languages/tekst-hartii, доступ 01.10.2021.

Коряков, Ю.Б. 2017. „Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода", *Вопросы языкознания 6*, 79–101.

Спутник 14.09.2016 https://sputnik-georgia.ru/20160914/Shkolnoe-obrazovanie-v-Gruzii-233211152.html, доступ 01.10.2021.

Сихарулидзе, Т.Т. 2006. „О синхронических и диахронических аспектах языковой ситуации в Грузии", *Amirani* т. 14-15, Монреаль - Тбилиси, 428–438. http://www.philology.ru/linguistics1/sikharulidze-06.htm, доступ 01.10.2021.

Европейская языковая хартия и Россия (под ред. С.В. Соколовского, В.А. Тишкова) 2010, *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*, вып. 218, Москва., ИЭАРАН.

Хроники Туркменистана 30.08.2019 https://www.dw.com/ru/pochemu-v-shkolah-turkmenija-zakryli-russkie-klassy/a-54884826, доступ 01.10.2021.

CIA Factbook, Turkmenistan 2003, Section: People (language), https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/turkmenistan/#people-and-society, доступ 01.10.2021.

DW 11.09.2020 https://www.dw.com/ru/pochemu-v-shkolah-turkmenija-zakryli-russkie-klassy/a-54884826, доступ 01.10.2021.

ECRI conclusions on the implementation of the recommendations in the respect of Azerbaijan subject to interim follow-up 2019 https://rm.coe.int/interim-follow-up-conclusions-on-azerbaijan-5th-monitoring-cycle-/168094ce04, доступ 01.10.2021.

ECRI conclusions on the implementation of the recommendations in the respect of Georgia subject to interim follow-up 2019 https://rm.coe.int/ecri-conclusions-on-the-implementation-of-the-recommendations-in-respe/1680934a7e, доступ 01.10.2021.

ECRI report on Estonia 2015 https://rm.coe.int/fifth-report-on-estonia/16808b56f1, доступ 01.10.2021.

ECRI conclusions on the implementation of the recommendations in the respect of Lithuania subject to interim follow-up 2019 https://rm.coe.int/interim-follow-up-conclusions-on-lithuania-5th-monitoring-cycle-/168094ce17, доступ 01.10.2021.

Kużelewska, E., 2016 „Language policy in Switzerland", *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric* 45 (58), 125–140.

NEWSRU 14.09.2004 https://www.newsru.com/arch/world/14sep2004/lang.html, доступ 01.10.2021.

Reservations and Declarations for Treaty No.148 – European Charter for Regional or Minority Languages, Armenia https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=declarations-by-treaty&numSte=148&codeNature=1&codePays=ARM, доступ 01.10.2021.

Wheatley, J., 2009. *Georgia and the European Charter for Regional or Minority Languages. ECMI Working Paper # 42*. https://www.files.ethz.ch/isn/102089/working_paper_42_en.pdf, доступ 01.10.2021.

Wright, S., 2007. „The right to speak one's own language: Reflections on theory and practice", *Language Policy* 6, 203–224.

Источники

Перепись населения Республики Беларусь 2009 г. https://web.archive.org/web/20101031001146/http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.9-0.pdf, доступ 01.10.2021.

2014 General Population Census Results http://census.ge/en/results/census1, доступ 01.10.2021.

Censuses of Republic of Azerbaijan 1979, 1989, 1999, 2009 https://web.archive.org/web/20121130101713/http://www.azstat.org/statinfo/demoqraphic/en/AP_/1_5.xls, доступ 01.10.2021.

Gyventojai pagal tautybę bimtąją kalbą ir tikybą 2011, Vilnus, 2013 https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/Gyv_kalba_tikyba.pdf, доступ 01.10.2021.

Population by sex, ethnic nationality and country 2021, http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U, доступ 01.10.2021.

Latvijas 2011. gada tautas skaitīšanas rezultāti. Centrālā statistiskas pārvalde, Rīga, 2016, 94–118 https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/population/census/search-in-theme/183-results-population-population-and-housing-census, доступ 01.10.2021.

Tatyana GANENKOVA

MAIN DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF LANGUAGE POLICY IN THE COUNTRIES OF THE FORMER USSR

Summary: This paper analyzes the main directions of the development of language policy in the countries of the former USSR with special attention to the status of regional and minority languages. The process of declaring independence was accompanied by national rhetoric and attention to the national identity and to the national language(s) as important part of the former. In this regard, each of the newly formed states had to choose a certain model of language policy. First, it was necessary to determine the status and area of functioning of the Russian language which had the highest status in the USSR. Secondly, since most of the newly formed states were multinational and multilingual, determining the status and domains of usage for languages spoken on it territory became an acute problem. Although all analyzed countries have their own specifics, a comparison of the language policy's models and unofficial practices shows that these models can be conditionally divided into several types.

Елена Владимировна ЕМЕЛЬЯНОВА
Кафедра гуманитарных дисциплин, Казахско-Русский
международный университет г. Актобе, Республика Казахстан

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БАСЕН В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация: Автор рассматривает басню как национально-культурный языковой код русского и казахского народов. В статье уделяется также внимание культурно-историческим особенностям появления и развития басни как литературного жанра у казахского народа. Автором устанавливаются некоторые сходства русских и казахских басен. Используя лингвокультурологический потенциал басен на занятиях по русскому языку как родному, так и иностранному, мы наблюдаем повышение мотивации к изучению языка, активизацию формирования речемыслительной культуры обучаемых, что, в свою очередь, способствует развитию сильной языковой личности, способной к плодотворной коммуникации в различных ситуациях общения.

Ключевые слова: Басня, лингвокультурный код, культурные ценности, выразительные средства, лингвокультурологический потенциал.

Басня является древнейшим творческим жанром, создание басен имеет длительную традицию, как в фольклоре, так и в литературе разных народов. Содержание басни постоянно обновляется в соответствии с конкретно-исторической эпохой и, всегда оставаясь актуальным, служит обличению социальных и нравственных пороков в общественном сознании людей. Басне принадлежит особая роль в хранении, конструировании и трансляции культурных представлений, оценок и норм поведения, сложившихся в рамках национальной языковой картины мира. Существуют две концепции происхождения басни. Первая представлена немецкой школой Отто Крузиуса, А. Хаусрата и др., вторая – американским учёным Б. Э. Перри. Согласно первой концепции, в басне первично повествование, а мораль вторична; басня происходит из сказки о животных, а сказка о животных – из мифа. Согласно второй концепции, в басне первична мораль; басня близка сравнениям, пословицам и поговоркам; как и они, басня возникает как вспомогательное средство аргументации. Первая точка зрения восходит к романтической теории Якоба Гримма, вторая возрождает рационалистическую концепцию Лессинга. Филологов XIX века долго занимала полемика о приоритете греческой или индийской басни. Теперь можно считать почти несомненным, что общим истоком материала греческой и индийской басни была шумеро-вавилонская басня. На рубеже классической и эллинистической эпохи из «высокой» литературы басня опускается в литературу учебную, предназначенную для детей, и в литературу популярную, обращенную к необразованной низовой публике. Басня становится монополией школьных учителей и философских проповедников.

Так возникают первые сборники басен, и начинается третий период истории басенного жанра в античности – период перехода от устной басни к литературной. Первый сборник Эзоповых басен,– это «Logon Aisopeion Synagoge» Деметрия Фалерского, составленный на рубеже IV и III веков до н. э. Деметрий Фалерский был философом-перипатетиком, учеником Теофраста; кроме того, он был оратор и теоретик красноречия. Сборник Деметрия, по-видимому, послужил основой и образцом для всех позднейших записей басен. Ещё в византийскую эпоху под его именем издавались басенные сборники.

Басня – один из старейших литературных жанров, дошедших до наших дней не только как замечательный образец литературы, но и как продуктивная модель современного литературного творчества (Пушина 2012: 135). В баснях находит отражение мудрость народа. Своим духовным и нравственно-эстетическим содержанием она способна активно влиять на личность учащегося, его чувства, сознание, волю, оказывать большое воспитательное воздействие (Абрамян 2013: 49).

Интерес к изучению басни как жанра объясняется попыткой осмысления житейских отношений, характера человека, одним словом, всего, что относится к нравственной жизни людей. Выделяют поэтическую и прозаическую басню: к прозаическим басням относят басни Эзопа, Лессинга, Леонардо да Винчи и других; к басням поэтическим – Лафонтена, Крылова и их школы.

Целью нашего исследования является определение педагогического потенциала русских басен (на примерах басен И. А. Крылова) и казахских басен и использование его для формирования сильной языковой личности в процессе изучения русского языка как родного и как иностранного.

В качестве определяющего жанрового признака басни отмечается ее полидискурсивность, то есть сложное взаимодействие четырех коммуникативных стратегий: научной (познавательной), моральной (нравственной), агональной (риторической) и эстетической (Максимов: 28). Басня является древнейшим творческим жанром, который имеет длительную историю развития в литературном наследии разных стран. Интерпретация басни, как и любого текста, сохраняющего культурную память, в определенной степени зависит от конкретной исторической эпохи. Оставаясь всегда актуальной, она направлена на обличение социальных и нравственных пороков в общественном сознании людей. Поэтому исследование внутренней и внешней структуры басни в рамках контрастивного описания типологически далеких языков – русского и казахского – представляет большой интерес.

Изучение басни как лингвокультурного кода определенных языков предполагает учет ключевых положений лингвокультурологии, основанной на взаимосвязи языка и культуры, постижении культурных ценностей, запечатленных в единицах языковой системы, в устных и письменных текстах. Басня близка другим литературным жанрам. Так, краткая басня иногда называется апологом. Повествовательной частью

она сближается со сказками (особенно о животных), новеллами, анекдотами, моралистической частью – с пословицами и сентенциями, поэтому басенный жанр интегрирует с другими смежными жанрами. Вершиной русского и казахского басенного наследия является творчество И. А. Крылова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина и казахских жырау и кюйши.

Культурно значимые языковые единицы выражают как временны́е особенности развития того или иного общества – современную автору лингвокультурную ситуацию, под которой понимается динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах и социальной среде, так и фундаментальные духовные ценности народа. Поэтому рассмотрение подобных единиц является значимым не только в теоретическом, но и в практическом плане, поскольку «изучение языка во взаимосвязи с культурой способствует проникновению в ментальную сферу представителей того или иного национального языка» (Рудов 1974: 96). Процесс изучения текстов русских и казахских басен закономерен: басня как жанр обычно строилась на основе традиционных сюжетов, в связи с чем каждому басеннику для придания своему произведению индивидуально-авторского характера было необходимо наделить ее национальной спецификой.

Казахская басня, как и басни народов мира, по своей эстетической сущности – сатирический жанр, где человеческие отношения и характеры раскрываются посредством образов животных, птиц, растений и других предметов, которые служат для дидактического содержания. Наряду с мифом, басня была одной из древнейших форм мышления и одним из древнейших жанров словесного искусства. И если миф объяснял строение мира, то басня отвечала на вопрос: как должен вести себя человек в этом мире? Правда, не только она подсказывала ответы, в распоряжении были пословицы, поговорки, поучительные сентенции. Но эпический, повествовательный характер из всех этих малых жанров словесности имела только басня.

Зачатки басенного жанра коренятся в простейших формах речевого общения, которые одинаковы у всех народов. Отсюда следует, что вероятность зарождения басни имелась соответственно в культуре любого народа, но она зависела, прежде всего от конкретных исторических особенностей формирования каждой культуры.

Басня - одна из древнейших жанров в казахском фольклоре, где она является, по мнению М. Ауэзова, одной из разновидностей сказок о животных: "Рассказы - легенды о животных бытовали в двух формах... в одной из них повадки животных приводились не о них самих, а для характеристики и осмеяния поведения людей. Недостатки, отрицательные стороны человеческого характера изображались в сгущенном, так сказать, виде и при помощи такой критики велась борьба со злом." Казахская народная сказка " Жолбарыс пен тышкдн"-" Тигр и мышь":

Однажды по телу спящего тигра пробегала мышь. Тигр поймал ее и готов был съесть, но мышь умоляла простить, уверяя, что отплатит ему добром. Расхохотавшись, он отпустил ее. Но однажды тигр действительно попал в сети, расставленные охотником. Пришла мышь и перегрызла зубами сети, и тем самым, спасла ему жизнь. Мораль сформулирована пословицей. Такие сказки в казахском фольклоре можно было назвать баснями. Основу сюжетов басенного типа составляют приключения этих животных, их действия и характеры. В основе таких сказок лежали дидактические идеи, присущи басенному жанру. Однако они всегда рассматриваются в фольклористике как сказки о животных. Тем более, что сюжет, образы, способы повествования аллегорические или символические приемы присущи жанру басни.

Басня как жанр в казахской литературе поднимается на качественно новую ступень развития во второй половине XIX века. В это время большой популярностью пользуются басни И.А.Крылова " ...которые быстро распространяются среди казахского народа, получая большую известность. Сатирические народные рассказы теперь под влиянием русских сказок и басен И.А.Крылова превращаются в орудие общественно-политической и культурно-идейной борьбы, имеющей исключительно важное значение».

Казахская литература в конце XIX – в начале XX века стала развиваться под знаком усиления народности, давшей простор критическому реализму и сатирическому направлению. И именно в этот период, по мнению Ш.К. Сатпаевой "...расширяются связи казахской и передовой русской литературы, а именно появившиеся переводы обогащали казахскую литературу , способствовали развитию в ней новых жанров"(Сатпаева 1982: 34). Таким образом, появление переводов русского баснописца необходимо рассматривать как одну из ступеней развития казахского басенного жанра. Но наряду с крыловскими переводами появились произведения Майлыкожа Султанкожа улы (1835-1898), Мусабека Байзакова (1849- 1832), Нуржана Наушабаева (1859 -1919), Макыша Калтаева (1869-1916), Омара Шораякова (1878-1924). Сюжеты для своих произведений они черпали не только из восточной поэзии, но и западной. В первое издание собраний сочинений Абая, увидело свет в Петербурге в 1909 году, сюда вошло десять переводов басен И. А. Крылова.

В отличие от своих предшественников, у которых в басне главенствовал дидактический момент – мораль, Абай, опираясь на крыловские традиции, создает басню-сатиру. В его баснях остро и язвительно высмеиваются различные недостатки людей: жадность, лицемерие, высокомерие, глупость. Вслед за произведениями Абая выходит книга Ахмета Байтурсынова "Кырык, мысал" - "Сорок басен". В Казани, в 1910-1911 годы вышли переводы басен И.А.Крылова, выполненные Спандияром Кубеевым, так называемые "Улгии тэржиме" – "Поучительные переводы", где объединены тридцать семь басен русского по-

эта, а также несколько произведений других авторов: Л.Толстого, И. Хемницера. Деятельность Абая Кунанбаева, Ахмета Байтурсынова, Ахмета Мамытова, Спандияра Кубеева повлекла за собой ряд последователей. Переводами басен увлеклись Алихан Букейханов, Сабит Донентаев, Бекет Отетлеуов, Турмаганбет Изтлеуов, Султанмахмут Торайгыров, Капан Сатыбалдин, Нигмет Баймухамедов, Бейсембай Кенжебаев. Басня в казахской литературе прошла долгий эволюционный путь. В нравоучительном жанре постепенно нарастает сатирический элемент. Она все больше тяготеет к сатире, и становится общественно активным жанром реалистического содержания. Интенсивное сближение современной казахской басни со стихотворными сатирическими жанрами привело к возникновению таких разновидностей басен: басня-эпиграмма, басня-фельетон, басня-памфлет. Басня-айтыс, басня-песня, басня-аныз – они характерны только для казахской поэзии.

Утверждение Абаем в казахской литературе жанра басни как самостоятельной разновидности неоспоримо. В баснях он видел могучее средство воспитания, ценны они были еще и своей лаконичностью, легко запоминающейся формой изложения определенной мысли. Он вовсе не стремился к точному воспроизведению русского текста, известный сюжет им используется в соответствии с мастерством и индивидуальной манерой. Тема басни переосмысляется, дополняется новыми идеями, способствуя созданию нового произведения. Басни И.А.Крылова, переведенные Абаем, воспринимаются как оригинальные казахские произведения. Это достигается, во-первых, в высокой одаренности, в высоком мастерстве и неутомимом труде поэта. Во-вторых, Абай весьма серьезно отнесся к переводам творений великих русских поэтов; прежде чем перевести, он стремился глубже понять смысл переводимых текстов. В каждом случае он находит в казахском языке равноценные эквиваленты русским словам и выражениям. Стремясь быть выразителем народного духа, сближаясь с фольклором, Абай насыщает свои басни фразеологизмами, метафорическими оборотами, колоритной народной лексикой, своеобразными синтаксическими конструкциями.

Можно установить некоторые сходства русских и казахских басен: это нравоучительный смысл, иносказание, мораль, придуманный сюжет, источник современных идиом. И в русской, и в казахской баснях рождаются устойчивые, пережившие многие поколения фразеологизмы и выражения, ставшие впоследствии крылатыми.

Подводя итог вышеизложенному, можно сформулировать основные составляющие педагогического потенциала изучения басенного жанра:

1. Воспитательная составляющая, которая проходит через все содержание басни и концентрируется в морали.

2. Нравственная составляющая, с помощью которой автор высмеивает человеческие пороки, подводит читателя к осознанию неизбежности наказания за безнравственное поведение.

3. Лингвистическая составляющая, позволяющая обогатить свой словарный запас и активно использовать его в процессе коммуникации.

4. Культурологическая составляющая, выявляющая через сюжеты и образы басен особенности культурно-исторического развития народа.

5. Аналитическая составляющая, призванная помочь учащемуся сравнивать процессы разного направления, литературные жанры, устное народное творчество.

Использование педагогического потенциала басен стимулирует развитие речи, способность коммуникации в разных ситуациях общения, развивает критическое мышление и способность к самообразованию.

Использованная литература

Абрамян, Е. Л. 2013. „В гостях у дедушки Крылова“, *Эксперимент и инновации в школе.* №5. С. 49–50.

Ауэзов, М. 2010. „Абай (Ибрагим) Кунанбаев. Жизнь и творчество“, *Абай Лирика и поэмы.* М.: Худ.лит., 1940, переизд. С. 11-30.

Крылов, И. А. 1945–1946. *Полное собрание сочинений: в 3 т.* / И. А. Крылов. – М. : Художественная литература. – Т. III: Басни, стихотворения, письма. 106 с.

Пушина, Л. А. 2012. „Силлептическое употребление лексики в баснях Ж. Лафонтена и И.А. Крылова“, *Вестник Удмуртского университета.* №2. С. 135–140.

Рудов, М. А. 1974. *Жанр басни в русской литературе* / М. А. Рудов. – Фрунзе: Мектеп. 96 с.

Сатпаева Ш. К. 1982. *Казахская литература и Восток.* Научно-популярное издание. (Из истории литературных связей). Алма-Ата, Жазушы. 243 с.

Elena EMELYANOVA

PEDAGOGICAL POTENTIAL OF FABLES IN THE PROCESS OF LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Summary: The author considers the fable as the national-cultural linguistic code of the Russian and Kazakh peoples. The article also pays attention to the cultural and historical features of the appearance and development of the fable as a literary genre among the Kazakh people. The author establishes some similarities between Russian and Kazakh fables. Using the linguistic-culturological potential of fables in the classroom in the Russian language, both native and foreign, we observe an increase in motivation for learning the language, activation of the formation of the speech-thinking culture of students, which, in turn, contributes to the development of a strong linguistic personality, capable of fruitful communication in various communicative situations.

Юлия КАЛИНИНА
Институт русского языка, Российский университет дружбы народов
Елена МИХЕЕВА
Филологический факультет, Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

ИННОВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация: Статья посвящена описанию разработанного авторами экспериментального метода применения электронного интерактивного постера на платформе Thinglink для преподавания лингвострановедения на занятиях по РКИ. Лингвострановедение формирует социокультурную компетенцию, необходимую для овладения полноценными коммуникативными навыками. Опыт работы показал, что максимальный результат достигается при сочетании электронного постера с технологией «перевёрнутый класс», суть которой заключается в том, что теоретический материал изучается студентами самостоятельно до начала урока, а на занятии основное внимание уделяется формированию коммуникативных компетенций. В статье также представлены алгоритм работы с созданным авторами электронным постером «Лингвострановедение для инженеров» (уровень B1) и система упражнений, направленных на развитие навыков чтения, говорения и письма. Применение описанного метода на занятиях по РКИ показало его эффективность как в усвоении новых знаний, так и в повышении мотивации иностранных обучающихся к изучению лингвострановедческой информации и русского языка в целом.

Ключевые слова: РКИ, лингвострановедение, интерактивный постер, «перевёрнутый класс».

В жизнь современного человека активно вошли цифровые технологии, которые сместили акценты в подаче и рецепции информации, изменили современный тип мышления, проявляющийся в различных поликодовых комбинациях. Для современного человека вербальный текст (являющийся долгое время основным способом конструирования картины мира и передатчиком информации) становится недостаточным для реализации его коммуникативных целей в современном обществе, так как сегодня на первый план выходят другие средства конструирования смыслов, другие средства формирования идентичности.

Для успешного преподавания любой дисциплины необходимо учитывать то, что современные студенты иначе воспринимают информацию, а также и то, что резко изменились условия обучения: произошел экстренный переход на дистант, который часто является единственно возможным способом обучения. Таким образом, многие традиционные методики и их учебно-методическое обеспечение оказались недостаточно эффективными с точки зрения представления информации и приемов ее закрепления.

Обучение русскому языку как иностранному (далее РКИ) в целом и лингвострановедению в частности представляется целесообразным

в соответствии с парадигмой, которая включает: интерактивность как основной принцип занятия; инновационные приемы (например, Fishbone, Mind-map (Калинина, Михеева 2021)); использование цифровых технологий в методике преподавания (голосовой помощник Алиса (Аль-Кайси, Архангельская, Руденко-Моргун 2019), обучающие компьютерные игры); мультимодальные учебники (например, Акишина, Тряпельников; Mikheeva, Kalinina, Fedorenkov 2019).

Следовательно, в задачи преподавателя входит разработка новых приемов, отвечающих образовательным стандартам XXI века, повышающих мотивацию обучающихся, позволяющих добиться максимальных результатов в обучении, а также создание мультимодальных учебников и учебных пособий нового поколения.

Основным отличием современных интерактивных учебников от традиционных является то, что линейное представление информации, принятое в классической образовательной среде, в них заменяется поликодовыми текстами. Поликодовый текст – текст, состоящий из нескольких частей: вербальной и невербальной (визуальные знаки, аудиальные, графика и т.д.) (подробнее об этом см. Сергеева, Уварова).

Очевидно, что создание мультимодальных учебников требует больших сил и времени, а мы знаем, как сложно преподавателю, учитывая учебную нагрузку, его найти, поэтому мы предлагаем использовать в работе электронные постеры, которые в некоторой степени можно считать аналогом мини мультимодального интерактивного учебника.

Электронный постер – это форма представления информации в виде однослайдовой презентации в электронном виде. Фактически, электронным постером становится страница в сети интернет, на которой вы можете размещать текстовую информацию и медиаконтент (фотографии, картинки, видео, аудиоматериалы), интерактивные задания (тренажёры и игры), ссылки на другие страницы в интернете. Электронный интерактивный постер как разновидность мультимедиа технологий обеспечивает «такое представление информации, при котором она воспринимается сразу несколькими органами чувств параллельно, а не последовательно, как это делается при обычном обучении. При комбинированном воздействии через зрение и слух и вовлечение его в активные действия доля усвоения учебного материала может составить 75%» (Князева 2010). Одним из самых популярных и удобных, на наш взгляд, ресурсов для создания постеров является платформа ThingLink.

ThingLink − продукт одноимённой финско-американской компании, занимающейся разработкой технологии интерактивных изображений и видео, которая даёт возможность пользователям создавать динамические мультимедийные изображения, видео и виртуальные туры, содержащие различные медиа и сторонние веб-материалы. В настоящее время сервис известен во многих странах как инструмент создания интерактивной инфографики или интерактивного постера (плаката) благодаря простоте работы с платформой (Информационные технологии… 2019).

Экспериментальный метод применения электронного постера ThingLink на занятиях показал, что максимальный результат работы достигается в сочетании электронного постера с технологией «перевёрнутый класс». «”Перевернутый класс” – это инновационный сценарий обучения. Его отличие от традиционного сценария заключается в том, что теоретический материал изучается самостоятельно до начала урока (как правило, посредством информационных и коммуникационных технологий: видеолекции, аудиолекции, интерактивные материалы и т. п.), а высвобождённое время на уроке направлено на решение проблем, сотрудничество, взаимодействие с учениками, применение знаний и умений в новой ситуации и на создание учениками нового учебного продукта» (Гизатулина 2017).

Мы разработали электронный постер «Лингвострановедение для инженеров» и апробировали алгоритм работы с ним с учётом технологии «перевёрнутый класс». Как известно, лингвострановедение формирует социокультурную компетенцию как «совокупность знаний о стране изучаемого языка, о национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка; способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, нормам этикета, правилам, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка» (Азимов, Щукин 2009: 286-287), что является неотъемлемым компонентом обучения иностранных студентов в любой стране мира, в том числе и России.

Социокультурной адаптации иностранцев, изучающих русский язык, на довузовском этапе подготовки уделяется большое внимание, однако на основных факультетах по причине появления большого количества новых специальных дисциплин при одновременном сокращении часов, выделенных на изучение РКИ, аспект лингвострановедения отходит на второй план. В связи с этим наблюдается необходимость поиска инновационных возможностей социокультурной адаптации иностранных студентов на уроках РКИ.

Кроме того, в условиях нестабильности эпидемиологической обстановки и, как следствие, вынужденного перехода на дистанционное обучение и отсутствия возможности личного погружения в социокультурную среду носителей изучаемого языка перед преподавателем встаёт сложная задача поиска новых инструментов, позволяющих дистанционно формировать и развивать социокультурную компетенцию у иностранных учащихся. Это также актуально для студентов, изучающих русский язык за пределами Российской Федерации и лишённых возможности вовлечения в культурную среду страны изучаемого языка.

Мы предлагаем использовать разработанный нами постер (https://www.thinglink.com/scene/1366842678691495937), информация на котором представлена в формате «облака тегов». Для удобства работы с постером предлагается система условных обозначений – значков: значок «книга» используется для маркирования материалов, в первую очередь предназначенных для отработки навыков чтения, работы с текстом и письма; значок «микрофон» предназначен для материалов, используемых в пер-

вую очередь для развития навыка говорения; значок «ноты» обозначает то, что материалы предназначены для развития навыков аудирования.

По нашему мнению, социокультурная компетенция подразумевает не только общие знания о стране изучаемого языка и её культуре, но и представления об известных учёных и специалистах и их вкладе в развитие науки, имеющей непосредственное отношение к будущим специальностям иностранных обучающихся. Так, кликнув на значок, студенты открывают тег, в котором находится фотография известного инженера-ученого, краткая биографическая справка и ссылка на короткометражный видеофильм об этом специалисте и его изобретении на канале YouTube.

Отдельно, так как постер, к сожалению, не позволяет размещать большие текстовые файлы, прилагается набор упражнений, направленных на развитие того или иного вида речевой деятельности. Так как в каждом теге содержится видеофильм, упражнения делятся на 3 группы: предпросмотровые, просмотровые и постпросмотровые.

В качестве примера приведём комплекс упражнений, разработанных к тегу «Первый русский инженер». Данный тег помечен значком «микрофон» — упражнения разработаны с акцентом на пополнение лексического запаса специальной лексикой и развитие навыков говорения. Предпросмотровые задания ориентированы, в первую очередь, на снятие лексико-грамматических трудностей и на формирование у иностранных обучающихся умения работать со словарем, поэтому в первом задании, которое студенты выполняют перед просмотром фильма, им предлагается установить соответствие между словом или словосочетанием, которое в дальнейшем встретится в фильме и необходимо для адекватного понимания содержания, но при этом может вызвать трудность, и его значением (лексемы даются в том порядке, в котором они встретятся в фильме, а не по алфавиту):

Задание 1. Установите соответствие между словом/словосочетанием и его значением.

1. *Инженерные конструкции – …*	*А. объект для использования водных ресурсов*
2. *Сложное техническое устройство – …*	*Б. отрасль пищевой промышленности по добыче и переработки поваренной соли.*
3. *Соляная промышленность – …*	*В. конструкции сооружений, размеры которых определены расчетом на прочность, устойчивость, выносливость, трещиностойкость и по деформациям.*
4. …	*Г. …*

Следующее задание в большей степени связано с лингвокультурологией, поскольку обучающиеся должны рассмотреть рисунок со

старорусскими единицами длины и установить соответствие между устаревшими и современными мерами длины. Это задание неслучайно включено в пособие. В фильме иностранным студентам встретятся только слова «аршин», «вершок», «сажень», а вот во фразеологических оборотах и устойчивых словосочетаниях иностранцы могут также услышать, например, слово «пядь» (семи пядей во лбу), следовательно, обучающиеся должны понимать, чем обусловлено появление такого выражения и каково его значение.

Во время просмотра фильма обучающиеся должны найти ответы на вопросы, с которыми мы также рекомендуем ознакомить студентов заранее, чтобы они могли при необходимости перевести незнакомые слова и понимали, на что нужно обратить внимание при просмотре фильма. Заметим, что, используя канал YouTube и работая индивидуально по технологии «перевёрнутый класс», обучающиеся имеют возможность остановить фильм в нужном месте и записать ответ на конкретный вопрос.

После просмотра фильма проверяется адекватность его восприятия иностранцами, что представляется особенно важным, так как фильмы неадаптированные. В первом задании на постпросмотровом этапе студентам даются утверждения, которые они должны соотнести с содержанием фильма и сказать, верны ли эти утверждения. В случае отрицательного ответа обучающимся нужно будет предложить правильный вариант.

Особенно важным представляется блок, включающий упражнения, цель которых – развитие навыка говорения. Так, обучающиеся должны разыграть ситуацию, используя реплики из фильма. Аналогичное задание часто встречается на II сертификационном уровне владения русским языком (уровне B2) и включено в тест данного уровня. Ситуации достаточно разнообразны и привычны для повседневной коммуникации: согласитесь с утверждением собеседника, переспросите, скажите, что вы это уже слышали, и т.д.

Цель заключительных упражнений – «выход в речь», то есть создание обстановки реальной коммуникации, где используются 3 вида речевой деятельности – монолог, диалог и полилог. Поэтому одно из заключительных заданий направлено на развитие монологической речи, когда обучающимся необходимо подготовить сообщение с презентацией на тему «Кто прославил мою будущую профессию». При этом мы настаиваем на наличии презентации, так как сегодня это обязательный элемент любого публичного выступления, а значит, студенты должны уметь соотносить свою речь с тем, что представлено на слайдах презентации.

Заключительное задание готовит студентов к участию в диалоге или полилоге, который даже чаще, чем диалог, встречается в реальной ситуации общения, поэтому в наше мультимодальное пособие включены упражнения на развитие умения студента участвовать в полилоге и

даны речевые клише, позволяющие вступить в дискуссию правильно не только с точки зрения норм литературного русского языка, но и с соблюдением правил речевого этикета.

Подводя итог всему сказанному выше, заметим, что работа с электронным постером способствует эффективному усвоению новых знаний, повышает мотивацию иностранных студентов технических специальностей к изучению культурологической информации и русского языка в целом, в совокупности с технологией «перевёрнутый класс» позволяет преподавателю увеличивать объём учебной информации, не превышая количества выделенных учебных часов.

Перспективу применения электронных постеров в образовательном процессе авторы видят в использовании их на занятиях не только по лингвокультурологии, но и по русскому языку (общее владение) и языку специальности (научному стилю речи).

Использованная литература

Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. 2009. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. М.: Издательство ИКАР. 448 с.

Акишина, А.А., Тряпельников, А.В. *Киберобразы в РКИ. Информационные учебно-методические разработки по русскому языку как иностранному* [Электронный ресурс]. URL: https://author-edu.ru/ (дата обращения: 19.09. 2021).

Аль-Кайси, А.Н., Архангельская, А.Л., Руденко-Моргун, О.И. 2019. ”Интеллектуальный голосовой помощник Алиса на уроках русского языка как иностранного (уровень А1)“, *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота. Т. 12. Вып. 2. С. 239-244.

Гизатулина, О.И. 2017. “«Перевернутый» класс – инновационная модель обучения”, *Инновационные педагогические технологии: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2017 г.).* Казань: Бук. С. 116-118. [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/214/12239/ (дата обращения: 23.09.2021).

Информационные технологии в обучении русскому языку как иностранному: история, современное состояние, перспективы: монография. 2019. Авт.: В.Б. Куриленко и др. Общество с ограниченной ответственностью Издательство Экон-Информ. 243 с.

Калинина, Ю.М., Михеева, Е.С. 2021. *Инновационные приемы в практике преподавания РКИ. Предложно-падежная система русского языка (приемы fishbone и mind-map). Уровни А1, А2, В1: учебно-методическое пособие.* Москва: Ай Пи Ар Медиа. 46 с. ISBN 978-5-4497-0997-4. Текст: электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. URL: https://www.iprbookshop.ru/104673.html (дата обращения: 11.10.2021).

Князева, Г.В. 2010. “Применение мультимедийных технологий в образовательных учреждениях”, *Вестник ВУиТ*. № 16. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-multimediynyh-tehnologiy-v-obrazovatelnyh-uchrezhdeniyah/viewer (дата обращения 05.10.2021).

Сергеева, Ю.М., Уварова, Е.А. “Поликодовый текст: особенности построения и восприятия”, *Новые педагогические технологии* [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovyy-tekst-osobennosti-postroeniyai-vospriyatiya/viewer.

Mikheeva, E., Kalinina, I., Fedorenkov, A. 2019. “Multimodal textbook «I speak Russian as a Russian: Russian idioms in use»: structural and content components”, EDULEARN19. *Proceedings of INTED2019 Conference «11th annual International Conference on Education and New Learning Technologies» to be held in Palma de Mallorca (Spain) on the 1st, 2nd and 3rd of July, 2019*. Pp. 3098-3104.

Yulia KALININA,
Elena MIKHEEVA

INNOVATIVE OPPORTUNITIES FOR TEACHING LANGUAGE AND CULTURAL STUDIES AT RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES

Summary: The article is devoted to the description of the authors’ experimental method of the use of an electronic interactive poster on the Thinglink platform for teaching language and culture studies at the Russian as a foreign language classes. Language and culture studies forms the socio-cultural competence necessary for mastering full-fledged communication skills. Work experience has shown that the maximum result is achieved when combining an electronic poster with the "inverted classroom" technology, the essence of which is that the theoretical material is studied by students independently before the lesson, and the main focus of the lesson is on the formation of communicative competencies. The article also presents an algorithm for working with the electronic poster " Language and Culture Studies for Engineers" created by the authors (level B1) and examples of exercises aimed at developing reading, speaking and writing skills. The application of the described method at the Russian as a foreign language classes has shown its effectiveness both in the assimilation of new knowledge and in increasing the motivation of foreign students to study linguistic and cultural information and the Russian language as a whole.

Мила МАТИЧ
Философский факультет
Нови-Сад, Сербия

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ГИМНАЗИЯХ – ОБЗОР ТРИДЦАТИЛЕТНЕГО СОСТОЯНИЯ

Аннотация: В конце XX века сербское общество получило две филологические гимназии с углублённым изучением иностранных языков – Филологическую гимназию в г. Белграде и Карловацкую гимназию в г. Сремски Карловци. С момента основания упомянутые образовательные учреждения занимают особое место в сербской среде. Решением Министерства науки, образования и технологического развития 2007 года это стало официальным – гимназии получили статус «школ особого национального значения». Цель нашей работы – посмотреть, как развивалась жизнь русского класса в Филологической гимназии с 1990 по 2020 гг. На основании источников и количества обучающих, используя метод наблюдения, отметим, как менялся интерес к изучению русского языка и литературы. Констатируем, что на протяжении тридцати лет исторически сложившиеся неблагоприятные обстоятельства девяностых не отразились на успехах учеников. За последние двадцать лет ошибки прошлого исправлены, однако в нулевых годах и в последнем десятилетии число поступающих в русский класс не удовлетворяет.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, Филологическая гимназия, одарённые ученики.

От Второй белградской к Филологической гимназии

Указом князя Милана Обреновича в 1870 году была основана Вторая белградская гимназия. В течение трёхвековой истории Филологическая гимназия в Белграде осуществляла образовательную деятельность под несколькими названиями: Вторая белградская гимназия (1870), Гимназия им. В.С. Караджича (1898), Вторая мужская гимназия (1909), Вторая белградская гимназия (1953), Вторая белградская гимназия им. И.Л. Рибара (1959)[1], Школа переводческого образования им. И.Л.Рибара (1980), Языковая школа – Вторая белградская гимназия И.Л.Рибара (1988), Филологическая гимназия (1991).[2] Благодаря инициативе тогдашнего декана филологического факультета Университета в Белграде Никши Стипчевича и президента Образовательного совета Миодрага Сибиновича, в

[1] На выбор названий учреждений повлияли историческо-общественные обстоятельства, поэтому в середине XX века, в разгаре антифашистского направления, школа названа в честь революционера, народного героя Югославии, Иво Лолы Рибара.

[2] Об истории каждого периода см. в: Елачич-Србуль, В. 2016. *Филологическая гимназия – запись Второй белградской гимназии в Филологической гимназии 1870–2015.* Белград: Филологическая гимназия.

1988 году был разработан проект о создании демонстрационной версии работы гимназии с филологическим уклоном. Период с 1988 по 1991 гг. в истории школы носит характер эксперимента, т.е. это демонстрационная версия Филологической гимназии (далее – ФГ). Первое поколение новой школы насчитывало меньше 100 учеников – 86. Они поступали в английский, французский, немецкий, русский классы и один класс классической филологии. Хотя ФГ основана ради интенсивного филологического образования молодёжи, «представители белградского образования не проявили достаточно понимания существования ФГ», что отчасти отразится и на её деятельности (Филолошка гимназија 1989: 59). По мнению инициаторов, белградские коллеги не поняли характер новой гимназии, но сербский культурный кружок осознавал важность появления подобного «направления» гимназии, что привело к высочайшим оценкам: «за короткое время она получила прекрасную репутацию в обществе.» (Филолошка гимназија 1992: 45). Таким образом, наряду с Карловацкой гимназией, сербские школьники получили возможность углублённо заниматься филологией. Можно сказать, что эти образовательные учреждения являются гимназиями старой традиции и новой роли.

Учебной программой предполагалось создать у обучающихся общую картину языковой, литературной и культурной системы. Цель обучения в первом и втором классе состояла в усовершенствовании знаний, полученных в восьмилетних школах, а в остальных – погружение во все структуры иноязычного, русского образования. Следовательно, ученики в области языка изучали все особенности русской грамматики: изменяемые и неизменяемые части речи, их спряжения, склонения и употребление в разговорной речи, орфографические правила и т.д. Основой для изучения послужили следующие лексические темы: повседневная жизнь, работа, интересные рассказы из жизни, окружающая среда, научные достижения, СМИ, еда и здоровье, спорт, известные города и достопримечательности, биографии известных людей [...]. В первом классе учителям предлагалось представить ключевые произведения, исторические и культурологические комментарии устного народного творчества, поэзии Жуковского, Пушкина, Лермонтова, прозы Толстого («Детство»), Тургенева («Муму») и Чехова («Шуточка»), произведений «Житие протопопа Аввакума», «Бедная Лиза» (Н.М.Карамзин), «Медный всадник» (А.С.Пушкин), «Герой нашего времени» (М.Ю. Лермонтов) во втором классе, произведений XIX века в третьем классе – «Ревизор» (Н.В.Гоголь), «Отцы и дети» (И.С.Тургенев), «Преступление и наказание» (Ф.М.Достоевский), стихи Фета, Некрасова, заканчивая в четвёртом классе XX веком, т.е. драмой «На дне» (М. Горький), романом «Мастер и Маргарита» (М.А.Булгаков), стихами Блока, Маяковского, Пастернака, Цветаевой... В других гимназиях с филологическим уклоном учебная программа не предполагает изучения литературы в подобном объёме, а также как отдельного

предмета.3 Чем отличалась методика преподавания русского языка и литературы в этой гимназии от остальных и почему считалось «престижным» получить диплом ФГ?:

- в первый класс новой гимназии, **сдав особенный письменный экзамен**[4] по русскому языку, то есть сербскому языку или литературе, поступали ученики, которые раньше изучали русский язык;
- учителя ФГ на регулярных уроках преподавали **одновременно язык и литературу каждый день** в течение четырёх лет;
- на уроках иностранного и родного языка **класс делится пополам** (таким образом учителя работают с 12 учениками (если в класс поступило максимально 24 человека) или меньше[5];
- в третьем классе у учеников появлялся **новый предмет** – *Основы ӣеревода*, на уроках которого они впервые обучались переводческому мастерству (устно и письменно);
- по окончании четвёртого класса, между впрочем, ученики сдавали **выпускные экзамены по русскому языку и литературе**[6].

Специфические преимущества и недостатки методики преподавания нашего предмета представим через рамки историческо-культурологических обстоятельств каждого десятилетия – первого (1990-2000 гг.), второго (2000-2010 гг.) и третьего (2010-2020 гг.).

Победители или побеждённый?

У всех сербов, живущих на рубеже веков, ключевыми воспоминаниями первого десятилетия (1990-2000 гг.) являются война, голод, инфляция. Распад старого государства – Социалистической Федеративной Республики Югославии (1945-1991) породил ряд военных действий на территории бывших сербских республик. Посредством влияния западных факторов, Сербия оказалась раненой и искалеченной. В обстановке военных действий культурный подъём нового образовательного учреждения остался в тени происходящего. Однако в труднейших обстоятельствах учителя способствовали зарождению нового поколения осведомленных русистов. В заметках коллег[7] неоднократно отражено

---

[3] Здесь представлена учебная программа в сокращённом виде. Полный список поурочных планов по русскому языку и литературе доступен в архиве выпусков журнала «Просветни гласник»: http://www.pravno-informacioni-sistem.rs/arhslgl-pgarh.

[4] Жирным шрифтом выделены особенности.

[5] Если в желаемый класс поступило меньше 12 учеников, тогда их соединяют в один класс. Поэтому часто происходило, что «русский класс» на самом деле русско-японский, русско-итальянский...

[6] На выпускном экзамене ученики обычно письменно переводили текст с русского на сербский, а устно отвечали на вопросы по грамматике, литературе или культуре.

[7] Имеются в виду заметки, написанные во время учительских заседаний (серб. *Актив професора руског*), которые обычно проходили несколько раз в месяц.

вышеупомянутое положение страны, которое привело к невозможности обеспечения школы техническим оборудованием, прекращению заграничного обмена школьниками, пропущенным урокам. Интересно, что в военные годы учителя не отступали от предлагаемой учебной программы. На регулярных уроках ученики приобретали знания с помощью ранее опубликованных учебников, грамматик и словарей.[8] В этот период обеспечить заграничные учебники было нереально. Один раз в неделю с учениками занимался носитель языка – обычно университетский преподаватель. Активно велась и внеклассная работа, в рамках которой ученики пели в хоре и создавали собственный журнал (*Луч*).

Какие недостатки обучения замечали наши учителя? Опираясь на них, перечислим главные: «плохое техническое оборудование и успех учеников; в школьной библиотеке не хватает достаточно экземпляров книг на всех; плохая обстановка в стране негативно влияет на работу и успех учеников» (Заметки учителей за 1990-2000 гг.). Несмотря на всё, с учениками постоянно велась активная работа, о которой коллеги пишут: «ежедневно спрашивать учеников, сообщать им отметку и достижения, снижать критерий, индивидуализировать обучение. Надо оценивать все аспекты языка – произношение, письмо, говорение, понимание.» (Заметки учителей за 1990-2000 гг.). В сложной обстановке девяностых ФГ могла гордиться учителями, которые постоянно разговаривали с учениками ради коллективного успеха и старались укрепить внеклассную работу. Они и добились этого: ученики завоёвывали главные места на республиканских и международных олимпиадах, и, благодаря внеклассной работе, на этом уровне образования появилась уникальная редакция журнала, публиковавшегося на русском языке.[9]

В нулевые годы (второе десятилетие – 2000-2010 гг.) синхронно с информационной войной и укоренением западных культурных образцов ФГ стала настоящим «светилом» среди образовательных учреждений: недостатки девяностых исчезают, укрепляется сотрудничество с российскими культурными центрами и продолжаются совместные успехи. В то время как первое десятилетие было отмечено войной, во втором наступают резкие перемены в образовательной сфере, начиная с появления новых предметов до реогранизации кадров на общем уровне. Дополненными документами – учебными программами специализированные школы всё больше утверждали свою позицию. Жизнь ФГ текла систематично. Пропущенные уроки с первого этапа вызвали ассиметричные знания учеников. Учебную программу надо было сократить. Здесь коллеги отмечают: «констатируем, что успех учеников не

---

[8] Это было время их медленного появления. К примеру, литературой занимались по материалам учительниц школы – Милицы Добрич (*Древняя русская литература*) и Веры Николич (*Россия в XVIII и XVIX вв.*).

[9] Точнее, 9 республиканских и 3 международные.

плохой, учитывая обстоятельства, в которых проходило обучение» (Заметки учителей за 2001 г.). В 2008 году первый раз коллеги отмечают, что ученики, поступившие в первый класс, «очень хорошие, трудолюбивые и умные» (Заметки учителей за 2008 г.) В этот период наиболее заметным преимуществом является исправление ошибок прошлого. Сейчас школа интенсивно сотрудничает с важными учреждениями русской культуры в Белграде, организуя различные совместные мероприятия (выступления на Кафедре славистики филологического факультета к Дню славянской письменности, выступления с культурной программой в Русском доме и. т.п.). Видно, что активизируется работа над продвижением русского языка. Тогда появляется новая заграничная литература, видео- и аудиоматериалы. В 2008 году ФГ начала публикацию единого журнала для всех иностранных языков. Таким образом восьмилетний журнал *Луч* перестал существовать. Второе десятилетие заканчивается появлением новых учебников, обогащением школьной библиотеки и завоеванием наград на конкурсе *Лик России* (8) и на Республиканском соревновании по русскому языку (целых 17). Важным фактом всего этого периода безусловно является признание, полученное Министерством в 2007 году: «ФГ является школой особого национального значения». Но и это не способствовало укреплению положения русского языка в последующие годы.

Перечисленные периоды можно определить словами страдание и(ли) процветание (первое десятилетие), шаг к лучшему (второе десятилетие), или вопросом – у нас всё или ничего (третье десятилетие)? Мы победители или мы побеждённые? Личное обучение учителей и насыщенная работа над внеклассным обучением (культурная программа к различным юбилеям, продвижение журнала, реализация школьного проекта с целью привлечь школьников изучать русский, посещение театральных спектаклей и выставок), оснащение кабинета новым оборудованием – всё это характерно для последнего десятилетия. Особым преимуществом можно считать путешествия в Россию: во-первых, в 2015 году в рамках мероприятия, организованного Отделом по образованию г. Москвы, во-вторых, в 2018 в Москву и Волгоград с турагентством, чему способствовала Кафедра славистики белградского Университета. По количеству полученных наград в этом десятилетии ФГ опережает другие школы: 21 на республиканском соревновании, свыше 10 на конкурсе *Лик России* и других международных соревнованиях. В последнем году третьего десятилетия обучение проходило в дистанционном формате. Учителя начали использовать новые подходы, предусмотренные в ходе дистанционной работы. Таким образом, ученики на уроках смотрели фильмы, виртуально посещали российские музеи и галереи, а также интересовались показами спектаклей Большого театра.

Заключение – беспокойство о судьбе русского класса

Русский язык и литература в ФГ изучаются с 1988 года. Из документов мы видим, что проблемы «жизни» русского класса связаны с историческо-культурологическими событиями страны. В период с 1988 по 1992 гг. особенно отмечается вялый интерес к изучению русского: «Одной из проблем работы ФГ является низкий процент желающих изучать русский и немецкий языки. [...] Причины тому разные, но, наверное, общая политическая обстановка влияет на выбор языка. [...] мы примем следующие меры: активная пропаганда в пользу изучения этих языков, активное общение с восьмилетними школами [...].» (Филолошка гимназија 1988: 46). Даже тридцать лет спустя активная пропаганда не привела к желаемым результатам. Возможность изучения более популярных языков во втором десятилетии привела к низкому числу поступающих в полный русский класс (2000, 2001, 2003, 2009 гг.). После разочарования, опять наступившего по прежней причине, учителя пишут «крик эпохи»: «на заседании мы разговаривали о незавидном положении преподавания русского языка в наших школах в целом, об исключении языка из многих восьмилетних школ [...]; много причин, которые не зависят от самих школ и наших коллег [...]. С помощью своих дипломатических представителей многие школы работают над популяризацией своего языка, пропагандой и настаивают на более глубоком изучении данного языка. Мы констатировали полную пассивность российской стороны в этом отношении.» (Заметки учителей за 2001 г.). Решение видели в оформлении нового второго класса, в который могут поступать начинающие изучать русский язык. Тем не менее, в начале третьего столетия наблюдается низкое число поступивших в русский класс, что привело к неоднократному оформлению неполного русского класса. В 2013 году коллеги снова обратились в Министерство с просьбой о формировании дополнительного класса. Стремление не увенчалось успехом. Данные за 2012, 2013, 2016 и 2018 гг. вызывают беспокойство: в русский класс поступило меньше 20 учеников.

За тридцать лет существования школы впервые появилась серьёзная угроза «выживания» нашего класса. Дело дошло до абсурда – у нас есть всё и ничего: школа обеспечена техническим оборудованием на высшем уровне, по мере сил организуются поездки в Россию, школьные учебники являются одними из лучших учебников по РКИ в сербском образовании, а результат поступающих – неудовлетворительный. Такую обстановку, в первую очередь, объясняем тем, что появились новые «популярные» языки в школе, которые ухудшили положение русского. С другой стороны, по словам учителей, причины низкого отзыва – политические. Учитывая успех учеников, усилия преподавателей и заметки коллег, констатируем, что низкое число поступающих в русский класс – единственный недостаток обучения русскому языку и литературе в ФГ на протяжении последнего десятилетия.

Подразумевается, что тридцатилетнюю историю гимназии нельзя свести к нескольким страницам. Но, ознакомившись с историей школы и проблемами обучения, констатируем, что школа в меру сил постоянно работает над исправлением ошибок прошлого. Несмотря на апатию учеников первого десятилетия и пассивность российской стороны в плане поддержки школы, учителя ФГ создали образец активных и мотивированных учеников. Однако количество учеников продолжает сокращаться. Плохую тенденцию невозможно решить мгновенно. Тем не менее, сербская и российская сторона должны быть осторожными, чтобы не срезать корни «филологического древа».

Использованная литература

Филолошка гимназија, 1988. *Извештај о остваривању програма огледа Филолошке гимназије за шк. 1988/89. годину*. Београд: Филолошка гимназија.

Филолошка гимназија, 1992. *Извештај о остваривању огледа у Филолошкој гимназији за период од четири године (1988-1992)*, Београд: Филолошка гимназија.

Елачич-Србуль, В. 2016. *Филологическая гимназия – запись Второй белградской гимназии в Филологической гимназии 1870–2015.* Белград: Филологическая гимназия.

Источники

Филолошка гимназија. *Летописи Филолошке гимназије (1991-2020)*. Београд: Филолошка гимназија.

Филолошка гимназија. *Свеска Актива професора руског језика.* Београд: Филолошка гимназија.

Mila MATIC

RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE IN PHILOLOGICAL HIGH SCHOOLS — OVERVIEW THROW THIRTY YEARS STATE

Summary: The aim of our work is to note the advantages and disadvantages of the methodology of teaching Russian language and literature in philological classes from 1990 to 2020, based on the example of the Philological Gymnasium. On the basis of teachers' notes and data from the annals of the gymnasium, we will analyze how the interest in studying the Russian language and literature in the gymnasium has changed. In conclusion, we note that the historically tense circumstances of the nineties did not affect the success of students. In the zero years and the last decade, there has been a decline in interest in learning this foreign language in high school.

Лада Олеговна ОВЧИННИКОВА
Институт гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта,
Иоанна МАМПЕ
Гданьский университет

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОММЕРЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Аннотация: В докладе рассматривается спектр возможностей, которые дают преподавателю русского языка как иностранного новейшие форматы коммерческих текстов. Рекламные, имиджевые и другие тексты описываются с точки зрения актуальных источников языкового материала, а также перспективных моделей взаимодействия автора и читателя.

Ключевые слова: коммерческие тексты, копирайтинг, контент-маркетинг, русский язык как иностранный

Формирование компетенций эффективной речи, соответствующей требованиям профессиональной коммуникации, как и любой образовательный процесс, опираясь на традиции, должен одновременно находиться в русле инноваций, и в полной мере это относится к развитию навыков речевой деятельности (как устной, так и письменной) на занятиях по русскому языку как иностранному.

Одним из потенциально высокоресурсных направлений таких инноваций является обращение к принципам копирайтинга – явлению, демонстрирующему беспрецедентные темпы развития и трансформации. В целях решения задач, поставленных в настоящей статье, мы будем использовать широкое понимание копирайтинга, то есть «составление текстов интегрированных маркетинговых коммуникаций, направленных на продвижение идеи, товара, человека» (Земская 2014).

Обращение к сфере маркетинга, рыночных процессов в аспекте поиска аутентичного материала и заимствования новых механик адаптации и трансформации учебных текстов может быть эффективной эвристической и педагогической практикой в связи с тем, что тем самым частично может быть преодолено существующее противоречие, когда «современные авторы, пишущие на темы спичрайтинга и копирайтинга, – это либо ученые-филологи, находящиеся преимущественно в академической среде, либо специалисты-практики, работающие в коммуникационной отрасли. Первым часто недостает практического опыта, вторым – теоретического обобщения, имеющегося опыта, поэтому многие учебные пособия и сборники рекомендаций имеют аналогичные характеристики». (там же).

Рассмотрим ряд факторов, обусловливающих эффективность синтетического подхода, соединяющего в себе традиционные техники по-

иска и трансформации учебного материала и практико-ориентированные подходы копирайтинга к взаимодействию с аудиторией.

1) При поиске эффективных речевых стратегий (как чисто информационных, так и манипулятивных) специалисты-практики, как правило, обращаются к максимально объективным, измеримым в строгих числах показателям (Катрычева 2017).

2) На пересечении практик повышения эффективности письменной коммуникации в рамках изучения русского языка как иностранного и практик копирайтинга находится актуальный и ценный «пример широкого понимания текста как инструмента коммуникации, осознание его «производственных» возможностей и «точка входа» филологических компетенций в актуальные рыночные процессы (там же).

3) Современный профессионал неизбежно сталкивается в своей служебной деятельности с необходимостью взаимодействовать тем или иным образом с продвигающими текстами: либо критически воспринимать их, оценивая достоверность, объективность и полноту информации, либо эффективно конструировать с учётом их функций и конкретных задач.

При обращении к сфере коммерческих текстов и техникам коммерческих авторов преподаватель русского языка как иностранного, методист, автор учебных пособий может действовать в двух основных эвристических направлениях: заимствование общей коммуникативной стратегии и заимствование новых форматов текстов, соответствующих, в свою очередь, специфике стратегии.

Стратегия построения коммерческих текстов базируется на анализе целевой аудитории – то есть обобщённого образа адресата. В данном анализе акцент делается на эффективность взаимодействия, эффективную коммуникацию, которая возможна только при «попадании» передаваемого сообщения (текста) в ядро целевой аудитории, что возможно при релевантном представлении адресантом гендерных, возрастных и ценностных характеристиках адресата (Милаева). Представляется очевидным, что преподаватель на занятиях неизбежно постоянно производит и уточняет свой анализ целевой аудитории, то есть аудитории обучающихся, с учетом аналогичных характеристик. При этом представляется перспективным заимствование конкретных приемов формализованного анализа, выработанного специалистами-маркетологами: различными схемами, таблицами, алгоритмами (Агиева 2019; Новожилова 2019).

Также близкой для образовательного процесса оказывается маркетинговая установка на такую эффективность текста, под которой понимается его читательская гигиена (экономия языковых средств, учет читательских привычек, привязка к актуальным темам и проблемам, визуальные якоря), стремление максимально экономить читательское время, читательские усилия, внимание, которые в связи с очевидной перегруженностью информационного потока являются чрезвычайно дефицитным ресурсом. В связи с этим особо актуальным оказывается также

поддержание постоянной обратной связи с потребителем контента, что совершенно справедливым представляется и в рамках образовательного пространства.

При реализации обучающей деятельности в электронной среде преподаватель также может ориентироваться на часть маркетинговых метрик (количество реакций обучающихся, принятых в социальных сетях, количество заходов на сайт, длительность пребывания на сайте, дочитываемость учебных материалов и т.д.). (Катрычева 2019; Новожилова 2019).

При этом при планировании учебного процесса, при формировании учебной базы текстов, их распределении по учебному плану маркетинговые техники могут быть эффективны в области обеспечения баланса текстов различных жанров, коммуникативных задач, тематики. Для сохранения такого баланса служит специальный рабочий документ – контент-план, представляющий собой произвольную таблицу с информацией по наполнению блога, сайта, аккаунта в социальной сети. Во многом такая таблица имеет сходство с тематическим планом изучения дисциплины: она помогает увидеть общую картину за определенный промежуток в аспекте времени (день недели, дата и даже время суток), тем и рубрик, форматов (инфографика, комикс, фотография и текст, схема и текст и т.д.), а также действий, которые необходимо предпринять (создать текст, найти иллюстрации, запросить у кого-либо нужную информацию и т.д.). (см. об этом: Анисимов, Катрычева, Милаева)

Для того чтобы контент-план в маркетинговых целях выполнял свою балансирующую функцию, в нём должны чередоваться тексты, которые условно обозначают как продающие, экспертные, полезные и развлекательные (8).

Продающие тексты непосредственно представляют продукт, услугу, их главная коммуникативная задача – убедить адресата совершить действие (покупка, запись на курсы и т.д.). Экспертные тексты формируют доверие к бренду, поддерживают его репутацию через сообщение ценной авторитетной информации. Функция полезных текстов – сохранение и приумножение лояльности потребителей с помощью актуальной практической информации, востребованных рекомендаций, которые потенциально могут быть распространены со ссылкой на источник-бренд. Популярным форматом для экспертных и полезных текстов является лонгрид – текст большого объема с хорошо продуманной интерактивной навигацией и включением интерактивных мультимедийных элементов. (Анюхина; Булаева). Есть все основания предполагать, что лонгрид является также перспективным форматом и для учебных текстов: забота об удержании читательского внимания, удобство организации, новейшие виды визуализации будут способствовать максимально эффективному усвоению лексико-грамматического материала, повышению мотивации к прочтению, развитию навыков функционального чтения на изучаемом языке.

Наконец, особая разновидность текстов в контент-плане – тексты развлекательные, основная цель которых соответствует названию – они должны поднимать настроение, вызывать приятные ассоциации, привлекать внимание.

Являясь своего рода «физраствором», тексты развлекательного характера выполняют важнейшую функцию: они и привлекают, и удерживают внимание потребителя, за которое ведётся постоянная напряженная конкуренция в перенасыщенной информационной среде. Эти функции они эффективно могут выполнять и в рамках образовательного процесса, при этом сохраняя непосредственные учебные задачи, поскольку необходимая для усвоения лексика и соответствующие грамматические конструкции могут присутствовать в текстах любых форматов и жанров.

К развлекательным текстам контент-маркетологи относят опросы, подборки (10 лучших фильмов о…), карточки (такая организация текста, при которой каждая мысль размещается на отдельном поле), советы эксперта, анонсы, игры, конкурсы, кейсы, сообщения об акциях, инфографика. (Все эти тексты хорошо знакомы и привычны обучающимся, они ассоциируются с досугом, свободным выбором материала для изучения. Целесообразно обращаться к этим форматам регулярно, трансформируя таким образом в том числе и тексты по специальности. Ознакомление с терминосистемой получаемой специальности посредством актуальных и необычных для учебного процесса форматах позволит сохранить мотивацию и работоспособность обучающихся.

Подводя итог, выдвинем следующее предположение: ряд техник и понятий из сферы контент-маркетинга и коммерческого письма (копирайтинга), новых видов журналистики и СМИ могут быть взяты на вооружение преподавателем русского языка как иностранного в качестве моделей трансформации текстов и актуальных жанровых образцов. Кроме того, в связи с развитой системой аккаунтов профессиональных сообществ, наличием качественного информационно-рекламного материала на сайтах крупных компаний коммерческий контент может быть не только моделью, но и непосредственным источником получения текстового материала для использования на занятиях по русскому языку как иностранному.

Использованная литература

Агиева, М. Т., Бабичева, Ю. В., Окулист, Н. М., Угольницкий, Г. А. 2019. „Задачи анализа и прогноза при управлении целевой аудиторией в маркетинге“, *УБС.* №79. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zadachi-analiza-i-prognoza-pri-upravlenii-tselevoy-auditoriey-v-marketinge (дата обращения: 26.10.2021).

Анисимов, В. Н., Зинченко, Е. М., Бойко, Л. А., Кушнир, А. Б., Латанов, А. В., Галкина, Н. В. 2019. „Методы оценки коммерческих текстов: Нейромаркетинговый подход“, *Практический маркетинг.* №3 (265). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-otsenki-kommercheskih-tekstov-neyromarketingovyy-podhod (дата обращения: 09.02.2021).

Анюхина, А. М. 2017. „Феномен мультимедийного лонгрида и digital storytelling в сетевых медиа“, *Знак: проблемное поле медиаобразования*. №2 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-multimediynogo-longrida-i-digital-storytelling-v-setevyh-media (дата обращения: 26.10.2021).

Булаева, М. Н. 2015. „Мультимедийный лонгрид как новый журналистский формат“, *Журналистский ежегодник*. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/multimediynyy-longrid-kak-novyy-zhurnalistskiy-format (дата обращения: 26.10.2021).

Земская, Ю. Н., Кузнецова, Е. А. 2014. „Спичрайтинг и копирайтинг: Филология на службе у интегрированных маркетинговых коммуникаций“, *Филология и человек*. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spichrayting-i-kopirayting-filologiya-na-sluzhbe-u-integrirovannyh-marketingovyh-kommunikatsiy (дата обращения: 09.02.2021).

Катрычева, А. В. 2017. „Контент маркетинг как основной метод digital-маркетинга“, *Проблемы Науки*. №18 (100). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-marketing-kak-osnovnoy-metod-digital-marketinga (дата обращения: 26.10.2021).

Костенко, Е. В. 2014. „Копирайтинг и рерайтинг в сетевых Сми новые виды журналистики?“, *Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kopirayting-i-rerayting-v-setevyh-smi-novye-vidy-zhurnalistiki (дата обращения: 09.02.2021).

Милаева, О. В., Ростовская, Н. Е. 2017. „Контент-маркетинг: к вопросу определения понятия“, *Наука. Общество. Государство*. №1 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-marketing-k-voprosu-opredeleniya-ponyatiya (дата обращения: 26.10.2021).

Новожилова, А. С. 2019. „Целевые аудитории в маркетинге: виды и их особенности / А. С. Новожилова“, *Стратегическое развитие социально-экономических систем в регионе: инновационный подход : материалы V международной научно-практической конференции*, Владимир, 29 апреля 2019 года / под общей редакцией Гойхера О.Л., Баринова М.А., Захарова С.С.. – Владимир: Издательско-полиграфическая компания "Транзит-ИКС". С. 95-97.

Lada Olegovna OVCHINNIKOVA, Joanna MAMPE

DIDACTIC POTENTIAL OF COMMERCIAL TEXTS IN THE CLASSES IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Summary: Wide formats of commercial texts. Advertising, image and other texts are described from the point of view of actual sources of linguistic material, as well as promising models of interaction between the author and the reader.

The report examines the range of opportunities that the newest formats of commercial texts give to the teacher of Russian as a foreign language. Advertising, image and other texts are described from the point of view of actual sources of linguistic material, as well as promising models of interaction between the author and the reader.

Марина ПОВАРНИЦЫНА
Печский университет, Институт славистики
Печ, Венгрия

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ВЕНГЕРСКИХ СТУДЕНТОВ-РУСИСТОВ)

Аннотация: Целью статьи является выявление причин грамматических ошибок, связанных с употреблением форм числа существительных в русской письменной речи студентов с родным венгерским языком, и путей их преодоления. Наибольшие трудности у учащихся с родным венгерским языком вызывает употребление русских собирательных существительных singularia tantum, а также наименований продуктов питания, овощей и фруктов в единственном или множественном числе.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, отрицательный перенос, русский как иностранный, категория числа, категория собирательности

Предметом изучения в настоящей статье являются проявления межъязыковой интерференции при контакте венгерского и русского языков, а точнее, ошибки в письменной русской речи студентов с венгерским родным языком. Речевая ошибка как «отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм» (Азимов 2009: 182) представлена главным образом двумя типами: межъязыковые ошибки, связанные с влиянием родного языка на изучаемый, так называемый перенос; внутриязыковые ошибки («ошибки развития») (Балыхина 2008: 52). Иными словами, возникновение ошибок при овладении иностранным языком объясняется межъязыковой и внутриязыковой интерференцией, кроме того, ошибки могут быть обусловлены причинами дидактического характера.

Под интерференцией, или отрицательным переносом, при изучении иностранного языка мы понимаем, вслед за Э. Г. Азимовым и А. Н. Щукиным, воздействие системы родного языка на изучаемый язык в процессе овладения им (Азимов 2009: 87).

Межъязыковая интерференция возникает в силу существования различий в системах родного и изучаемого языков и имеет место на уровне значения и употребления. На всех этапах изучения языка возникают ошибки в результате межъязыковой интерференции, которой более всего подвержены грамматика и синтаксис.

Категория числа в венгерском языке так же, как и в русском, является не только грамматической, но и лексико-грамматической категорией. В венгерском языке в отличие от русского почти отсутствуют существительные pluralia tantum, более того, часто даже «имеющие показатель множественного числа существительные употребляются как сущ. ед.ч.: *Az Amerikai Egyesült Államok új elnököt választ* дословно ’Соединённые

Штаты Америки *выбирает* нового президента' (Bokor 2007: 282). Показатель обычного множественного числа -k- может присоединяться к большинству существительных, за исключением абстрактных, собственных и вещественных имён. Как и в русском языке, форма множественного числа этих последних имеет семантические отличия от формы единственного. Важно, что в сочетании с количественными маркерами – числительными и другими словами, обозначающими количество, – существительное всегда употребляется в единственном числе. Более широкое употребление форм единственного числа (Майтинская 1955: 108) с одной стороны, и способность практически любого существительного соединяться с формантом множественного числа, с другой, приводит к интерференции и, соответственно, к большому числу ошибок.

Основываясь на многолетнем опыте преподавания русского языка как иностранного в венгерской аудитории, можно сказать, что на начальном этапе обучения русскому языку ошибки отрицательного переноса, связанные с категорией числа, бывают двух видов: употребление форм множественного числа при его отсутствии в русском языке и неправильный выбор числовой формы при формальном совпадении набора форм числа в двух языках.

1. Отсутствие формы множественного числа в русском языке – её наличие в венгерском. Множественное вместо единственного

Семантическое наполнение лексемы единственного числа в венгерском языке становится причиной ошибки употребления в русском языке собирательных существительных типа *посуда*, *мебель, обувь, одежда.* Все эти слова уже на начальном этапе обучения вводятся в нескольких лексических темах: «Покупки в продовольственном магазине», «Покупка одежды», «Квартира», «Внешность человека». Указанные лексемы вводятся, например, в тексте «Городская площадь» из учебника М. П. Аксёновой «Русский язык по-новому» (Аксёнова 2010:80), где показана родовая принадлежность слов с помощью согласованных определений, а их семантика – перечислением предметов, входящих в семантическое поле каждого. Учебник содержит примечание: слова типа *посуда, мебель, обувь, одежда* не имеют множественного числа. Поскольку текст ориентирован на закрепление темы образования множественного числа существительных и прилагательных, одно из упражнений к нему предлагает сделать трансформацию форм множественного числа в единственное. Этой информации оказывается недостаточно для понимания лексико-грамматического статуса собирательных существительных. Межъязыковая интерференция в их отношении проявляется в том, что учащиеся образуют формы множественного числа *мебели, обуви, одежды,* понимая формы единственного числа как наименования считаемых предметов. Объясняется это следующим: в венгерском

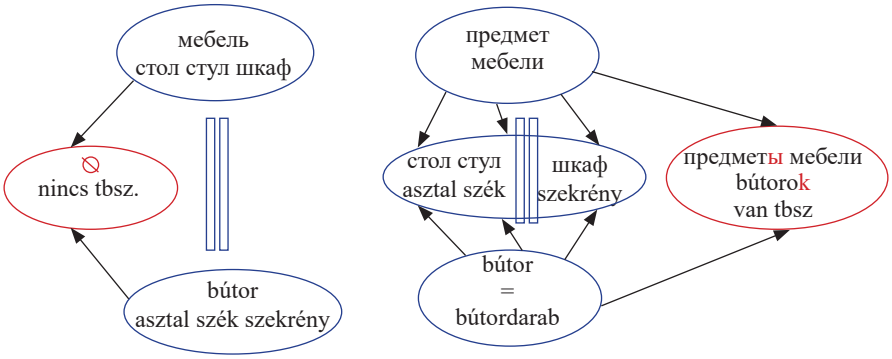
языке русскому *мебель*, например, соответствует два слова – *bútor* и *bútorzat*. По определению Большого словаря венгерского языка (MNNSZ, URL), первое слово имеет значение *единичного предмета мебели* или их *совокупности*, т.е. и значение собирательного существительного. Значение второго слова обозначено как собирательное, скорее соответствующее значению *обстановка, меблировка,* на что указывает и его морфемное оформление, в качестве второго значения с незначительным количеством вхождений указывается значение единичного предмета мебели. Заметим, что в венгерском языке большинство существительных в единственном числе может употребляться как в значении счётного существительного, так и в значении собирательного. Дифференциальный признак способности образования множественного числа от существительного *bútor* при наличии у него конкретного и собирательного значения переносится и на русское существительное. Аналогичное явление происходит и со словами *одежда* и *обувь*, а существительное *посуда* имеет венгерский эквивалент только в множественном числе – *edények* (edény). Типичные ошибки употребления указанных слов следующие: *В кухне* ***современные мебели****; Она носит юбку, кожаный пальто и* ***белые обуви;*** *В этом магазине продают* ***разные одежды.*** *В кухне на полке лежат посуды и сковородка.*

К этой группе слов примыкают и некоторые отвлеченные существительные, не имеющие грамматического множественного числа. Так, слово *спорт* в силу возможности образовать форму мн.ч. в венгерском (sport – sportok) и в русском получает окончание мн.ч. для обозначения видов спорта: *Я знаю зимние* ***спорты****….*; *Он занимается разными* ***спортами****; В Венгрии популярные* ***спорты*** *– футбол и водное поло.*

Для работы над ошибками составляются лексико-грамматические карты слов без обширных толкований, фиксирующие только несовпадение числового употребления. Так, например, для слова *мебель* карта состоит из двух частей: с одной стороны слово *мебель* (ед.ч. собир., включающее в своё поле различные предметы – *стол, стул, шкаф* и др.), и соответствующее ему венгерское *bútor* (ед.ч., собир., включающее *asztal, szék, szekrény*…). Для этих двух эквивалентов фиксируется отсутствие формы множественного числа (на схеме – nincs tbsz.). С другой стороны - *предмет мебели* и его эквивалент *bútor= bútordarab*, для которых фиксируется наличие форм множественного числа (на схеме - van tbsz.) *предмет****ы*** *мебели – bútoro****k****.*

На карте слова хорошо видны соответствия форм и эквивалентов, а также показано, что при отсутствии формы множественного числа у русского собирательного существительного множественность предметов данного класса можно выразить описательно: *мебель – предметы мебели, ср. одежда – предметы одежды.*

Схема 1.



Неотъемлемой частью работы над схемой является словарь, двуязычный, толковый и др., таким образом, работа над конкретными грамматическими ошибками сопровождается и обучением работе со словарями, что в настоящее время (с появлением электронных переводчиков) становится всё более актуальным.

2. Единственное вместо множественного

На начальном этапе изучения языка лексико-грамматическая проблема образования числа возникает при изучении темы «Покупки в продовольственном магазине», в лексическое поле которой входят названия фруктов, овощей, хлебобулочных и мясных изделий, а также вещественные существительные.

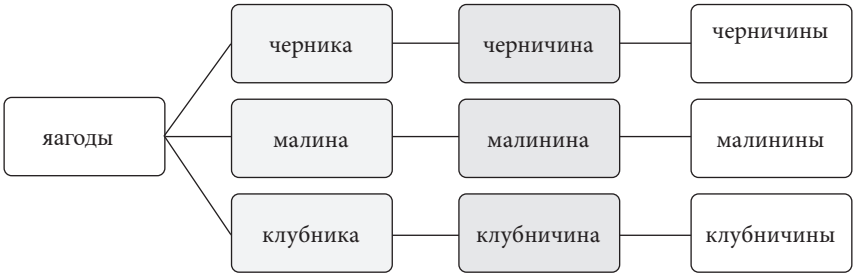
Учебники русского языка редко и вскользь обращают внимание на особенности употребления названий продуктов питания. Так, в учебнике «Слово» В.С. Ермаченковой, ориентированном на англоговорящих учащихся, приводятся две группы слов, различающихся употреблением «чаще» в единственном (молоко, мясо, рыба, колбаса, сыр, сметана, ветчина, грудинка, сахар, шоколад, хлеб, булка, масло, картошка, морковка, клубника, вишня, капуста, перец) или множественном числе (помидоры, огурцы, грибы, фрукты, яблоки, апельсины, персики, абрикосы, сосиски, сардельки) (Ермаченкова 2015: 47, 51). Однако автор ограничивается только перечислением лексем без последующего закрепления материала в упражнениях или текстах.

В случае со фруктами и овощами ошибка у венгерских студентов возникает под влиянием родного языка, так как в венгерском имена фруктов, ягод, овощей, грибов, цветов, злаков употребляются только в единственном числе: *gombát szedni* собирать грибы, *sárgarépát, babot gyomlálni* полоть морковь, фасоль (Майтинская 1955: 108), к этому И. Пете добавляет, что такое единственное число имеет значение собирательности (Пете 1991: 223). На различие двух языков в этом отношении указывает и Д. Ференци: «Если предметы, поддающиеся измерению, считаются на «штуки» (например, апельсин, абрикос, лимон, помидор, яблоко) <...> то они употребляются в множественном числе, если существительное ве-

щественное, собирательное или абстрактное, то в единственном числе. Особым образом некоторые овощи – хоть они и поддаются счёту – всё равно употребляются в единственном числе» (Ferenczy 1996: 151). Как видим, принцип считаемости помогает не всегда.

В связи со считаемыми, но употребляющимися только в единственном числе названиями ягод следует показать учащимся, что от таких существительных возможно образование сингулятивов с суффиксом -ин(а), как это видно на Схеме 2. Важно также, по мнению Е.А.Кузьминовой (Кузьминова 2009: 594-595), сопоставить сингулятивы со словами singularia tantum: сингулятивы имеют обе формы числа в отличие от существительных, от которых они образованы (ср.: горох – горошина, горошины), и сочетаются с количественными числительными: *три черничины, несколько малинин.* При этом обязательно обратить внимание на стилистическую окраску сингулятивов, именно в силу своего разговорного статуса они не внесены в лексические минимумы начальных уровней владения языком.

Схема 2



Довольно трудно системно представить описываемую лексику по отношению к категории числа, так как некоторые слова проявляют колебания в выборе формы числа, последняя зависит также от семантики главного слова (*купить арбуз – любить арбузы*). Попытки всё же делаются, ср. у Пете: «названия фруктов употребляются в множественном числе, названия ягод – в единственном» (Пете 1991: 223), однако такие классификации обычно содержат большое количество исключений.

Учитывая различия двух языков, ошибки этого типа удаётся избежать на начальном этапе работы над темой, но только в некоторой степени. Ошибки появляются не только в глагольных сочетаниях, но и в сочетании с количественными маркерами: *В овощном отделе я купила килограмм* ***яблока*** *и триста граммов* ***огурца****; В фруктовом отделе продают яблоки, апельсины, бананы и* ***ананас****; в овощном отделе продают лук, петрушку, грибы, картофель и* ***помидор****, В молочном отделе продают мясо, колбасу, ветчину, курицу,* ***сардельку*** (заметим, что в форме множественного числа покупаются также некоторые мясные продукты – сардельки, сосиски, рыбные – шпроты, креветки, кондитерские – конфеты).

В этом случае помогает сравнение таких, например, предложений: *Он купил **яблоки**. Он купил **яблоко*** и их переводов на родной язык учащихся: *Almát* (ед.ч. яблоко, собирательное) *vett. Vett egy (darab) almát* (одно яблоко). Сравнение показывает, какая трансформация значения происходит при употреблении существительных, покупаемых в множественном числе, в форме единственного.

Здесь мы наблюдаем ту же ситуацию, о которой шла речь в разделе о собирательных существительных. Как показывают речевые примеры, основное правило употребления числовых форм усваивается, но оно порождает ошибку противоположную: в множественном числе употребляются названия считаемых предметов, не имеющие множественного числа: *Она решила купить несколько …**картофелов**, килограмм **луков**; вещественных – килограмм **сыров**, купить немного **колбас**; в молочном отделе продают свежие **молока**, в отделе полуфабрикатов можно купить варёные **мяса**; пять килограммов **хлебов**, на рынке можно купить **клубники**, персики и бананы.* Сюда же относятся конкретные существительные, единственное число которых может обозначать класс слов, то есть иметь значение, близкое к вещественным существительным, ср. *муж хотел бы купить килограмм свежих **рыб**.* Из приведённых примеров видно, что ошибочные формы употребляются в одном ряду с правильными, то есть говорящий контролирует речевое употребление, но в некоторых случаях происходит сбой, и это чаще всего касается неисчисляемых существительных, форма множественного числа которых в родном языке студентов, впрочем, как и в русском, имеет качественно-дифференцирующее значение (Шелякин 2001: 35), выражающее множество отдельных предметов, различающихся качественными признаками, ср. húsok – сорта мяса, sajtok – сорта сыра. Поэтому в данном случае важно обратить внимание на сходство семантики форм множественного числа в двух языках и развести две ситуации – количественная нераздельность предмета (ед.ч.) и сорторазличительное множественное.

Таким образом, при обучении РКИ венгерских учащихся нужно иметь в виду, что межъязыковая интерференция в отношении категории числа действует в двух направлениях: употребление множественного числа вместо единственного и употребление единственного вместо множественного. На начальном этапе в круг проблемной лексики попадают имена определенных семантических и лексико-грамматических разрядов, для которых основной причиной интерференции является более широкое употребление единственного числа в венгерском языке по сравнению с русским, точнее, особые условия выражения значения собирательности. Поэтому при работе с описанными группами лексики необходимо особое внимание уделять именно понятию собирательности и способам его выражения в двух языках.

Использованная литература

Азимов, Э. Г., Щукин, А. Н. 2009. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. М.: Издательство Икар.

Аксёнова, М. П. 2010. *Русский язык по-новому.* Часть I. М.: «Форум».

Ермаченкова, В.С. 2015. *Слово: пособие по лексике и разговорной практике* (электронное издание). 3-е изд. Спб. : Златоуст.

Кузьминова, Е. А. 2009. „Особые случаи функционирования форм единственного и множественного числа существительных“ // *Книга о грамматике. Русский язык как иностранный /* Под ред. А.В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 592-635.

Пете, И. 1991. *Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским.* Будапешт: Танкёньвкиадо.

Шелякин, М. А. 2001. *Функциональная грамматика русского языка.* М.: Русский язык.

A magyar nyelv nagyszótára. MTA Nyelvtudományi Intézet, 2006-2019 - Nyelvtudományi Kutatóközpont, 2021. URL: https://nagyszotar.nytud.hu/ (в тексте – MNNSZ) (15.07.2021).

Bokor, József. 2007. „Szófajtan”. // *A magyar nyelv könyve.* A. Jászó Anna (szerk.). 8. Kiadás. Budapest: Trezor, 197–253.

Ferenczy, Gyúla. 1996. *Orosz nyelvtan és nyelvhasználat.* Budapest: Nemzeti tankönyvkiadó, 332 c.

Marina POVARNYICINA

GRAMMATICAL NUMBER AND INTERLANGUAGE INTERFERENCE (BASED ON THE RUSSIAN WRITTEN LANGUAGE OF STUDENTS SPEAKING HUNGARIAN AS THEIR NATIVE LANGUAGE)

Summary: The aim of this paper is to analyze the causes of errors in grammatical number of Russian nouns made by Hungarian speaking students in their writings and to develop a training course to avoid these errors. The set of the points of divergence includes extended semantics of Hungarian singular nouns that are able to refer to a collective meaning and a 'natural' count meaning of a noun. The methods of observation, generalization, and comparative linguistic analysis of the grammatical structures of Russian and Hungarian were applied to the texts generated by Hungarian speaking students.

Татьяна Николаевна РЕЗНИКОВА
ФГБОУ «Калининградский государственный
технический университет» г. Калининград, Россия
Иоанна МАМПЕ
Гданьский университет, Польша

ИМИТАЦИОННАЯ ФИРМА КАК ИНТЕРАКТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Аннотация: В статье рассматривается интерактивное обучение как средство создания языкового окружения для стимуляции коммуникативной и познавательной деятельности в преподавании русского языка как иностранного. Одна из целей статьи – дать характеристику имитационной (учебной) фирме как активному методу профессионально-ориентированного обучения иностранных студентов в техническом вузе. Анализируются цели, особенности и возможности имитационной фирмы как педагогического средства, применение которого в учебном процессе способствует эффективному формированию и развитию профессиональных компетенций у студентов.

Ключевые слова: интерактивные технологии обучения; имитационная фирма; русский язык как иностранный; активные методы обучения; профессионально-ориентированное обучение.

В настоящее время наблюдается увеличение количества иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. В различных научных источниках понятие интернационализации образования трактуется как процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное определение. Президент Российской Федерации Владимир Путин поручил правительству рассмотреть возможность увеличения ежегодной квоты на обучение иностранных студентов, чтобы количество иностранцев, обучающихся в российских вузах, увеличилось не менее чем в два раза.

По сообщениям ТАСС, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации поддержало инициативу увеличения квот для обучения в российских вузах иностранных граждан. Как сообщается в пресс-службе, Минобрнауки России поддерживает инициативу планомерного увеличения квот для обучения иностранных граждан до 30 тыс. к 2024 году (в 2019 году - 15 тыс.). Министерством отмечается необходимость осуществления увеличения квот в соответствии с потребностями зарубежных государств при подготовке кадров в разных областях деятельности.

Минобрнауки также поддерживает инициативу введения единых требований к уровню владения русским языком и создания международного экзамена для иностранных граждан, поступающих в российские вузы. Создание единых и понятных условий подготовки и серти-

фикационного тестирования иностранных граждан является важным шагом к улучшению государственной политики по привлечению иностранных студентов в российские вузы.

Полученный сертификат позволит иностранным студентам поступать на программы бакалавриата и специалитета. Для освоения программ магистратуры необходим уровень B2, для аспирантуры - C1, что соответствует мировой практике. В настоящее время Министерство просвещения России занимается разработкой многоуровневого экзамена по русскому языку для иностранцев, ориентируясь на экзамен IELTS. Согласно планам федерального проекта "Экспорт образования", реализуемого в рамках нацпроекта "Образование", к 2024 году количество обучающихся в российских вузах иностранцев должно вырасти не менее чем вдвое к уровню 2017 года, причем не менее 5% иностранных выпускников будут трудоустроены в российские компании, в том числе для работы за рубежом (Минобрнауки, см.4).

В связи с увеличением потока иностранных студентов в российские вузы актуализируется проблема адаптации иностранных граждан к новой языковой культуре, незнакомой системе высшей школы, новой социокультурной среде.

Аспектами проблемы адаптации иностранных студентов в новом языковом, социокультурном и учебном пространстве можно назвать следующие:

− психофизический (в основе этого аспекта – эмоциональное напряжение, связанное с переменой места жительства, физическая адаптация к новым климатическим условиям и социально-бытовым условиям);

− учебно-познавательный (так называемый «языковой барьер», языковые трудности, преодоление различий в системе образования, сложных требований вуза, новой организации учебного процесса).

− социокультурный (жизнь в условиях новых традиций, новой социокультурной среды, преодоление коммуникативного барьера в процессе общения с участниками учебного процесса).

Согласно результатам социологических опросов, проведенных Центром социологических исследований Министерством науки и высшего образования Российской Федерации среди иностранных студентов, стажеров, аспирантов, обучавшихся в 112 российских вузах, основной трудностью для иностранцев, приехавших учиться в российский вуз, является незнание русского языка (60 % респондентов). Подчеркивается, что недостаточное владение русским языком создает трудности не только бытового характера, но и невозможность полноценно освоить выбранную специальность. Такая ситуация выявлена как у студентов подготовительного отделения, то есть первого года обучения, так и у иностранцев-выпускников вуза (Капезина 2014).

В связи с выявлением проблемы недостаточного для обучения в вузе уровня владения русским языком необходимо обозначить ряд мер

по улучшению сложившейся ситуации. Используемые методы и технологии в процессе обучения языку должны создавать комфортную для обучаемого атмосферу. На занятии по русскому языку иностранный студент должен чувствовать себя комфортно и свободно, испытывать желание общаться, т.е. практически пользоваться русским языком, со всеми участниками учебного процесса – преподавателем и однокурсниками, ощущать способность и потребность к коммуникации на изучаемом языке. Традиционные методы обучения зачастую создают границу между преподавателем и обучающимся, не позволяют студенту почувствовать себя участником процесса общения. Введение фонетических, грамматических, лексических блоков, выполнение типовых упражнений, нацеленных на закрепление полученных теоретических знаний, а не на коммуникацию, не дают иностранцу ощутить русский язык как инструмент живого общения.

Тематика учебных текстов и диалогов нередко не соответствует реальной ситуации общения. Эта тенденция наблюдается как в учебных материалах для начального этапа обучения, так и для продвинутого уровня. Усердно и тщательно выполняя грамматические упражнения, заучивая наизусть диалоги, разбирая с помощью электронных переводчиков не отдельные слова и синтаксические конструкции, а тексты целиком, иностранный студент вряд ли сможет продвинуться в освоении русского языка как средства коммуникации. Безусловно, такая работа важна для создания базовых знаний. Но для формирования и развития коммуникативной компетенции необходимо использовать другие методы обучения.

На продвинутом этапе обучения языку в вузе вводится язык специальности. Как известно, это сложные слова, общенаучные и специальные термины, сложнейшие и громоздкие синтаксические конструкции. Обучение научному стилю речи необходимо студенту, чтобы слушать и понимать лекции преподавателей-предметников, писать курсовые работы, а в итоге – выпускную квалификационную работу – диплом. Однако, чем сложнее изучаемые слова и конструкции, тем шире пропасть между языком, освоенным студентом как инструментом, в данном случае, профессионального общения, и языком как сложной и непонятной субстанцией, существующей отдельно от студента, реального общения, будущей профессией и целью его образования в целом.

Традиционные методы обучения языку необходимы для создания грамматической, лексической (теоретической) базы, но, наряду с таким подходом, необходимо вводить в процесс обучения активные и интерактивные технологии обучения иностранному языку, позволяющие студенту выйти на коммуникативный уровень владения языком, свободно и самостоятельно использовать изучаемый язык как в бытовых ситуациях, так и в ситуациях профессионального общения.

Еще в прошлом веке начали появляться и зарекомендовали себя как эффективные новые интересные методы и технологии обучения

иностранному языку. В 1960-70-е годы был разработан так называемый гуманистический подход в обучении, в основе которого лежит ориентация на личность обучаемого, его интересы, потребности и возможности. Гуманистическая педагогика предполагает организацию и реализацию учебно-воспитательного процесса, во главе угла которого стоит личность обучаемого. Вместо существовавшей многие годы авторитарной педагогики, в настоящее время осуществляется переход к педагогике гуманистической направленности. При таком подходе ученик становится равноправным участником процесса обучения. Согласно такому подходу на занятиях по иностранному языку речь обучающегося должна занимать большую часть времени, чем речь преподавателя, в то время как при традиционном подходе ученик повторяет и воспроизводит за преподавателем, не инициируя собственное высказывание.

Гуманистическое направление способствовало появлению коммуникативного подхода, который в настоящее время широко применяется в различных условиях обучения. Коммуникативный подход в обучении означает также, что в центре обучения находится обучающийся как субъект учебной деятельности, а система обучения предполагает максимальный учет индивидуально-психологических, возрастных и национальных особенностей личности обучаемого, а также его интересов (Янкина 2013).

Объектом обучения при данном подходе является речевая деятельность в таких ее видах, как слушание, говорение, чтение, письмо, перевод. Коммуникативный подход ориентирует занятия по языку на обучение общению, использование языка с целью обмена мыслями. Для этого основное внимание на занятии уделяется созданию и поддержанию у обучающихся потребности в общении и усвоению в процессе общения профессионально значимой и представляющей общекультурную ценность информации.

Названный подход реализует основные требования к современному учебному процессу: коммуникативое поведение преподавателя на уроке; использование заданий, воссоздающих ситуации общения реальной жизни и предполагающих выполнение учебных действий в рамках таких ситуаций; параллельное усвоение грамматической формы и ее функции в речи; учет индивидуальных особенностей учащихся.

Методическим содержанием коммуникативного подхода являются способы организации учебной деятельности, связанные в первую очередь с широким использованием коллективных форм работы, с решением проблемных задач, с сотрудничеством между преподавателем и учащимися.

Конечной целью обучения в рамках этого подхода является формирование и развитие коммуникативной компетенции, т.е. готовности и способности, обучающихся к речевому общению (Арыпбекова 2016).

Коммуникативную компетенцию определяют как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления успешной вербальной коммуникации. Формирование и развитие коммуникативной компетенции как способности обучающегося самостоятельно и осознанно пользоваться изучаемым языком в различных ситуациях, необходимо создавать соответствующие условия учебного процесса, а именно – применять активные и интерактивные методы обучения. Такие методы, позволяющие стимулировать познавательную деятельность обучающихся, базируются на диалоге, свободном высказывании. Диалоговый характер построения занятий по русскому языку как иностранному дает студенту возможность стать равноправным участником учебного процесса (Арыпбекова 2016).

Суть активных методов обучения – это взаимодействие, которое выражается в умении контактировать со всеми участниками учебного процесса, работать с различного рода информацией, принимать мнения других, высказывать и аргументировать собственное мнение, а также учиться работать в команде.

Зарукина Е.В. в пособии «Активные методы обучения: рекомендации по разработке и применению» определяет активные методы обучения (АМО) как методы, характеризующиеся высокой степенью включенности обучающихся в учебный процесс, активизирующие их познавательную и творческую деятельность при решении поставленных задач. По мнению автора пособия, отличительными особенностями активных методов обучения являются: целенаправленная активизация мышления, самостоятельная творческая выработка решений, повышенная степень мотивации и эмоциональности обучаемых; интерактивный характер (постоянное взаимодействие субъектов учебной деятельности). Согласно классификации, представленной в названном пособии, активные методы обучения делятся на две основные группы: имитационные и неимитационные. К неимитационным методам относятся: проблемные лекции, семинары, тематические дискуссии, мозговой штурм, презентации, олимпиады, научно-практические конференции. Имитационные методы обучения делятся на игровые и неигровые. К неигровым методам относятся: метод разыгрывания ролей, деловая игра и другие (Зарукина 2010).

Активные методы обучения основываются на схеме взаимодействия «преподаватель – обучающийся». Такие методы предполагают равноправное участие всех участников учебного процесса. В педагогике также успешно применяются интерактивные методы обучения, которые базируются на взаимодействии не только преподавателя и обучающегося, но и на взаимодействии обучающихся друг с другом. При таком методе обучения преподаватель играет роль наблюдателя и помощника, задачей которого является создание условий для инициативы студентов, стимуляции самостоятельно принимаемых решений при выбо-

ре подходов к выполнению той или иной поставленной задачи. Цели использования интерактивных методов при обучении иностранному языку: обучение самостоятельному поиску, отбору и анализу информации, принятие мнения всех участников, высказывание собственной точки зрения, обучение работе в команде, обучение умению использовать изучаемый язык как инструмент общения в реальной профессиональной ситуации (Юдинцева 2016).

В процессе обучения преподаватель может выбрать как один активный метод, так и использовать несколько различных методов. Вот некоторые методы, успешно применяемые на занятиях по РКИ.

Презентации – один из самых доступных методов. Обучающиеся сами готовят материал по заданной теме и представляют его на занятиях. В процессе обучения языку этот метод можно внедрять уже на начальном этапе обучения. Здесь важно обратить внимание студентов на речь при представлении материала, а не только на отбор и изготовление слайдов.

Кейс-технологии – этот метод базируется на анализе смоделированных или реальных ситуаций и поиске решения. Различают американский и европейский подходы к созданию кейсов. Первый предполагает одно правильное решение, а второй – множество решений, но с условием их обоснования.

Проблемная лекция в отличие от традиционной проходит в активной форме. Преподаватель ставит вопросы и обозначает проблему, а обучающиеся ищут пути и формулируют правила.

Баскет-метод – строится на имитации ситуации. Например, студент выступает в роли гида и проводит экскурсию.

Мозговой штурм – вопросы и ответы, предложения и идеи по заданной теме, которые анализируются после проведения штурма.

Интерактивный урок с применением аудио- и видеоматериалов. Это могут быть он-лайн тесты, работа с обучающими программами, учебными сайтами и электронными учебниками.

Круглый стол (дискуссия, дебаты) – активно применяется при обучении РКИ на старших курсах.

Метод проектов – самостоятельная разработка студентами проекта по определенной теме и его защита.

Рассмотрим подробно один из эффективных игровых методов обучения – имитационную (учебную) форму.

Основываясь на научных трудах, представим анализ определения, целей, задач, принципов деятельности имитационной фирмы как интерактивной технологии.

Имитационная фирма как педагогическая технология применяется за рубежом с конца прошлого века. Основной целью этого названного метода является практическое обучение студента в реальной профессиональной ситуации. Существуют также целые сети имитационных

(учебных) фирм различной направленности, взаимодействующих друг с другом.

Включаясь в такую модель обучения, обучающийся может почувствовать себя на своем будущем рабочем месте, реально ощутить ответственность за выработку и принятие самостоятельных решений, а также взаимодействовать с другими «работниками» предприятия.

В процессе подготовки в российском вузе иностранных студентов, которые обучаются, получают профессиональные знания на неродном языке, это особенно важно, так как перед студентом-иностранцем стоит задача освоить и язык, на котором проходит преподавание, и выбранную специальность.

Задача внедрения в учебный процесс имитационной (учебной) фирмы как метода обучения – соединить теоретические знания, полученные в вузе, с практическим их применением.

Безусловно, использование этого метода обучения для иностранных студентов возможно только на старших курсах и особенно полезно для студентов-выпускников. Уровень владения языком должен быть достаточно высоким, чтобы студент мог свободно ориентироваться в грамматическом и лексическом материале, необходимом для профессиональной коммуникации.

Основными целями имитационной фирмы являются: обучение практической профессиональной деятельности, повышение мотивации у студентов, формирование мыслительной и эмоциональной активности, чувства ответственности при принятии самостоятельных решений, обучение применению языка специальности на практике в рамках реальных профессиональных ситуаций, выявление недостающих знаний в профессиональном и языковом аспектах, обучение самостоятельному использованию языка в новых условиях жизни (Янкина 2013).

Отличительной чертой имитационной фирмы как интерактивной технологии является формирование у обучающихся целостного представления об устройстве той или иной сферы деятельности, что является одним из способов повышения уровня профессиональной подготовки выпускника вуза.

Студенты получают возможность изучить будущую профессиональную деятельность на примере конкретного предприятия на различных этапах его становления и развития, познакомиться с характером межличностного взаимодействия, адаптироваться к современным жизненным и социально-экономическим условиям.

Для студентов-иностранцев такой опыт особенно важен, поскольку при таком методе создаются условия для применения изучаемого языка в конкретной профессиональной процедуре.

В зависимости от специальности имитационные (учебные) фирмы могут быть различной направленности и иметь различные цели и задачи. Одно из обязательных условий – максимальное приближение к

реальным условиям работы. Для этого целесообразно преподавателю русского языка как иностранного проконсультироваться с преподавателями-предметниками, а также с руководителями и работниками различного уровня реальных действующих фирм и предприятий.

В Калининградском государственном техническом университете студенты обучаются по следующим специальностям: строительство, информатика и вычислительная техника, теплоэнергетика и теплотехника, электроэнергетика и электротехника, машиностроение, технологические машины и оборудование, автоматизация технических процессов и производств, кораблестроение, океанотехника, менеджмент, управление персоналом, торговое дело. В рамках перечисленных направлений открывается широкий спектр моделирования имитационных (учебных) фирм и предприятий. Такими предприятиями могут быть, например, конструкторское бюро, отдел кадров, управление, строительная фирма, торговое предприятие, бухгалтерия, делопроизводство и другие. На начальном этапе преподаватель должен помочь студентам при создании такой модели. Но основными участниками даже на этапе создания фирмы, безусловно, являются сами студенты, у которых появляется возможность выполнить работу в различных отделах предприятия. Такую работу обычно не доверяют студентам на базах практики. Участие студентов в деятельности имитационной фирмы способствует формированию представления о работе предприятия в целом, взаимосвязи различных его отделов и внешних структур (филиалы, банки, поставщики, контролирующие организации, налоговые органы и т.д.), навыков коммерческой деятельности, а также позволяет изучить документооборот предприятия.

Обучение с применением подобной технологии проводится не на одном занятии. Целесообразно выделить целый блок уроков для внедрения технологии имитационной фирмы в учебный процесс. Занятия можно проводить по модулям, каждый из которых имеет свои цели и задачи (профессиональные и языковые).

В процессе работы в имитационной (учебной) фирме студент погружается в специфическую рабочую среду, таким образом, происходит следование принципу – «делая – познаю», что позволяет повысить уровень владения языком и развить коммуникативную компетенцию. Такая форма занятий позволяет студенту работать в комфортной, свободной атмосфере, свободно передвигаться по аудитории, общаться с другими «работниками», высказывать и аргументировать свою точку зрения, учиться принимать и уважать мнения других. Перед преподавателем при такой форме обучения стоит важная и непростая задача – всегда быть готовым прийти на помощь своим студентам. Для этого преподавателю необходимо тщательно изучить структуру подобного предприятия, подготовить и проработать на предшествующих внедрению проекта занятиях лексику, изучить документообо-

рот подобных фирм или предприятий, правила составления документов различных жанров. При таком подходе студенты чувствуют себя ответственными за результат, полученный в целом, каждый студент активно включается в работу, получая возможность участия в настоящем, «живом» деле. Чтобы помочь на начальном этапе внедрения имитационной фирмы в процесс обучения, преподаватель должен сориентировать студентов на различные функции предприятия и поставить соответствующие блоки задач. Например, на создание плана долгосрочного развития, поиск новых направлений деятельности, создание филиалов, привлечение инвесторов, подбор персонала, обоснование создания лаборатории, организация рекламной кампании, связи с общественностью, юридическая защита предприятия и т.д. Таким образом, создаются условия для расширения словарного запаса в профессиональной сфере.

Необходимо также оценивать работу студентов в учебной фирме. Оценивание производится различными способами: можно провести анкетирование по различным критериям. Например, отношение к работе, дисциплинированность, умение работать в команде и т.д. Можно оценить и по другим критериям: профессиональные умения и навыки, трудовая дисциплина, творческий подход к решению поставленных задач и другим. Интересно предложить студентам самим оценить свою работу. Это поможет выявить недостающие знания и пробелы в освоении как языка, так и будущей профессии.

Внедрение в учебный процесс имитационной фирмы как активного метода обучения способствует развитию у иностранных обучающихся коммуникативной компетенции, повышает мотивацию к изучению русского языка как инструменту формирования и развития профессиональных компетенций, дает возможность применить изученный грамматический и лексический материал в смоделированных ситуациях реальной профессиональной процедуры. Таким образом, применение имитационной фирмы как интерактивной технологии является необходимым условием успешного обучения специалиста, которому предстоит работать в условиях высоких требований современного рынка труда.

Использованная литература

Арыпбекова, Д. Д. 2016. „Формирование ключевых компетенций студентов на занятиях по русскому языку“, *Молодой ученый*. №20.1. С. 3-6.

Зарукина, Е. В. 2010. *Активные методы обучения: рекомендации по разработке и применению:* учеб.-метод. пособие / Е. В. Зарукина, Н. А. Логинова, М. М. Новик. СПб.: СПбГИЭУ. 59 с.

Капезина, Т. Т. 2014. „Проблемы обучения иностранных студентов в российском вузе“, *Наука. Общество. Государство*. №1.

Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. https://minobrnauki.gov.ru

Сиротюк, А. Л. Сергеева, М. Г. 2011. *Инновационный подход к обучению в профессиональной школе.* Курск: изд-во РФЭИ. 231 с.

Юдинцева, М. С. 2016. „К вопросу об использовании активных методов обучения в курсе РКИ [Текст]“, *Педагогическое мастерство: материалы IX Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2016 г.).* М.: Буки-Веди. С. 100-103.

Янкина, Н. В. 2013. „Традиционные подходы и инновационные технологии в обучении студентов неязыковых специальностей иностранным языкам“, *Вестник ОГУ*. № 2 (151).

Tatyana Nikolaevna REZNIKOVA,
Joanna MAMPE

FIRM IMITATION AS AN INTERACTIVE TECHNOLOGY IN TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN FOR STUDENTS IN A TECHNICAL UNIVERSITY

Summary: The article examines interactive learning as a means of creating a linguistic environment to stimulate communicative and cognitive activities in teaching Russian as a foreign language. One of the goals of the article is to characterize a firm imitation (simulation) as an active method of professionally oriented training of foreign students enrolled in a technical university. The goals, features and capabilities of the firm imitation as a pedagogical tool are analyzed, the use of which in the educational process contributes to the effective training and development of professional competencies in students.

Николина ТРАЈКОВСКИ
Филолошки факултет „Блаже Конески“ при Универзитетот
„Св. Кирил и Методиј“ во Скопје, Македонија

ЛИНГВИСТИЧКО–КОМУНИКАТИВЕН ПРИСТАП НА ЧАСОВИТЕ ПО РУСКИ ЈАЗИК КАКО СТРАНСКИ

Апстракт: Главна цел на оваа статија е теориски да ја поткрепи потребата од употреба на лингвистичко-комуникативен пристап на часовите по руски како странски, како и користењето на интерактивни игри и нивната примена во пракса. Статијата може да биде од интерес за наставниците по руски јазик како странски, како и за наставниците по странски јазици воопшто, бидејќи насочува кон креативно планирање, разработка, вклучување на дополнителни вежби и спроведување на часовите во интерактивна форма, која вклучува, меѓу другото и лингвистичко-комуникативни игри на часовите.

Клучни зборови: Лингвистичко-комуникативен пристап; интерактивен пристап; игри на часовите по руски како странски.

Поттикнувањето на комуникација на час е една од најтешките задачи за професорите по странски јазик. Со цел изучувачите да почнат да зборуваат на изучуваниот јазик, потребно е да се создадат услови за поттикнување на комуникативната функција на јазикот, со што ќе се приближи процесот на изучување до условите на реална комуникација. За поттикнување на разговорната практика, има неколку важни мотивирачки моменти: да се дознае нова информација, способност за изразување на сопствените мисли, дознавање на мислењето на соговорникот.

Освен мотивацијата, која е присутна како кај професорите така и кај изучувачите, тие се среќаваат со многу пречки: психолошка бариера на изучувачите, недостаток на изразни средства, неактуелна лексика итн.

Ваквите пречки можат да се надминат со помош на лексичко-комуникативни игри, кои ќе бидат претставени и разработени во оваа статија.

Играта го прави учењето многу поефикасно, ја поттикнува мисловната активност на изучувачите, помага да се ослободи јазичната бариера, преместува голем процент лексички единици од категоријата пасивни во активни и го прави процесот на учење атрактивен и интересен.

Најголемиот експерт во оваа област Д. Б. Ељконин ѝ доделува на играта четири важни функции: средство за развој на мотивација, средство за осознавање, средство за развој на ментални способности и средство за развој на слободно однесување (Ељконин 2012). Наведените функции прават од играта моќен поттик за совладување на јазикот. Покрај тоа, играта е исто така универзална, во различни форми може да се примени во која било фаза на изучување на јазикот (како за почетници, така и за оние кои го познаваат материјалот на високо ниво) секоја возрасна група студенти.

Треба да се напомене дека на курсевите и во училиштата за странски јазици игрите се практикуваат почесто, меѓутоа тие не се толку застапени во универзитетските предавални. Ова се должи на ред причини: прво, „долга и макотрпна разработка на играта, бара од наставникот не само темелно проучување на изучуваниот материјал, туку и добро развиени вештини за оформување на играта, способност за прилагодување на игрите, импровизација, како и користење компјутерски технологии. Второ, високи цени на готови друштвени игри и, како резултат на тоа, нивната ниска достапност и неактуелност.

Ќе напоменеме, дека правилата на разработените друштвени игри во оваа статија се прилагодени за странци и се разликуваат од првичната замисла на произведувачот.

Друштвената игра *„Бла бла кубики“* е незаменлива игра за изучувачите на странски јазици. Оваа игра создава психолошка подготвеност на студентите за вербална комуникација и им дава можност да се оценат себеси во однос на другите студенти, создава атмосфера на здрава конкуренција, со што се поттикнува креативноста на изучувачите. Покрај тоа, важна предност на играта е можноста да се користи во која било фаза на учење јазик, почнувајќи од основното ниво (А1). Во играта се вклучени девет коцки со слики, од секоја страна на коцката има цртеж. Според правилата, играчите се покануваат да состават приказна во која ќе бидат вклучени сите слики што ќе им се паднат. Во играта „Бла бла кубики“ од руско производство ги има следните слики: светилка, мачка, куче, патика, книга, стол , гитара, часовник, телефон, долар итн.

Наставникот може да создаде своја верзија на играта – покомплицирана или полесна. На пример, да го намали бројот на слики и наместо приказна, да предложи составување на меѓусебно неповрзани реченици за секоја слика посебно, зависно од нивото на познавање на јазикот.

Наставникот може сам да изработи вакви коцки, со различни слики на кои освен предмети може да има и дејства и придавки, во зависност од тоа која тема треба да се повтори.

Слика број 1: Друштвена игра „Бла-бла кубики“

Лексичко-комуникативната игра *„Алиас“* има флексибилни правила, го активира пасивниот јазичен материјал на изучувачите, создава разновидност во образовниот процес. Задачата на играчите е да извлечат картички со зборови и за определено време да го објаснат зборот без да користат зборови со ист корен. Синоними, антоними, асоцијации, песни, па дури и цели приказни – може да се користи сè само другарите од истиот тим да разберат за кој збор се работи. Колку повеќе зборови тимот може да погоди за една минута, толку повеќе поени добива. Модификација на играта може да се направи во зависност од целите на часот, нивото на подготовка на изучувачите и определеното време за играта. Оваа игра би можела да биде корисна и на вежбите по Зборообразување.

Доколку играта не може да се купи, наставникот може лесно да ја оформи сам, да направи картички со зборови или слики, да донесе песочен часовник или да вклучи стоперка на телефон и играта може да почне, може да се игра во тимови или индивидуално, во зависност од бројот на учесниците.

Слика број 2: Друштвена игра „Алиас“

Креативната друштвена игра *„Карты“* може да биде корисна кога се проучуваат теми поврзани со креативност и уметност, наменета е за напредна фаза на изучување на рускиот јазик и за вежбање на вештината - монолог. Студентите се охрабруваат вербално да прикажат едно од дваесетте дела на современи руски уметници, користејќи го поминатиот вокабулар. Играта може да се претвори во игра по улоги, со доделување улоги на изучувачите: уметници, колекционери, покровители на уметноста, директори на музеи или посетители на изложбата.

Како и претходните игри и оваа игра може да се прилагоди. Може да се испечатат слики од разни руски уметници, првин неколку часа да се проучуваат истите, а потоа да се опишуваат. Другите учесници во играта ќе треба да погодат за кое уметничко дело станува збор.

Оваа игра може да се примени и на часови по литература. На часови кога се повторува изучениот материјал. Учесниците влечат картички со писатели или поети и ја раскажуваат нивната биографија. Задача на другите учесници е да погодат за кој руски великан станува збор.

Оваа игра може да се прилагоди на секое ниво и скоро на секоја тема.

Треба да се напомене дека играта „Карты“, освен вежбањето говорни вештини, ги запознава странските студенти со светот на руската култура и уметност, без коешто е невозможно да се замисли специјалист во полето на меѓукултурна комуникација.

Слика број 3: Друштвена игра „Карты“

Лексичката игра *„Антошки“* е наменета за повторување и усвојување на антоними.

Варијантите на играта зависат од нивото на владеење на јазикот и на лексичката тема на часот.

Некои антоними што се среќаваат во играта се: альтруист – эгоист, бедняк – богач, польза – вред, чистота – грязь, смех – плач, потолок – пол, день – ночь, тишина – шум итн.

На пример, една од поедноставните верзии на играта може да изгледа вака: наставникот последователно ги отвара картите и ги поставува на масата. Картичката содржи збор и илустрација која одговара на зборот. Задачата на студентите е меѓу картичките да најдат пар антоними. Играчот кој прв пронаоѓа двојка антоними (од оние што се на маса), ги зема картичките за себе. Играта завршува кога ќе ги снема картичките од маса. Победува студентот со најмногу картички. Понатаму наставникот може да побара да се состави дијалог со индивидуалните картички, што ја прави оваа играта основа за понатамошна вербална комуникација.

Вакви картички, иако малку потешко можат да се изготват и самостојно.

Слика број 4 : Друштвена игра „Антошки “

Искуството во користење на друштвени игри ни овозможува да заклучиме дека може да се постигне забележителен развој на јазични и говорни вештини на изучувачите во релаксирана и опуштена работна атмосфера. Ефикасноста на лексичко- комуникативниот пристап во изучување на рускиот јазик преку игра е докажана и не би требало да се користи само на последните часови или да се гледа како форма на забава. Овој пристап бара сериозна подготовка, посветеност и концентрација како од професорот, така и од изучувачите. Овие друштвени игри се наменети за работа во училница, иако при желба можат да се прилагодат и на онлајн платформи како што се: *Wordwall, Learnis.ru, Action bound, Interacty.me, Wheel decide* и други.

Користена литература

Эльконин, Д. Б. 2012. *Психология игры /* Д. Б. Эльконин. М.: Книга по требованию.

Акишина, А. А., Каган, О. Е. 2002. *Учимся учить: Для преподавателя русского языка как иностранного.* 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык. Курсы.

Hadfield, J. 2002. *Elementary Communication Games*. Harlow Longman.

Nikolina TRAJKOVSKI

LINGUISTIC-COMMUNICATIVE APPROACH IN CLASSES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Summary: The main purpose of this article is to theoretically support the need for the use of linguistic-communicative approach to Russian as a foreign language, as well as the use of interactive games and their application in practice. The article may be of interest to Russian language teachers as well as to foreign language teachers in general, as it focuses on creative planning, development, inclusion of additional exercises and conducting classes in an interactive form, which includes, inter alia, and linguistic-communicative games of the class.

Светлана ЮРМАНОВА
Центр русского языка Совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне Шэньчжэнь, КНР

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО ТЕМЕ «ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ» (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОБУЧЕНИЯ РКИ)

Аннотация: В статье анализируются контекстно-прагматические факторы, влияющие на семантику глаголов движения, и описываются варианты построения учебной работы по теме «Глаголы движения».

Ключевые слова: изучение глаголов движения, контекстно-прагматические факторы, организация обучения.

Движение, наряду со временем и пространством, является неотъемлемым атрибутом материи. Концепт «движение» репрезентирован во всех языках мира, однако способы этой репрезентации отнюдь не универсальны, и особенности его представления в различных лингвокультурах служат предметом многочисленных исследований.

В отечественной лексикографической практике «движение» получает следующие объяснения:

1.Перемещение кого-чего-н. в определенном направлении;

2.Изменение положения тела или его частей;

3.Езда, ходьба в разных направлениях (Ожегов, Шведова 2013: 153)

Существуют, разумеется, и более объемные описания, включающие до 19 толкований (см., например, https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B4%D0%B2%D0%B8% D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5).

В работах, так или иначе связанных с методикой преподавания русского языка как неродного / иностранного, понятие «движение» в его проекции на лексические единицы связано, в первую очередь, с группой глаголов, обозначающих перемещение / каузацию перемещения субъекта / объекта в пространстве и группирующихся попарно, причем глаголы в каждой паре «… отличаются от массы остальных глаголов тем, что, обозначая один и тот же способ перемещения (…), они, каждый по своему, «стилизуют» данный процесс с точки зрения его протекания в пространстве» (Исаченко 1960: 309-310). Большинство исследователей относят к этой группе 36 единиц: бежать / бегать; брести / бродить; везти / возить; вести / водить; гнать / гонять; гнаться / гоняться; ехать / ездить; идти / ходить; катить / катать; катиться / кататься; лезть / лазить; лететь / летать; нести / носить; нестись / носиться; плыть / плавать; ползти / ползать; тащить / таскать; тащиться / таскаться (Русская грамматика 1980: 591). Традиционно данную группу определяют как «глаголы движения», хотя существуют и другие

варианты: «глаголы перемещения» (с целью подчеркнуть общее для всех перечисленных единиц значение изменение локализации субъекта / объекта в пространстве – в отличие, например, от таких глаголов, как «вертеться», «наклоняться», «шевелить», также обозначающих различные виды двигательной активности), «парные глаголы перемещения» (с целью отграничить единицы типа «гулять», «шагать» и т.д.).

С точки зрения семантики глаголы движения могут быть сгруппированы по различным основаниям – в зависимости от конкретной дидактической задачи, уровня языковой компетенции обучаемых и т.д. Так, признак «способ движения» позволяет дифференцировать движение, осуществляющееся самостоятельно (бежать / бегать; брести / бродить; вести / водить; идти / ходить; ползти / ползать и т.д.) и при помощи тех или иных вспомогательных средств (везти / возить; ехать / ездить); кроме того, обнаруживаются единицы, не демонстрирующие наличия или отсутствия вспомогательных средств при передвижении (гнаться / гоняться за кем-либо пешком или на машине, велосипеде…) либо, в зависимости от контекста, проявляющие как первое, так и второе значение (птица летит / летает – туристы летят на самолёте). По признаку «сфера движения» можно выделить движение, осуществляемое по суше (бежать / бегать; брести / бродить; катить / катать; катиться / кататься; лезть / лазить и т.д.); по воде (плыть / плавать); по воздуху (лететь / летать); а также движение без определенного указания на сферу его осуществления (везти / возить; вести / водить; гнать / гонять; гнаться / гоняться). Исходя из признака «темп движения», единицы легко распределить по группам «движение, осуществляемое в обычном темпе» (идти / ходить); «в замедленном темпе» (брести / бродить); «в ускоренном темпе» (бежать / бегать; гнаться / гоняться; нестись / носиться); «без указания на темп» (везти / возить; вести / водить).

Подобные классификационные основания могут быть применены при разработке лексических упражнений, являются достаточно эффективными и обладают неплохим мотивационным потенциалом. Однако при описании ситуации движения с помощью указанных глаголов релевантными становятся их иные, специфические признаки, часто не находящие опоры в родном языке учащегося либо языке-посреднике. Так, подсчитано, что глагол «ходить» на английский язык может быть переведен более чем пятью вариантами в зависимости от контекста: (двигаться пешком) to walk; (в каком-либо направлении) to go; (в, на; направляться куда-либо с какой-либо целью; посещать) to attend; to visit; (за; следовать) to follow (в; с; носить) to wear; (о поездах, автобусах и т. п.) to run (Олейникова 2013: 222). В связи с этим от преподавателя-русиста требуется максимальное внимание как в отборе учебного материала, так и в организации обучения по теме «Глаголы движения» в целом.

Лингвистические исследования, посвященные описанию категории движения в русском языке, представлены достаточно широко и име-

ют богатую историю. Глагольные пары «бегаю-бегу», «летаю-лечу», «плаваю-плыву» отмечены в «Русской грамматике» М.В. Ломоносова. Видимо, впервые классифицировал эти глаголы (бесприставочные и приставочные совокупно) А.Х. Востоков, выделив неокончательные, совершенные и многократные глаголы: «я иду» / «дойти до двери» / «он плавает» (Востоков 2011: 100). Н.И. Греч, описывая группу «сугубных» глаголов (т.е. глаголов со значением перемещения предмета, действующего или подлежащего действию), дифференцировал глаголы определенные (идти), неопределенные (ходить) и многократные (хаживать) (Греч 1827: 172). А.А. Шахматов отметил особенности значения глаголов, образующих пары, и на этом основании определил их как «моторно-кратные» (бежать) и моторно-некратные (бегать) (Шахматов 2014: 630). А.В. Исаченко, проанализировавший семантические особенности глаголов внутри пары, утверждал: «Решающим семантическим критерием, на основании которого осуществляется системное противопоставление глаголов серии *идти* глаголам серии *ходить*, следует признать направленность движения в пространстве» (Исаченко 1960: 311). На основании этого критерия глаголы типа «идти» он обозначил как «однонаправленные», а глаголы типа «ходить» – как разнонаправленные. В.А. Богородицкий отметил «конкретность» и «абстрактность» парных глаголов движения: так, глагол «лететь» конкретен, поскольку действие, описываемое им, происходит «конкретно», как бы на глазах у наблюдателя; напротив, глагол «летать» имеет абстрактное значение: действие не совершается в конкретный момент времени, а теоретически представляется как некое обычное действие какого-либо субъекта (Богородицкий 2005: 238). Свойство направленности или ненаправленности движения рассматривал С.Д. Кацнельсон, имея в виду ограниченность движения определенным пунктом (достижение которого является целью движения) либо неупорядоченность движения, т.е. отсутствие направления (или отсутствие цели в виде достижения конкретного пункта): идти в школу / ходить по лесу.

Таким образом, семантическое противопоставление парных глаголов движения в русском языке основывается на взаимодействии трех оппозиций: по направленности движения (направленное / ненаправленное); по его кратности (однократное / многократное); а также по конкретности (конкретное / отвлеченное действие). Спецификой глаголов движения является бинарная оппозиция по признаку однонаправленности / не(одно)направленности. Глаголы однонаправленного движения обозначают движение только в одну сторону. Ненаправленные же глаголы могут указывать на моторно-кратное движение, на ненаправленное или разнонаправленное движение, на повторяющееся движение, а также на движение по условно замкнутому маршруту. Однако в речи под влиянием контекста и прагматических факторов семантическая структура предложения, содержащего глагол движения, может

перестраиваться таким образом, что некоторые компоненты значения этого глаголы уходят на задний план, а другие, порой неочевидные, помещаются в фокус внимания говорящего. Сказанное является одной из причин сложности изучения рассматриваемой темы и приводит к порождению обучаемыми семантически и прагматически некорректных высказываний. Представляется важным, в таком случае, проанализировать контекстно-прагматические факторы, влияющие на семантику глаголов движения, и систематизировать работу по теме «Глаголы движения» в соответствии с полученными результатами.

«Образовательная программа по русскому языку как иностранному» для начального этапа обучения (Базовый уровень) рекомендует ограничиться восемью парами глаголов: «Глаголы движения. Глаголы, обозначающие различные виды движения: идти-ходить, ехать-ездить, бежать-бегать, плыть-плавать, лететь-летать, нести-носить, везти-возить, вести-водить» (Есина и др. 2001: 53). Кроме того, формирование языковой компетенции обучаемых в рамках Базового уровня предусматривает изучение ими ряда префиксальных образований совершенного и несовершенного вида от перечисленных единиц «…с приставками:

- по- – начало движения (пойти / поехать);
- при- – достижение конечной цели движения (прийти / приехать);
- у- – удаление из определенных мест (уйти / уехать);
- в(о)-, в- – движение внутрь (войти / въехать);
- вы- – движение изнутри (выйти / выехать);
- под- – приближение к определенному объекту (подойти / подъехать);
- от- – удаление на некоторое расстояние (отойти / отъехать);
- пере-, – движение с одного места на другое (перейти / переехать)» (Есина и др. 2001: 53).

Лексемы, обозначающие движение, представлены, таким образом, двумя группами: бесприставочными и образованными от них приставочными глаголами, являющимися важной конструктивной основой при построении связной речи. Студенты, изучающие РКИ, должны овладеть данной группой глаголов, чтобы получить возможность формулировать мысли на русском языке. Исходя из этого, авторы целого ряда пособий для начинающих изучать русский язык как иностранный, представляют учебный материал следующим образом (Игнатова и др., 2006).

ИДТИ

1. Движение происходит в одном направлении (я иду в библиотеку);

2. Движение регулярно повторяется в одном направлении (каждый день я иду в университет пешком);

3. При приказе или совете совершить однократное, однонаправленное движение (идите сюда!)

ХОДИТЬ

1. Движение происходит в разных направлениях (по улице ходит человек);

2. Движение регулярно повторяется в разных направлениях (каждое утро мама ходит на работу);

3. Движение «туда и обратно» с указанием на пребывание в определенном месте (вчера я с подругой ходила в кино);

4. Движение как характерное свойство, способность (птицы летают).

Как видно из приведенного примера, студентам предъявляются наиболее релевантные признаки, составляющие значение глагола. В то же время специфика функционирования глаголов движения в речи такова, что ни один из этих признаков не является константным. В зависимости от того, как совмещаются эти признаки в структуре глагола движения в различном языковом окружении, степень актуализации того или иного признака может существенно колебаться. В результате учащиеся испытывают затруднения в том числе и потому, что встречаются с расхождениями между ранее изученным теоретическим материалом и практическими случаями употребления как базовых – бесприставочных, – так и приставочных глаголов. Направленность на формирование коммуникативной компетенции обучающихся требует ориентации на живое общение и потому, с точки зрения студентов, контекстное употребление языковых единиц не определяется изучаемыми на начальном уровне грамматическими правилами. В некоторых случаях сложившееся ощущение «непостижимости» русского языка, безуспешность попыток прогнозировать употребление языковых единиц (внутриязыковая интерференция вместо аналогии), необходимость механического запоминания значительного объема материала без возможности логизировать его ведет к падению познавательного интереса и учебной мотивации студентов, что отрицательно сказывается на результатах обучения.

Так, весьма распространенным способом введения парадигмы глагола «идти» сегодня является достаточно условное представление ее в следующем виде: глагол «идти» как инфинитив; формы настоящего времени также относятся к глаголу «идти»; в качестве форм прошедшего времени даются соответствующие формы глагола «ходить», а будущего – «пойти». Таким же образом выглядит и комплекс «еду»/«ездил»/«поеду». В дальнейшем же предъявляется форма «шёл» («ехал») и студенты получают информацию об однократности (однонаправленности) движения, являющейся признаком глагола «идти» («ехать»), но не «ходить» («ездить»). Усвоению систем будущего времени совершенного и несовершенного вида затверженное образование «пойду» от «идти» тоже может не способствовать. Основания такого подхода понятны: как можно быстрее вооружить учащихся инструментами реальной живой коммуникации. Однако в ряде случаев при его примене-

нии целесообразно по возможности сократить разрыв между теоретической и практической сторонами учебного процесса.

Наиболее очевидным подходом при этом становится комментирование, причем в сегодняшней ситуации, когда в обучении задействуются технические средства (он мини-программ для фотоперевода в смартфоне практически каждого студента до платформ дистанционного обучения) комментарий вполне достаточно сформулировать письменно на русском языке, например: «*Глаголы движения с приставкой ПО-, образованные от глаголов движения 1–й группы, становятся глаголами совершенного вида и обозначают начало движения. В будущем времени эта приставка с глаголами обозначает намерение (желание) субъекта отправиться куда-либо:* Завтра мы пойдём в театр. = Завтра мы намерены, хотим, собираемся побывать в театре. *В данном значении глагол будущего времени* ***пойду*** *можно заменить глаголом без приставки в настоящем времени* ***иду*** *для выражения значения ближайшего будущего:* Завтра мы идём в театр» (Виктор 2019: 4-5). «Они сели в машину и поехали в аэропорт. – *Глагол движения с приставкой ПО- выражает начало движения.* – Почему студентов нет в аудитории? Где они? – Они поехали на экскурсию. – *А сейчас – указывает на местонахождение субъекта в данный момент речи*» (Виктор 2019: 5).

Вторая трудность, с которой могут столкнуться и педагог, и учащиеся, заключается в том, что в различных контекстах могут сталкиваться маркеры, призванные облегчить выбор того или иного глагола из пары, и один из них при этом оказывается авторитетнее, а второй не следует принимать во внимание, например: «Обычно утром я иду в университет пешком» (Гадалина 2008: 37) – выбор глагола обусловлен явным указанием на движение в одном направлении, которое усиливается описанием способа совершения движения; указание на кратность в этой ситуации не имеет значения. Такие контексты в учебных материалах должны быть либо тщательно прописаны, либо сопровождаться комментарием о невозможности однозначного выбора глагола при недостатке информации. Рассмотрим следующее упражнение:

1. Каждую субботу мы (идти/ходить) на стадион. – Присутствует маркер кратности и – на первый взгляд – указание на направление движения; однако способ движения не указан, так что следует ориентироваться на кратность.

2. Я (ехать/ездить) на работу на трамвае; 3. Мой сын (идти/ходить) в школу пешком. – Можно предположить, что при отсутствии указания на многократность имеется в виду однократное однонаправленное движение; в то же время представляется не вполне корректным (в условиях коммуникативной направленности обучения) объявить неверным выбор глагола со значением кратного действия, поскольку в живой речи такая структура вполне органична

4. Куда ты сейчас (идти/ходить)? – Правильный ответ весьма вероятен.

5. Каждое воскресенье мы (ехать/ездить) на дачу. – В живой речи возможно употребление обоих глаголов, хотя с точки зрения грамматического правила корректен только второй.

6. Когда ты (ехать/ездить) в Прагу? – По-видимому, подразумевается использование формы настоящего времени для обозначения ближайшего будущего (или плана, который гарантированно осуществится).

Таким образом, при организации учебной работы по теме «Глаголы движения» на начальном этапе целесообразно отбирать языковой материал, демонстрирующий реализацию грамматических правил. Контекстно-прагматические факторы выбора лексем и словоформ желательно демонстрировать пошагово (Антон идёт в парк. – Антон каждый день ходит в парк. – Он обычно идёт в парк пешком, а обратно едет на автобусе.). Все контексты следует тщательно анализировать на предмет грамматических особенностей и актуализации различных оттенков значения с целью составления комментариев и заданий.

В условиях дистанционного обучения расширяются возможности визуализации учебных материалов. Так, при изучении глаголов движения на начальном этапе весьма положительно зарекомендовал себя метод составления интеллект-карт. В ряде стран прибытия студентов этот метод широко используется в образовательном процессе, он хорошо знаком студентам и позволяет организовать интерактивное взаимодействие обучаемых.

Упражнения и задания интерактивного характера целесообразно составлять с учетом обратной связи (в частности, анализируя отрицательный языковой материал) и придерживаясь четкой последовательности предъявления лексико-грамматического материала.

Использованная литература

Богородицкий, В.А. 2005. *Общий курс русской грамматики.* Москва, 556 с.

Виктор, О.М. 2019. *Глаголы движения с приставками. Методические указания по русскому языку для самостоятельной работы студентов-иностранцев.* Харьков, 34 с.

Востоков, А.Х. 2011. *Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная.* Москва, 428 с.

Гадалина, И.И. 2008. *Глаголы в речевых ситуациях. Элементарный и базовый уровни: Учеб. пособие для студентов-иностранцев.* Москва, 218 с.

Греч, Н. 1827. *Практическая русская грамматика.* Спб., 578 с.

Есина, З.И., Иванова, А.С. и др. 2001. *Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень.* Москва, 134 с.

Игнатова, И.Б., Андреева, С.М., Мордас, С.Б. 2006. *Практическая грамматика.* Белгород, 184 с.

Исаченко, А.В. 1960. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч.2.* Братислава, 570 с.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. 2013. *Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений.* Москва, 944 с.

Олейникова, С.Д. 2013. „К проблеме изучения глаголов движения в нерусской аудитории“, *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* № 3(119), 221-223.

Шахматов, А.А. 2014. *Синтаксис русского языка.* Москва, 720 с.

Шведова, Н.Ю. (ред.) 1980. *Русская грамматика.* Москва, 792 с.

Svetlana A. IURMANOVA

OF SOME WORK ORGANIZATION APPROACHES ON THE TOPIC "VERBS OF MOVEMENT" (THE INITIAL STAGE OF RSL TRAINING)

Summary: The article analyzes the contextual and pragmatic factors affecting the semantics of verbs of movement. Also, the article describes the ways of structuring studying activities on the topic "Verbs of movement".

ПРЕВОД

Ольга КОПЫРЮЛИНА
Тамбовский государственный университет
им. Г.Р.Державина, Тамбов, Россия

«КОБЫЛЬИ КОРАБЛИ» С.А. ЕСЕНИНА: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: В статье рассматриваются особенности переводов поэтических произведений на иностранный язык. Материалом сравнительного анализа служит отрывок из маленькой поэмы С.А.Есенина «Кобыльи корабли» и его перевод на французский язык, осуществленный в 1922 году Ф. Элленсом. Дана общая оценка основным чертам стиля переводчика. Выявлены отклонения от текста-оригинала и установлены их причины. Практическое значение данного исследования состоит в возможности его использования на занятиях по лингвистическому анализу текста.

Ключевые слова: перевод, поэзия, поэтические тексты, Сергей Есенин, Франц Элленс.

Есенин и Франция – ветвь современного есениноведения, до сих пор нуждающаяся в тщательном исследовании в аспекте изучения творчества поэта, которую еще не удалось полностью изучить и проанализировать. К жизни и творчеству поэта обращались такие российские ученые как Ю.Л.Прокушев (1979), Н.И.Шубникова-Гусева (2011), О.Е.Воронова (2017). К зарубежным исследователям творчества Есенина относятся работы профессора академии Кан во Франции, переводчика Мишеля Никё (2008), который осветил немногие известные факты о пребывании поэта во Франции, его взаимоотношениях с Францем Элленсом – поэтом и переводчиком. Кроме того, ранее нами также уже был выполнен анализ произведений Есенина на французский язык (Копырюлина 2019; Копырюлина 2020).

Перевод поэтических произведений является одним из наиболее сложных переводов текстов на иностранный язык. Переводчику необходимо не просто найти эквивалент слова или фразы в другом языке, но и обратить внимание на национальные особенности языка оригинала, что особенно важно при переводе поэзии Есенина, которая изобилует региональными топонимами, диалектными словами и просторечиями. Чтобы сохранить национальный колорит творчества Есенина, важно соблюдать не только смысловое, но и стилистическое, художественное и образное единство текста.

Без учета вышеперечисленных аспектов невозможно считать перевод есенинских произведений качественным. Согласно проведенным нами исследованиям, посвященным анализу переводов творческого наследия Есенина на французский язык на примере стихотворений «Песнь о собаке» (1915), «Закружилась листва золотая…» (1918), становится очевидным, что Элленс справился со своей задачей, стараясь

передать особенности оригинального поэтического текста русского поэта. Однако, вслед за этим, появляется новая проблема, заключающаяся в адекватности французского перевода маленькой поэмы «Кобыльи корабли» (1919). Это одно из произведений, символизирующих новый этап в творчестве Есенина – сомнение в Октябрьской революции, а это, в свою очередь, ставит перед переводчиком важную задачу – максимально передать изменение тона повествования, показать новый посыл творчества, чтобы для французского читателя сформировалась наиболее объективное представление о «последнем поэте деревни».

Важно отметить, что Элленс поместил перевод этой поэмы в тот же сборник «Исповедь хулигана» (1922), что и вышеназванные стихотворения, вместе с поэмами «Пугачев» и «Исповедь хулигана», а также несколько других стихотворений. Качество переводов можно оценить исходя из того, что в 1923 году вышло второе издание сборника, оказалось, что поэзия русского поэта заинтересовала французских читателей. Трудно оценить степень их восхищения, однако такого восторга, как в России, Есенин не вызвал, его все воспринимали как поэта, приехавшего с известной танцовщицей, что, разумеется, не могло не огорчить привыкшего к рукоплесканиям толпы поэта. В письме от 09 июля 1922 г. А.Б.Мариенгофу он пишет: «Здесь такая тоска, такая бездарнейшая «северянинщина» жизни, что просто хочется послать это все к энтой матери. <…> Там, из Москвы, нам казалось, что Европа – это самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: Боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле» (Есенин 1999: 141,142). Причиной этому, отчасти, являлось по-видимому и то, что темы, поднятые в его творчестве, наиболее близки России, а не всему миру, да и донести это на чужом языке посредством лишь экспрессивного чтения со сцены достаточно сложно. Эта боль, «запах меда и роз» и «заревая теплынь» пробуждают щемящую тоску только в душе русского человека.

Чтобы оценить в полной мере перевод поэмы «Кобыльи корабли», приведем ее фрагмент на русском и французских языках, наиболее ярко демонстрирующий стиль Элленса:

Звери, звери, приидите ко мне
В чашки рук моих злобу выплакать!
Не пора ль перестать луне
В небесах облака лакать?

Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.
Не нужны мне кобыл корабли
И паруса вороньи.

Если голод с разрушенных стен
Вцепится в мои волоса,—
Половину ноги моей сам съем,
Половину отдам вам высасывать.

Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего камень
(Есенин 1997: 80).
Bêtes, bêtes, bêtes, venez à moi,
Dans les tasses de mes mains pleurez votre colère;
N'est-il pas temps que la lune
Cesse de lapper dans le ciel les nuages?

Sœurs chiennes, frères chiens,
Je suis, comme vous, persecute par les
hommes.
Je n'ai besoin ni des navires des cavales
Ni des voiles des corbeaux.

Si la faim des murs en ruines
Doit m'empoigner par les cheveux,
Je mangerai la moitié de ma jambe
Et je vous jetterai l'autre à sucer.

Je ne suivrai nulle part les hommes,
Je crèverai plutôt avec vous,
Que ramasser une pierre de la terre aimée
Pour la jeter sur le fou le plus proche
(Essenine 1983: 4).

В первую очередь отметим, что французский вариант сохранил то количество строф, которое было использовано в оригинале. Как и во многих других переводах Есенина на французский язык, для передачи смысла преобладают аналогичные по значению французские слова, а рифма отсутствует. Однако эмоциональная окраска стихотворения теряется ввиду грамматических особенностей.

Обратим внимание на первую строфу произведения, в которой бельгийский переводчик трижды повторяет слово «bêtes» (фр. *звери*) вместо двух раз, как у Есенина, чтобы сохранить структуру стихотворения.

Во второй строфе также встречается еще одно существенное отклонение от оригинала по форме. Строка «Я, как и вы, у людей в загоне» передает чувство угнетения, для ее перевода Элленс использует глагол

«persécutér» (фр. *притеснять, преследовать*), вследствие чего есенинская строка в переводе Ф.Элленса приобретает следующий смысл: «Я, как и вы, притесняемый людьми». Во французском языке есть слово «enclos» (фр. *загон*), но бельгийский переводчик не использует его, он предпочитает изменить форму строки, чтобы точнее донести мысль поэта. В этой же строфе Элленс пытается передать стиль Есенина с присущими для него просторечиями. Словосочетание «кобыл корабли» он переводит как «des navires des cavales». На первый взгляд, слово «cavales» обозначает кобылы, однако во французском языке есть его литературный аналог «juments», что дает основание полагать, что Элленс сделал это намеренно, пытаясь изобразить есенинский стиль во французском переводе. Словосочетание «кобыльи корабли» объединяет в себе два абсолютно несовместимых по смыслу начала: «кобыльи» – это приземленное, чаще всего используемое в разговоре слово, а «корабли» относятся к возвышенному слогу. «Кобыльи корабли» – это аллюзия на миф о Ноевом ковчеге, в названии также прочитывается этот образ. Есенин, испытывая некоторое разочарование в идеях русской революции, видя нищету деревни и понимая слабость политической системы, в связи с приближающейся катастрофой государства (как физической, так и духовной) создает концептуальные образы современности.

Строку «В сумасшедшего ближнего камень» бельгийский переводчик интерпретирует как «Pour la jeter sur le fou le plus proche», что буквально означает «Для того, чтобы бросить в ближайшего сумасшедшего». Как мы видим, Элленс не учел того, что слово «ближний» употребляется в значении «человек», и переводит это слово практически дословно «le plus proche» (фр. *ближайший*). К тому же, в этой строчке нивелируется и христианский посыл, заданный Есениным, поскольку эпитет «ближний» характерен для христианской традиции, и «сумасшедший ближний», символизирующий святого, безгрешного человека, в которого лирический герой не бросит камень, что воплощает верность поэта христианским идеалам, превращается в «ближайшего сумасшедшего», а это, в свою очередь, искажает оригинальный замысел. Несмотря на то, что бельгийский переводчик в целом успешно передал основной смысл произведения, во французском тексте есть существенное несовпадение с оригиналом. Безусловно, это не умаляет профессионализм Элленса, поскольку неточность вызвана лингвистическими особенностями.

Таким образом, несмотря на незначительные отклонения от текста оригинала, возможно утверждать, что Элленс точно передал основной посыл данного отрывка поэмы, учитывая и особенности французского языка, и самобытность есенинского стиля повествования. Переводчик придал характерную для Есенина эмоциональную окраску переводу, что, безусловно, помогло сформировать наиболее точное представление о творчестве Есенина для французского читателя.

Использованная литература

Воронова, О.Е. 2017. “Сергей Есенин и Эмиль Верхарн: творческие параллели”, *Филологические науки.* 1, 72 – 81.

Есенин, С.А. 1997. *Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы).* М.: Наука: Голос, 5 – 180.

Есенин, С.А. 1999. *Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. Письма.* М.: Наука: Голос, 5 – 232.

Копырюлина, О.М. 2019 “«Песнь о собаке» С.А. Есенина: особенности перевода стихотворения на французский язык»”, *Державинский форум*. III/9, 45-53.

Копырюлина, О.М. 2020 “Проблема художественного перевода поэзии С.А.Есенина на французский язык”, *Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)*. С. 70 – 72.

Никё, М. 2008. “Есенин без границ”, *Современное есениноведение.* 8. 18 – 27.

Прокушев, Ю.Л. 1979. *Сергей Есенин. Образ, стихи, эпоха.* М.: Советская Россия, 304 с.

Шубникова-Гусева, Н.И. 2011. “Есенин в XXI веке”, *Сергей Есенин: Диалог с XXI веком.* 8-43.

Essenine, Sergueï. 1983. *La confession d`un voyou suivi de Pougatcheff.* Lausanne, Suisse: Edition L`Age d`Homme.

Olga KOPYRIULINA

“HORSE SHIPS,” BY S.A. ESENIN: SPECIFIC ASPECTS OF A POEM’S INTERPRETATION INTO THE FRENCH LANGUAGE

Summary: In the article we consider specific aspects of poetic works into a foreign language. The material for comparative analysis is an extract from Esenin’s short poem “Horse ships” and its translation into French, which was made in 1922 by F.Hellens. The summative assessment of the main translator’s style is given. We establish the deviations from the original text and reveal their causes. The practical value of this study is the possibility of its use during classes on linguistic text analysis.

Биљана МАРИЋ
Филолошки факултет Универзитета у Београду
Београд, Србија

ПЕРЕДАЧА ЧУЖОГО СЛОВА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «БРИСБЕН» Е. ВОДОЛАЗКИНА)

Аннотация: В докладе будет обращено внимание на тенденции в современной русской прозе при передаче чужого слова, т.е. на репрезентологические языковые явления в данном стиле. Наши исследования передачи чужого слова указывают на существование различий в использовании синтаксических и лексических репрезентологических средств в разных стилях современного русского и сербского языков (Марић 2015; Марић 2021). Средства, используемые в современной русской художественной прозе, отличаются также от репрезентологических языковых средств традиционной прозы.

Ключевые слова: чужая речь, средства передачи чужой речи, современная проза, русский.

Е. Водолазкин в своем романе «Брисбен» (Водолазкин 2019) последовательно развивает две сюжетных линии: одна, с которой начинается роман, разворачивается в настоящем (2012 год), повествование в ней ведется от первого лица, т.е. лица самого повествователя; во второй даются события из прошлого (начиная с 1971 года), а повествователь представлен третьим лицом. Первый сюжет – это дневниковые записи музыканта Глеба Яновского, а второй – история его юности и молодости, рассказанная как будто мемуаристом, писателем, с которым Глеб познакомился в первой же главе романа и договорился о написании книги.

Согласно подходу Н. Арутюновой, синтаксический строй современной и традиционной прозы отличаются. В отличие от традиционной, построенной на аналитических синтагматических связях между словами, с эксплицированными подчинительными отношениями, выраженными предложно-падежными конструкциями и союзными связями, современная проза, которую Арутюнова называет актуализирующей, разрушает синтагматическую иерархию, находит другие способы создания связности текста, гораздо более значимую роль отводит интонации, ритмике, паузам в повествовании (Арутюнова 1972; Арутюнова 1999).

Е. Водолазкин, по нашему мнению, в своем романе актуализирует некоторые синтаксические средства, связанные со способами передачи так называемой чужой речи, и таким образом создает определенную картину мира своего героя. Мы обратили внимание на два таких средства: на использование конструкций с прямой речью и с необозначенной прямой речью (1), на использование чужой речи (в значении: речь на иностранном языке) в качестве средства переключения кодов (2).

1. Использование конструкций с прямой речью и с необозначенной прямой речью.

Автор «Брисбена» последовательно использует одни средства передачи чужой речи в дневниковой перволичной части романа (пример 1), а другие – в экзегетическом повествовании (пример 2).

(1) – *Вы – Глеб Яновский?*

Киваю.

– *Сергей Нестеров, – сосед протягивает руку. – Писатель.* (9)

(2) ***Отчего у тебя стало так много командировок, спросил однажды Глеб.*** *Мать покраснела и не ответила. Бросила взгляд на бабушку, но та сделала вид, что ничего не заметила. Вытерла руки о передник – у нее всегда был этот спасительный жест. Когда мать ушла на работу, Глеб повторил свой вопрос бабушке. Антонина Павловна, помолчав, приложила палец к губам.* ***Тс-с, сказала она Глебу, понимаешь, ей нужен рядом надежный человек, только где его найдешь? А папа, спросил Глеб, – он ненадежный? Папа…*** *Бабушка вздохнула и развела руками.* (21)

Для (1) характерна образцовая передача прямой речи: графически, пунктуационно выделена авторская речь (в данном случае, речь самого перволичного рассказчика) от речи говорящего. В примере (2) прямая речь героев (бабушки и маленького Глеба) пунктуационно не выделяется, только лишь между двумя частями самой конструкции ставится запятая (между авторской и прямой речью). В литературе такой тип передачи чужой речи называют *необозначенной прямой речью.* Необозначенная прямая речь является основным средством передачи чужой речи во второй сюжетной линии романа[1]. Даже в тех случаях, когда передается продолжительный диалог, автор на смену говорящих последовательно указывает, только используя вводные авторские конструкции и отделяя их от прямой речи одной запятой (пример 3).

(3) *Когда они вернулись, дома пахло приготовленным обедом.* ***Останешься обедать с нами, спросил отца Глеб*** *(1 говорящий).* ***Ні, ответил Федор. Мене ніхто й не запрошує*** *(2 говорящий).* ***Что такое нэ запрошуе, полюбопытствовал мальчик*** *(1 говорящий повторно)****. Не приглашает, глядя в глаза Федору, пояснила Ирина*** *(3 говорящий). (22)*

Автор иногда, бывает, прямую речь от вводящей ее авторской реплики разрывает, дает их в двух разных предложениях (пример 4), гла-

---

[1] Проведенный нами эксперимент замены необозначенной прямой речи на образцовую прямую указывает, что автор таким образом (не выделяя прямую речь с помощью тире, а также реплики написанием в новом абзаце) создает нужный ритм повествования. См. пример 2, написанный с образцовой прямой речью:

– *Отчего у тебя стало так много командировок? – спросил однажды Глеб.*

Мать покраснела и не ответила. Бросила взгляд на бабушку, но та сделала вид, что ничего не заметила. Вытерла руки о передник – у нее всегда был этот спасительный жест. Когда мать ушла на работу, Глеб повторил свой вопрос бабушке. Антонина Павловна, помолчав, приложила палец к губам:

– *Тс-с, – сказала она Глебу, – понимаешь, ей нужен рядом надежный человек, только где его найдешь?*

–*А папа, – спросил Глеб, – он ненадежный?*

– *Папа… – бабушка вздохнула и развела руками.*

гол речи в скобках вставляет в саму реплику персонажа (пример 5) или даже пропускает вообще информацию о говорящем и сам глагол, вводящий прямую речь, по коммуникативным причинам (пример 6).

(4) *Ленин палец мягко скользнул по его шее, и полчище мурашек начало свой спуск по позвоночнику.* ***Не обиделся? Спросив, потрепала его по подбородку.*** *(72)*

(5) *Неожиданно для себя однажды на исповеди Глеб сказал отцу Георгию: я мог бы рассказать о себе и что-то хорошее. Уж так устроена исповедь, ответил отец Георгий, что на ней говорят о плохом, а то, что ты хороший, я, дитя, и так знаю. Дитя. Чаще – детка, он всех называл детками.* ***Детка, вернись в музыкальную школу (сказал), это нехорошо, что ты из нее ушел.*** (157)

(6) Ходившая вдоль рядов учительница неслышно подкралась сзади и аккуратно взяла книгу с колен Глеба. <…> Так, может, мы и в церковь ходим, спросила она Глеба. Первое лицо множественного числа, мелькнуло у Глеба, какое жлобство. А он бы с ней не то что в церковь, с ней он не пошел бы даже…

Приблизившись к нему вплотную, поинтересовалась: и молимся, и поклоны бьем? Глеб попытался выхватить книгу из рук учительницы, но она ловко увернулась. Бьем поклоны, переспросила. Не ваше дело, огрызну́лся Глеб. ***Вот здесь ты, Яновский, ошибаешься – мое дело и дело комсомольской организации, если, конечно, ты комсомолец.*** *Глеб действительно состоял в комсомольской организации.* (147)

Прямая необозначенная речь довольно часто используется в комбинации с косвенной речью: косвенная представляет фон, информирует о теме, а более динамичная прямая речь создает нужную атмосферу (пример 7).

(7) *Вечером она пришла к Глебу домой и объявила, что завтра утром хотела бы вместе с бабушкой отправиться к директору и просить о восстановлении Глеба. Вера Михайловна считала, что директор, в сущности, человек отходчивый, что в школе недобор учащихся, так что, если извиниться… Не нужно, остановил ее Глеб. Что – не нужно, переспросила учительница, извиняться? Глеба разом покинули все слова. Восстанавливаться… Мне это не нужно. Вера Михайловна с удивлением посмотрела на Глеба и медленно, почти по слогам, произнесла: почему тебе не нужно восстанавливаться? Мальчик втянул голову в плечи.* (138)

Необозначенная прямая речь оказывается весьма удобным средством для создания игры с чужой речью (пример 8). Реплика ***Не понимаю, мол, как это можно в Бога верить,*** хоть это и не указано, представляет собой внутреннюю гипотетическую речь, приписываемую Глебом Даше (частица *мол* маркирует это). Реплика ***В Бога – верю, как же не верить?*** произносится до того, как указано на автора реплики (Дашу), так что таким образом повествователь создает напряженную атмосферу (отречется ли герой на словах от Бога или нет?).

(8) *Глеб зачем-то посмотрел на свою соседку Дашу Перевощикову, приехавшую из неведомой Тóтьмы <…> Она спокойно наблюдала за происходящим в аудитории. Спокойствие незамутненности, раздраженно подумал Глеб, уж она-то скажет. Пропоет, может быть.* ***Не понимаю, мол, как это можно в Бога верить.*** *А он понимает, но не знает, признается ли. (...) Как в замедленной съемке встает Даша, он следующий.* ***В Бога – верю, как же не верить?*** *Это говорит не он – Даша. (206)*

Вывод. Выбор прямой речи в перволичном повествовании, кажется, способствует созданию атмосферы «действие происходит здесь и сейчас», играет даже своего рода дейктическую роль, поскольку привязывает события к настоящему (в прямой речи нет сдвига времен, нет сдвига личных форм). Последовательное использование необозначенной прямой речи (а также и других способов передачи чужой речи: косвенной, несобственно-прямой) в рассказе о событиях из прошлого создает другого типа художественный эффект: диалоги поглощены временем, голоса в прошлом как бы уже менее слышны. Вот этой оппозицией в передаче чужой речи Водолазкину синтаксическим (и пунктуационным способом) удается создать эффект времени, т.е. столкнуться с этим феноменом, который является одной из важнейших тем его творчества.

2. Использование чужой речи в качестве средства переключения кодов.

Мы уже указывали на использование чужой речи (в значении: речь на иностранном языке) в качестве средства переключения кодов (code switching) на материале произведений сербских авторов, использующих русскую речь, т.е. на весьма экспрессивный способ маркирования чужой речи (чаще всего в речи персонажей в форме прямой, косвенной, несобственно-прямой речи или в виде цитаты)[2]. С одной стороны, как мы уже указали, данный способ у некоторых авторов приобретает большую экспрессивную нагрузку, а с другой, играет роль маркера чужой речи (т.е. речи другого). При замене регистра, т.е. при переключении на иностранную речь (code switching), происходит и замена субъекта-производителя речи.

В романе Е. Водолазкина в качестве чужой (читай: иностранной) используется украинская речь (она чаще всего является маркером речи отца главного героя):

(9) Когда они вернулись, дома пахло приготовленным обедом. Останешься обедать с нами, спросил отца Глеб. Ні, ответил Федор. Мене ніхто й не запрошує. Что такое нэ запрошуе, полюбопытствовал мальчик. Не приглашает, глядя в глаза Федору, пояснила Ирина. (22)

Автор вводит речь героя на украинском языке как необозначенную прямую речь, она от авторской отделена одной запятой перед глаголом речи.

---

[2] Об этом речь идет в нашей пока не опубликованной статье «Страни језик у својству маркера туђег говора».

Интересна функция этой украинской речи по отношению к главному герою, ориентированному к русской культуре, но помнящему свое происхождение по отцу. В юном возрасте эта речь играет роль отстраненную, поскольку мальчик Глеб, не очень часто встречая отца, ее не понимает. В молодости Глеб, отвечая на украинские реплики отца, понимая их полностью, использует русский язык.

(10) Глеб спросил у отца, пришедшего проводить Евдокию в последний путь, что это за мелодия. Це соната для фортеп'яно номер два Шопена, ответил отец, частина третя – траурний марш. Евдокия пела это при жизни, удивился Глеб. Це є свідченням того, що вона мріяла померти, сказал Федор. Разве так бывает, спросил мальчик. Федор внимательно посмотрел на сына: людина звичайно співає про те, про що вона мріє. (40–41).

Во Глебе-взрослом человеке, живущем музыкой, украинская речь превращается в звук мелодии украинской народной песни. В примерах 11 и 12 русские слова пересказа песни чередуются с украинскими словами-стихами из песни:

(11) Начинаю играть песню Вже сонце низенько – сначала тему, затем вариации. Негромко напеваю. Слова зрителям ясны не все, но понятно, что песня грустная. Ночь. К девушке приходит возлюбленный. Она его, впуская, за ручку стискала. А как выпускала – правдоньки питала. Голос и струны входят в резонанс. Чи ти ж мене любишь? – спрашивает она. А может, спрашивает, ходишь к другой и не признаёшься? Нет, отвечает, люблю, тільки признаюся, що брати не буду. Гитарное соло. Пиццикато на верхних нотах – у самого начала грифа. Ой, Боже ж мій, Боже…(45).

(12) Организаторы концерта сомневались, что давать слова необходимо, но я настоял. Без этого, сказал, ничего не будет понятно. *Купалінка-купалінка, цёмная ночка… Цёмная ночка – дзе ж твая дочка?* Со словами (возражали) все равно ничего не понятно. Ведь это же нужно объяснять, что в ночь на Ивана Купала девушки плели венки и клали их на воду, узнавали свою судьбу. И потом: чья дочка, почему плачет? А что тут объяснять, удивляюсь. Все ведь предельно ясно. *Мая дочка у садочку ружу, ружу поліць. Ружу, ружу поліць, белы ручкі коліць. Кветачкі рвець, кветачкі рвець, вяночкі звівае. Вяночкі звівае, слёзкі пралівае.* Какая разница, чья дочка, – важно, что плачет. В искусстве лучше недосказать, чем сказать слишком много. А зрители будут плакать о своем. (187)

Отношения главного героя Глеба, которые он строит со своей будущей женой-немкой, также показаны на фоне соприкосновения двух разных языков: русского и немецкого. Особенности произношения немкой русской речи также играют репрезентологическую роль, они являются маркерами чужой речи (бывает, она используется без вводной конструкции, которой на говорящего указывается). С другой стороны, повтор русским собеседником коряво произнесенного русского слова

(гриппе, пьяньство, свиньство...) представляет собою цитату, которая одновременно в данном контексте выставляет самого говорящего (девушку-немку) в смешном, симпатичном виде.

(13) Вот какая Катарина стояла сейчас перед Глебом. Смущенно улыбалась: первый страх ее прошел. Искала подругу… Долшна была отмечать Новый год с друзьями моих родителей, но они заболели – *ґрипе*. Гриппе – это плохо, согласился Глеб. Родители просили не праздновать в обшежитии. Сказали, что там такое пьяньство и такое свиньство… А тут пустота, Глеб обвел взглядом коридор, ни пьяньства тебе, ни свиньства. Зкушно, засмеялась Катарина. Не то слово, подтвердил Глеб. Она махнула рукой: у меня всегда не то – еше плохо знаю русский. Да нет, нормальный у тебя русский, вполне даже о'кей. Глеб изобразил раздумье. Спиртного у меня как-то вот не образовалось, но готов пригласить на чай, можем отметить Новый год чаем. А за́хар есть? Глеб опустил голову, боясь, что Катарина увидит в его глазах что-то не связанное с сахаром. Есть. Тогда мошем отметить. В ее голосе слышалась улыбка. (217).

Иноязычные слова могут использоваться в качестве цитаты, автор прибегает к ним, преследуя экспрессивные цели: то ли речь идет о каких-то культурных реалиях (пример 15, 16), то ли данное выражение почему-то смешно, странно звучит с точки зрения главного языка повествования (пример 14).

(14)Леся Кирилловна, видя, как Глеб смеется, однажды посоветовала ему спрятать его *конячі зуби*. (51)

(15) Разговор в пути, должно быть, не клеится: Нестор не знает немецкого, а английский Геральдины *is very limited*. Она сообщает это, не отрывая взгляда от дороги. Сдержанно, я думаю, улыбается. Дальнейшие сообщения Нестору менее внятны, ясно лишь, что Яновских сейчас нет дома. Они на *dacha* в горах, поясняет Геральдина, но к обеду вернутся. Может быть, уже вернулись. (61)

(16) В Лондоне мне это как-то не бросилось в глаза, но сейчас незнание ею *рідної мови* все более очевидно.(141)

Выводы.

Исходя из разделения Арутюновой прозы с синтаксической точки зрения на классическую, синтагматическую, и современную, актуализирующую, наше исследование средств передачи чужой речи на материале романа *Брисбен* Е. Водолазкина также показало, что определенные средства актуализируют синтаксическую доминанту прозы. В данном конкретном случае, это средства разнообразия передачи чужой речи на двух разных временных планах, с одной стороны, а с другой, использование стратегии «переключения кодов» для создания эффекта «остранения» иностранного языка и речи в экспрессивных целях.

Использованная литература

Арутюнова, Н.Д. 1972. „О синтаксических типах художественной прозы“, *Общее и романское языкознание*. Москва, С. 189−199;

Арутюнова, Н.Д. 1999. „Связка и связность (этюд о синтаксических разновидностях прозы)“, *Язык и мир человека*. Москва, С. 481−488.

Водолазкин, Е. *Брисбен*. 2019. Москва, С. 411.

Марић, Б. 2015. „„Ограђивање” од туђег говора у публицистичком стилу руског и српског језика“, *У простору лингвистичке славистике. Зборник научних радова поводом 65 година живота академика Предрага Пипера.* (Ур.) Људмила Поповић, Дојчил Војводић, Мотоки Номаћи. Београд: Филолошки факултет, стр. 471–487.

Марић, Б. 2021. „Цитирање и други начини упућивања на туђи говор у „Мисионарским писмима“ Владике Николаја“, *Језик и религија*: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.) / Отв. ред. Т. В. Ицкович. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», С. 74–75.

Bilyana MARICH

REPORTING REPRESENTED SPEECH IN MODERN RUSSIAN PROSE (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL BRISBANE BY E. VODOLAZKIN)

Summary: The paper explores the means of reporting represented speech in modern Russian prose. The author makes an attempt to describe a representational linguistics phenomena as a syntactic discipline dealing with constructions of represented speech and other means of referring to somebody else`s speech in Russian on the example of the novel „Brisbane” by Eugene Vodolazkin.

Наталья МИЛЧОВСКА
Русский центр при Университете им. Свв. Кирилла и Мефодия
Скопье, Македония

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА РЕЧЕВОГО АКТА ОБЕЩАНИЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА МАКЕДОНСКИЙ

Аннотация: В статье предлагается анализ стратегий перевода речевого акта обещание с русского языка на македонский. Выбор варианта перевода может быть продиктован условиями на когнитивном и прагматическом уровнях. В статье рассматриваются варианты перевода с помощью прямого и косвенного способа выражения речевого акта обещание.

Ключевые слова: прагматика, перевод, речевой акт обещание, прямые и косвенные речевые акты.

В последние годы в македонской лингвистике проявляется особый интерес к исследованиям в области прагматики. Как известно, это смежная с лингвистикой дисциплина, которая изучает функционирование языка в коммуникации. Датский ученый Якоб Мей дал следующее определение этой дисциплине: «Прагматика изучает использование языка в коммуникации между людьми в зависимости от условий данного сообщества» (Меу 2001: 6). Перевод же называют двуязычным и опосредованным процессом коммуникации, при этом переводчик одновременно выступает в роли Реципиента и Продуцента или Посредника в передаче сообщения (текста), поскольку его перевод адресован новым реципиентам – новым читателям и другому социокультурному контексту. Другими словами, переводчики в первую очередь являются посредниками в процессе коммуникации, это значит, что задача переводчика заключается в достижении коммуникационной цели, которую поставил автор текста. Заслуга выдвижения прагматики в качестве одного из важнейших аспектов теории перевода принадлежит Альбрехту Нойберту. В своей работе «Прагматические аспекты перевода» (1968) он постулировал, что адекватный перевод должен сохранять прагматику оригинала.

Одной из ключевых теорий в современной прагматике является теория речевых актов, авторами которой, как известно, являются Джон Остин (Austin 1962) и Джон Серль (Searle 1979). Речевые акты, согласно этой теории, являются языковыми действиями, поскольку, когда мы их произносим мы не описываем действие, а совершаем его. Серл (Searle, 1969) называл речевые акты основными единицами языковой коммуникации.

В данной работе мы затронем перевод речевых актов именно в свете современного когнитивно-прагматического подхода к изучению языка и речи, то есть с учетом прагматических и когнитивных факторов, под влиянием которых речевой акт меняет структуру в процессе перекодирования на язык перевода.

В одной из последних коллективных работ по данной тематике «Межъязыковые преобразования речевых актов в переводческом пространстве» авторы (Рахматуллина Д.Р., Безменова Л.Э, Степанова А.В.) отмечают, что «перевод речевых актов интересен по многим причинам. Одна из них – множественность их интерпретаций в переводческом пространстве: так, речевой акт может существовать в виде косвенного речевого акта в тексте оригинала и появиться в форме прямого речевого акта с той же иллокутивной целью в тексте перевода; или же прямой речевой акт оригинала инициирует собственную интерпретацию как косвенного речевого акта в определенном контексте, и тогда на основании смысловых выводов переводчик имеет право использовать речевой акт, наиболее подходящий в конкретной ситуации. В связи с этим возникают вопросы: чем обусловлена и ограничена множественность интерпретаций при переводе такого явления, как речевой акт; считается ли адекватным перевод в случае появления в тексте перевода другого речевого акта? Следует отметить, что поверхностный анализ текстов оригинала и перевода дает возможность констатировать лишь сходство или различие текстов.» (Рахматуллина и др. 2020: 141).

Следует отметить, что концепт «переводческое пространство» был введен в научный обиход Л.В.Кушниной, которая дает ему следующее определение: переводческое пространство обозначает «некую ментальную, когнитивную модель, которая формируется в сознании переводчика, является полевой структурой нелинейной конфигурации, в которой различают ядро и периферию. В качестве ядра выступает содержание текста оригинала, где формируется единственный эксплицитный смысл текста – фактуальный. Вокруг ядра образуются еще два текстовых поля – энергетическое и фатическое, где формируются эмотивный и культурологический смыслы соответственно» (Кушнина 2016: 80).

В этой работе мы сфокусируем наше внимание непосредственно на стратегиях перевода речевого акта *обещание* с русского языка на македонский. Согласно классификациям Дж.Остина и Дж. Серля, обещание относится к классу комиссивных речевых актов, а общая иллокутивная цель комиссивов состоит в том, что Говорящий берет на себя обязательство выполнить в будущем определенное действие.

Следует отметить, что к классу комиссивов относится довольно большая группа моделей речевого поведения, таких как обещание, предложение (оферта), угроза, клятва, гарантия и др. (Austin 1962, Searle 1979). Однако обещание можно рассматривать как прототипическую модель данного класса, поскольку, как утверждает Е.В.Филимонова: «обещание – это единственная модель класса комиссивов, не имеющая пересечений с моделями других классов речевых актов и обнаруживающая все признаки, присутствующие в определении класса комиссивов» (Филимонова 2003: 9).

Важнейшие условия для успешного осуществления речевого акта обещания были сформулированы Дж. Серлем следующим образом (Searle 1969: 57-61):

1. Предмет обещания должен быть представлен ясно.

2. Пропозициональное содержание обещания должно относиться к будущему.

3. Обещанное должно быть выгодным для адресата.

4. Обещанное действие говорящего должно иметь смысл, и это не должно быть само собой разумеющимся. Так, например, не имеет смысла обещание спать каждый день, если оба собеседника знают, что Говорящий не болен.

Характеристики, приведенные выше, оказывают влияние на структуру и формы реализации данной модели речевого поведения. Согласно классификации, предложенной Е.Г. Которовой, можно выделить два основных структурных подтипа, служащих для выражения обещания как в русском, так и в македонском языке:

1) эксплицитно перформативные высказывания с соответствующим перформативным глаголом либо же синонимичной именной перформативной конструкцией:

«Даю офицерское честное слово *– быть тому-то, а тому – не бывать». (А.Белый Петербург. 1913)*

„Давам збор на офицер: ова ќе се случи, а ова нема да се случи“. (*А. Бели Петербург. 2012)*

2) имплицитно перформативные высказывания, преимущественно в форме повествовательного предложения без перформатива: *Я буду тебя регулярно посещать в больнице.*

*– «**Этому**, послушайте, **не бывать: не бывать,** Николай Аполлонович, – **не бывать никогда**!» (А.Белый Пе̄тербург̄. 1913)*

*– «**Тоа нема да се случи,** слушајте ме: **нема да се случи,** Николај Аполоновичу**, нема никогаш да се случи!**» (А.Бели Пе̄тербург̄. 2012)*

Выбор варианта перевода может быть продиктован условиями на когнитивном и прагматическом уровнях.

В уже упомянутой коллективной статье «Межъязыковые преобразования речевых актов в переводческом пространстве» отмечается, что речевые акты на пути от текста оригинала в текст перевода проходят несколько «фильтров». Когнитивные фильтры, по мнению авторов, могут представлять собой пересечение индивидуальных (автора и переводчика) и коллективных когнитивных полей, которые представляют собой систему общественно выработанных способов осознания. С прагматической точки зрения ядром речевого акта в переводческом пространстве может быть пропозиция, а именно та ее часть, которая соответствует положению вещей, описываемому речевым актом.

«Речевые акты в тексте оригинала и тексте перевода занимают разные позиции в когнитивных полях автора и переводчика. Речевой акт текста оригинала входит в ядро авторского поля в переводческом пространстве в виде прямого или косвенного речевых актов; смыслы, им продуцируемые, могут входить как в ядро поля, так и в его пери-

ферию. В интерпретативном поле переводчика эти смыслы, пройдя когнитивные и прагматические фильтры, формируются в процессе трансформации в речевой акт в тексте перевода» (Рахматуллина и др. 2020: 142).

В цитируемой статье предлагается следующая классификация моделей преобразования речевого акта *обещание*, которую мы попытаемся применить к переводу речевого акта обещания с русского языка на македонский:

1. Речевой акт переведен тем же речевым актом. В этой модели выделяются две субмодели:

1.1. Прямой речевой акт – Прямой речевой акт

(рус.) – ***Обещаю*** *серьезно подумать над твоими словами.*

(мак.) – ***Ветувам*** *сериозно да размислам над твоите зборови.*

В оригинале и переводе представлен перформативный глагол, на месте которого может быть синонимичная именная перформативная конструкция.

1.2. Косвенный речевой акт – Косвенный речевой акт

(рус.) – *Посиди здесь. Только, ради бога, ничего не трогай.*

– Да что я – враг самому себе?

(мак.) – *Седни тука. Само те молам, не пипай ништо.*

– Зошто би одел против себе си?

Надо отметить, что вопросительные предложения редко употребляются для выражения обещания. Прежде всего в этой функции выступают риторические вопросы.

2. Изменения в рамках одной группы речевых актов

(рус.) *Но* ***твердо обещаю****: при первой же возможности убегу опять.*

(мак.) ***Се колнам:*** *во прва прилика пак ќе побегнам!*

В русском языке интенсификаторам при глаголе *обещать* выступает наречие *точно, твердо*, в македонском – *сигурно, навистина, цврсто*, в разговорной речи метафорически может также употребляться наречия *железно* (напр., *Железно обещаю главу на следующих выходных*).

Редкое употребление лексических интенсификаторов связано с тем, что, как уже упоминалось, усиление иллокутивной цели обещания может происходить за счёт перехода к смежной модели речевого поведения, ср.:

Обещаю тебе, что больше никогда не буду ссориться с тобой.

Заверяю тебя, что больше никогда не буду ссориться с тобой.

Клянусь тебе, что больше никогда не буду ссориться с тобой.

Вместо употребления интенсификатора переводчик может использовать более сильный глагол. Таким образом, в рамках комиссивной группы речевой акт *обещание* заменяется речевым актом клятвы.

3. Перформативный речевой акт – Неперформативный речевой акт

(рус.) *Во всяком случае,* ***даю слово*** *— я брошу!*

(мак.) *Во секој случај,* ***нема да бидам јас ако не престанам!***

В тексте перевода может быть использована совершенно другая синтаксическая конструкция, лишенная сказуемого-перформатива с сохранением интенции обещания.

4. Имплицитный речевой акт – Косвенный речевой акт

(рус.) – *Ты придешь завтра?*

– ***Я обязательно приду*** *завтра.*

(мак.) – *Дали ќе дојдеш утре?*

– ***Што може да ме запре?***

Предложенный вариант перевода усиливает интенцию Говорящего, в данном случае смена синтаксической конструкции нацелена на передачу лексического значения интенсификатора *обязательно*.

5. Косвенный речевой акт – Имплицитный речевой акт

(рус.) – *Ты придешь завтра?*

– ***Что может меня остановить?***

(мак.) – *Дали ќе дојдеш утре?*

– ***Задолжително ќе дојдам****!*

В данном примере мы видим обратную ситуацию, когда лексический интенсификатор компенсирует смену синтаксической конструкции при переводе.

6. Косвенный речевой акт – Прямой речевой акт

(рус.) – *Ты придешь завтра?*

– ***Что может меня остановить****?*

(мак.) – *Дали ќе дојдеш утре?*

– ***Ветувам!***

И, наконец, одним из вариантов перевода может выступать сам комиссивный перформативный глагол, в случае если интенция оригинального высказывания заключается не просто в согласии, а именно в обещании выполнить определенное действие.

7. Речевой акт в тексте оригинала переведен другим речевым актом в тексте перевода

(рус.) ***Обещаю****, что ты можешь рассчитывать на мою поддержку.* /

(мак.) ***Сакам да ти кажам*** *дека секогаш можеш да сметаш на мојата поддршка.*

Обещание может реализовываться с помощью речевого акта, содержащего перформативный глагол, не относящийся к классу комиссивов. В таких высказываниях чаще всего употребляются глаголы говорения. В примере приведен перформативный глагол класса ассертивов.

8. Экспликация речевого акта

(рус.) – *Обещай, что поможешь мне.*

– ***Не вопрос!***

(мак.) – *Ветувај дека ќе ми помогнеш.*

– ***Нема проблем****!* – ***ветив без да се сомневам****.*

В данной ситуации эксплицируется интенция разъяснения обещания, которое отсутствует в оригинале.

Таким образом, попадая в переводческое пространство, речевые акты уже являются объектом субъективных интерпретаций переводчика, а «интерпретация, с точки зрения переводчика, представляет собой процесс, осуществляемый целенаправленно с намерением объективно передать жанрово-стилистические характеристики произведения, соотнесенные с авторским замыслом, сохранить, а не навредить авторскому замыслу» (Рахматуллина и др. 2020: 146). В дальнейшем представляется интересным проследить частоту и контексты употребления вышеупомянутых стратегий в переводах текстов разных жанров и разной стилистики с русского языка на македонский.

Использованная литература

Которова, Е.Г. 2017. „«Обещание» как модель речевого поведения: методика *контрастивного анализа (на материале русского и немецкого языков)*“, *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 2. С. 405–423.

Кушнина, Л.В. 2016. „Языковая личность переводчика в свете современных научных парадигм“, *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики.* №4. С. 75–85.

Рахматуллина, Д. Р., Безменова, Л. Э., Степанова, А. В. 2020. „Межъязыковые преобразования речевых актов в переводческом пространстве“, *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 141-146.

Филимонова Е.В. 2003. *Прототипическая картина класса комиссивов (на материале английского и русского языков)*: Дисс. канд. филол. наук. Уфа: Башкирский гос. университет, 2003.

Austin, J. 1962. *How to do things with words*. Oxford: Oxford University Press.

Mey, J.L. 2001: *Pragmatics*. Oxford: Blackwell Publishing.

Searle, J. 1969. *Speech acts*. Cambridge: Cambridge University Press.

Searle, J. 1979. *Expression and meaning. Studies in the theory of speech acts*, Cambridge: Cambridge University Press.

Natalia MILCHOVSKA

STRATEGIES FOR TRANSLATING SPEECH ACT OF PROMISING FROM RUSSIAN INTO MACEDONIAN

Summary: The article deals with an analysis of strategies for translating speech act of promising from Russian into Macedonian. The choice of translation option can be dictated by conditions at the cognitive and pragmatic levels. The article discusses translation options using the direct and indirect way of expressing the speech act of promising.

Елена Николаевна РЕМЧУКОВА,
Екатерина Михайловна НЕДОПЕКИНА
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ КЛАССИКИ: «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ЕВРОПЕ

Аннотация: Судьба русского языка за рубежом неразрывно связана с историей русской классической литературы. Обращение к истории переводов текстов классической литературы обусловлено традиционными культурными связями между Россией и Европой. Статья посвящена европейским переводам (прежде всего, на английский язык) романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», что предполагает рассмотрение творчества русского национального гения в контексте европейской культуры. Изучение текста романа и его переводов важно в плане выявления национально-культурного своеобразия русской жизни и русского языка первой трети XIX века, особенно с точки зрения тех трудностей, которые национально-культурные компоненты создают для переводчика. В статье рассматривается вклад в европейскую пушкиниану русских писателей (И.С. Тургенева), наиболее известных переводчиков романа (П. Безо, А. Марковича, Г. Сполдинга, Ч. Джонстона, У. Арндта и др.) и выдающихся исследователей русской культуры и литературы (Ю.М. Лотмана). В качестве иллюстративного материала использованы переводы романа в сопоставлении с текстом оригинала, а также комментарии к ним, в которых национальные реалии часто становятся объектом авторской рефлексии переводчика. Особое внимание уделяется переводу романа на английский язык В. Набокова и его комментариям к нему. В аспекте межкультурной коммуникации большое значение имеет проблема степени адаптации содержания пушкинского романа с учетом ментальности современного европейского общества и облика русского языка в XXI веке.

Ключевые слова: русская классическая литература, перевод, А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», комментарии, межкультурная коммуникация.

Настоящая статья посвящена судьбе романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» за пределами России, неразрывно связанной с историей его многочисленных переводов на европейские языки, в фокусе данного исследования – переводы на английский и французский. Такое исследование предполагает комплексное рассмотрение творчества русского национального гения в европейском контексте, которое включает как минимум три аспекта: взаимодействие русского языка и языка перевода; русской культуры и европейской; личности самого переводчика и той индивидуальной профессиональной задачи, которую он решает, выбирая именно это произведение для перевода.

На фоне общих аспектов исследования художественного перевода классических произведений обнаруживается важная особенность «европейской» судьбы романа «Евгений Онегин»: переводы, которые начали появляться уже в середине XIX века и продолжают появляться

в веке XXI, часто сопровождаются и пространными предисловиями их авторов, и комментариями к переводу, объем их в самом известном случае превышает 1000 страниц. Автор одного из них – эпохального и широко известного труда, В.В. Набоков, писал, что нет перевода с языка на язык, но всегда – еще и с культуры на культуру. Если это обстоятельство недооценить, перевод может вовсе не войти в чужой контекст, либо остаться в нем незамеченным, при любом переводе что-то неизбежно остается непереведенным. Что именно – приходится в каждом конкретном случае сознательно и продуманно решать (Набоков 1999).

Теоретической базой исследования послужили труды российских и европейских исследователей в области переводоведения (В.В. Сдобников, G. Mounin, J-R. Ladmiral, M. Guidère), языка художественной литературы, в том числе языка А.С. Пушкина (В.В. Виноградов, В.Г. Винокур, Ю.М. Лотман, Р. Якобсон и др.), комментирования пушкинских текстов в аспекте их перевода на английский (В.В. Набоков, Н.М. Нестерова, D. Behr, Sh. Mandy) и французский (В.Г. Гак, А.П. Богинская) языки, а также лингвокультурологического анализа (Е.И. Панченко).

Таким образом, цель данного исследования определяется тем, что сопоставление переводов текста романа «Евгений Онегин» на два европейских языка осуществляется в аспекте взаимодействия традиционного, культурного и собственно лингвистического контекстов, что позволяет соотнести сам перевод как результат, то есть «перевод-текст», и «перевод-процесс», а именно переводческую деятельность, воплощенную в том числе в текстах предисловий и комментариев, независимо от их объема.

Данная цель предполагает решение важных задач: прежде всего, создание корпуса самих текстов – выстраивание реальной хронологии появления переводов XIX и XX веков и их научная идентификация, а также поиск новых переводов XXI века, которые еще не стали предметом научного обсуждения.

Безусловно, значение гения А.С. Пушкина для русской культуры и литературной традиции огромно. Однако в контексте европейской культуры степень значимости его творчества становится понятна сквозь призму исследования его библиографии на иностранных языках в течение последних двух столетий.

Произведения А.С. Пушкина переведены на многие языки Европы: английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, турецкий, албанский, балтийские, финно-угорские и, конечно, многие славянские языки. В фокусе данного исследования находится самое сложное и ключевое для русского языкового сознания произведение А.С. Пушкина – «Евгений Онегин». Роман является программным произведением в российских школах и высших образовательных учреждениях филологического профиля, его текст широко цитируется – все это подчеркивает его особое место в контексте русской культуры.

Литературный критик В.Г. Белинский назвал пушкинский роман в стихах «энциклопедией русской жизни» (Белинский 1948), прежде всего жизни русского дворянства, которая была частью европейской жизни и

культуры. В тексте много героев, много сюжетных линий, в нем содержится обилие подробностей дворянского уклада и представлены особенности речи высшего сословия, которая отличалась значительным числом галлицизмов, как на уровне лексики, так и на уровне грамматики. Наконец, в романе описаны детали быта русского человека, состояния природы, традиции, привычки, кухня и многое-многое другое. Особое значение романа в том, что он помогает понять предпосылки и этапы становления русского национального самосознания, а также является иллюстрацией постепенного формирования современного русского литературного языка в общем контексте творчества А.С. Пушкина.

Жанровое определение «Евгения Онегина» – роман в стихах – содержит в себе указание на сложное единство содержания и формы произведения, что значительно усложняет работу над переводом, и это стало своего рода вызовом для многих переводчиков.

Новаторство А.С. Пушкина в области формы произведения проявилось в особом стихосложении, названном «онегинской строфой». В основу строфы положен сонет, написанный четырехстопным ямбом. Это четырнадцатистрочное стихотворение с определенной рифменной схемой. От сонета «английского», «шекспировского», А.С. Пушкиным было взято строфическое строение (три катрена и заключительное двустишие), от «итальянского», «петраркианского», сонета А.С. Пушкин позаимствовал принцип упорядоченности рифменной схемы (abab abab cdc dcd или cde cde). Но в отличие от сонетной традиции, в которой упорядочение рифмы происходило по линии связывания катренов между собой рифменными цепями, Пушкин упорядочил саму систему рифмовки: в первом катрене она перекрестная, во втором – парная, в третьем – опоясывающая. Таким образом, схема рифмования в онегинской строфе выглядит так: АбАб ССдд ЕжжЕ зз, где прописными буквами традиционно обозначается женская рифма, строчными – мужская. С точки зрения содержания, первые 4 строки содержат тему, последующие 8 строк – ее развитие, заключительные 2 строки – вывод или чаще афоризм, как правило, иронического характера, в котором в полной мере проявляется образ главного героя романа – самого автора.

В данном исследовании мы сосредоточились на изучении истории переводов «Евгения Онегина» на английский и французский языки, выделили наиболее заметные из них, а также изучили роль предисловий и комментариев переводчиков к своим вариантам перевода пушкинского романа. Выбор языков объясняется тем, что английский и французский широко распространены в Европе и именно с этих языков началось знакомство европейского читателя с русской литературной классикой благодаря русской творческой интеллигенции в эмиграции. Внимание к комментариям и предисловиям, сопровождающим переводы, обусловлено тем, что они содержат оценку переводчиками своей работы, передают отношение переводчиков к оригинальному тексту и его месту в общеевропейской культуре, а также дают представление о том, что явилось основной задачей и наибольшей трудностью для переводчика.

Английские переводы

Познакомить англоговорящего читателя с романом А.С. Пушкина «Евгений Онегин» с конца XIX века и по настоящее время пробовали более 40 переводчиков. И даже эта цифра приблизительна, потому что многие попытки перевода русского шедевра на английский язык остаются неопубликованными, поэтому малодоступными широкой публике, некоторые существуют только в цифровой версии в Интернет-пространстве.

История переводов романа на английский язык началась еще в XIX веке, спустя почти 60 лет после смерти А.С. Пушкина – в 1881 году, с появлением работы Генри Сполдинга. Переводчик отмечает, что в языке А.С. Пушкина отчетливо ощущается влияние творчества Дж. Байрона, но он также признает сложность сохранения строфы в некоторых отрывках, особенно в тех, где «неэластичен» сам предмет описания (Eugene Oneguine … [Henry] Spalding 1881). Таким образом, Г. Сполдинг считает своим основным вызовом именно воспроизведение стихотворной формы, которая придает роману особое очарование, выделяет его в ряду похожих произведений, принадлежащих перу в том числе и английских писателей. Роль переводчика состоит не в простом перефразировании текста с одного языка на другой, а в интерпретации его содержания для читателя. С этой целью Г. Сполдинг делает 86 исторических, культурных и литературных комментариев к роману.

Чарльз Джонстон (1977 г.) начинает свой комментарий с критики перевода Владимира Набокова: «Перевод Владимира Набокова…воспроизводит точный смысл, но явно отвергает любые дальнейшие амбиции». Интересно замечание Джонстона о ритмике и поэтике романа, оставленное им в комментарии: «Как будто звукоизоляционная стена отделяла пушкинский поэтический роман от англоязычного мира» (Alexandre Pushkin Eugene Onegin … Charles H. Johnston 1977: 2), имея в виду уникальную гармонию пушкинского языка.

Попытки перевести «Евгения Онегина» продолжаются и в наше время. Свою версию переложения романа в прозе предложил в 2005 году Р. Кларк (Eugene Onegin … Roger Clarke 2011). Однако его перевод – это изложение на английском языке увлекательной сюжетной линии русского романа, его ощутимое упрощение для того, чтобы текст был привлекателен и понятен широкому кругу иностранных читателей.

Уникальность работы Бабетт Дойч (Eugene Onegin … Babette Deutsch 1943) состоит в том, что она трижды редактировала свой перевод романа А.С. Пушкина: в 1936, 1943 и 1964 годах, – уделяя особое внимание отшлифовке формы перевода.

В 2008 году появился перевод Стенли Митчела, сделавшего довольно объемное введение и давшего в нем историческую и культурную справку о России. Он также довольно подробно познакомил читателя с жизнью и творчеством А.С. Пушкина, отдав должное его роли в русской литературе.

В 2011 г. вышел перевод романа, сделанный Мэри Хобсон, 90-летней переводчицей, влюбленной в русский язык и литературу. Эта работа существует в Великобритании в формате аудиокниги, а в России в

виде двуязычного издания: русский текст А.С. Пушкина сопровождается переводом.

Французские переводы

Опубликованных текстов романа на французском языке гораздо меньше, чем на английском, около 11. Как и в случае с английскими переводами, некоторые французские переводы существуют только в электронной версии или в виде рукописей, как, например, перевод романа, сделанный будущим президентом Франции Жаком Шираком в его студенческие годы.

Первой попыткой перевода «Евгения Онегина» на французский язык была работа русского писателя И.С. Тургенева совместно с французским писателем и публицистом Л. Виардо в 1863 году (Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine … d'Ivan Tourgueniev et Louis Viardot). Его авторы отказались от попыток переложить роман в поэтической манере и ограничились лишь пересказом сюжета и краткими фактическими комментариями в сносках.

Следующим за перевод «Евгения Онегина» на французский язык в 1868 году взялся Поль Безо. Эта версия пушкинского текста также была сделана в прозе, и основной целью автора, как кажется, вновь было знакомство французской публики с русским писателем. П. Безо оценивает текст так: «эта поэмка или романчик». Главной же ценностью произведения, по мнению переводчика, является то, что «в нем нет ни банкротств, ни самоубийств, ни падших женщин, ни измен, но есть галерея картин, взятых из русской жизни и выполняющих функцию фона для развития очень простого действия» (Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine. Traduction par Paul Béesau 1868: 4).

Безусловный успех у французской публики имела версия Андре Марковича, опубликованная в 2005 году (Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine … André Markowicz 2005). Перевод был сделан в стихотворной форме, в нем автор предпринял попытку повторить онегинскую строфу, стремясь не только познакомить французского читателя с содержанием пушкинского романа, но и передать легкость его уникальной формы. В своей работе А. Маркович уделял большое внимание деталям, стремился воспроизвести шутливый тон повествования, в большей мере отдавал предпочтение благозвучности, чем точности изложения. Для этой версии перевода характерны короткие синтаксические конструкции, требующие медленного прочтения вслух.

В переводе Роже Легра в 1994 году мы встречаемся с очень простой лексикой, но в то же время этот текст максимально близко к оригиналу передает иронию, шуточную манеру изложения А.С. Пушкина, что делает данную версию наиболее приятной сегодня для чтения массовой французской публикой (Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine. Trad. Roger Legras 1994).

В свою очередь Т. Попова-Бонналь в 2018 году сопровождает свой перевод короткими комментариями, которые помогают иностранному

читателю лучше понять текст. Автор делает заметки о личности самого А.С. Пушкина: «…Пушкин никогда не пропускал красивых женщин!» и даже дает некоторые грамматические пометы: «Зима в русском языке женского рода» (Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine: Traduction: Tetyana Popova-Bonnal 2018: 23).

Ф. Вутев в 2013 году видел свою задачу в том, чтобы максимально приблизиться к оригиналу, постараться воспроизвести онегинскую строфу. Еще одной сложностью для него стала передача исторических реалий русского быта, которых в тексте романа очень много. Оценивая свой труд, Ф. Вутев говорит: «Подчас переводить было очень трудно, но, когда работа подошла к концу и настал момент расставаться с "Онегиным", я ощутил опустошение» (Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine … Florian Voutev 2012: 3).

Перевод «Евгения Онегина» В. Набоковым

Отдельно стоит остановиться на одном из самых известных переводов и комментариев к роману «Евгений Онегин», выполненном русскоязычным и англоязычным писателем Владимиром Набоковым и опубликованном в США в 1964 году, накануне 160-летия со дня рождения А.С. Пушкина (Набоков 1999). Первоначальной целью этого многолетнего труда было познакомить с великим творением русского гения студентов Корнеллского университета, где Набоков преподавал русскую литературу.

В. Набоков работает над комментарием к роману в течение тринадцати лет (с 1945 по 1958 годы) как представитель двух культур: русской и европейской. Таким образом, он привносит в американское литературоведение представление о взаимодействии этих двух традиций. Комментарии В. Набокова, с одной стороны, носят историко-культурологический характер, и в этом они схожи с комментариями других переводчиков. С другой стороны, его лингвистические комментарии не только намного обширнее (они изданы в двух томах), но и глубже. Так, в частности, он комплексно анализирует взаимодействие русского, французского и английского языков, сопоставляя семантические и стилистические особенности конкретных лексем, используемых при переводе. Высокий уровень культурологического, литературоведческого и исторического исследования В. Набокова свидетельствует о том, что перевод произведений классической литературы – это не просто переложение текста с одного языка на другой, а гораздо более сложная работа, которую сегодня научное сообщество обозначает термином «переводческая деятельность». Данному вопросу посвящен 24 (4) номер журнала Russian Journal of Linguistics 2020 года (Russian Journal of Linguistics 2020).

Начиная с XIX века перед переводчиками «Евгения Онегина» стоял ряд вопросов: о взаимосвязи формы и содержания (или приоритета одного перед другим); о форме перевода (в прозе, пусть и ритмической, или в стихотворном размере); о необходимости воспроизвести онегинскую строфу; о степени адаптации содержания романа для европейского читателя. В комментариях к своим переводам авторы поясняют

читателю свою задачу, оценивают и критикуют работу других переводчиков романа и даже заранее оправдываются, предчувствуя собственные неудачи ввиду сложности стоящей перед ними задачи.

Очевидно, история переводов романа «Евгений Онегин» представляет собой отдельный увлекательный сюжет в области взаимодействия русской, европейской (в том числе англосакской) культур. С собственно научной точки зрения, она помогает показать, что двухвековой интерес английских и французских переводчиков к этому произведению является свидетельством мирового признания русского национального гения, хотя существует и другая точка зрения: творчество А.С. Пушкина обладает ярко выраженным национальным своеобразием, которое неизбежно теряется при переводе его произведений на другие языки.

Темы романа «Евгений Онегин», его стилистика и в целом поэтика А.С. Пушкина близки общеевропейским, он созвучен творчеству наиболее значимых европейских писателей того времени (Дж. Байрона, Г. Гейне, П. Мериме). Важной причиной столь живого интереса к этому произведению А.С. Пушкина, является трудность задачи, стоящей перед человеком, который берется за перевод «Евгения Онегина». Кроме того, анализ переводов романа в сопоставлении с русским текстом позволяет сделать важные выводы собственно лингвистического характера о национально-культурной, в частности безэквивалентной лексике, о формировании фразеологического фонда русского литературного языка и фонда «авторской крылатики», частью которых являются известные афоризмы А.С. Пушкина, а также в целом об особенностях русского поэтического языка XIX века.

Использованная литература

Белинский В.Г. 1948. *Собрание сочинений в трех томах*. Под общей редакцией Ф.М. Головенченко. ОГИЗ, ГИХЛ, М. Том III. Статьи и рецензии 1843-1848. Редакция В.И. Кулешова [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0190.shtml (дата обращения: 03.10.2021).

Набоков В.В. 1999. *Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (перевод Н. Жутовской)*. Санкт-Петербург: Искусство. 928 с.

Источники

Alexandre Pushkin Eugene Onegin. 1977. Translated by Charles H. Johnston, Hannondsworth: Penguin Books Ltd.

Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine (roman en vers). 2005. Trad. André Markowicz, préf. Michaël Meylac, postface André Markowicz. Arles, Actes Sud, coll. «Babel» (n 924), 380 p.

Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine (Roman en vers). 2012. Nouvelle traduction de Florian Voutev, LA BRUYERE, 239 p.

Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine. 1863. Traduction d'Ivan Tourgueniev et Louis Viardot in *la Revue nationale et etrangere*, t. 12 & 13 [Электронный ресурс]. URL: https://bibliotheque-russe-et-slave.com/

Livres/Pouchkine%20-%20Eugene%20Oneguine.pdf (дата обращения: 27.09.2021).

Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine. 1994. Trad. Roger Legras, Lausanne, Editions l'Âge d'Homme, 120 p.

Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine. 1868. Traduction par Paul Béesau, Librairie A. Franck [Электронный ресурс]. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Eug%C3%A8ne_On%C3%A9guine/Texte_entier (дата обращения: 09.10.2021).

Eugene Oneguine [Onegin]: A Romance of Russian Life in Verse by Alexander Pushkin. 1881. Translated from the Russian by Lieut. Col. [Henry] Spalding, London: Macmillan and Co. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gutenberg.org/files/23997/23997-h/23997-h.htm (дата обращения: 23.09.2021).

Alexandre Pouchkine Eugène Onéguine: Traduction: Tetyana Popova-Bonnal. 2018. Kindle Edition, 225 p.

Eugene Onegin, a novel in verse by Alexander Pushkin. 1943. A new translation by Babette Deutsch, New York: Heritage Press. LCCN (Library of Congress Control Number): 43012373.

Eugene Onegin Alexander Puskin. 2011. Translated by Roger Clarke, Richmond, Surrey, U.K. Oneworld Classics.

Russian Journal of Linguistics, 2020, Volume 24 No. 4: DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4.

Elena REMCHUKOVA
Ekaterina NEDOPEKINA

Summary: The destiny of the Russian language abroad is inseparably connected to Russian classical literature. Turning to the history of translations of Russian classical literature texts comes from traditional links between Russia and Europe. The article is about European translations (firstly, into English) of A.S.Pushkin's novel "Evgeny Onegin", which involves exploration of the works of the Russian national genius in the context of European culture. The study of the novel text and its translations is important in terms of discovering the national culture individuality of Russian life and Russian language of the first third of the 19th century, especially when it comes to those difficulties that national culture components create for a translator. The article examines the contribution to Pushkiniana of Russian writers (I.S.Turgenev), the most famous translators of the novel (Béesau, Markowicz , Spalding, Charles H. Johnston and others) and distinguished scholars of Russian culture and literature (Y.M.Lotman). For illustration purposes the translations of the novel in comparison to the original text are used, as well as comments to those translations where national realities often become the author's reflection of the translator. Special attention is paid to the translation of the novel into English made by V.Nabokov and his comments to it. In terms of intercultural communication, the problem of adapting the content of Pushkin's novel considering the mentality of the modern European society and form of the Russian language in the 19th century, is very significant.

Елена ОБУХОВА
Русский центр при Университете им. Свв. Кирилла и Мефодия
Скопье, Македония

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РАССКАЗОВ ВИКТОРА ДРАГУНСКОГО «ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ» НА МАКЕДОНСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: В статье рассматриваются особенности перевода детской литературы как таковой и сложности перевода устаревших или иностранных реалий. В книге Виктора Драгунского мы сталкиваемся с хронотопом Москвы и с ее реалиями, которые оказываются незнакомыми македонскому читателю. Акцент в статье также ставится на переводе безэквивалентной лексики и на сложных моментах перевода, связанных с игрой слов.

Ключевые слова: Виктор Драгунский, художественный перевод, македонский язык, имена собственные, фразеология, хронотоп.

В настоящее время в С.Македонии издается не так много по-настоящему качественных художественных произведений для детей. Это связано как со сложностью процесса перевода и самого издания книги, так и с банальным нежеланием подрастающего поколения читать, а взрослого – заинтересовать детей чтением. Наиболее популярными являются серии книг о девочке-вампирке или о колледже мышек американских авторов. Из действительного серьезного в последнее время вышел дневник Анны Франк. Кроме этого, издаются разнообразные компиляции и сокращенные версии сказок Андерсена, братьев Гримм и др. По моему мнению, ребенка нужно пристрастить к чтению как можно раньше. А в России есть немало прекрасных авторов, которые заслуживают быть переведенными и стать любимыми среди маленьких македонских читателей. Так, произведения Н.Носова переведены еще в 70-х годах, а произведения В. Драгунского остались непереведенными.

Одним из наиболее популярных произведений для начинающих самостоятельно читать является сборник рассказов Оливеры Николовой «Зоки-Поки», о мальчике- дошкольнике и о его приключениях. Тексты удобны для самостоятельного детского чтения как благодаря их краткости, так и благодаря относительно небольшому набору лексем, повторению сложных слов и т.д. И именно в связи с этой книгой, хотя и изданной после В.Драгунского, книга «Денискины рассказы» позиционируется на македонском рынке как «Русский Зоки-Поки». Среди книг для начинающих читателей в С.Македонии также популярны произведения Б.Смакёвского «Большие и маленькие», «Сахарная сказка» С. Яневского и др.

При переводе литературного произведения приходится сталкиваться с рядом сложностей, тем более когда речь идет о детской аудитории, которая не готова к изучению большого количества сносок в тексте. Следует учитывать тот факт, что в детской литературе всегда присут-

ствует одновременно два типа читателя: главный – читатель-ребенок и второй главный: читатель-взрослый. Чаще всего первое знакомство с книгой происходит благодаря взрослому. И именно этот взрослый выступает в роли того, кто объясняет все непонятные ребенку моменты. Как писал Юрий Нагибин в юбилейном очерке о Викторе Драгунском, «„Денискины рассказы“ выросли из его безмерной любви к сыну, из жадного внимания к раскрывшемуся перед ним миру детства» (Драгунская 1999). Получается, что этот детский мир должен умело показать именно взрослый, тем более что это в какой-то мере мир прошлого.

«Денискины рассказы» – книга, написанная автором от лица ребенка, что сразу отметает целый ряд сложностей, которые могут возникнуть с переводом лексики или непростых синтаксических конструкций. Но при этом по-настоящему гениальная литература сложна именно своей простотой. Эту простоту ни в коем случае нельзя потерять при переводе.

Возвращаясь к субъективному восприятию и к читателю как к личности, стоит подчеркнуть ряд сложностей, с которыми сталкивается читатель. В первую очередь, это хронотоп, который разворачивается перед нами на страницах книги. У Виктора Драгунского этот невероятный хронотоп – Москва шестидесятых годов. И здесь уже логично было бы выделить не два, а несколько типов читателей.

Первый тип – тот, кто первым ознакомился с книгой Драгунского. Это читатель-москвич, современник Дениса. Второй тип – это читатель-москвич, но уже наш современник. Третий тип – это читатель не москвич, и четвертый тип – это наш читатель, читатель-иностранец, которому данный хронотоп может быть вовсе неизвестен.

И здесь главной проблемой является то, что с читателем-ребенком не может хорошо работать обычная система сносок, рассчитанная на взрослого читателя.

Эту проблему лучше всех решило издательство «Clever» (издание «Денискиных рассказов» 2017 года). Издательство сделало иллюстрированные комментарии, посвященные основным темам и объектам Москвы шестидесятых, среди которых цирк, кино, водная станция, продуктовый магазин и др. Эти главные темы мы рассмотрим далее в статье отдельно.

Как ни странно, многие сложности вовсе не заботят детей (проверено на читателях 6-7 лет). Лично для меня Москва шестидесятых совершенно гармонично накладывалась на Воронеж 80-х-90-х и никак на восприятие не влияла. И эта самая Москва широко развернулась перед нами как переводчиками как раз в процессе перевода.

Какие же основные сложности возникли здесь?

В первую очередь это место действия – маленький герой живет в коммунальной квартире. Это понятие практически неизвестно на Балканах и требует пояснения. Например, непонятной для маленького читателя является комментарий Дениски:

«А плавать где? В ванной? По вторникам?» (Драгунский 2000: 17).

Интересна и сама старая Москва (такие объекты как Водная станция «Динамо», легендарный бассейн «Москва», находившийся на месте восстановленного храма Христа Спасителя, Кремль и его музеи и многие другие места. Здесь в идеале нужно объяснять, что такое Грановитая палата, в которой не раз бывал маленький Дениска.

Кроме того, в тексте встречаются имена и реалии, которые были понятны детям шестидесятых, но для современников обязательно нужно пояснение. Например, современные дети не знают, кто такой Иван Козловский из одноименного рассказа «Слава Ивана Козловского» или шахматист Михаил Ботвинник.

Тема полета первого человека в космос, такая горячая и животрепещущая в шестидесятые, сейчас тоже нуждается в комментариях, особенно когда речь идет о позывных космонавтов или о других космонавтах того времени, кроме Юрия Гагарина.

То же касается московского цирка тех же годов и личности клоуна Карандаша.

Кино шестидесятых отсылает нас еще в более ранние времена, так как в нем идут фильмы о красноармейцах и белых, а также современный на тот момент фильм «Фантомас», снятый в 1964, 1966 и 1967 годах.

Если реалии, указанные выше, нужно комментировать в связи с тем, что они уже не известны современному читателю, то национальные реалии, понятные русскому читателю, иногда приходятся комментировать, так как македонский читатель никогда с ними не встречался.

Кроме проблемы хронотопа текста, при переводе встречаются и другие сложности. Так, одна из главных задач переводчика – создать привлекательное название для читателя. Казалось бы, какая может быть проблема с названием «Денискины рассказы».

У нас как у переводчиков возникло несколько вариантов. Первая проблема была чисто лингвистического характера. В македонском языке притяжательные прилагательные, образованные от имен собственных, используются гораздо реже, чем в русском языке, а тем более притяжательные прилагательные, образованные от деминутивов, которые вообще невозможны. Поэтому название «Денисовите раскази» было отброшено первым. Тогда мы пошли путем создания модели «рассказы кого» (Расказите на Денисче»). Имя «Денис» как таковое в македонском языке используется: «Денис, фран. Denis, од грч. Διονύσιος, в. Дионисиј» (Станковска 1992:93), а вот уменьшительная форма – редко, так как короткие имена особенно в последнее время употребляются как есть. В словаре встречается только форма Дени. Интересно, что в македонском народном творчестве это имя не используется совсем. Его нет в «Словаре личных имен в македонском народном творчестве» (Коробар-Белчева и др.: 2008). Кроме

того, тенденция использования личных имен в последнее время отмечает отсутствие деминутивов даже от личных имен типа Александар и др. Детей с такими именами все чаще называют только полным именем, что удивительно для носителей русского языка. И в итоге было выбрано наиболее нейтральное и понятное название «Расказите на Денис».

Второй проблемой является стандартная проблема перевода безэквивалентной лексики, которая относит нас к рассказу «Что любит Мишка» и частично к некоторым другим главам. Это происходит уже в самом первом рассказе сборника «Он живой и светится»:

«Само што сите родители од нашиот двор веќе се вратија, и сите деца отидоа со нив дома и веројатно веќе пиеја чај со ѓевреци и сирење, а мојата мама сеуште ја немаше...» (Драгунски 2020: 6).

«Оказывается, в шестидесятых годах в Москве на углу Садовой-Каретной и улицы Чехова, которая сейчас называется Малой Дмитровкой, действительно продавались очень вкусные бублики. Сейчас, когда бубликом называется любой хлеб колечком, сложно представить, что такого волшебного могло быть в этих изделиях» (Readrate 2018).

«Прошли шестидесятые, куда-то делись настоящие бублики, а Дениска из «Денискиных рассказов» вырос, превратился в писателя Дениса Драгунского и очень аппетитно описал всю эту историю в эссе «Садовая, бублики и брынза» (см. Драгунский Д. 2021). Конечно, очевидно, что бублики могут быть разными по вкусу, но все равно останутся бубликами, но мы провели небольшой эксперимент, где в роли переводчиков рассказа выступили дети-билингвы, родившиеся в Македонии, но при этом неоднократно бывавшие в России. И здесь на переводе слова «бублик» словом «ѓеврек» дети начинают теряться, видя сходство в основном по форме. Тем не менее, других вариантов перевода нет, и здесь приходится оставить эту единственно подходящую лексему.

В рассказе «Что любит Мишка» маленький герой буквально создает переводческий коллапс, превращая короткий рассказ в гастрономический список, практически каждый пункт которого требует объяснения. Он перечисляет практически все возможные продукты питания, которые ему когда-либо встречались. Среди появляющихся здесь лексем встречаются исключительно русские или восточно-славянские лексемы (например, пельмени, вареники, ватрушки), которые в принципе не переводятся, а также сложные названия рыбы и колбас.

В данном случае мы использовали два варианта решения вопроса. Чисто славянские реалии поясняли при помощи сноски, а остальные названия заменили аналогичными, часто используемыми в македонском языке, чтобы не сделать текст чересчур тяжелым для маленького читателя.

Так, в тексте используются названия консервированной продукции шестидесятых годов: «Бычки в томате», «Частик в собственном соку».

Все это не будет понятно для ребенка, поэтому названия были заменены на «Харинга во доматен сос» (дословно: сельдь в томатном соусе») и «Туна во сос» («Тунец в собственном соку») – такие консервы дети знают, и здесь совершенно не имеет смысла объяснять, что такое частик (рыба, ловимая частым неводом – судак, лещ, сазан и др.) То же касается названий колбас – «Докторская», «Столовая» и других. Название «Докторская» было оставлено как советская реалия, а «Столовая» было заменено на наиболее часто встречающееся название вареной колбасы – «Посебна» (Особенная).

Следующий сложный вопрос перевода – это перевод фразеологизмов, особенно при переводе произведений для детей. Самым сложным оказался фразеологизм «Профессор кислых щей», вынесенный в заглавие рассказа. Это фразеологический оборот, касающийся человека, знающего мало, но любящего поговорить и похвалиться своими «знаниями». При этом маленькому читателю представляется нечто, связанное с кислым борщом, хотя на самом деле кислыми щами раньше называли не суп, а напиток наподобие кваса.

В черновиках А.С.Пушкина существует отрывок, подтверждающий тот факт, что лексема использовалась для обозначения напитка:

Приму в родство себе лакейство:
У них орехи подают
Да кислы щи в театре пьют (Пушкин 1959).

Аналогичного фразеологического выражения в македонском языке не нашлось, поэтому мы выбрали одно из редких слов (тюркского происхождения), обозначающее не очень умного человека. Кстати, таких слов в языке немало: абдал, акмак, алабак, билмез, вол, говедо, дибек, дударе, дудук (есть и выражение архидудук, что напоминает пушкинское: «В Академии Наук заседает князь Дундук»), зевзек, клапушко, клапчо, клен, мисир/ка, мувло, пацер, сом, тиквар, токмак, торлак, тошо, тутурутка, ќелеш, ќускија, утман, шапшал, шутрак, шушумига, (См. Дигитален речник на македонскиот јазик). Некоторые лексемы имеют слишком выраженное прямое значение и могут ввести читателя в заблуждение: например, клен (прямое значение – «рыба»), мисир/ка (индюк/индейка), ќелеш (лысый), токмак (массивная деревянная кувалда для разбивания комков земли). Поэтому такие лексемы были сразу исключены. Лексемы типа «абдал», «шапшал», «шутрак» также не подошли, потому что они используются часто, и их значение очевидно даже детям. Из наиболее подходящих остались лексемы «билмез» (используется в русском языке как фразеологизм «ни бельмеса») «дибек» и «дудук». Дудук было выбрано как наиболее редкое и непосредственно связанное с историей русской литературы.

Самым сложным оказался рассказ «Главные реки Америки», в котором шутка в названии должна быть смешной, слегка острой, но

при этом не пошлой. Сначала в своих размышлениях мы двинулись в поиске названий, которые окажутся смешными, если изменить в них одну букву (обычная македонская шутка: не Франкфурт на Майна, туку Прилеп на Лайна – дословно «Не Франкфурт-на Майне, а Прилеп на г**не»), что слишком неприлично для детской аудитории. В итоге был выбран следующий вариант игры слов: не Меси-писи, а Меси Пити (меси пироги), по-нашему мнению, для детей как раз очень смешно.

Также в текстах использовались и другие фразелогизмы.

Так, перевод фразеологизма «тютелька в тютельку» был сделан следующим образом: – Уррра! Есть! Точно!!! Тютелька в тютельку. (Драгунский 2000: 77)

– Уррра! Готово! Таман!!! Точно до грам. (Драгунски 2020: 88) Так как аналогичного фразеологизма найдено не было, было решено выбрать наиболее понятную фразу. В данном случае фраза хороша тем, что она рифмуется с предыдущим словом, создавая в строке особый ритм.

Фразеологизм «сбоку припека» был переведен так:

– Даю слово, – сказал я, – оно стоит сбоку! Сбоку припека. (Драгунский 2000: 57).

– Ти давам збор, – реков јас, – тоа стои од страна! Како приврзок. (Драгунски 2020: 64).

Здесь также не наблюдается фразеологического аналога, и было принято решение сравнить с чем-либо солнце. В переводе «приврзок» – брелок, подвеска.

Данные фразеологизмы не являются смыслообразующими, что упрощает их замену в тексте.

Рассмотрев все вышеуказанные примеры, следует подчеркнуть, что перевод, предназначенный для детской аудитории, должен быть максимально прозрачным, не перегруженным сносками и пояснениями, не содержать слишком сложной, непонятной или устаревшей лексики, но при этом быть понятным и быть близким к оригиналу. И несмотря на то, что изменились времена, исчезли многие реалии, а некоторые неизвестны иностранному читателю, при чтении срабатывает волшебство по-настоящему хорошей литературы, акцентирующей внимание на основных смыслах, заложенных в книге.

Использованная литература

Дигитален речник на македонскиот јазик, – http://drmj.eu/

Драгунская, А. 1999. *О Викторе Драгунском. Жизнь, творчество, воспоминания друзей.* М.: Химия и жизнь. 102 с.

Драгунский, Д. 2021. „Садовая, бублики и брынза“, *Москва: место встречи*, М. 512 с.

„Куда подевались бублики Виктора Драгунского?“, *ReadRate*, 30 ноября 2018- https://readrate.com/rus/news/kuda-podevalis-bubliki-viktora-dragunskogo

Пушкин А. С. 1959. Том VI: [Дополнения и исправления], Пушкин *А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Справочный том: Дополнения и исправления. Указатели.* М.; Л.: Издательство АН СССР. С. 46–50.

Речник на лични имиња во македонското народно творчество / Коробар-Белчева М., Миовска В., Момировска М., Скопје, 2008. 418 с.

Руско-македонски речник/ Чундева Н., Најческа-Сидоровска М., Накев С., Скопје, 1997, 990 с.

Русско-сербскохорватский словарь: около 52 000 слов/ Ред. Б.Станкович, М.: “Русский язык”, Нови-Сад “Матица Српска”, 1988. 986 с.

Станковска, Љ. 1992. *Речник на личните имиња кај македонците* / Скопје: Автор. 480 с.

Источники

Драгунски, В. 2020. *Расказите на Денис*. / Превод Е. Обухова, Н. Шуканов. Скопје: Прозарт Паблишинг. 360 с.

Драгунский, В.Ю. 2000. *Денискины рассказы*, М., «АСТ». 153 с.

Драгунский, В.Ю. 2017. *Денискины рассказы, 60-е годы. Советская серия*. –М., «CLEVER». 400 с.

Elena OBUKHOVA

COMPLICATED MOMENTS OF THE TRANSLATION OF "THE STORIES OF DENIS" BY VICTOR DRAGUNSKY INTO MACEDONIAN LANGUAGE

Summary: The article deals with the features of the translation of children's literature and the complexity of the translation of outdated or foreign realities. In the book written by Viktor Dragunsky we come across the chronotype of Moscow and its realities, which are unfamiliar to the Macedonian reader. The article also focuses on the translation of non-equivalent vocabulary and on the difficult moments of translation associated with wordplay.

Олга ПАНКИНА
РОО Македонски културен центар во Москва
Москва, Русија

ПРЕПРАВКИ И ПРЕИНАЧУВАЊА НА ПЕСНИ УРНЕЦИ ОД СВЕТСКАТА ПОЕТСКА РИЗНИЦА (ПЕСНАТА «ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ» ОД МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ ВО ПРЕПЕВ НА ГАНЕ ТОДОРОВСКИ)

Апстракт: Гане Тодоровски како препејувач на сто и дваесет објавени книги препеви од десетина јазици. Зошто поетот се занимава со превод/препев? Значењето што Гане Тодоровски му го придава на поетскиот превод.

Преточување на македонски јазик на песната од големиот руски поет Михаил Лермонтов „Выхожу один я на дорогу“, која пак, од своја страна е преработка на песната од Хајнрих Хајне, „Der Tod, das ist die kuhle Nacht“.

Разгледување на двете варијанти на препевот од Гане Тодоровски: „Сам сум в поле ширно што се шири…“ и „Самјак клет излегувам на патот…“. Задржување на формалните карактеристики на оригиналот. Сочувување на смислата на изворникот, на неговите битни особини. Со што се постигнува успешното пресадување на песната од Лермонтов на македонско јазично тло? Преводот како уметност, која „духовно го обединува сиот свет“.

Клучни зборови: препев, оригинал, руски, анализа, поезија

Гане Тодоровски е препејувач на сто и дваесет објавени книги препеви од десетина јазици. Зошто големиот македонски поет се занимава со превод/препев? Самиот тој објаснува: „… на поетскиот превод/препев му придавам исто значење како и на сопствената оригинална песна. Македонската литература е феномен на доцнење, но обврската на современите поети, меѓу другото, е да го компензира пропуштеното, имено она што благовремено не било сторено. Со ова го објаснувам и квантитетот на својата забележливо нагласена преведувачката актива...“ *(Орач или воин. Нови песни и препеви Гане Тодоровски Ск., 2003 стр. 119).* Луан Старова забележува: „Определбата за преведување на голем број странски автори, нивното толкување и приопштување… во основа секогаш имаат почетен национален, силно мотивиран и животно потврден агенс, кој во основата е секогаш насочен кон поширокиот, меѓународниот контекст и универзален хоризонт…“ *(Гане Тодоровски. Избрани дела. 10 том Ск., 2006 стр. 292-293 Луан Старова „Националното и универзалното во творештвото на Гане Тодоровски“).* „Јас кога осеќам дека сум изнемоштен за креативно самосоопштување преку збор, низ стих, се разбира, – пишува Гане Тодоровски – посегам кон препев. Немам ли јас што да кажам, си велам, тука се другите поети, од светот. Тие сите се подобри од мене, си велам. Има од нив што да се научи, си велам. Ќе се збогати мојот мајчин јазик, мојата литературна норма. А (...) читателите ќе се радуваат што Ботев и Пастернак и (...) други, проговориле на македонски, благодарејќи и на мојата смисла за

литературен алтруизам. За да препеваш добро и чисто, тоа значи да ги цениш премногу другите, подобрите, далеку-далеку од тебе, да им го позајмиш сето зборовно богатство. Ете го тој клуч на психолошко и литературно здравје... Некои писатели не читаат и не умеат да ценат други автори. Знам луѓе златни и имотни, со многу ерудиција и ум и божја дарба за левтерно самосоопштување, кај кои ни знајбата на повеќе јазици, ни способноста за препознавање на убавините на одбраниот збор не ги завлекла по искушенијата и авантурите на литературниот алтруизам – да им се позајмуваш на другите. Тоа за мене не е само авторски егоизам. Тоа е признак на интелектуална деградација“ *(Синтези, 2012-26 стр. 56-57 Од заоставнината на Гане Тодоровски: Писмо до Јован Павловски).* Според Гане Тодоровски, „(…) преведувачката уметност духовно го обединува светот“ (*Јавнопис Гане Тодоровски Ск., 2009 стр. 247*). Ефтим Клетников истакнува: „(…) на препејувачката дејност гледа како на препознавање на своето во „туѓото“ поетско битие. Така тој им приоѓа на сите преводи“ (*Орач или воин. Нови песни и препеви Гане Тодоровски Ск., 2003 стр. 19 Предговор на Евтим Клетников*).

Сега, кога знаеме зошто Гане Тодоровски препејува, треба да утврдиме како го прави тоа, од кои критериуми се раководи. „(…) препевот не смее да живее на славата од својот изворник, туку напротив: максимално да ја илустрира неговата вредност. Ако препевот ги урива нормите на јазикот во кој е излеан, ако не соумева да ги искористи изразните богатства, стилот, колоритот на тој јазик, тогаш не помага ниту името на големиот автор, ниту славата на неговото големо дело“. Покрај првото прашање – колку препевот може да егзистира како поетска творба на македонски јазик, од големо значење е и второто – колку препевот е верна слика на оригиналот.

Ќе се обидеме да разгледаме како Гане Тодоровски ја преточи на македонски јазик песната «Выхожу один я на дорогу» (1841) од рускиот поет Михаил Лермонтов. За анализирање ја одбравме токму оваа песна бидејќи интересен е и самиот факт што Гане Тодоровски на читателите им нуди два препева на истата песна на Лермонтов: „Сам сум в поле“ и „Самјак клет“ (за прв пат препевот е објавен во книгата „Орач или воин. Нови песни и препеви Гане Тодоровски“ Ск., 2003).

Веднаш треба да забележиме дека песната «Выхожу один я на дорогу…» од Михаил Лермонтов во целост се состои од општи места од романтичната поезија на таа епоха и е многу созвучна со песната на Хајнрих Хајне «Der Tod, das ist die kühle Nacht...», што може да се воспримі како слободен превод од германски или преработка на мотивот.

Да се вратиме кон препевите на Гане Тодоровски.

Композиција: Двата преведени текста ги задржуваат формалните карактеристики на оригиналот – 5 строфи се римувани според шемата на оригиналот. Хорејскиот петерец (петтостапниот хорej) е задржан секаде, со тоа што македонскиот јазик, којшто има постојан акцент, потеш-

ко го прифаќа овој метрички систем. Пеењето на хорej главно добива свој природен тек, повторувањето на едносложните зборови е избегнато. Стриктно е сочувано редувањето на машките и на женските рими.

/- /- /- /- /-
/- /- /- /- /
/- /- /- /- /-
/- /- /- /- /

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Сам сум в поле ширно што се шири,
Преку магли друм долг блескоти.
Тиха ноќ е. Сиот свет се смирил,
Sвездичка со sвезда шепоти.

Самјак клет излегувам на патот;
Сјае тој ко кремен в магла збран.
Тивка ноќ е. Сипе божјо злато.
Сводот sвезден е расприкажан!

Сега ќе видиме дали и во која мера во препевите на Гане Тодоровски се сочувани смислата и содржината на изворникот, како и неговите битни карактеристики.

1. строфа

Лирскиот херој, осамен, излегува на патот. «Самјак клет излегувам на патот» е поблиску до оригиналот отколку „Сам сум в поле ширно што се шири“. Употребата на придавката „клет“ што ја додава Тодоровски е донекаде оправдана поради тоа што во европската поезија од тоа време постои изразот «клет поет», кој е отфрлен и настрадан во животот. Во вториот стих Лермонтов го употребува синонимот на зборот «дорога» – «патот» и го определува како «кремнистый» (каменлив, кременлив). Токму затоа патот блескоти дури и во магла. Овој краток детал многу точно го карактеризира кавкаскиот пејзаж. Тодоровски во првата варијанта на препевот ја испушта оваа придавка, всушност ја заменува со определбата „долг“ – „Преку магли друм долг блескоти“. Другата варијанта е поблиска до оригиналот, препејувачот го употребува зборот „кремен“, пишувајќи „Сјае тој ко кремен в магла збран“, што донекаде ја затемнува содржината на Лермонтовата песна, во која, како што веќе одбележавме, патот блескоти не како кремен, туку блескоти бидејќи навистина е од кремен. Во третиот стих реченицата «Ночь тиха.» е преведена буквално во двата превода, но со промена на ре-

дот на зборовите: „Тиха ноќ е.“, „Тивка ноќ е.“ Натаму кај Лермонтов следуваат зборовите: «Пустыня внемлет Богу», кои се многу важни за авторот. Да не зборуваме за религиозноста на Лермонтов, но ќе размислиме за која «пустыня» („пустина“) се работи во песната. Секако, «пустыня» е помалку географски поим, карактеристика на почвата, туку е гнасотија на пустелијата, празнина направена со човекови раце. „Пустината“ кај Лермонтов е алузија на испразнетост, осакатеност на духовниот живот во цивилизираното општество. Во разгледуваната песна на Лермонтов чувството на осаменост се подвлекува, се засилува со своевидна тавтологија: лирскиот херој во таа пустина се наоѓа потполно сам, тој бара помош од некого. Затоа „пустината“ го слуша Бога, слуша (тоа е четвртиот стих во строфата) како „ѕвезда со ѕвезда зборува“. Кај Гане Тодоровски во првата варијанта на преводот читаме „Сиот свет се смирил“. Тоа значи дека околу лирскиот херој е тивко, мирно и разбираме зошто – тој е сам на празен отворен простор, «в поле ширно што се шири» (прв ред од строфата). Еве ја таа «пустина» за која ни кажува Лермонтов. Во втората варијанта мотивот на осаменост не е изразен толку очигледно како во првата. По зборовите „Тивка ноќ е.“, Тодоровски продолжува: „Сипе божјо злато“. Тука ни е важен зборот „божјо“, преку овој збор пак сме поврзани со оригиналот. Што се однесува до последниот стих во строфата, во првата варијанта преведен е многу блиску до оригиналот („ѕвездичка со ѕвезда шепоти“), а во втората варијанта – подалеку („Сводот ѕвезден е расприкажан!“), иако треба да констатираме дека тука се соочуваме со една многу убава поетска креација на Тодоровски.

2. строфа

Втората строфа Лермонтов ја почнува со восхит – колку е сѐ убаво средено, зачудувачки прекрасно и свечено на небото! Преводот на Тодоровски („Небото со таинства е полно“) по наше мислење не ги пренесува сите нијанси на сликата создадена од Лермонтов, а во втората варијанта, зборовите „Звук од сводот волшебен се слуша“ немаат врска со оригиналот, тие го дуплираат кажаното погоре („Сводот … е расприкажан„). Вториот стих во разгледуваната строфа е точно преведен во двата случаи: „Спие земјата во тивок час“ и „Спие светот втонат в синкав плам“, притоа второто е поблизу до оригиналниот текст. Натаму Лермонтов го употребува приемот на антитеза: ги спротивставува „чудесното свечено небо“ и страдањата на осамениот, опкружен со пустина, никому непотребен човек, чиј поглед, сепак, е насочен кон високото, кон небото. Важно е да се подвлече дека Лермонтов во оваа песна не ја користи обичната антитеза – високото небо и ниската земја. Поетот тргнал по друг пат: тој на својот лирски херој, кој страда во пустината, му го подари небото директно на самата земја, која „спие во син сјај“ на космосот. Наредниот ред «Что же мне так больно и так трудно?» во првата варијанта е преведен апсолутно верно на оригиналот: „Зошто ми е толку тешко, болно?“,

а во втората варијанта малку послободно: „Што ли толку ми тежи врз душа?“. Последниот ред во втората строфа «Жду ль чего? Жалею ли о чем?» звучи како: „Што ли чекам, што ли пекам јас?“ во првата варијанта и „Што ли жалам? По што копнеам?“ во втората. И едното, и другото е доста блиску до оригиналот. Тодоровски го засилува прашањето поставено во песната на Лермонтов - дали сè уште нешто чека од животот лирскиот херој? – со тоа што во двата препева ги додава експресивно обоените глаголи: «пекам» во првиот случај и „копнеам“ во вториот.

3. строфа

Во првите два стиха на третата строфа лирскиот херој на Лермонтов со многу едноставни зборови дава одговор на прашањето поставено погоре: ништо од животот не очекува и за ништо не жали: «Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть.». Во препевите Гане Тодоровски оваа мисла ја проширува и надополнува со нијанси; во првата варијанта имаме: «Не сум му на животот јас должник, / Дните прежни не ми веат страв;» и во втората: „Ништо јас од животот штур нејќев, / Ниту јад кон дните прежни збрав!“ (претпоставуваме дека зборот „прежни“ е русизам). Гане ни објаснува дека лирскиот херој се однесува кон минатото без страв и без јад, што е надвор од оригиналот, но не оди во расчекор со смислата. Во наредните два стиха лирскиот херој кај Лермонтов пак, многу просто ни кажува што бара и што сака: «Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть!». Тодоровски пак малку послободно ги толкува овие зборови. Во првата варијанта на препевот имаме: „Сакам мир јас, сакам спокој божји, / В сон да втонам, во брз заборав.“ Употребените зборови „мир“ и „спокој“ се синоними со исто значење, за жал испуштен е важниот поим „слободата“. Определбата „божји“ (спокој) тука е на свое место, бидејќи во првата строфа зборот „Бог“ («Пустыня внемлет Богу») е испуштен, но е многу значаен за Лермонтов. Придавката „брз“ за зборот „заборав“, по мое мислење, е ставена само поради размерот и не се поклопува со смислата – на лирскиот херој не му се брза, тој натаму бавно и детално размислува за иднината, па и самиот Гане пишува за неговата желба „в сон да втони“, што не се прави наеднаш. Втората варијанта на препевот звучи: „Слободен да сум и троа среќен / Сиот живот си се надевав!“. По наше мислење, таа е подалеку од оригиналот во споредба со првата варијанта. Не се спомнува желбата на лирскиот херој да има спокој, да се заборави и да заспие. Тоа е многу важен момент бидејќи натаму, во 4-та строфа, тој објаснува како, со каков сон сака да заспие.

4. строфа

Лирскиот херој не сака да заспие со студен гробен сон. Тодоровски препејува вака: во првата варијанта „Нејќам гробен сон“ и додава уште „ни јанзи тешки“ (што е прифатливо со оглед на контекстот), а во втората варијанта: „Не ни брзав прерано в гроб студен“. Гане пишува

за „гроб студен“, а Лермонтов „за сон студен“. Смртта е неизбежност и не зависи од човековата желба. И нормално е на човекот да не му се брза в гроб. Така што, по наше мислење, првата варијанта е подобра од втората. Натаму лирскиот херој објаснува дека «би сакал засекогаш да заспие», «Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь». Гане Тодоровски пишува вака: „Имам желба в прав да заспијам. / Знам ме горат уште чувства жешки, / В гради пече порив жив и плам“ (во првата варијанта) и „Сакав само со чист, ведар лик / Младувајќи до денот свој суден / Да си бидам врл занесеник!“. Тука препевот се одликува од оригиналот, кај Лермонтов се работи за „дремка на животните сили“, „тивко бавно дишење“, а кај Тодоровски се зборува за „чувства жешки, порив жив и плам“ што пече в гради, херојот сака „со чист ведар лик“ да си биде “врл занесеник!(со извичник)“.

5. строфа

Во петата строфа лирскиот херој продолжува да кажува за каков сон моли – тој сака две работи: и ноќе и дење да му пее за љубовта некој „сладок глас“ и да му се наведне и над него да шумоли еден темен даб со секогаш зелени лисја. Еве што пишува Тодоровски во врска со првата желба: во првата варијанта „И да слушам ноќе (заб. кај Лермонтов и дење) како пее / Славејот низ глас со љубов полн“ и во втората варијанта: „Сакам љубовта да фрли мрежа, / Да ме грабне во свој вечен плен». Како што веќе истакнавме Лермонтов не ни кажува кому му припаѓа тој „сладок глас“ - кај Гане во првиот случај тоа е гласот на славеј (впрочем како и кај Хајне), а во вториот препејувачот воопшто не го споменува тој глас туку пишува за желбата на лирскиот херој да се најде во „љубовен плен“, изгледа поаѓајќи од претпоставката дека «гласот» поради епитетот „сладок“ (благ, нежен) може да му припаѓа на ангелот. Но ангел може да биде и Таа, љубената! Во тој случај, ова послободно толкување на оригиналот има право на постоење. Втората желба на лирскиот херој е изразена во последните два реда кои се токму Лермонтови. Дабот е едно од најсаканите дрвја на поетот. Токму тоа дрво во нашата свест се асоцира со долговечност. Кај Лермонтов дабот е „темен“ бидејќи е многувековен. Кај Тодоровски дабот е „стар“ во првата варијанта и „благун“ во втората. Благун е даб што има благи лисја или благи желади, расте на карпи, се среќава и на Кавказот. Така што употребата на зборот „благун“ во овој контекст е сосема дозволиво. Во оригиналот „дабот“ (вкоренет и издржлив, ниту силен ветар ниту ураган не може да го натера да се наведне) се наведнува над поетот по волја на тој кој „бара слобода и спокој“. За жал, оваа важна мисла не е одразена во препевот. Но без оглед на тоа последните два реда во обете варијанти на препевот на Лермонтовата песна се врв на поетскиот израз на Гане Тодоровски.

По споредувањето на текстовите на оригиналот и на препевите и нивното попрецизно анализирање можеме да го констатираме следно-

во: Гане Тодоровски многу точно ја пренел **идејата** на песната – размислување за вселената, вечноста, животот и смртта, за судбината на поетот. **На лексичко-граматичкото ниво,** како во изворникот така и во преводот (во двете варијанти), преовладуваат зборовите со апстрактно значење (живот, слобода, мир, спокој, љубов); **настроението** на осаменост, тага и тревога го предаваат придавките (сам, клет, тивок, гробен, вечен, студен), во помал степен именките (самјак, страв, гроб) и прилозите (тешко, болно); глаголите предимно се употребени во сегашно време со цел да го засилат чувството на вечност, трајност, космос (во изворната Лермонтова песна нема ниту еден глагол употребен во форма на минато време, кај Тодоровски сепак има); желбите се изразуваат со форми за заповеден начин (со честицата *би,* скратена до *б*) во оригиналот на руски – «Я б хотел», «Я б желал» и со зборовите «имам желба да…» (глагол+именка+да+ глагол), «сакам да…» (глагом+да+глагол), «копнеж таев да…» (именка+глагол+да+глагол) во преводот; реченици-те се сложени, бидејќи го предаваат процесот на размислување на лирскиот херој кога тој е сам. **Ритмичко-интонациско ниво**: Песната «Выхожу один я на дорогу» има напевна тоналност, но започнува со «говорна» интонација, епска, која е карактеристична за првите два стиха. Од третиот стих започнува бавното, божем срамежливо, подигање на гласот, кое посилно доаѓа до израз во прашањата: «Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? Жалею ли о чем?». Третата строфа (во средината на песната) го заклучува во себе директното обраќање на херојот кон Господ, и затоа таа завршува со најсилно подигање на гласот, што графички е обележано со извичници. Последните две строфи имаат сосема друг карактер: тие се пример на една тивка молитва во која гласот станува сè потивок и потивок, се претворува во шепотење (за што придонесува и алитерацијата на „ш“) и буквално стивнува на последниот збор. Треба да констатираме дека (освен четвртата строфа) Гане Тодоровски многу успешно ја запазува ритмиката и интонацијата на оригиналот. Како и Лермонтов, препејувачот во завршните два стиха на песната постигнува извонреден ефект според силата на дејството врз читателот или слушателот.

На крајот основано можеме да заклучиме дека двата препева на песната од Михаил Лермонтов направени од страна на Гане Тодоровски се верни слики на оригиналот (со тоа што, по наше мислење, првата варијанта е поблиска до изворниот текст) и можат да егзистираат како поетска творба на македонски јазик. И не само што можат, туку и навистина егзистираат!

Преведувачот Гане Тодоровски како рудар ја ископал сета руда на делото, го испревртел секое негово камче и сета содржина пак ја сложил, но во друг јазик со ништо не оштетувајќи ги ниту делото, ниту авторот, ниту читателот. Рефератот сакаме да го завршиме со зборовите на Паскал Гилевски: „…каква е таа тајна што ги прави толку шар-

мантни неговите песни и неговите препеви. Способноста за синтеза. Да, да се сплоти поетското со реалното, душата со телото, содржината со техниката. Гане Тодоровски е редок наш (македонски) препејувач кој успева, низ беспрекорниот технички (уметнички) спрег да ѝ внесе душа, жив здив на песната што се препејува, да не биде таа скелет, сувопарен сурогат, аритметичка смрзната катедрала од тактички звуци и одзиви, туку топла, крвополна, спонтана и оригинална творба, натопена во инспирација и восхит. Затоа неговите препеви ќе се вбројуваат меѓу најзначајните остварувања во целокупната македонска литература и книжевност, во целокупната култура" (*„Маѓепсаниот меѓдан" Гане Тодоровски, Ск., 1979, стр. 578 Поговор од Паскал Гилевски*).

Нека како во песната на Михаил Лермонтов и во препевите на таа песна од Гане Тодоровски дабот во селото Кожле вечно му вее и шумоли на големиот македонски поет и препејувач Гане Тодоровски.

Користена литература

Синтези, 2012-26. Од заоставнината на Гане Тодоровски: Писмо до Јован Павловски

Тодоровски Г. 2006. *Избрани дела*. 10 том. Скопје.

Тодоровски Г. 2009. *Јавнопис*. Скопје.

Тодоровски Г. 1979. *Маѓепсаниот меѓдан*. Скопје.

Тодоровски Г. 2003. *Орач или воин. Нови песни и препеви*. Скопје.

Olga PANKINA

MODIFICATIONS AND ALTERATIONS OF POEMS OF WORLD POETRY TREASURY (MIKHAIL LERMONTOV'S POEM «ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ» IN TRANSLATION OF GANE TODOROVSKI

Summary: Gane Todorovski as a translator of 120 published books which are translations of about 10 languages. Why does a poet translate? Significance which Gane Todorovski gives to the translation of poetry.

Translation of the great Russian poet Mikhail Lermontov's poem "Выхожу один я на дорогу" into the Macedonian language which, in its turn, is a remake of Heinrich Heine's poem „Der Tod, das ist die kuhle Nacht".

Studying two versions of Gane Todorovski's translations („Сам сум в поле ширно што се шири…" и „Самјак клет излегувам на патот…"). Preserving the formal characteristics of the original text. Preserving of the meaning of the original text, of its main specifics. What makes the placing of Lermontov's poem on the Macedonian language soil successful. Translation as art that "spiritually unites the world".

Выхожу один я на дорогу; Сквозь туман кремнистый путь блестит. Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, И звезда с звездою говорит. В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье голубом... Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? Жалею ли о чём? Уж не жду от жизни ничего я, И не жаль мне прошлого ничуть. Я ищу свободы и покоя! Я б хотел забыться и заснуть! Но не тем холодным сном могилы... Я б желал навеки так заснуть, Чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь, Чтоб, всю ночь, весь день мой слух лелея, Про любовь мне сладкий голос пел, Надо мной чтоб, вечно зеленея, Темный дуб склонялся и шумел.	Сам сум в поле ширно што се шири, Преку магли друм долг блескоти. Тиха ноќ е. Сиот свет се смирил, Sвездичка со sвезда шепоти. Небото со таинства е полно, Спие земјата во тивок час. Зошто ми е толку тешко, болно? Што ли чекам, што ли пекам јас? Не сум му на животот јас должник, Дните прежни не ми веат страв; Сакам мир јас, сакам спокој божји, В сон да втонам, во брз заборав. Нејќам гробен сон, ни јаnsи тешки, Имам желба в прав да заспијам. Знам, ме горат уште чувства жешки, В гради пече порив жив и плам. И да слушам ноќе како пее Славејот низ глас со љубов полн, Повеј благ да шумоли, да вее Дабот стар под сонлив небосклон.	Самјак клет излегувам на патот; Сјае тој ко кремен в магла збран. Тивка ноќ е. Сипе божјо злато. Сводот sвезден е расприкажан! Звук од сводот волшебен се слуша. Спие светот втонат в синкав плам. Што ли толку ми тежи врз душа? Што ли жалам? По што копнеам? Ништо јас од животот штур нејќев, Ниту јад кон дните прежни збрав! Слободен да сум и троа среќен Сиот живот си се надевав! Не ни брзав прерано в гроб студен... Сакав само со чист, ведар лик Младувајќи до денот свој суден Да си бидам врл занесеник! Сакам љубовта да фрли мрежа, Да ме грабне во свој вечен плен. Копнеж таев под благун да лежам, Да му слушам шуштеж волшебен.

КУЛТУРА

Ольга ГУБАНОВА
Филологический факультет
Российского университета дружбы народов
Москва, Россия

РОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА: ТЕКСТ И ОБРАЗ

Аннотация: Статья посвящена семиотическому анализу рекламных и социальных плакатов с точки зрения использования в них образов российского культурного наследия, в основном из области литературы и искусства. Под плакатом понимается определённый мультимодальный комплекс, состоящий из вербальных и невербальных элементов. В частности, рассматриваются фрагменты прецедентного текста и метатекста, которые широко используются в данный момент в сфере рекламы. Таким образом, плакат предстает в виде интертекстуального семиотического образа культуры, являясь примером национально-ориентированной рекламы.

Ключевые слова: российское культурное наследие, реклама, семиотика, знак, национально-ориентированная реклама.

Введение

С каждым годом значение рекламы и ее количество в жизни человека увеличиваются. Очень часто реклама поднимает важные социальные и философские проблемы, которые являются актуальными для общества. Для достижения максимального эффекта воздействия на реципиента используется множество способов, среди которых преобладает прием сочетания вербальных и визуальных знаковых систем.

Как уже было сказано ранее, в основе современного плаката лежит сочетание вербальных и невербальных элементов, проанализировать которые возможно с помощью семиотического анализа. Семиотика – это наука, которая исследует свойства знаков и знаковых систем. Предметом ее изучения выступают «закономерности, тенденции, особенности возникновения и функционирования знаков и знаковых систем в знаковом поведении (т.е. использующем знаки) и знаковой коммуникации» (Кавинкина 2011). В связи с достаточно обширным полем интересов область применения семиотического метода также широка. Так, семиотика рассматривает вопросы человеческой коммуникации с помощью различных семиотических кодов, проблему развития и возникновения культуры и видов искусства, что делает ее особенно актуальной в данный момент времени, поскольку происходит синтез междисциплинарных исследований, представляющих взаимодействие различных духовных сфер, и появляется все больший интерес к процессу коммуникации в современном мире. Под коммуникацией мы понимаем процесс взаимодействия людей, в ходе которого происходит обмен информацией не только вербально, но и невербально, то есть через различные знаки и жесты.

Знак, основная единица семиотики, согласно Пирсу, – это совокупность трёх элементов: самого знака, то есть формы, которая не всегда может быть выражена вербально, объекта, то есть самого предмета или явления в окружающем мире, и смысла, выводимого из знака. Однако «языковой знак связывает не вещь и её название, а понятие и акустический образ», в связи с этим возможно недопонимание в процессе коммуникации (Соссюр 1999).

Чарльз Пирс предложил также классификацию знаков, в основе которой лежит соотношение между формой и содержанием. Согласно ей, в природе существуют три вида знаков – иконические, индексальные и символические. Так, знаки-иконы основаны на подобии формы и содержания, знаки-индексы – на смежности в пространственно-временных или причинно-следственных отношениях, а знаки-символы – на отсутствии сходства или физической смежности между означающим и означаемым.

Сейчас, в период развития рекламы и ее анализа, для которого крайне важно соотношение формы, смысла и объекта, данное определение и классификация знака являются по-прежнему актуальными. В качестве примера функционирования знаков в семиотическом пространстве культуры рассмотрим такой объект рекламного дискурса как рекламный плакат.

Современный рекламный плакат как поликодовый текст

Рекламный плакат в городской среде – это семиотический объект, в котором соединяется множество семиотических систем. Их анализом занимается отдельное направление семиотики – семиотика культуры. Семиотика культуры, согласно Ю. М. Лотману, – это «дисциплина, рассматривающая взаимодействие разноустроенных семиотических систем, внутреннюю неравномерность семиотического пространства, необходимость культурного и семиотического полиглотизма» (Лотман 1992: 129-132).

Рассмотрим более подробно этапы создания текста, которые предлагает Ю.М. Лотман. Так, изначально производится высказывание на первом, «естественном», языке, которое кодируется второй раз и превращается в текст. Таким образом, получается текст «второго порядка», который состоит из «расположенных на одном иерархическом уровне подтекстов на разных и взаимно не выводимых друг из друга языках» (Лотман 1992: 129-132). Однако наиболее интересным и сложным этапом является создание художественного текста на базе вторичного. Именно этот момент характеризуется возникновением различных «семиотических миров», контекстов и иных сообщений, которые видит читатель. Важно отметить, что из-за способности «накапливать» информацию, обрастать новыми подтекстами, сообщение усложняется и начинает передавать новые смыслы, не заложенные ранее автором,

что можно проследить на примере современных рекламных плакатов.

Таким образом, текст, а в частности и плакат, – «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» (Лотман 1992: 129-132).

Также для создания и анализа плаката важны понятия *текста* и *метатекста*, поскольку именно вербальная составляющая рекламы играет важную роль. Так, текст – это «не только внутренне организованное письменное произведение, но и записанная или звучащая речь, относительно законченная по своему содержанию и строению» [Ахметбекова 2018], что отличает ее от устной спонтанной речи. В это время метатексты представляют собой текст-реакцию на иные тексты («прототексты»). Важно отметить, что метатекстовый характер может приобретать любая часть плаката, которая призвана упростить понимание предмета изучения для реципиента, что является главной целью создания рекламного плаката.

Кроме того, чтобы человек лучше понял рекламу и смог соотнести ее героя с собой, нередко используются прецедентные тексты. Так, Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов 1987: 216). То есть прецедентный характер носят имена деятелей культуры, героев книг и иных достижений духовной сферы нации или народа, что наблюдается в современном рекламном плакате.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что рекламный плакат – это комплекс множества вербальных и невербальных средств, в которых используются различные элементы, в частности элементы прецедентного текста, метатекста, а также семиотические системы, которые помогают достичь успешности коммуникации. Это позволяет нам считать рекламный плакат примером поликодового текста. Поликодовый текст – это такой тип текста, «который не ограничивается вербальной письменной репрезентацией, поскольку включает знаки другой природы, например, изобразительные, воспринимаемые визуально» (Рыбинок 2021: 85-86). Данный тип текстов представляет собой сложное «интерсемиотическое единство», где в зависимости от сферы применения на первый план будет выходить тот или иной компонент, однако они всегда будут составлять единое целое.

Охарактеризуем более подробно компоненты поликодового текста. Так, вербальный элемент – это устный или письменный текст, заключающий в себе основной смысл рекламы. В это время визуальный

элемент, воспринимаемыми в первую очередь человеком, может быть разделён на несколько групп. А. Н. Баранов и Л. Б. Паршин предлагают отнести различные шрифты на плоскости к топографическим средствам, их цвет – к хромографическим средствам, а формальные средства презентации, то есть насыщенность, наклон или сочетание прописных и строчных букв, – к супраграмемным средствам (Баранов 1989). Разумное соединение данных элементов во многом обуславливает успешность плаката, поскольку, как утверждает Р. Барт, «наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для общества знаковых систем ориентирована на восприятие посредством зрения» (Барт 1994), поэтому так важно визуальное оформление.

Также в зависимости от степени связи между вербальными и невербальными элементами, как утверждает Е.Е.Анисимова (Анисимова 2003), поликодовые тексты можно разделить на тексты с частичной креолизацией, когда иконические знаки выступают лишь второстепенными элементами, а основное значение имеет текст, и полной креализацией, когда заметна прочная связь между элементами. Ко второму типу относятся современные рекламные плакаты, поскольку визуальный и текстовый компоненты лишь вместе могут донести смысл, заложенный автором.

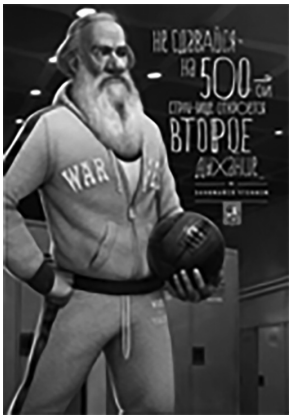
Семиотический анализ рекламных плакатов

Основным критерием отбора рекламных плакатов было наличие прецендентного образа, который связан с культурной жизнью России, поскольку данная тема, на наш взгляд, является актуальной.

Кампания «Занимайся чтением», запущенная креативным агентством SLAVA в сотрудничестве с Роспечатью и Союзом книготорговцев, является наиболее узнаваемой и популярной, что связано, как мы считаем, с широким распространением данной рекламной кампании как в метро, так и на улицах Москвы.

На первом плакате серии изображён Лев Николаевич Толстой, известный русский писатель, творчество которого зачастую ассоциируется с большими объемами произведений. Поэтому он советует не сдаваться, на «500-ой странице откроется второе дыхание». Данная надпись выполнена крупным тонким шрифтом, который особенного выделяет слова «500-ой» и «второе», что также напоминает нам о продолжительности работ Толстого. Также особое внимание заслуживает фигура самого автора. Он, как и другие деятели искусства в данной кампании, облачен в спортивный костюм, как бы еще раз напоминая нам о главной цели постера – регулярно заниматься чтением, как спортом. Спортивная форма представлена в сером цвете, где также заметны темно-зелёные надписи «War&Peace» - название самого знаменитого произведения Толстого «Война и мир». Данное сочетание, на наш взгляд, также не случайно – оно достаточно популярно среди молодёжи на настоящий момент, что позволяет сделать картинку более доступной и приятной для восприятия и понимания. Кроме того, в

«Войне и мире», где одним из самых известных у читателя сюжетных моментов является монолог Андрея Болконского у дуба, фигурирует зелёный цвет, и использование именно данного цвета позволяет сделать отсылку к этому эпизоду.



Изображение 1

Внимание в облике Л.Н. Толстого также привлекает борода, напоминающая нам о реальной фигуре писателя, и, вместе с тем, позволяя создать образ мудрого и просвещённого старца, который даёт дельный совет – заниматься чтением.

Вторым писателем кампании «Занимайся чтением» стал Антон Павлович Чехов, приобретший популярность за счёт небольших юмористических рассказов. Поэтому на плакате он советует делать «3 подхода по 7 страниц ежедневно – и результат заметен через неделю». Данный текст написан таким же шрифтом, что и на проанализированном выше плакате, однако фокус внимания смещён на цифры и слова «результат» и «неделю», что мотивирует реципиента оценить малое количество затрачиваемых сил на чтение и получение быстрых результатов работы.

Изображение 2

На данном плакате А.П. Чехов одет в темно-синий костюм с белыми полосками. Однако особо внимательный читатель заметит птицу, что в сочетании с цветом одежды делает отсылку на знаменитую пьесу драматурга «Чайка». На плакате Чехов изображен с моноклем в современной рисовке. Затем, прочитав надпись и спустившись к самому низу плаката, читатель наблюдает белые кроссовки, на которых изображена чёрным крупным шрифтом надпись «CHE», то есть Chekhov, возвращая нас к фамилии драматурга. Сочетание множественных отсылок на личность А.П. Чехова делает этот плакат запоминающимся и понятным для реципиента.

Ни одна литературная кампания не может пропустить личность Александра Сергеевича Пушкина. Он рекомендует начинать чтение с «небольших текстов, постепенно увеличивать нагрузку». Данная надпись также выполнена в стилистике прошлых плакатов, однако здесь внимание читателя приковывают слова «начинай с текстов» и «увеличивай нагрузку». Также внимание прикрывает буква «е» в слове *постепенно*, которая как бы «растекается», акцентируя внимание на продолжительности процесса. Важно отметить подтекст фразы – А.С. Пушкин стал известен благодаря поэтическим текстам, однако затем перешёл к прозе и начал создавать более объемные произведения, что помогает лучше соотнести текст с личностью автора.

Изображение 3

На плакате отображены характерные черты А.С. Пушкина – густые, темные волосы и знаменитые бакенбарды. Также писатель облачен в красный спортивный костюм, на котором вышиты два перекрещенных револьвера, что напоминает нам об обстоятельствах смерти Пушкина - он получил смертельное ранение во время дуэли с Дантесом. Такое сочетание портрета А.С. Пушкина и отсылок на его личность позволяют читателю заинтересоваться как постером, так и предлагаемым советом.

Таким образом, кампания «Занимайся чтением» и плакаты, выпущенные в ходе этой кампании, являются примером поликодового тек-

ста, где органично соединены элементы текста (надписи-советы писателей), невербальные элементы (изображения литераторов и фраз) и отсылки на литературу и историю России.

Кампания «Классики против пиратства», подготовленная агентством JWT Russia для Российского книжного союза, призвана обратить внимание на проблему нелегального пользования интеллектуальной собственностью, что является достаточно актуальным для российской действительности.

Изображение 4

Изображение 5

Изображение 6

Изображение 7

Первый плакат в серии посвящён А.П. Чехову, известному драматургу с образованием врача, что обуславливает его изображение в классическом медицинском халате и с медицинскими инструментами. Как и в предыдущей кампании, портрет автора сохраняет известные черты внешности и деталь в виде монокля.

Справа от фигуры врача Чехова изображена темно-коричневым жирным шрифтом с потертостями, имитирующими старину, надпись «Одним великим врачом больше. Одним великим писателем меньше». Под ней также находится напоминание, выделенное белым цветом и рамкой из тени: «Если бы в XIX веке существовало интернет-пиратство, многим писателям пришлось бы менять профессию», имя деятеля и предполагаемая профессия – «А.П. Чехов. Уездный врач». Также важно отметить, что помимо шрифта эффект перенесения читателя в прошлое достигается за счёт песочно-коричневой гаммы всего плаката. Однако слова «интернет-пиратство» и актуализированное изображение Чехова напоминают реципиенту об актуальности проблемы.

Второй плакат кампании изображает Фёдора Михайловича Достоевского, русского писателя-прозаика, за карточным столом. Данная деталь отсылает нас к факту из его биографии – он страдал игорной зависимостью, что отражено на постере также с помощью карт, зажатых в руке и разложенных на столе.

Как и ранее, справа от писателя изображена надпись «Одним игроком больше. Одним великим писателем меньше». Важно отметить, что сверху слова «игроком» имеется знак, который обозначает сноску – «увлекался азартными играми». Данная фраза необходима, поскольку не каждый человек, интересующийся литературой и культурой России, знаком с данным фактом из биографии Ф.М. Достоевского. Далее идёт имя писателя и уже известное нам выражением об интернет-пиратстве.

На третьем плакате изображён Сергей Александрович Есенин – русский поэт, который здесь предстаёт в образе мясника. На это указывает нож в его руках и куски мяса вокруг автора. Затем идёт фраза «Одним мясником больше. Одним великим поэтом меньше», где слово «мясником» пояснено с помощью сноски, уточняющей биографию С.А. Есенина – «по окончании школы работал в мясной лавке». Завершающим элементом работы стали предупреждение об интернет-пиратстве и имя поэта.

Заключающий плакат в серии посвящён Максиму Горькому, русскому писателю, который предстаёт в образе продавца сладостей, на что указывает самовар, коробка с печеньем в его руке и иные элементы, связанные с кондитерской деятельностью. Как и ранее, фраза «Одним пекарем больше. Одним великим писателем меньше", сноска в которой освещает не самый известный факт из биографии автора, текст об интернет-пиратстве и имя автора.

Таким образом, кампания «Классики против пиратства» также является примером поликодового текста, где органично представлены вербальные и невербальные элементы, а также отсылки к фактам русской культуры. Также интересно, что инициалы авторов представлены так, как они наиболее известны в обществе (А.С. Пушкин, но С. Есенин). Кроме того, успешность кампании определяет и выборка писателей – представлены не только самые известные большинству реципиентов авторы 19 века, но и 20 века, что повышает интерес аудитории.

Заключение

В ходе нашего исследования нам удалось проанализировать две рекламных кампании – «Занимайся чтением» и «Классики против пиратства». Как можно заметить, существует ряд общих вербальных и невербальных приемов, использованных для достижения эффективной коммуникации и подтверждающих поликодовый характер постеров.

При анализе текста можно отметить лаконичность, современность и актуальность фраз, которые призваны привлечь внимание реципиента. Также вербальный элемент плаката часто содержит экстралингвистическую информацию о судьбе героя рекламы (например, кампания «Занимайся чтением»), что помогает в некой просветительской деятельности кампаний.

Кроме того, заметны определённые тенденции в невербальных элементах постеров. Так, большинство кампаний выбрали контрастные жирные

крупные шрифты, которые позволяют легко и быстро прочитать текст, что особенно важно в условиях города. Также использованы различные изображения (например, в кампании «Классики против пиратства»), позволяющие более точно донести основную цель плаката до реципиента.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что современный рекламный плакат – это синтез множества вербальных и невербальных элементов, которые носят прецедентный характер, что позволяет разнообразить способы донесения информации для читателей.

Использованная литература

Анисимова, Е.Е. 2003. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов).* Москва: Академия.

Ахметбекова, А.М. 2018. «Метатекст: сущность и признаки», *Вестник КазНу*.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://articlekz.com/article/23733

Баранов, А.Н. 1989. «Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемики», *Проблемы эффективности речевой коммуникации.* Москва, 41-115.

Барт, Р. 1994. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика.* Москва: Прогресс.

Изображения рекламных плакатов серии «Занимайся чтением» https://www.sostav.ru/news/2012/05/31/slava_rospechat/

Изображения рекламных плакатов серии «Классики против пиратства» https://www.sostav.ru/publication/klassikov-vernuli-k-iznachalnym-professiyam-2950.html

Кавинкина, И.Н. 2011. *Пособие по курсу "Основы семиотики (поддерживающая и альтернативная коммуникация)» для студентов специальности 1 - 03 03 08 - 02 – Олигофренопедагогика. Логопедия.* Гродно: ГрГУ им. Я.Купалы. [Электорнный ресурс]. – Режим доступа: https://ebooks.grsu.by/osnov_semiotica/index.htm

Караулов, Ю.Н. 2010. *Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е.* Москва: Издательство ЛКИ, 264 с.

Лотман, Ю.М. 1991. *Избранные статьи. Т. 1*. Таллинн, 129-132 стр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/literature1/lotman-92b.htm

Пирс, Ч.С. 2000. *Начало прагматизма и Логические основания теории знаков.* Санкт-Петербург: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ. [Электорнный ресурс]. – Режим доступа: http://philosophystorm.org/chspirs-nachala-pragmatizma-i-logicheskie-osnovaniya-teorii-znakov#Предисловие%20от%20компилятора%20настоящей%20Книги

Рыбинок, С.Е. 2021. *Семантика нарратива в поликодовом тексте (на материале сериала Ю. Грымова «Казус Кукоцкого» по одноименному роману Л. Улицкой).* Москва, 85-86.

Соссюр, Ф. де. 1999. *Курс общей лингвистики.* Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета, 432 с.

Olga GUBANOVA

RUSSIAN CULTURAL HERITAGE IN THE CITY: TEXT AND IMAGE

Summary: The article, written by Olga Gubanova, is devoted to the semiotic analysis of advertisement and social posters from the point of view of the use of images of Russian cultural heritage, mainly from the field of literature and art. A poster represents a certain multimodal complex consisting of verbal and nonverbal elements. In particular, fragments of precedent text and metatext, which are widely used at the moment in the field of advertising, are considered. Therefore, the poster appears to be an intertextual semiotic image of culture, being an example of nationally oriented advertising.

Соња ЗДРАВКОВА-ЏЕПАРОСКА
Факултет за музичка уметност
Скопје, Македонија

БАЛЕТСКО НАСЛЕДСТВО: КЛАСИФИКАЦИЈА, СОСТАВ И КАРАКТЕРИСТИКИ

Апстракт: Балетското наследство е поврзано со најзначајните наслови во светската балетска продукција „Лебедово езеро“, „Заспаната убавица“, „Рајмонда“ др. Оваа група, т.н. „железен репертоар“, е основа во градење на програмата на сите позначајни светски театри. Прашањето што се отвора е кои дела спаѓаат во оваа група, односно според кои критериуми се селектирани делата во неа. Круцијалниот критериум е поврзан со сегментот што спаѓа во изведувачкиот пласт. Аналогно на другите сценски изведувачки практики, појдовната фиксирана матрица се моделира и се реализира преку сценскиот текст. Сценскиот текст во балетската, односно во танцовата уметност е изедначен со кореографијата и претставува клучен елемент за класификација на едно дело во групата на класично наследство. Овие претстави се во најголем дел поврзани со кореографската дејност што се одвивала кон крајот на XIX век, доминантно создадена во театрите во Русија. Вториот особено значаен ракурс во третманот на оваа проблематика е начинот на зачувување и трансферирање на кореографијата. Кога станува збор за балетското наследство и третманот на оваа група претстави може да се утврди тенденција за уметничка интервенција на нив, со цел зачувување на танцовите корпуси и осовременување на деловите што се анахрони и застарени.

Клучни зборови: балет, наследство, сценски текст, кореографија, трансферирање.

На самиот почеток, особено за аудиториумот што професионално не припаѓа на сферата на танцот, се поставува прашањето што всушност претставува **балетско наследство**. Тоа не е слободна нејасно формулирана категорија туку истата е строго определена и утврдена. Можеби ќе стане појасно доколку се спомене синтагмата „железен репертоар“, која всушност би можела да се наведе како своевидна паралела на балетското наследство (со одредени отстапки) и е далеку пофреквентно користена, но сепак, тоа е израз што не е дел од стручниот вокабулар.

Првична асоцијација на најзначајните референци на балетското творештво се делата: „Лебедово езеро“, „Заспаната убавица“, „Рајмонда“, „Жизел“, „Корсар“ итн. Сите овие дела се иманентни на балетското наследство. Еден од ретките што пишува на оваа тема е рускиот театролог Виктор Ванслов, кој нагласува дека од групата на класичното наследство „во репертоарот останаа само дваесетина претстави“ (Ванслов 1980: 107). Дваесетина дела како бројка е минорна, земајќи ја предвид севкупната продукција, која содржи илјадници креирани претстави, односно кореографии. Сепак, во овој случај математичките односи, т.е. искалкулираниот резултат не ја одразува вистинската сли-

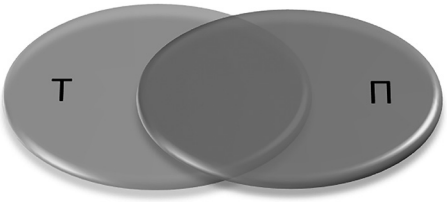
ка. Иако процентот во однос на корпусот балетски претстави е незначителен, сепак, најзначајните дела се поврзани, имено, со овој блок и претставуваат негова стожерна оска.

Во одредување, односно класифицирање на одредено дело (од набројаните) кон групата класично балетско наследство следиме неколку критериуми. Не сите редакции (за што подетално ќе стане збор во продолжение) на гореспоменатите дела се вбројуваат во секторот балетско наследство. За попрецизен осврт и третман, анализата ќе биде дополнета со уште еден параметар, кој е есенцијален и се поврзува со авторството. Делата за кои стана збор се поврзуваат со имињата на неколку кореографи и конкретен стилско-формативен период. Тоа имплицира потреба од одредување на текстовните слоеви, односно на нивоата на организација на танцовите претстави, аналогно, и креаторите на секој од овие сепаратни единици.

Типови на текст – дефинирање на составни елементи на претставата

Пред да се направи осврт кон авторите, односно кон творците што ја генерираат оваа специфична група на дела, кусо појаснувања за неколку специфики на сценскиот (имплицитно) и на танцовиот израз. Изведувачките уметности според начинот на функционирање демонстрираат присуство на мултипно авторство на различни интегративни единици, што ја прави оваа уметничка група особено комплексна. Ќе се повикам на елаборацијата и дистинкцијата на француската теоретичарка Ан Иберсфелд за текстот во изведбата (таа пишува за драмската изведба), но овој модел е функционален и во однос на балетскиот медиум.

Таа определува два вида на текст, кои ја создаваат драмската изведба и се во интерсекција помеѓу себе, а тоа се **текстот** и **претставата,** односно **сценскиот текст.** Тие се две – сосем различни по состав, знаковност, функција и организација – градбени единици.



Текстот на драмските дела се поврзува со фиксираните матрици, кои имаат атемпорална природа. Како поврзувачка алка во оваа сложена релација се надоврзува режијата, која има за цел да го обликува и да го „оживее“ текстот. За разлика од непроменливоста на литературната предлошка, сценскиот текст е динамичен, мобилен, непостојан, променлив. Секоја изведба, дури и на иста претстава, е уникатна сама по

себе. Тоа се должи на законите на сценската уметност. Овој пласт е ефемерен и темпорален. Односот на елементите може да се претстави на следниот начин:

Т (текст) + **Т`**(текст на режија) = **П** (драмска претстава)

Во однос на балетската уметност, категоријата Т - текст е исто така фиксна, таа е универзална платформа што служи за понатамошно сценско обликување. Во музичко-сценските жанрови (опера, балет, модерна или современа танцова изведба, оперета, мјузикл) се работи за дихотомен композит составен од музички и сценаристички/либретен слој. Тоа резултира со присуство на лингвистичка и музичка знаковност. Кон текст - Т базично го селектираме музичкиот пласт, односно нотната партитура на одреден балет. Балетското сценарио/сиже е многу понестабилна категорија, која често има „променлива вредност“. Не коментирајќи го во овој случај бессижејниот жанр (каде што сценариото потполно отсуствува), сепак во многу примери каде што постои сценарио следиме негово модифицирање, измени па дури и целосно рекомпонирање, односно супституција со сосем нов содржински состав. Оваа постапка е особено популарна во последните децении на XX век и продолжува до денес. Како одличен пример може да послужи балетот „Жизел“ (1982), кореографиран од Мац Ек. Во решението на претставата, добро познатата романтична, фантазмагорична приказна беше заменета со сосем реална современа ситуација. Музичката основа беше преземена целосно, без никаква интервенција.

Она што во шемата Иберсфелд го определи како Т`, во балетските претстави е базично поврзано со кореографијата. Двете компоненти ја создаваат матрицата на изведба, но таа се дополнува со нови единици. Множеството елементи што во шемата/графичкиот приказ се наоѓа од десната страна е последната станица на подготовка и реализација, а тоа е самата претстава. Балетската претстава е спој на живата танцова интерпретација и корпусот на сценски системи (Kowzan 1968). Ковзан класифицира 13 групи на елементи (декор, костим, шминка, реквизити, светло, звучни елементи итн.). Групите, односно системите, може

да варираат во однос на искористеноста, но тие се стриктно врзани со последниот елемент од шемата П. Тоа е условено од самата природа на изведувачките уметности. Кога станува збор за сценските изведби мора да се подвлече дека тие се мултиканални, мултисистемски и мултикодовни. Поради нивната сложена организација, комуникацијата изведувач-реципиент се одвива симултано, користејќи повеќе медиуми, канали и кодови. Односот што првично беше дефиниран за драмските изведби, преведен на полето на балетската изразност би бил изразен преку следната релација:

Т (музичка партитура/сценарио) + **К** (кореографија) = **П** (балетска претстава)

Неколку дополнителни паралели ќе бидат наведени за да се создаде прецизна слика на функционирањето на овој сложен изведувачки механизам. Константата текст во драмската уметност има множество на „читања“ односно поставки. Постојат илјадници режии на текстот на Шекспировиот Хамлет. Во балетскиот театар ситуацијата е идентична, еден појдовен текст е предлошка за неограничен број на кореографии. Регистрирани се неколку десетици кореографски решенија на „Лебедово езеро“ (како и на другите претстави). Но само една од овие редакции (која патем не е прва) се издвојува со тоа што е присутна во речиси сите балетски театри повеќе од едно столетие. Тоа е постановката на Мариус Петипа и Лев Иванов, премиерно изведена во 1895 година во Маринскиот театар. Со името на Иванов, но особено на Петипа се поврзуваат и другите дела, кои добиваат особена популарност и кои до денес се присутни на сцените во светот (односно претставуваат основна граѓа на групата балетско наследство). Пандан со еден ваков вид на петрифицирани претстави во драмската уметност пронаоѓаме во претставите на МХАТ со режисерските решенија на Станиславски, потоа во Берлинаре ансамблот со Брехтовите претстави и во уште неколку театри каде што одредени претстави се зачувани во нивните автентични постановки (некои поставени и пред стотина години).

Оттука може да се поентира дека претставите што имаат фиксирана кореографија и се фреквентно изведувани спаѓаат во групата на балетско наследство. Претставите од оваа група – ќе го прифатиме бројниот заклучок на Ванслов за околу дваесетина претстави, со исклучок на неколку создадени во периодот на балетскиот романтизам, при што најзначајната претстава од овој период „Жизел“ е преработена кон крајот на XIX век од Петипа – се временски создавани во распон од триесетина години (апроксимативно 1870-1900), во најголем дел од Мариус Петипа, со удел на Лев Иванов. Овие дела поради својата естетика, начин на кореографирање, имаат безвременски и универзални

вредности. Тие успеаја да создадат мостови на комуникација не само со публиката во време на нивното премиерно изведување туку низ годините, задржувајќи го интересот и одговарајќи на вкусовите на современиот гледач.

Конзервација и трансфер

Претставите од балетското наследство се изведуваат сè уште со сценски текст, кој е многу близок до оригиналниот, создаден пред повеќе од едно столетие. Прашањето за начинот на фиксација е вториот аспект, кој се отвора во оваа анализа. За разлика од особено прецизно дефинираниот знаковен систем на лингвистиката, музиката, природните науки итн., мора да се истакне отсуството на таков прецизно дефиниран знаковен систем во однос на танцот. Движењето сè уште нема усвоено универзална танцова нотација. Неколку изведувачи/кореографи се обидоа да дадат своја знаковна шифрација (Артур Сен Леон, Владимир Степанов, Рудолф фон Лабан). Овие обиди за создавање на кинетографија резултираа со запис на едно или на две дела направени како пример од самите автори за потоа сето тоа да биде лаконски отфрлено. Лабанотацијата има можеби најголем успех, таа е општоприфатена во етнокореологијата, но не и во модерниот танц, а уште помалку во балетскиот свет (Здравкова-Џепароска 2006). Кореографијата, односно танцовиот состав во балетската практика беше трансфериран преку живиот телесен апарат, односно преку кинестетичко меморирање на дадениот танцов состав. Овој специфичен начин на негово одржување, трансмисија и дисеминација е сè уште актуелен. Денес сето тоа е дополнително олеснето со технолошките помагала, односно со новите медиуми, но овој првичен, најосновен метод останува сè уште најдоминантен. Преносот преку „живи“ ланци на трансмисија секогаш го носи ризикот од прекинување, односно губење на материјалот. Тоа се случи со речиси комплетната балетска продукцијата до средината на XIX век, која засекогаш и неповратно исчезна. Крајот на векот (претставите што имплицитно и речиси ексклузивно припаѓаат на балетското наследство) донесе сосем нова ситуација, интересот што го иницираше новиот бран на балетски креации, нивната несмалена актуелност низ годините и ширењето на различни сцени овозможи нивно зачувување. Во овој случај „живиот“ начин на одржување, односно пренос на претставите (одредени нивни сегменти), овозможи задржување на релативно висок степен на автентичност.

Прашањата за третманот на овие дела, т.е. дискусиите за конкретни практични постапки се поставуваа перманентно, но како што изминуваше времето тие сè повеќе се интензивираа(т). Особено се актуелни дилемите за приодот кон овие фиксирани, конзервирани дела. Тоа е условено од самиот кореографски текст и тука е потребно да биде про-

анализиран начинот на структурирање, односно присуството на различни танцови/движечки модалитети. Сложеноста на организмот на танцовата претстава можеше да се забележи и во однос на текстот Т каде беше констатирана дихотомија. Кореографскиот текст на делата од класичното наследство поседува два слоја (Здравкова-Џепароска 2003), тоа се танцовите делови (кои драматуршки го запираат дејството) и деловите што помагаат да се пренесе приказната (pas d`action). Овие вторите, во делата кон кои реферираме се решени преку нетанцови средства (најчесто пантомима). Драматуршките линии на танцовиот и дејствениот развој не само што не се преклопуваат туку пројавуваат самостојна, некогаш дијаметрално различна организација. Анализирајќи ги драмските ситуации во балетот „Рајмонда“, театрологот Карп забележува „Во третиот чин нема ниту претензии за дејство. Се прикажува свадбата и во центарот е поставено големото унгарско класично па, кое само по себе е самостојна танцова слика“ (Карп, 1980:95). Она што Карп го нотира и го коментира за балетот „Рајмонда“, всушност, е присутно во сите позначајни дела. Тоа се големите танцови блокови, кои ја развиваат и ја структурираат танцовата драматургија преку низа на канонизирани форми и ја стопираат сижејната линија. Доколку го земеме како пример „Лебедово езеро“ во белите чинови, особено во вториот, речиси минимално се придвижува дејството, односно тоа може да биде претставено со кус говорен/пишан текст. Но овие чинови се кореографските врвови, т.е. кулминациски точки. „Зачувувањето на кореографското наследство треба да се претстави на нашата сцена во сета своја убавина – во тоа всушност се пројавува духот на современоста. Делата треба да бидат живи, а не мртви, проткаени со духот на времето, со потреба од творечко репродуцирање, а не занаетчиско копирање“ (Ванслов 1980: 107). Забелешката што ја прави Ванслов е кодот/клучот за третман на овие дела. Тенденцијата на зачувување на деловите што им припаѓаат на танцовите целини наметнала нивна петрификација. Но тоа никако не подразбира „музејска конзервација“ на комплетната кореографска партитура, туку единствено на танцови корпуси. За разлика од XIX век кога најголемиот број на овие дела се поставени, тенденциите на балетот во XX век се потиснување на паралелните изразни сфери и нивна конверзија со чисто танцов состав. Со други зборови се одвива процес на замена на пантомимата со танц. Во овој правец оди и забелешката на композиторот Асафјев (самиот автор на неколку балетски дела) напишана во книгата *За балетот*: „Новата постановка на ‘Лебедово езеро’ поставена во ГАБТ (Државниот академски Бољшој театар во Москва – авторска забелешка) е практично зачувување на класичното наследство. Основна цел е зачувување на најдоброто од постановката од 1895 год. и отстранување на сè што е застарено: пантомимните делови, кои совршено ја обесмислуваат, обременуваат романтичната приказна“ (Асафьев 1974: 189). Како на-

доврзување на зборовите на Асафјев, актуелната ситуација потврдува дека вториот и *pas de deux* делот од третиот чин речиси неизменети се изведуваат насекаде во светот, за разлика од другите делови каде што има многу различни варијанти. Постапките на измени се со цел да се постигне осовременување на делата, полесна комуникација и задоволување на естетските норми и потреби на аудиториумот.

Слободата односно ограниченоста да се интервенира во кореографската текстура е посредно условено и од правниот статус на делата иницран од регулацијата на авторските права (но овој сегмент поради обемот на статијата ќе остане надвор од анализата). Повторно навраќајќи се кон изложените функционални односи констатираме одредени закономерности. Делата што се наоѓаат под строга контрола, односно кои подлежат на законската регулатива за правата на сопственост, текстот на претставата означен со П мораат да го зачуваат во идентична непроменета форма. При овој принцип на пренос се внимава не само идентично да се пренесе кореографијата туку да нема ниту минимални отстапувања во однос на костимографијата и проследувачките сценски системи. Тоа условува прецизен и особено педантен однос од една страна, но го ограничува просторот за прилагодување и потребна измена, што е случај со балетското наследство. За разлика од тоа, делата од балетското наследство останаа во еден своевиден отворен простор – широко јавно достапен и без лимитирачки ограничувања. Тоа ѝ даде виталност и агилност на кореографската содржина на претставите од балетското наследство, а со тоа тие само ја зголемија и ја засилија својата актуелност.

Целта на овој текст е да отвори прашања околу балетското наследство и да даде осврт на параметрите што се имплементираат, односно на алатките за одредување на содржината на оваа специфична и уникатна група. Освен тоа, поради природата на третираната материја направена е структурална сепарација на составните елементи на претставата во целина, но и на нивоата што се поврзуваат со сценската изведба, односно нејзината носечка траверза – кореографијата. Прашањата за авторството, длабинската анализа на самиот кореографски текст, евентуалната компаративна студија за местата на уметничка интервенција останува надвор од опсегот на даденото истражување и претставуваат потенцијална тема за некој друг текст, односно иницијален импулс за понатамошни истражувања насочени кон балетското наследство.

Користена литература

Асафьев, Б.1974. *О балете*. Л.: Музыка.

Ванслов, В.1980. *Статии о балете*. Л.: Музыка.

Здравкова-Џепароска, Соња. 2003. *Драматургија на балетско творештво*. Скопје: Факултет за драмски уметности.

Здравкова-Џепароска, Соња. 2006. *Историја и теорија на танцовата уметност*. Скопје: МИ-АН.
Карп, П.1980. *Балет и драма*. Ленинград: Искусство
Kowzan, T. 1968. "The Sign in the Theater: An Introduction To the Semiology of the Art of the Spectacle", *Diogenes*, 16(61): 52-80.
Ubersfeld, An. 1982. *Čitanje pozorišta*. Beograd: Vuk Karadžić.

Sonja ZDRAVKOVA DJEPAROSKA

BALLET HERITAGE: CLASSIFICATION, COMPOSITION AND CHARACTERISTICS

Summary: The aim of this article is to define the legacy of ballet. This text is dealing with the concept of this category, its content and characteristics. The main structural division is connected with the text and performing text — choreography. It is important to underline that the most important ballet performances — such as "Swan Lake", "Sleeping Beauty", "Le Corsaire", "Raymonda" (which are part of ballet repertory worldwide) — are connected with a particular time frame (end of 19 Century) and with names of choreographers Marius Petipa and Lev Ivanov. Their choreographic ideas and constructed dance aesthetics revealed universal and timeless values that still communicate with contemporary audiences.

Викторија КОЛАРОВСКА-ГМИРЈА
Факултет за музичка уметност
Скопје, Македонија

ЛИТЕРАТУРНИТЕ ИЗВОРИ ВО ТВОРЕШТВОТО НА СЕРГЕЈ ПРОКОФЈЕВ

Апстракт: Во предложениот труд се разгледуваат литературните извори во музичките дела на еден од најголемите композитори во историја на музиката, Сергеј Прокофјев (1891-1953), според епохата, земјата и јазикот, тематиката, литературниот правец и други карактеристики. Од особено значење е прашањето на условеноста на нивниот избор со индивидуалните својства на композиторовата творечка личност, но и со тенденциите на интелектуалниот и на духовниот живот во одредени општествено-историски услови, односно во епохата на големите и драматични историски пресврти и естетското „разногласје“.

Клучни зборови: Прокофјев, литературни извори, музичко творештво.

Годинава се одбележуваат 130 години од раѓањето на Сергеј Прокофјев – еден од најголемите композитори во музичката историја и безусловен музички генија на XX век. Покрај огромниот број дела во областа на „чистата“ апсолутна музика (симфонии, инструментални концерти, камерни ансамбли, сонати за различни инструменти и др.), Прокофјев цел живот создавал дела непосредно врзани или инспирирани од зборот – поетскиот, прозаичниот, туѓиот, сопствениот.

Листата на делата на Прокофјев содржи голем број композиции поврзани со текст или со одредено литературно сиже: оперите и балетите, ораториумите и кантатите, соло песните и таканаречените „масовни песни“ својствени за советската музичка култура, музиката за филм и драмски претстави. Евидентирани се над 50 автори на текстовите и на литературните сижеа, кои припаѓаат на различни епохи, земји, стилови, јазични подрачја (Шлифштейн 1961: 622-626). Врз изборот на литературните извори делуваат како субјективни фактори – сопствените литературни претпочитувања и соодветноста на творечко-музичките идеи, така и објективни фактори – влијанието на општествените настани и идеи. Разгледувањето на овие извори дава комплексна слика на творечките потраги на Прокофјев во трите периоди на неговата творечка биографија – рускиот, странскиот и советскиот.

Едно од првите забележителни дела на Прокофјев, чијшто творечки потенцијал се појавил многу рано, е неговата опера *Великан* – комплетен производ на 9-годишниот автор, кој покрај музиката, го напишал и сценариото засновано на типични оперски „перипетии“, и либретото. Активното учество во пишување на текстуалниот дел на операта и натаму останува својство на неговиот творечки процес. Во детските години создава и други опери: *На празните острови*, исто така, на

сопствено сиже и либрето, а следните две – веќе врз „сериозни“ сижеа од уметничката литература. *Гозба за време на чумата,* според една од „малите трагедии“ на Пушкин, е особено интересен пример за творечкото ривалство со професионалниот композитор Цезар Кјуи, а *Ундина,* според поемата од Ламот-Фуке во препев на Жуковски, е едно од распространетите оперски сижеа. Така детскиот свет на Прокофјев постепено му отстапува простор на „вистинскиот“ предизвикувачки свет на професионалното музичко творештво.

Рускиот период (1904-1918), почнувајќи со запишувањето на Петербуршкиот конзерваториум, бележи исклучително значајни дела од различни жанрови и навестување на замислите реализирани подоцна.

Прокофјев се насочува на сижеата со силни и контрадикторни карактери и „кобни“ страсти. Операта *Мадалена*, заснована на драмата на барон Ливен (уметничко име на поетесата Магда Ливен-Орлова), со приказна за љубовен триаголник околу фатална жена, долго време останала неизведена, додека следната, *Коцкарот*, подолг период била силна творечка преокупација на Прокофјев. Романот на Достоевски, прочитан во еден здив, веднаш се доживеал како извонредно оперско сценарио, со одредени „точки на совпаѓање“ со животните околности на Прокофјев, созвучност како со внатрешниот свет на композиторот така и со атмосферата на исчекување на некакви потреси со несигурна иднина. Сето тоа е преточено во главниот симбол на романот и на операта: игра, случај, судбина, која не зависи од рационалните човекови планови и усилби. Читајќи го *Коцкарот*, Прокофјев добива идеја да напише автобиографија (Прокофьев 2002а: 370-372).

Во овој период Прокофјев е опкружен со поезијата на Сребрениот век, која многу влијаела врз руската музика, придонесувајќи за создавање нови жанрови – пред сè „стиховите“, односно „стиховите со музика“, со тоа делувајќи врз музичкиот јазик и вокалната интонација. За Прокофјев, контактот со оваа поезија преку камерните вокални дела, во голема мера придонел за откривање на сопствениот лирски глас, наспроти неговата воспоставена но еднострана и површинска репутација на музичкиот *enfant terrible*. Различни гранки на лиризмот – магијата на егзотичните баења кај Баљмонт, рафинираниот психологизам на женската душа преку поезијата на Ахматова – наоѓаат свој препознатлив музички израз, којшто Прокофјев го негува и го потенцира во анализата на сопствените творечки правци (Прокофьев 1961: 149). Кон оваа група дела припаѓа и уште една иновативна креација на Прокофјев: музичката бајка *Грдото пајче* врз прозаичен текст од Андерсен.

Со идејниот круг на Сребрениот век е сврзана и исклучително значајната тема на руското „скитство“ – погледот во праисторијата, но и еден од моментите на спротивставувањето со Европа: „Скитите“ и „Азијатите“ како претходници на Русите и на рускиот карактер. Оваа

тема се појавила во видокругот на Прокофјев благодарение на неговиот контакт со генијалниот менаџер и промотор на руската култура во свет, Сергеј Џјагилев. Неостварената идеја за балетот *Ала и Лолиј* резултирала со создавање на иновативното симфониско дело *Скитска суита*. Мистичната експресија на праисторијата се јавува и во кантатата *Седуммина се*, напишана врз стиховите на Баљмонт, кои претставуваат превод на старата магична заклетва од Блискиот Исток. Во овие дела на свој начин се одразило насетувањето на грандиозните општествени потреси, кои ќе следат сосема наскоро и ќе го превртат животниот тек и на поединците и на целото човештво.

Од Џјагилев е инспирирана и националната руска тема во балетот *Бајка за шутот* според народната бајка од зборникот на Афанасјев. Прокофјев кажувал дека тогаш неговата музика сосема природно, сама од себе, без цитирања и без намерни стилизирања зазвучела на руски начин (Прокофьев 2002a: 563; Прокофьев 1961: 152).

Странскиот период (1918-1935) донесува помалку дела сврзани со текстот. Покрај продолжување на работата на *Коцкарот*, Прокофјев ја реализира оперската замисла, советувана уште во Русија од страна на Мејерхолд: *Љубовта кон трите портокали* според бајката на Карло Гоци, во соработка и по нарачка на Чикашката опера. Скерцозноста и ексцентриката го прават музичкиот свет на оваа опера спротивен на *Коцкарот*, но и на наредното оперско остварување – *Огненио ангел*, според романот-мистификација на Валериј Брјусов, во кој преку средновековното сиже и стилизираниот јазик е прикажан реалниот љубовен триаголник на самиот писател, поетот Андреј Белиј и Нина Петровскаја. И оваа опера се создава во подолг временски период, паралелно со преработката на *Коцкарот*, со што самиот композитор е вдлабочен во надреалистично-експресионистички свет на мрачни приказни, контрадикторни ликови и трагични судбини. Во исказите на композиторот се чувствува извесен замор од овој тип содржина, особено со оглед на неговото запознавање со филозофијата на *Christian Science*, како и размислувањата за новиот оперски стил (Прокофьев 2002b: 579).

Балетското творештво во тесна соработка со Џјагилев оди во друга насока: кон сижеата, кои не се потпираат врз литературните извори туку се измислени од кореографот и во извесна смисла се „секундарни“. Но меѓу нив е балетот *Блудниот син* на познатата парабола од Библијата.

Советскиот период (1936-1953) од аспект на литературните извори е најбогат и разновиден, како според музичките жанрови така и според сижеата и нивната насоченост. Прокофјев се враќа во СССР со намера да се вклопи во тамошниот живот, култура, музичката „општествена нарачка“. Таквата интенција се совпаѓа и со неговите поодамнешни размислувања за трансформација на сопствениот стил

во правецот на, како што самиот формулира, „новата едноставност“ во која професионализмот и внатрешната сложеност и комплексност на музичките средства дијалектички се спојува со пристапноста и можноста да биде разбрана од најшироките слушателски „маси“ (Прокофьев 1961: 190).

Во потрага по оперските сижеа Прокофјев ги истражува можностите на новата советска литература. На таа линија се оперите *Семјон Коткo,* според новелата на Валентин Катаев *Јас сум син на работниот народ* за настаните од Граѓанската војна и германската интервенција во Украина, и *Новелата за вистинскиот човек,* според истоименото дело на Борис Полевој, во која станува збор за реалниот лик – пилот со ампутирани нозе, кој сепак успева повторно да се врати на летањето и да стане воен херој.

Сосема друг „пол“ на оперската уметност е претставен во операта *Веридбата во манастир* според комедијата на Шеридан третирана како класична комична опера со елементи на „ретро“ стилизација на друга временски и просторно оддалечена култура.

Главното оперско остварување на Прокофјев, неговото животно дело е операта *Војна и мир* врз грандиозниот еп на Лав Толстој. Не помалку грандиозниот оперски еп се создавал за време на Големата татковинска војна како дело од државно значење, под будно око на бројни советници и надзорници, кои ја следеле, пред сè, народно-херојската линија: таа требало да биде симболично созвучна на актуелната состојба на „светата народна војна“ со светското зло – фашизмот.

Разновидни се и балетските сижеа што ги обработува Прокофјев. Централно место му припаѓа на балетот *Ромео и Јулија,* кој се впишал во контекстот на специјалниот интерес кон Шекспир во СССР, односно кој тежнеел да стане дел од новиот советски „канон“ во кој има простор и за дејците од минатото (Лагутина 2017).

Балетот *Пепелашка* се базира врз бајка, што е типично за овој жанр. Прокофјев го промовира рускиот поттекст на бајката кој е повеќеслоен: од една страна, народното сиже за Црнушка, кое се сретнува кај Афанасјев, а од друга страна, „Русија-Европа“ низ призма на Елизаветинскиот период, потврдувајќи ја оваа интенција со исказот: „Неопходно е да се направи руска Пепелашка од Елизаветинските времиња“ (според Перхин 2016: 153).

Последниот балет на Прокофјев, *Сказна за каменото цвеќе*, според неколкуте *Уралски сказни* од Павел Бажов, исто така содржи преплетување на повеќе линии и поттексти. Покрај ликовите преку кои се реализира познатиот мотив на уметникот обдарен од надмоќните сили и растргнат меѓу љубовта на обичната девојка и волшебничката, се наѕира и своевидниот лик на самиот Урал – регион познат по подземните и надземните природни богатства и со посебните силни карактери на луѓето што живеат таму.

Тематиката на драмските претстави и на филмовите за кои Прокофјев создавал музика, исто така, го одразува градењето на советскиот канон. Шекспировата линија продолжува со претставата *Хамлет*, а не помалку значајно е и одбележување на 100-годишнината од смртта на Пушкин во 1937 г., во кое Прокофјев учествува со музиката за претставите *Евгениј Онегин*, *Борис Годунов* и *Египетските ноќи*, како и за филмот *Пикова дама*. Дел од овие проекти останале неостварени, но композиторот својата задача ја извршил. Повторно во „творечкиот натпревар“ со претходниците – Чајковски и Мусоргски – Прокофјев создава оригинални музички нумери.

Не случајно и првиот голем зафат на Прокофјев во СССР во 1933-34 г. била музиката за филм – „за нас најважниот од сите видови на уметноста“ (Луначарский 1925). „Ние“ во овој честопати цитиран исказ се болшевиците – претставници на новата власт и идеологија, која треба да го преобрази светот и да создаде „нов човек“. Тука се јавува мошне парадоксална ситуација соодветна на ироничниот и независен дух на Прокофјев: навидум историски, а всушност надреалистичен филм *Поручникот Киже*, според новелата на Јуриј Тињанов ја исмејува бесмислената бирократија од времето на Павел I во многу нешта слична и на актуелната во СССР. Но во потполна мера очекуваната „воспитна улога“ на филмот се реализира во двете филмски дела на големиот Сергеј Ејзенштејн во кои се создава советскиот „историски канон“: *Александар Невски* и *Иван Грозниј* – историски ликови, кои требало да бидат прикажани како егземпларни владетели-бранители на татковината и на православната вера, собирачи на руските земји и обединувачи на државата. Во филмовите се постигнува и совршената соработка со композиторот, чијашто музика станува органски дел од драматургијата и монтажата. Врз музиката за *Александар Невски* композиторот создава самостојна кантата на текстот од поетот Владимир Луговској и свој сопствен текст. Советската поезија се појавува и во други дела на Прокофјев, пред сè во духот на таканаречената советска „масовна песна“ со тематиката на секојдневниот живот, детскиот свет, воените борби, но и во крупните дела – кантати и ораториуми.

И, можеби, најголемиот куриозитет во однос на литературните извори е кантатата *Кон 20-годишнината на Октомври* создадена на текстовите од Маркс, Ленин и Сталин. Долго време неизведена и доживеана како двосмислен експеримент, таа станала споменик на моќта на композиторот, кој знае да го „натера“ кој било текст музички да звучи (Заворохина 2016: 364). Тоа се однесува и на уште една Прокофјева јубилејна посвета – *Здравица* во чест на годишнината на Сталин, создадена на (квази)фолклорни текстови на неколку јазици, во чијашто музика, слично на идеализирано-митологизираните текстови, се доловува идеалниот, „етерен“ свет и продуховено лирско расположение.

Прегледот на главните насоки во изборот и третманот на литературните извори во творештвото на Прокофјев ќе го завршиме со враќање кон темата на детството во едно од најпрочуените дела на светската музичка литература воопшто: симфониската приказна *Петја и волкот*. Јуначките доблести како моќта на дружење со животните и птиците, храброста во надмудрување на злобниот натрапник, ги поседува современиот лик – пионерот Петја. Идеолошкиот знак на „пионерството" на детето во случајов апсолутно се губи во симболиката и типичноста на сижејните линии на бајката. Затоа веќе скоро еден век огромен број деца во светот го учат јазикот на музиката според ова дело, кое го содржи комплетниот глас на Прокофјев – и говорно-текстуалниот и музичкиот.

Изнесените податоци и сознанија за литературните извори во творештвото на Прокофјев укажуваат на исклучителна разновидност на изворите според епохата, јазикот, стилот и жанрот на пишување, како и на отсуство на омилени и постојани коавтори. Се согледува созвучноста на избраните текстови и нивниот третман на сопствените творечки потраги и композиторската индивидуалност. Општествените настани и „државните проекти" се јавуваат како катализатори на творечките остварувања, при што композиторот природно и неусилено ги создава нарачаните дела, а музиката ја разоткрива универзално-симболичната димензија на текстот.

Користена литература

Заворохина, Е. 2016. „«Кантата к Двадцатилетию Октября»: опыт музыкального прочтения документальных источников", *С. С. Прокофьев: к 125-летию со дня рождения. Письма, документы, статьи, воспоминания,* Москва: Композитор, 364-377.

Лагутина, И. Н. 2017. „Колхозники требуют постановок Шекспира…: шекспировский юбилей 1939 г. и деятельность М. М. Морозова в его подготовке и проведении", *Noscere est comparare: Компаративистика в контексте исторической поэтики: К юбилею Игоря Шайтанова,* М. : Изд-во РГГУ, 231–248.

Луначарский, А. В. 1925. „Беседа с В. И. Лениным о кино в 1922 г.", в кн.: Болтянский Г. *Ленин и кино.* М. – Л., 161–19 http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-kino/beseda-s-v-i-leninym-o-kino/ (пристапено на 7.11.2021).

Перхин, В. 2016. „История «Золушки»: Шестнадцать писем С.С. Прокофьева о балете (1940−1946)", *С. С. Прокофьев: к 125-летию со дня рождения. Письма, документы, статьи, воспоминания* Москва: Композитор, 151-169.

Прокофьев, С. 2002a. *Дневник. 1907-1918*. sprkfv.

Прокофьев, С. 2002b. *Дневник. 1919-1933*. sprkfv.

Прокофьев, С. С. 1961. „Автобиография", *С. С. Прокофьев. Матери-*

алы, документы, воспоминания. Издание второе, дополненное. Москва: Государственное музыкальное издательство, 13-196.

Шлифштейн, С. И. (ред.). 1961. *С. С. Прокофьев. Материалы, документы, воспоминания.* Издание второе, дополненное. Москва: Государственное музыкальное издательство.

Viktorija KOLAROVSKA-GMIRJA

LITERATURE SOURCES IN THE CREATIVE WORK OF SERGEI PROKOFIEV

Summary: A significant part of the creative work of Sergei Prokofiev (1891 - 1953), one of the greatest composers in the history of music, is dedicated to music that contains lyrics or is based on literature works: from vocal miniatures to cantatas, oratorios, operas and ballets. His interest in literature, his wide spectrum of reading topics, his own impressive talent in literature manifested in his written works (short stories, autobiography, diaries etc.) define the meaning of the word in Prokofiev's intellectual and musical life and influence his creative work. The diversity of his interests corresponds also with the wide variety of the literary sources he uses: archaic texts and fairytales, classical literature of different epochs and genres, including diametrically opposite contemporary stylistic directions. The paper is examining the literary sources in Prokofiev's music, according to epoch, country and language of origin, topic, literary genre and other characteristics. The reasoning for their choice is of utmost importance in correlation with the composer's creative personality and individual characteristics, as well as the tendencies of the intellectual and spiritual life in certain societal-historical circumstances, in particular the epoch of huge and dramatic historic turning points and the multiple “opposing voices” in aesthetics of the time.

Ольга КОЛЫШЕВА
Филологический факультет
Российского университета дружбы народов
Москва, Россия

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЫХ РОССИЯН: АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Аннотация: статья посвящена анализу реакций на стимулы «Вторая мировая война» и «Великая Отечественная война» на материале данных свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди молодых россиян, студентов филологического факультета РУДН. Цель исследования – изучение обыденного языкового сознания рядового носителя русской лингвокультуры через призму его отношения к двум важнейшим историческим событиям 20 века. Реакции на предложенные слова-стимулы предлагается распределить по семантическим группам, а их последующая интерпретация позволяет представить фрагмент языкового сознания молодых россиян относительно событий Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Кроме этого, проводится сопоставительный анализ реакций на стимулы «Вторая мировая война» и «Великая Отечественная война», выявляя сходства и различия в восприятии этих двух важнейших исторических событий через призму культурной памяти молодого поколения России.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, ассоциативный эксперимент, культурная память, семантическая группа.

Сегодня вопрос интерпретации событий Второй мировой войны (1939-1945 гг.) и Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) поднимается исследователями, работающими в разных гуманитарных областях (Hill 2017; Веллс 2020; Лойко 2020). Так, например, М.В. Веллс анализирует исторические монографии 2009-2019 гг. о Второй мировой войне, написанные на английском языке, с позиции фокуса, направленного на роль России в этой войне (Веллс 2020: 284-285). А.И. Лойко в рамках философского подхода анализирует формы исторической памяти о Великой Отечественной войне на примере семейных биографических креолизованных эссе студентов Беларуси и России (Лойко 2020: 306). Кроме этого, существуют многочисленные современные исследования в других тематических полях, построенные с использованием метода ассоциативного эксперимента (Стернин 2018; Виноградова 2013; Диланова 2019; Ufimtseva 2014) и демонстрирующие интерес к изучению наивной картины мира рядового носителя лингвокультуры.

Целью данной работы является попытка проанализировать с помощью данных свободного ассоциативного эксперимента (АЭ) отношение молодых россиян к двум важнейшим историческим событиям 20 века: ко Второй Мировой войне (ВМВ) и к Великой Отечественной войне (ВОВ). Еще 30 лет назад авторы-составители Русского ассоциативного словаря ставили перед собой вопрос: «Как мыслят русские в современной Рос-

сии?» (Русский ассоциативный словарь 2002). Мы позволим уточнить этот вопрос применительно к цели нашего эксперимента: есть ли пересечения и есть ли расхождения в осмыслении молодым поколением России этих двух общекультурных исторических событий?

Свободный ассоциативный эксперимент проводился нами осенью 2020 – весной 2021 гг. среди молодых россиян 18-23 лет, являющихся студентами филологического факультета РУДН и обучающимися по направлениям бакалавриата «Филология» и «Лингвистика». Студенты не знали, почему они участвуют в таком эксперименте и как «работает» ассоциативный метод. Важным условием являлось то, что участник мог давать реакции, представленные словами разных частей речи, словосочетаниями и предложениями. В качестве образца был предложен вариант реакций на семантически нейтральное слово «рабочий стол». Это можно увидеть в приведенной анкете.

Анкета №____

Страна:
Родной язык:
Возраст:
Пол:
Будущая специальность:
Дата заполнения:

Уважаемый участник ассоциативного эксперимента!

Познакомьтесь с инструкцией по прохождению эксперимента. У нас есть слово-стимул. Например, «рабочий стол». К этому стимулу напишите 5-10 реакций – первых пришедших в голову слов или словосочетаний. Реакции могут быть выражены словами любых частей речи, словосочетаниями и предложениями. Например:

Рабочий стол: *офис, работа, устал, нравится, удобный.*

Затем к каждому слову-реакции подберите еще 5-10 слов-реакций. Например:

Офис: *большой, мой любимый, работа, далеко, престиж, офисный планктон.*

Готовы? Тогда начинаем! Напишите 5-10 слов-реакций на следующие стимулы. Пишите, не раздумывая, первую реакцию:

Великая Отечественная война: …, …, …, …

Вторая мировая война: …, …, …, …

Напишите к каждому слову-реакции по 5 слов-реакций:

1.: 1.1. …, 1.2. …, 1.3., …, 1.4., … 1.5.

Время, отведенное на выполнение эксперимента, не должно было превышать 10 минут, студенты должны были зафиксировать первую реакцию на предложенные стимулы. Так как эксперимент проходил в период пандемии коронавируса, то студенты работали с анкетами дистанционно, а сам эксперимент проходил онлайн, во время семинара, с одновременным подключением всех студентов.

В ходе свободного АЭ было получено 84 анкеты, в которых общее число реакций на стимул «Вторая мировая война» – 420, число разных реакций – 254, был зафиксирован 1 отказ (была отправлена пустая анкета), число единичных реакций – 174, количество повторяющихся реакций – 80. На стимул «Великая Отечественная война» было получено также 420 реакций, число разных реакций – 172, был зафиксирован 1 отказ (пустая анкета), число единичных реакций – 119, количество повторяющихся реакций – 53. Как мы можем увидеть, зафиксировано достаточно большое расхождение в количестве разных (254 VS 172) и повторяющихся (80 VS 53) реакций. Наше исследовательское предположение заключается в том, что отношение респондентов к Великой Отечественной войне более направленное, в то время как отношение ко Второй мировой войне предполагает разные реакции.

Перейдем к семантической интерпретации результатов ассоциативного эксперимента. И для начала сравним наиболее частотные реакции на стимулы.

Таблица 1

ВОВ ненаправленный эксперимент	ВМВ ненаправленный эксперимент
1. победа 31	1. смерть 19
2. смерть 31	2. Гитлер 15
3. кровь 21	3. Мир 10
4. страх 20	4. Германия 10
5. голод 17	5. оружие 10
6. боль 13	6. история 9
7. солдаты 10	7. страх 8
8. родина 8	8. фашизм 8
9. ужас 7	9. победа 7
10. Гитлер 6	10. конфликт 6
11. жестокость 6	11. кровь 6
12. оружие 6	12. солдаты 6
13. слезы 6	13. СССР 6
14. горе 5	14. боль 5
15. потери 5	15. жертвы 5
16. Сталин 5	16. жесткость 5
17. танк 5	17. нацизм 5
18. блокада 4	18. потеря 5
19. ветеран 4	19. взрывы 4
20. ветераны 4	20. геноцид 4
21. Германия 4	21. голод 4
22. нацизм 4	22. люди 4
23. разлука 4	23. потери 4
24. солдат 4	24. ужас 4
25. страшно 4	25. армия 3
26. танки 4	26. бомба 3
27. 9 мая 3	27. долгая 3
28. армия 3	28. евреи 3
29. героизм 3	29. Европа 3
30. гордость 3	30. масштаб 3
31. потеря 3	31. огонь 3

32. скорбь 3 33. страдание 3 34. фашизм 3 35. холод 3	32. разруха 3 33. трагедия 3 34. фашисты 3

Как мы видим по таблице наиболее частотных реакций, в реакциях на стимул ВОВ преобладают оценочные реакции, которые выражают оценку и те эмоции, с которыми связана война в сознании молодых людей: *смерть, кровь, страх, боль, ужас, жестокость, слезы, горе*. Среди реакций на стимул ВМВ преобладают такие, которые подчеркивают, прежде всего, глобальный характер этого исторического события: *мир, история, конфликт, победа, геноцид, люди, долгая.*

Все проанализированные реакции были разделены на следующие три категории:

1. Семантические группы, сформированные из реакций на стимулы ВОВ и ВМВ:

- Эмоции и чувства, с которыми связана война.
- Оценка событий прошлого.
- Люди, жизнь которых затронула война.
- Участники войны.
- Описание врага и его идеологии.
- Места, с которыми связана война.
- События и реалии войны.
- Военная техника и оружие.
- Военные действия.
- Результат военных действий.
- Война как совместное социальное явление в культурном контексте.
- Прецедентные тексты.

2. Семантические группы, сформированные только из реакций на стимул ВОВ:

- Война как часть семейной истории.
- Война как повод для гордости.
- Окончание войны.

3. Семантические группы, сформированные только из реакций на стимул ВМВ:

- Характеристика войны / Масштаб войны.
- Временные рамки.
- Война как далекое прошлое.

Преимущественно семантические группы совпадают, однако есть некоторые различия. И здесь, как нам кажется, принципиальное расхождение в отношении к этим двум историческим событиям, которые мыслятся молодыми россиянами по-разному. ВОВ предстает событием, которое напрямую связано с настоящим *(часть семейной истории, повод для гордости),* а ВМВ является частью прошлого *(масштаб войны, далекое прошлое).* Кроме этого, а в реакциях на стимул ВОВ акцент

смещен именно на факт окончания войны (*9 мая 3, девятое мая, День Победы, наконец-то)*, в то время как ВМВ осмысляется как законченное историческое событие, имеющее временные рамки *(1939-1945, 20-й век)*.

ВОВ оценивается больше с точки зрения личного отношения к войне, оценки военных событий, более разнообразного описания врага и его идеологии. В то время как ВМВ ассоциируется именно с войной как таковой, это более нейтральное событие относительно личного отношения к нему молодых россиян. Об этом свидетельствует также наполнение семантических групп «Места, с которыми связана война», «События и реалии войны», «Военная техника и оружие», «Военные действия», которые количественно более представлены именно реакциями на стимул ВМВ. Далее рассмотрим эти смысловые расхождения на конкретных реакциях респондентов.

Как мы уже отмечали, среди реакций на стимул ВМВ преобладают реакции, связанные с конкретными событиями и реалиями. Достаточно широко представлена группа «Места, с которыми связана война»: *Германия 10, СССР 6, Европа 3, Берлин 2, США 2, Третий рейх 2, Хиросима 2, Польша 2, концлагерь 2, окопы 2, фронт 2, Америка, Англия, Западный фронт, Ирландия, Китай, Перл-Харбор, Рейхстаг, госпиталь, концлагеря, рота, территория, океан, земля, карта, карта мира.* Наличие таких реакций подчеркивает масштабность в осмыслении событий ВМВ. А реакции, включенные в семантическую группу «События и реалии ВМВ», отражают те исторические реалии, связанные в русском языковом сознании со ВМВ*: геноцид 4, газ, гестапо, СС, Советско-Финская война, Версальский договор, блокада, капитуляция.* Семантические группы «Военная техника и оружие» *(оружие 10, бомба 3, бомбы 2, танк 2, танки 2, самолет 2, самолеты 2, боеголовки, военная техника, ядерное, ядерное оружие, флот, железо, металл, поезда)* и «Военные действия» также подтверждают масштабный характер военных действий: *конфликт 6, взрывы 4, огонь 3, взрыв 2, битва 2, бой 2, объединение 2, сражения 2, атака, баталия, бойня, вторжение, высадка, конфликты, рухнуть, сражение, ранить, столкновение, налет, стрельба, стрелять, противостояние, удар, переворот, защита.*

ВМВ осознается событием из далекого прошлого *(история 9, конец 2, давно, тогда, старый, прошло, прошлое, предки, случай, не повторять, исход, всемирная история*) с четкими временными рамками (*сентябрь 2, 1 сентября 1939 год, 1939 год, 1939-1945, 20-й век, 39).* Количественно достаточно мало реакций, демонстрирующих отношение к войне как важному социальному явлению в современном контексте: *учебник 2, учебник истории, школа, фильмы, урок, тетрадь, текст.* А вот реакций, передающих масштаб ВМВ, много: *масштаб 4, долгая 3, глобальность 2, глобальный 2, ненужность 2, много 2, политика 2, межнациональная, масштабная, ужасная, некрасиво, выгода, серый,*

серо, плохо, сложнее, холод, всеобщность, давление, делить, длинный, договор, долго, другая, мировая, много стран, огромный, тяжелый, тяжесть, страшная, страшно, незнакомая, неожиданность, неоправданный, планета, опасный.

Обратимся к реакциям на стимул ВОВ, демонстрирующим более эмоциональное отношение к ВОВ. В целом, зафиксировано преобладание отрицательных эмоций в качестве реакций на данный стимул: *страх 20, боль 13, ужас 7, ужасы, всепоглощающий ужас, жестокость 6, горе 5, скорбь 3, слезы 5, ненависть.* При этом также встречаются немногочисленные лексические единицы, описывающие положительные эмоции и чувства, связанные с войной: *надежда 2, вера, сила, воля к победе, отвага 2, доблесть, жертвенность, самоотверженность.*

Большую группу представляют реакции, обозначающие результат военных действий: *победа 31, смерть 31, кровь 21, голод 17, смерти 2, разлука 4, потери 5, потеря 3, разруха 2, беда, разрушение, разрушения, рушить, бедность, кровопролитие, завоевание, ранения, убийство.* Это позволяет сделать вывод о том, что для молодого поколения ВОВ – это важное историческое событие, которое имеет свои последствия.

Великая Отечественная война – это также совместное социальное явление в культурном контексте, то, что до сих пор объединяет людей разных поколений: *фильмы 2, Бессмертный полк, вечный огонь, парад, школа, конкурс, песня, военные песни, песни, поэзия, стихи, стихотворения, литература, письмо, дружба народов, глупые классные часы.* Отношение к Великой Отечественной войне сквозь призму настоящего проявляется в представлении ее как части семейной истории: *ветеран 4, ветераны 4, память 3, семья 3, дом 2, дед, дедушка, бабушка, прадеды, родственник, старики, семейное древо, семья, прошлое, будущее, время, деды, прадед, мать.* Однако, несмотря на понимание того, что война – это историческое событие, она по-прежнему является для молодых россиян поводом для гордости: *победа 18, родина 8, подвиг 6, герои 4, героизм 3, гордость 3, любовь к Родине 2, благодарность, марш, День Победы, патриотизм, герой, геройство, мир, отчизна, сила народов СССР, сплоченность, тяжелая Победа, ценой собственной жизни.*

Заключение

Цели, которые мы ставили перед собой перед проведением ассоциативного эксперимента, как нам представляется, были достигнуты. Работа с реакциями на стимулы «Вторая мировая война» и «Великая Отечественная война» и их последующий анализ позволяют сделать следующие выводы.

Вторая мировая война не ассоциируется у молодых россиян с настоящим. Для молодого поколения – это далекое, «законченное» прошлое, масштабное мировое и историческое событие.

Великая Отечественная война является частью семейной истории, примером преемственности поколений, поводом для гордости и памяти. В русском языковом сознании именно Великая Отечественная война связана с настоящим.

Кроме этого, полученные реакции позволяют сделать вывод об опосредованном восприятии этих исторических событий молодыми россиянами, обладающими знаниями о них из вторичных источников: художественных и документальных фильмов, учебников истории, литературы.

Необходимо заметить, что лексические единицы могут принадлежать к одной или нескольким семантическим группам, как, например, реакция *победа* может считаться частью групп «Результат военных действий» и «Война как повод для гордости». Поэтому, смеем предположить, что границы семантических групп и их состав могут вызвать дискуссию у читателей данной статьи. Часть реакций оказалось невозможным включить в выделенные семантические группы *(грязь, заражение, суд, цель, черный, экономика, ждать, расизм, революция, сотрудничество, спорить, споры, ожидание, помощь, предательство, пыль, обложка, красный, интересы и др.)*. Кроме того, необработанным остался большой массив данных: вторичные реакции на каждую первичную реакцию на стимулы ВОВ и ВМВ. Надеемся, что эти данные станут материалом в следующих научных исследованиях, как эта статья стала продолжением работы по анализу данных направленного ассоциативного эксперимента и реакций на слово-стимул «Великая Отечественная война» (Колышева 2021).

Использованная литература

Веллс, М.В. 2020. „Проблемы интерпретации Второй мировой войны в современной англоязычной историографии“, *Великая победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность*. Сборник научных статей. Екатеринбург: Сократ. 284–285.

Виноградова, О.Е. 2013. „Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова“, *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена* 161. 66–73.

Диланова, Э.А. 2019. „Метафорический потенциал сленгового языка молодежи: некоторые результаты пилотного эксперимента“, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика 4*. 871–878.

Колышева, О.Н. 2021. „Война в языковом сознании молодых россиян: ассоциативный эксперимент“, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика 2*. 339-358.

Лойко, А. И. 2020. „История Великой Отечественной войны в семейных биографических эссе студентов Беларуси и Урала“, *Великая победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная без-*

опасность. Сборник научных статей. Екатеринбург: Сократ. 306–309.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. 2002. / Ю.Н.Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. М.: Астрель; АСТ.

Стернин, И.А. 2018. *Исследование значения как феномена языкового сознания.* Алматы: КазУМОиМЯ имени Абылай хана, издательство «Полилингва».

Hill, A. 2017. *The Red Army and the Second World War.* Cambridge: Cambridge university press.

Ufimtseva, N.V. 2014. "The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World", *Procedia. Social and Behavioral Sciences 154.* 36–44.

Olga KOLYSHEVA

WORLD WAR II IN THE MIRROR OF CULTURAL MEMORY OF YOUNG RUSSIANS: ASSOCIATIVE EXPERIMENT

Summary: The article is dealing with the analysis of reactions to the words "World War II" and "Great Patriotic War" using the data of the free associative experiment, conducted among the young Russians, students of the Philology Department of the RUDN University. The aim of the research was to study the linguistic consciousness of the ordinary Russian speaker through the prism of his attitude to the two most important wars of the 20th century.

The analysis and semantic interpretation of the reactions to the words "World War II" and "The Great Patriotic War" allow us to make the following conclusions. Young Russians do not associate World War II with the present. For the younger generation it is a distant, "finished" past, a large-scale world and historical event. The Great Patriotic War is part of family history, an example of intergenerational continuity, an occasion for pride and memory. In the Russian linguistic consciousness it is the Great Patriotic War that is connected with the present.

Евгения ПАВЛОВА
РГГУ, Москва

ИЗМЕНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОЙ И МАКЕДОНСКОЙ СЕМЬЕ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО И ОБЗОРНОГО МАТЕРИАЛА)

Аннотация: В статье проводится сравнение и сопоставление концепта «семьи» в русском и македонском языках. Используется исследование Л.Л.Федоровой о русской семье «Штрихи к портрету семьи в русском языковом сознании», которое имеет предварительный характер и определяет основные штрихи современной семьи, а также часть магистерской работы Е.Павловой на тему: «Традиционные представления о семье, отраженные в македонских паремиях и фразеологии и их изменение». В Исследованиях используется схема, разработанная в рамках проекта EUROJOS, которая предполагает анализ словарных данных, анализ корпусных (текстовых) материалов и анкетирование молодежи. Представления о семье у русских и у македонцев похожи, но есть и существенные отличия, с помощью которых можно охарактеризовать своеобразие этого концепта в обеих культурах. Во-первых – это несоответствие при определении концепта семьи, касательно ее размера и состава, во вторых, иерархия признаков и аспектов, определяющих семью в когнитивной дефиниции. Результаты исследования показывают новые тенденции, характерные и для русской, и для македонской семьи: больше равенства между членами семьи, личной свободы, развития индивидуальности и т.д., однако данные параметры в обеих культурах занимают разные места.

Ключевые слова: семья, EUROJOS, анкетирование, представления, сравнение.

Введение

Цель данной работы – сравнить концепты «семья» в русском и в македонском языках (используя семантический анализ лексикографического материала), а также зафиксировать изменения при определении этого концепта, диктуемые современной жизнью (анализ ответов проведенных опросов).

Первый раздел данного исследования посвящен лексикографическим представлениям. Просматривается этимология слов, обозначающих «семью», анализируются данные современных толковых словарей, а также семантическое поле и слова, входящие в него в русском и в македонском языках.

Второй раздел посвящен материалам анкетирования русской и македонской молодежи. В качестве основы взяты вопросы, которые представлены в обоих исследованиях: «*Кого Вы считаете членом своей семьи?», «Что такое типичная современная семья и чем она отличается от традиционной?» и «В чем сущность понятия семья, по Вашему мнению? Что такое настоящая семья?*»

В третьем разделе проводится сравнение полученных когнитивных дефиниций на основе ответов проведенных опросов. В них мы ищем

разницу в иерархии, а заодно и в представлениях о семье и семейных ценностях у русских и у македонцев.

В четвертом разделе мы приводим заключение нашего исследования, еще раз обращая внимание на сходства и различия русской и македонской семьи.

1. Лексикографические представления

1.1. Этимология

В русском языке существуют два слова, определяющих семью: *семья* и *семейство.* Согласно Словарю Академии Российской 1794, *семья* – это муж, жена и дети вместе взятые, а родственное слово *семейсѿво* трактуется как: "в одном доме живущие и родством соединенные, напр: *Многочисленная семья, Купить семью людей, Вступить в хорошее семейство*" (цит.по Федоровой, 2019:86). В македонском языке употребляются слова *семејство и фамилија.* Они синонимичны, но наблюдаются некоторые нюансы в значениях. По словам Б.Ивчевского, слово *фамилија* имеет дополнительное переносное значение респектабельности семьи, хорошего рода, происхождения (напр: *Ако сакаш да се жениш, ѿоѓаш избирај мома од добра фамилија - Если хочешь жениться, выбирай девушку из хорошей семьи*) (URL: http://www.zenitprilep.com.mk/jazicen-agol/5649-2013-09-07-20-24-02.html).

Дополнительное значение наблюдается и у прилагательного *фамилијарен*, которое, кроме основного значения обозначать все что связано с семьей, также может описывать близкие и интимные отношения (напр, *фамилијарен однос*). Такие переносные значения не наблюдаются у слова *семејсѿво*.

Что касается этимологии слов, обозначающих семью, ее можно проследить более глубоко в русском языке, чем в македонском. *др. русск. – сѣмиа 'челядь, домочадцы, семья, муж и жена'; русск, ц-слав. сѣмь 'persona' сѣмья собирательное от сѣмь 'братия'; славянское sĕтьја – территориальная общность.* Согласно «Историко – этимологическому словарю» П.Я.Черных, исходное значение лексемы *семья* – 'живущие в одном селении' и только затем – 'домочадцы'. Далее развивается более узкое понимание этого понятия, представленное прежде всего в былинах: *'дорогая моя семеюшка*' со стороны мужа (к жене), «...впоследствии супружеская пара стала восприниматься как семья» (Федорова, 2019: 87).

В македонском языке слово *фамилија* имеет латинское происхождение. Оно, скорее всего, вошло в употребление через греческий язык. Существительное *семејство* появилось недавно или из болгарского, или из русского языка. Во время освобождении Македонии активно переводили с русского на македонский, и считается, что именно тогда слово *семејсѿво* вошло в македонский язык. Б.Корубин указал на книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которая была переведена в 1949 г. В то время возник вопрос о предпочтении одного из этих двух терминов, который был решен в

пользу *семејсшво*. Б.Корубин пытался найти корни этого слова в македонских говорах, но не успел завершить исследование. Он упоминает слово *семселе* – архаичное слово турецкого происхождения (сегодня не употребляется) со значением ‘род, происхождение, колено’.

1.2. Семья в современных толковых словарях

В русском языке существительное *семья* обозначает группу людей, живущих вместе и связанных родством (*обеспеченная/малоимущая/многодетная):*

1. «Группа людей состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе,

1) союз близких людей, обычно включающий мужа, жену, ребенка (детей), живущих вместе;

2) объединение людей нескольких поколений по признаку родственных отношений (РОД),

а также группу людей, связанных духовным родством:

2. «кого или какая. Группа людей, сплоченных общей деятельностью, интересами, дружбой. Школьная, офицерская семья. Живем как одна семья» (БТС 2014).

Слово *семейство*, в свою очередь:

1) отсылает к первому значению лексемы *семья*,

2) используется в систематике, классификационных системах некоторых наук (семейство злаковых). (БТС 2014).

В нетерминологическом употреблении лексемы *семейство* можно отметить оттенок патриархальности, предполагающий большое число ее членов, широкую семью. Можно сказать *многочисленное семейство, но вряд ли скажут малочисленное семейство.* Дериват лексемы *семейство – семейственность* употребляется со значением ‘поддержка родственников, „своих“’ с негативным смыслом незаконного продвижения по службе, предоставления незаслуженных привилегий, злоупотребления властью (Федорова:2019: 89).

Из современных толковых словарей македонского языка будем брать последний шеститомный толковый словарь (2003-2014), в котором наблюдаются существенные отличия между словами *семејсшво* и *фамилија.* Как и в русском языке, так и в македонском слово *семејство* может употребляться и в прямом, и в переносном значении:

Семејсшво:

1. Основная общественная единица, обозначающая людей, связанных браком, кровным родством или усыновлением, и являющаяся одним хозяйством; фамилија. *Сиромашно семејсшво* (Бедная семья), *Земјоделско семејсшво* (Земледельческая семья). (ТРМЈ, 2003-2014)

2. (перен.) Группа или сообщество людей, для которых характерны общая деятельность, интерес, цель и тд. *Семејсшво на слободољубивише народи* (Семья свободолюбивых народов);

Также и *фамилија:*

1) (разг.) ср. семејство;

2) лица, близкие по кровному родству, происхождению; род, родственники – *Сѿара фамилија (Старая семья); Познаѿа фамилија (Известная семья); Од ѿаа фамилија излегоа многу учени луѓе* (*Из этой семьи вышло много ученых людей)*: *Тој пошекнува од скромна и чесна фамилија* (Он по происхождению из скромной и честной семьи); (ТРМЈ, 2003-2014).

3 Сообщество людей (группы, организации, партии, народы), связанных общими идеями, целями, интересами и тд. *Фамилија на мирољубивиѿе народи* (Семья миролюбивых народов);

Однако, в отличие от остальных толковых словарей, в этом словаре лексема *фамилија* приводится как разговорный эквивалент лексемы *семејство.* Как мы упоминали выше, слово *фамилија* имеет дополнительное значение респектабельности, а производное прилагательное – значение близости и интимности. Также предполагается наличие большего числа членов семьи, что сближает его с русским словом *семейство.*

1.3. Семантическое поле

В русском языке, по данным “Нового объяснительного словаря синонимов” (НОСС 2004), лексема *семья* 1, т.е. группа родственников, включена в семантическое поле лексемы *родственники* и является ее аналогом. Другие аналоги лексемы *родственники – дом, династия, фамилия, поколение, род, племя, народ,* поэтому их тоже можно рассматривать как аналоги лексемы *семья* в определенных отношениях и контекстах (Федорова, 2019: 88).

Лексема *семья* сочетается со словами: *крепкая, прочная, дружная, неблагополучная, благополучная, единая, счастливая, большая, любящая, многодетная, приличная, отдельная, молодая, городская, крестьянская, рабочая и т.д.* Большинство этих характеристик предполагает близкие и прочные отношения между ее членами, а другие – состав и благосостояние.

Прилагательное *семейный* – характеризует все, что связанно с семьей: *семейная жизнь, семейная пара, семейный праздник, семейное торжество, семейные обстоятельства, семейная ссора, драма, традиция, фотография* и тд.

В македонском языке, слово *семејсѿво* чаще всего сочетается со словами: *многубројно, блиско, селско, рабоѿничко, благородно, граѓанско, огромно, големо, бројно, среќно, многудеѿно, богаѿо, сиромашно* (многочленная, близкая, сельская, рабочая, благородная, гражданская, огромная, большая, численная, счастливая, многодетная, богатая, бедная). Часть из этих прилагательных может относиться и к переносному значению слова *семејсѿво*.

Прилагательное *семеен* также определяет все, что связано с семьей: *непријаѿелсѿво, причини, круг, живоѿ, фоѿографија, ѿајни, обврски, исѿорија, лојалносѿ, грижа, средба, судир, сосѿојба, идила, презиме* (враж-

дебность, причины, круг, жизнь, фотография, тайны, обязанность, история, верность, забота, встреча, столкновение, состояние, идиллия, фамилия).

Слово *фамилия* чаще всего сочетается со словами: *сиромашна, видна, голема, типична, богата, занаетчиска* (бедная, респектабельная, большая, типичная, богатая, ремесленная).

Видно, что слово *семејство* обладает более высокой сочетаемостью, чем слово *фамилија*. Это уже связанно и с тем, что слово *семејство* чаще предпочитается в нормированной литературной речи, чем *фамилија*.

Близко к этим двум словам слово *род*, которое прежде всего обозначает группу людей, связанных между собой по кровной линии, и относится к первоначальным сообществам (синонимичное слово – *племе* (племя), также обозначает ряд поколений, которые ведут происхождение от одного предка (синонимичное слово *поколение*). Другое синонимичное слово – *дом: Создава свој дом (*Создает свой дом), т.е дом – отождествляется с понятием «семья»).

Для переносного значения слова *дом* (‘семья’) существует и соответствующее прилагательное *домашни* во множественном числе со значением ‘члены семьи’ (родные), живущие в одном доме.

Из этого пояснения, касающегося этимологии, словарных определений и семантики слов, обозначающих «семью» в русском и в македонском языках, видно, что слова используются похожим образом, развивая подобные переносные значения (духовное родство, терминологические классификации). Однако интерес вызывают лексемы, в которых отражается традиционная картина мира русских и македонцев. Именно слова *семейство* в русском и *фамилија* в македонском помогают раскрыть суть традиционной семьи, а это в обоих случаях патриархальность и наличие большого числа членов семьи. Далее рассмотрим, как эти слова трактуются молодежью на материале опросов.

2. Современные представления русской и македонской молодежи о семье (анкетирование)

2.1. Основные данные опросов

В анкетировании русской молодежи, которое проводилось Л. Федоровой, приняли участие 90 человек. Это в основном студенты 18-30 лет, средний возраст которых 20-21 год, преимущественно гуманитарных специальностей (80%); среди них 75% женщин. Большинство проживает вместе с родителями (70%) (Федорова, 2019:92).

В анкетировании македонской молодежи участвовало 70 человек. Возрастная рамка 12-50 лет. Большинство респондентов – молодежь 18-30 лет, это 84,3% (всего 59 человек); 74,3% – респонденты женского пола. На вопрос о специальности были получены разные данные, но самый большой процент респондентов – 44,3% – указали «другое» в качестве их профессии; 52,9% респондентов живет с родителями.

Далее приведем анализ нескольких вопросов, которые были заданы и русской и македонской молодежи, и ответы на них, полученные во время анкетирования.

2.2. Какой состав Вашей семьи? Кого Вы считаете членом своей семьи?

Данный вопрос помогает нам лучше понять, как молодежь воспринимает семью и какие факторы здесь учитываются при определении того, кто является членом семьи, а кто нет.

В анкетировании русской молодежи были получены следующие результаты: «Студенты, которые живут отдельно от родителей, определяли свою семью именно как родительскую. Небольшое количество информантов, имеющих супругов, также включали их в общую с родителями семью». В основном «…это городские семьи, примерно 50% таких, где информант – единственный ребенок (плюс несколько случаев сводных братьев/сестер), около 17% – с 3 и более детьми» (Федорова, 2019:93).

«Студенты ингода различают узкую и широкую семью; при этом в узкую могут включать бабушку, живущую вместе с родителями; в широкую семью – три поколения вместе с дядями, тетями, двоюродными братьями и сестрами. Ближайшую семью (родители и братья/сестры) назвали меньше половины участников (42%); больше половины включали в состав семьи более отдаленных родственников (бабушку, тетю, двоюродных братьев, сестер и проч.) на таких основаниях: живут вместе, поддерживают близкие отношения, часто общаются (тогда можно было бы говорить о расширенной семье)» (Там же: 93).

Некоторые респонденты в состав семьи включали и не родственников:

(4) *Отец, жена отца, сводная сестра, бабушка,* ***2 лучших друга*** (Там же:93).

11% респондентов отметили наличие супруги/супруга, ребенка, однако обычно их не разделяют с семьей родителей:

(7) *Муж, дочь, мать, сестра и брат* (Там же: 94).

В составе ближайшей семьи часто (11% участников) упоминали и домашних питомцев: котов, собак:

(13) *Оба родителя и кот* (Там же: 95).

Из анкетирования македонской молодежи видно, что, несмотря на то, что часть из респондентов живет отдельно от своих родителей (20,3%), они продолжают считать их членами своей семьи.

(37) *Мајка ми, тато ми, сестра ми, а во иднина и брачниот партнер/деца* (мать, отец, сестра, а в будущем и мой брачный партнер).

Когда речь идет о наличии у респондентов брачной пары, то одни считают членами семьи только своего партнера и их детей, а другие, кроме них, перечисляют и родственников со стороны супруга или супруги:

(13) *Децата и сопругот* (Дети и супруг).

(14) Сопругот, синот, мајка ми, моите сестри и внуките (Супруг, сын, мать, мои сестры и внуки).

Наиболее часто респонденты считают членами семьи только близких родственников (узкая семья – мать отец, брат, сестра) – 61,4%.

(20) *Членови на моето семејство ги сметам луѓето со кои сум во крвно сродство, односно луѓето со кои сум израснала и живеам, а тоа се мојата мајка, татко, баба, дедо итн* (Членами моей семьи считаю родственников по крови, т.е. людей, с которыми я вырос и живу, а это моя мать, отец, бабушка, дедушка и т.д.).

Другие считают членами своей семьи не только близких, но и более дальних родственников (широкая семья – бабушка, дедушка, тетя, дядя, зять и тд.) – 18,5%.

(51) Секој што е во крвна врска поврзан со мене. (Каждого родственника по крови).

Пять респондентов указали на друзей в качестве членов своей семьи – 7,1%.

(45). Членовите на моето потесно семејство и моето друштво. (Члены моей более узкой семьи и мои друзья).

2.3. Что такое типичная современная семья? Чем она отличается от традиционной?

В качестве различительных признаков, определяющих современную и традиционную семью, русские респонденты указывали на: состав, роли, взаимоотношения, семейный уклад и отношение к ценностям. Современная семья отличается:

(19) – *Отсутствием ярко выраженной патриархальности, меньшим объемом обязательств по дому у детей, меньшей сплоченностью взрослых детей и их родителей* (Там же:96).

Однако некоторые не видят разницы между традиционной и типичной современной семьей.

Македонские респонденты также указывали на: образ жизни, моральные и жизненные ценности, изменения в обычаях и традициях как отличия современной семьи:

(30). *По начинот на живот* (По образу жизни)

(53). *По недостиг од почит, ниски морални вредности* (по недостатку уважения, низким моральным ценностям)

(8). *Во традиционално семејство се почитуваат и практикуваат сите традиции, па и семејниот ручек, додека современото семејство не ги запазува многу тие работи* (В традиционной семье уважаются и практикуются все традиции, в том числе семейный обед, в то время как современная семья не обращает на них большого внимания).

Несколько респондентов (4,2%) не видят разницу:

(15). *Исто е* (Это одно и то же)

Однако, как видно и из обоих опросов, и русские и македонцы считают, что традиционная и современная семья различаются, и что, с другой стороны, можно говорить о том, что меняются и ценности, которыми сегодня руководствуются семьи.

2.4. В чем сущность понятия «семья» по Вашему мнению? Что такое настоящая семья?

Ответы на оба вопроса, и в анкетировании Л.Федоровой на русском материале, и в нашем анкетировании, разделились на формальные и эмоциональные определения. Как и предполагали, респонденты на первый вопрос отвечали более формально, используя общие социологические и формальные родовые категории.

Русские респонденты в своих ответах упоминали следующие общие категории: *группа* (20%), *множество, совокупность, объединение* (3%), чаще всего просто *люди* (28%).

(29) *Семья – это группа людей, живущих вместе и обладающих культурным единством (общий опыт, общие ценности)* (Там же: 98)

Упоминались и социологические категории: ячейка общества, единица социума (11%).

(35) *Семья – ячейка общества, состоящая из нескольких (2 и более) людей, связанных друг с другом брачными, любовными, родительскими, опекунскими и иными семейными отношениями. Канонический вариант – муж, жена, ребенок.*

Часть студентов использовали менее формальные родовые категории: *союз*, *круг, коллектив, содружество, партнерство, единство* (13%). Однако, наиболее часто использовали вариант общей категории – *люди*, т.е. «…отмечено не столько единство семейного союза, сколько множественность состава» (Там же: 99).

Македонские респонденты в своих ответах упоминали такие категории, как: *заедница* (сообщество) – 14,2%; *нешто* (нечто) – 2,8%; *луѓе* (люди), *клетка* (ячейка), *группа* и менее формальный определитель *столб* (столп) – 1,4%.

(45). *Група на луѓе која се состои од двајца возрасни луѓе-родители и нивни потомци, односно нивни деца* (Группа людей которая состоит из двух взрослых людей – родителей и их потомков, т.е. их детей).

(40). *Заедница составена од родители и потомци* (Сообщество, составленное из родителей и потомков).

Наиболее часто использованной категорией является *заедница* (сообщество) – 14,2%, где отмечается общность, то, что связывает людей в одно целое: напр, *Живееме во заедница со родителите* (Живем в сообществе с родителями). Часть респондентов (10%) под семьей понимает только родителей и их детей, или коротко, узкую семью, члены которой живут вместе:

(22). *Од мајка татко брат или сестра и нивно* ***живеење во ист дом*** (Мать, отец, брат или сестра и их проживание в одном доме).

Что касается определений настоящей семьи, в обоих опросах респонденты чаще всего обращали внимание на эмоциональную и духовную связь членов семьи, отмечая, что духовное родство важнее родственных и кровных связей. Первыми отмечаются те же основные признаки: любовь, понимание и поддержка, а также уважение:

Ответы русских респондентов:

(46). *Настоящая семья – понимающие тебя люди, кровное родство здесь ни при чем* (Там же:99)

(47). *Настоящая семья не зависит от степени родства с тобой, это могут быть и не родные люди, главное, чтобы ты мог полностью им довериться* (Там же:99).

Ответы македонских респондентов:

(23). *Вистинското семејство се луѓето меѓу кои се чувствуваш сакан.* (Настоящая семья – это люди, среди которых чувствуешь себя любимым).

(35). *Заедница во која владее совршена хармонија* (Сообщество в котором имеется идеальная гармония).

В качестве заключения можно сказать, что русские чаще определяют семью как широкую, чем узкую, а македонцы наоборот. Большинство русских семьей в среднем имеют одного ребенка, а македонские семьи больше одного. Роли, состав семьи, семейный уклад, отношение к ценностям меняются и в русской, и в македонской семьях. Настоящая семья и для русских, и для македонцев – это эмоциональное и духовно связанные между собой люди

3. Эскиз когнитивной дефиниции семьи по результатам опросов

Согласно вышеупомянутой схеме исследования EUROJOS, в обоих исследованиях (о русской и о македонской семьях) предлагается когнитивная дефиниция по результатам анкетирования.

Как видно из результатов опросов, в итоговых дефинициях наблюдается разный порядок выделенных аспектов определения “семьи” в соответствии с их процентным соотношением.

На этих основаниях были предложены основные черты портрета семьи, которые могут быть взяты за основу когнитивной дефиниции русской семьи:

«Семья – это группа близких людей:

- связанных родством (происхождение, корни),
- объединенных эмоционально и духовно (отношения),
- оказывающих друг другу помощь и заботу (функции, поведение)
- живущих совместно и ведущих общее хозяйство (место и образ жизни),
- воспитывающих детей (функции, предназначение)
- (ее основа – пара, состоящая в браке) (юридические отношения)» (Федорова, 2019: 101).

А также македонской семьи:

Семесјтво (фамилија) – это:

- Сообщество людей
- основанное на отношениях любви и преданности,
- в нем акцент ставится на понимание и совместное решение проблем,

- в нем члены поддерживают друг друга и заботятся друг о друге,
- основная цель которого – постижение счастья и гармонии,
- в нем отношения строятся при совместном времяпровождении, при котором члены чувствуют себя близкими,
- имеюшее структуру ядерной семьи, составленной родителями и их детьми,
- для которого характерно совместное проживание членов в одном доме,
- в рамках которого члены чувствуют себя спокойно и безопасно,
- члены которой связаны на основе кровного родства,
- основная функция которого – передача ценностей и обмен ценностями.

Из этих дефиниций видно, что анкетированной молодежью русская и македонская семья в общем представляется похожим образом. Однако, согласно результатам, видно, что есть отличия в иерархии. Если в русской дефиниции кровное родство находится на вершине, в македонской дефиниции оно находится почти в самом низу. В последней вершину занимают именно духовные и эмоциональные отношения, в то время как структура и родственные отношения находятся ниже на шкале.

4. Заключительные замечания

На основании этого сопоставительного обзора русской и македонской семьи, исследованных согласно схеме проекта EUROJOS, можно сделать вывод о том, что в обоих языках понятие «семья» имеет неоднозначное определение. Конечно, представления о семье у русских и у македонцев похожи, но есть существенные отличия. Прежде всего, в самом толковании слов: русское слово *семейство* ближе к македонскому *фамилия,* хотя есть слово-эквивалент *семејство.*

Что касается анкетирования, рассматриваются похожие, но и различные взгляды на сущность семьи у русских и у македонцев. Судя по данным опроса, нам кажется, что русская семья более традиционна, чем македонская. Об этом говорят ответы русских, которые определяют ее как широкую семью, включая в ее состав близких родственников (бабушка, дедушка, тетя, дядя и тд.). Македонская семья в этом отношении, согласно ответам, более закрыта: ее в основном определяют как ядерную семью, состоящую из родителей и детей, указывается, что духовные отношения важнее, чем кровные связи. И, как мы сказали выше, иерархия признаков, определяющих семью в когнитивной дефиниции, отличается. В русской вершину занимают родственные отношения, а в македонской – эмоциональные и духовные аспекты. Еще раз напоминаем, что оба исследования имеют предварительный характер и для более основательных выводов требуют большего числа респондентов, а также включения других материалов, с помощью которых концепт будет освящен с других сторон.

Использованная литература

Бартминьский Е. 2019. „Leksykon aksjologiczny Slowian i ich sa˛siad´ow» – что проект содержит, на какие принципы опирается, для кого предназначен?“, *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. T. 5. Koncepty I ich profilowanie*. Lublin. 24–33 с.

Барѿминьский Е. 2019. „Об актуальных задачах этнолингвистики“, *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. T.6. Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej aksjosfery*. Lublin. 11–40.

Павлова, Е. 2021. *Традиционные представления о семье, отраженные в македонских паремиях и фразеологии и их изменение*. Магистерская работа. Москва, РГГУ.

Речник на македонскиоѿ јазик: со срѿскохрваѿски ѿолкувања, ред.: Б. Конески; том III (П-Ш), составувачи: Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. Скопје 1966. 606 с.

Толковен речник на македонскиоѿ јазик, том V (Р-С), гл. редактор Кирил Конески, ред.: Снежана Велковска, Кирил Конески, Живко Цветковски, Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. 2011.

Толковен речник на македонскиоѿ јазик, том VI (Т-Ш), гл. Редактор Кирил Конески, ред.: Снежана Велковска, Кирил Конески, Живко Цветковски, Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков. 2014.

Федорова, Л.Л. 2019. „Штрихи к портрету семьи в русском языковом сознании“, *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. *T. 5. Koncepty I ich profilowanie*. Lublin. 85–105.

Bartmiński, J. 1998. „Podstawy lingwistycznych badac nad stereotypem – na przykiadzie stereotypu matki“, *Język a kultura T.12. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne* / Red. J. Anusiewicz, J. Bartmicski. Wrocław. 63-83.

Источники

Ивчески, Б. „Фамилија - Семејство“. (Электронный ресурс). Электрон.дан. 07.09.2013. Режим доступа: http://www.zenitprilep.com.mk/jazicen-agol/5649-2013-09-07-20-24-02.html

Корпус на македонскиот јазик, (Электронный ресурс). Режим доступа: http://drmj.eu/literature (дата обращения: 23.05.2021)

Evgenja PAVLOVA

CHANGE IN TRADITIONAL FAMILY VALUES IN RUSSIAN AND MACEDONIAN FAMILIES (BASED ON THE ANALYSIS OF LEXICOGRAPHIC AND SURVEY MATERIAL)

Summary: The article compares the concept of "family" in the Russian and Macedonian language. For that case, we use the study of L.L. Fyodorova covering the Russian family, and part of the master thesis of E. Pavlova, which covers the Macedonian concept of family. Both studies use a scheme, developed within the framework of the EUROJOS project, which presupposes an analysis of verbal data, analysis of corpus (textual) materials and surveys of young people. The ideas of family in Russian and Macedonian language are similar, but there are also essential differences, with the help of which it is possible to characterize the uniqueness of this concept in both cultures. First of all, the discrepancy in the definition of the concept of the family, regarding its size and composition, and second, the hierarchy of features and aspects that define the family in the cognitive definition. The results of the study shows new trends that are typical for both Russian and Macedonian families: more equality between family members, personal freedom, the development of individuality, etc. However, these parameters occupy different places in both cultures.

Ниту еден дел од оваа публикација не смее да биде репродуциран на било
кој начин без претходна писмена согласност на авторот

ISBN 978-9989-43-471-6